

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Васильчиков Б. В. <i>Некоторые проблемы правового регулирования розыскной работы в уголовно-исполнительной системе</i>	3
Виноградов В. В. <i>Генезис факторов исправительной среды российских мест лишения свободы: аспект пенитенциарной социальной работы</i>	6
Грязева Н. В. <i>Способ совершения побегов осужденных из исправительных учреждений: проблема определения и классификации</i>	11
Девятъяров М. В. <i>Особенности расследования преступлений, связанных со взяточничеством, в системе Федеральной службы исполнения наказаний</i>	18
Ефarov М. Х. <i>Совершенствование борьбы оперативных аппаратов УИС с кражами товарно-материальных ценностей</i>	22
Казаринова Л. В. <i>Процессуальные аспекты обеспечения безопасности осужденных при получении криминалистически значимой информации при расследовании преступлений в местах лишения свободы</i>	26
Коровин А. А. <i>Некоторые направления развития российской системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества с учетом опыта европейских государств</i>	30
Кудрявцев А. В. <i>Некоторые направления повышения эффективности правового регулирования информационно-аналитического обеспечения ОРД в УИС</i>	35
Лебедев А. В. <i>Информационная поддержка процесса принятия решения во ФСИН России</i>	38
Лейкин Р. И. <i>Ведомственный контроль в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе</i>	45
Мартынов О. А. <i>Проблемы обеспечения права на жизнь и здоровье осужденных в России в свете решений Европейского суда по правам человека</i>	48
Пикина Т. В. <i>Правовое положение лиц, осужденных к лишению свободы: проблема содержания</i>	52
Протопeрей Олег Скоморох <i>Перспективы тюремного служения Русской православной церкви на современном этапе</i>	56
Тулeгeнов В. В. <i>Правовые основы административного надзора и его значение в предупреждении рецидивной преступности и криминального профессионализма</i>	60
Фомин Ю. С. <i>Особенности получения информации из систем мобильной связи при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях</i>	65
Шевелева С. В. <i>Пределы уголовно-исполнительного принуждения в рамках гендерного подхода</i>	68

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Вельш П. Г. <i>Проблема разграничения терминов «контрафактная продукция» и «альтернативные производители» при раскрытии и расследовании преступлений</i>	74
Волынский А. Ф. <i>Инновационная деятельность в криминалистическом обеспечении расследования преступлений</i>	77
Головкин Р. Б., Бобкова А. Н. <i>Некоторые особенности применения концепций в качестве средства правового регулирования общественных отношений</i>	80
Жданова М. А. <i>Соотношение злоупотребления правом и иных видов правового поведения</i>	84
Мартыненко Н. Э. <i>Правовое регулирование уголовной политики в сфере защиты интересов потерпевшего</i>	88
Медведев М. А. <i>Применение современной судебной цифровой фотографии и цифровой видеосъемки при расследовании насильственных преступлений, совершаемых военнослужащими</i>	95

Медведева В. В.	
Правовое положение заявителя на этапе приема и разрешения заявления и сообщения о преступлении	102
Меркулова А. П.	
Некоторые аспекты правового регулирования механизма реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом	106
Нагимов Р. М.	
Проблемы правоприменительной практики в области размещения государственного и муниципального заказа и пути их решения (по материалам Республики Татарстан)	111
Пожарский Д. В.	
Культура как сфера приложения охранительной функции государства: диалектика целей и пределов	115
Рузевич О. Р., Ашин Д. А.	
Криминологическая характеристика личности угрожающего и потерпевшего в преступлениях против собственности, совершаемых путем угрозы	120
Сербин М. В.	
Актуальные проблемы кодификации избирательного законодательства Российской Федерации	127
Сиверская Л. А.	
Алгоритм процессуального порядка рассмотрения сообщения о преступлении	131
Соловьев В. С.	
Социально-правовые свойства личности преступников, совершающих преступления против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних	140
Тарнавский О. А.	
Вопросы повышения эффективности способов возмещения вреда, причиненного преступлением, в рамках уголовного судопроизводства	144
Тимофеев В. В.	
Проблемы правового регулирования деятельности администрации города Байконура в условиях аренды Российской Федерацией комплекса «Байконур»	148
Тодрик В. В.	
Страховые гарантии сотруднику российской полиции: некоторые вопросы правового регулирования	152
Черевко А. А.	
Судоустройственные аспекты образования апелляционных инстанций в областных, краевых и равных им судах	156
Щеблыкина И. В.	
Транснациональная организованная преступность в сфере торговли людьми: некоторые особенности развития в Российской Федерации	161

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Биюшкина Н. И.	
Организационно-правовые мероприятия российского правительства в сфере исполнения наказаний как пресечение и превенция политической преступности в пореформенный период	168
Казаченок В. В.	
Деятельность Казанского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах	175
Лапшин А. Г.	
Политика Ватикана на Руси в XIII в.: Александр Невский и теократические устремления Иннокентия IV	181
Мамонтов В. М.	
Наказы таможенным головам в системе нормативных актов, регулирующих правоотношения в таможенной сфере Московского централизованного государства в XVI–XVII вв.	185
Ташбекова И. Ю.	
Проблемы образования населения Российской империи второй половины XIX – начала XX в. (историко-правовой аспект)	189

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Арефьев А. Ю.	
Особенности оперативно-розыскного предупреждения преступлений в уголовно-исполнительной системе: различные подходы	194

E-mail наших авторов 198

Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института» 199

Анкета автора публикации и оператора персональных данных 200

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

УДК 343.102

Б. В. Васильчиков,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

B. V. Vasilchikov,
*applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЗЫСКНОЙ РАБОТЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Some Problems of Legal Regulation of Detection Activity in Penitentiary System

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы правового регулирования розыскной работы в пенитенциарной системе. Автор анализирует ряд вопросов, касающихся данной области, и делает вывод о необходимости разработки ведомственного нормативного правового акта, регламентирующего розыскную работу в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, розыск, нормативный правовой акт.

Abstract. Some problems of legal regulation of crime detection in the penitentiary system are examined in the article. The author analyses a number of issues concerning this sphere and draws the conclusion of necessity of development of the normative legal act that would regulate crime detection in the penitentiary system.

Key words: crime detection activity, search, normative legal act.

В теории и практике оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) существует ряд проблем, решение которых в значительной степени способствовало бы повышению эффективности борьбы с преступностью. Одной из них является дальнейшее совершенствование качества правового регулирования рассматриваемой деятельности. В связи с этим неслучайно 22 % из всех опрошенных нами оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) считают, что именно недостаточное нормативно-правовое регламентирование ОРД в УИС препятствует реализации в полной мере задачи розыска осужденных, совершивших побег. При этом 78,5 % респондентов называют розыскную работу одним из приоритетных направлений пенитенциарной оперативно-служебной деятельности¹.

Оперативно-розыскная деятельность в УИС, являющаяся одним из видов правоохранительной деятельности и предназначенная для решения ее задач, также должна, как и иные функции уголовной юстиции, иметь надлежащую правовую форму. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения Д. В. Гребельского, который отмечает, что термин «государственно-правовая форма» в отношении ОРД применим, во-первых, по той причине,

что названная деятельность носит государственный характер, поскольку осуществляется по велению государства и специально уполномоченными на то государственными органами; во-вторых, имеет четко выраженную правовую основу и осуществляется в строгом соответствии с требованием законности (Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 20). Именно поэтому ОРД, обеспечивая реализацию уголовной политики, реализуется в правовых рамках. Однако в силу организационных и тактических особенностей она опирается и на законы, и на ведомственные нормативные правовые акты.

В настоящее время в специальной литературе различают две разновидности понятия правовой основы ОРД: правовое, т. е. понятие, которое сформулировано в ст. 4 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.), и его научное определение.

Ввиду того, что на законодательном уровне определение правовой основы ОРД отличается фрагментарностью и как следствие не раскрывает его сущности, наибольший интерес представляет именно его научное определение. В научном смысле под правовой основой деятельности оперативных подразделений УИС по розыску совершивших побег осужденных понимается система правовых норм, содержащихся в законах и

© Васильчиков Б. В., 2011

¹ В рамках анкетирования нами были опрошены 270 оперативных сотрудников учреждений и органов УИС, представляющих 29 регионов Российской Федерации.

подзаконных нормативных правовых актах, которые создают правовые предпосылки (условия) для реализации оперативно-розыскных мер либо непосредственно регламентируют организационные и тактические вопросы применения оперативно-розыскных сил, средств, мероприятий, методов и форм в целях розыска совершивших побег осужденных (Атмажитов В. М. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности : материалы к лекции. М., 1998. С. 2).

Исследуя проблему правового регулирования, важно подчеркнуть, что нормы, входящие в систему правовой основы ОРД, имеют различную юридическую силу. Опираясь на классификацию, изложенную в ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: Закон об ОРД), и положения, принятые в теории права (Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М., 1999. С. 333–336) и теории ОРД (Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006. С. 40), можно выделить следующие уровни правовой основы ОРД:

- конституционный, который составляют нормы Основного закона Российской Федерации;
- международно-правовой;
- законодательный, включающий нормативные правовые акты, принятые высшими законодательными органами власти;
- подзаконный, включающий нормативные правовые акты Федерального Собрания Российской Федерации, Президента и Правительства Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации, регулирующие определенные правоотношения в сфере борьбы с преступностью, а также подзаконные нормативные правовые акты, изданные федеральными органами исполнительной власти в пределах своей компетенции и в соответствии с законодательством, регламентирующие преимущественно вопросы организации и тактики ОРД¹.

Несмотря на большое количество нормативных актов, сегодня ОРД в учреждениях и органах УИС регламентируется фрагментарно, в связи с чем возникают пробелы, появляется двусмысленность по важным направлениям оперативно-розыскной работы органов, исполняющих наказания.

Вышеизложенное можно проиллюстрировать следующими статистическими данными: только 13,5 % опрошенных сотрудников оперативных подразделений УИС удовлетворены норматив-

ными правовыми актами, регламентирующими порядок организации и тактики розыскной работы; 64 % удовлетворены ими частично и 22,5 % не удовлетворены ими полностью. При этом 54,5 % связывают перспективы улучшения нормативной правовой основы розыскной работы с внесением изменений в оперативно-розыскное законодательство, 27,5 % – с ужесточением уголовно-правовой ответственности за побег и 18 % – с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства. В данном случае мы вынуждены не согласиться с позицией тех респондентов, которые в качестве «панацеи от всех бед» предлагают усиление санкции за совершенный побег, по двум причинам: во-первых, ужесточение уголовно-правовой ответственности не согласуется с проводимой в настоящее время политикой демократизации общества в целом и его пенитенциарной системы, в частности, и во-вторых, эта государственно-правовая мера хотя, вероятно, и будет играть превентивную роль в решении задачи предупреждения побегов осужденных, однако принципиально не изменит существующую практику, так как не будет обращена непосредственно на причины и условия этого асоциального явления. При этом деятельность оперативных аппаратов УИС может стать надежным гарантом в поддержании стабильной обстановки в исправительных учреждениях лишь при наличии оптимальной системы законодательных норм, исполнение которых может благоприятствовать разрешению возложенных на оперативные подразделения УИС задач.

Не останавливаясь подробно на характеристике каждого уровня правового регулирования розыскной работы в УИС, укажем ряд проблемных аспектов, которые в большей степени проявляются в рамках ведомственного уровня правового регулирования.

Среди условий, обеспечивающих эффективность деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений, ключевое значение принадлежит качественному ведомственному нормативному регулированию ОРД, так как последнее оказывает существенное влияние на совершенствование практики деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений и нарушений режима, что в конечном итоге отражается на результатах исполнения наказания и влияет на процесс сдерживания преступности в обществе.

Для руководства той или иной отраслью управления или сферы деятельности, реализации специальных исполнительных, контрольных, разрешительных или надзорных функций федеральные органы исполнительной власти разрабатывают и из-

¹ В специальной литературе уже приводилась похожая классификация. Она, на наш взгляд, наиболее полно отвечает исследовательским интересам.

дают: приказы, инструкции, положения, наставления, правила, уставы и т. д. (Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. С. 335).

Следует отметить, что в настоящее время вопросы осуществления ОРД в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания, регулируются как нормативными правовыми актами, изданными в свое время МВД России, так и издаваемыми сегодня нормативными правовыми актами Минюста России и ФСИН России.

На основании анализа норм ведомственных и межведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих розыскную работу в УИС (многие из которых являются документами ограниченного доступа), можно сделать вывод о том, что в настоящий момент остро стоит вопрос о необходимости разработки специального нормативного правового акта – Инструкции по организации и тактике розыскной работы в уголовно-исполнительной системе, которая, как нам

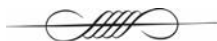
представляется, должна включать в себя следующие разделы:

1. Организационные основы розыскной работы: понятие, назначение, субъекты и объекты розыскной работы; информационное обеспечение, анализ, планирование, контроль, учет и оценка результатов осуществления розыскной работы.

2. Предупреждение побегов из учреждений УИС и уклонений от отбывания лишения свободы.

3. Система розыска и порядок его осуществления: основания и порядок заведения, ведения и прекращения розыскного дела; первоначальные мероприятия по розыску бежавших из мест лишения свободы, уклонившихся от отбывания лишения свободы; местный, федеральный, межгосударственный и международный розыск; действия подразделений розыска УИС и ОВД при обнаружении разыскиваемого; прекращение розыска.

4. Система и порядок проведения специальных операций по розыску в УИС.

Библиографический список

1. Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / Д. В. Гребельский. – М. : Акад. МВД СССР, 1977.

2. Теория государства и права : учеб. для вузов / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристъ, 1999.

3. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2006.

References

1. Grebelskiy D. V. Theoretical Foundations and Legal and Organizational Problems of Crime Detection Activity of the Internal Affairs Agencies / D. V. Grebelskiy. – M. : Acad. of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, 1977.

2. Theory of State and Law / ed. by V. K. Babaev. – M. : Lawyer, 1999.

3. Theory of Crime Detection / ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovtchinskiy, G. K. Sinilov. – M. : INFRA-M, 2006.

В. В. Виноградов,
*профессор кафедры пенитенциарной
педагогике, психологии и социальной
работы ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент
заслуженный учитель Российской Федерации*

V. V. Vinogradov,
*Professor of the Department of Pedagogy,
Psychology and Social Work
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant professor
Distinguished Teacher of the Russian Federation*

**ГЕНЕЗИС ФАКТОРОВ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ РОССИЙСКИХ МЕСТ
ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: АСПЕКТ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**

**Genesis of Factors of Corrective Environment of Russian Places of Imprisonment:
Aspect of Penal Social Work**

Аннотация. В статье рассматривается эволюция исправительной среды мест лишения свободы с конца XIX в. до настоящего времени в аспекте социальной работы с осужденными.

Ключевые слова: исправление осужденных, ресоциализация, дифференцированные педагогические программы социальной работы с осужденными и их разновидности.

Abstract. In the article the author considers the evolution of the corrective environment of imprisonment places in aspect of social work with the condemned starting with the end of the XIXth century till the modern period.

Key words: correction of the condemned, resocialization, differentiated pedagogical programs of social work with the condemned and their versions.

История программ исправления для осужденных в России началась после крестьянской реформы 1861 г., когда большая масса крестьян, получив долгожданную свободу, устремилась в города. С образованием новой прослойки общества преступный мир Российского государства значительно «обогатился», а перед обществом была поставлена цель нравственного исправления преступников. Большое внимание при этом изначально уделялось несовершеннолетним осужденным, так как они считались более восприимчивыми к воспитательным мерам. Программы включали в себя преподавание Закона Божьего, чтения, письма, основных правил арифметики и других элементарных наук. Процесс обучения строился в соответствии с новейшими требованиями и достижениями того времени. Широко использовались географические карты, атласы, глобусы, чертежи, модели машин, приборы и т. д. К работе с осужденными активно привлекалась общественность. Например, в тюрьмах Казанской губернии студенты Духовной академии проводили воскресные и праздничные чтения религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания (Тюгаева Н. А., Тарабрина С. Е. Исправительные программы для осужденных к лишению свободы: зарубежный и отечественный опыт : учеб. пособие. Рязань, 2007).

Кроме того, на базе исправительных приютов создавались производственные мастерские (механические, швейные, сельскохозяйственные и др.), в которых воспитанники занимались социально значимой деятельностью.

Постепенно этот опыт распространялся на всех осужденных, их обучение и воспитание были подняты на более высокий уровень. Во главу угла всеми губернскими тюремными комитетами ставились психологическое и педагогическое воздействие на личность осужденного, принятие во внимание человеческих слабостей при формировании иллюзорных представлений о действительности. Работа по исправлению нравственности осужденных проводилась путем их православному исповедания, для чего строились специальные тюремные церкви или часовни, а также реализации других программ. Тюремные священнослужители преподавали узникам Закон Божий и другие предметы: чтение, письмо, алгебру, геометрию и т. д. С целью формирования у осужденных навыков, необходимых для жизни на свободе, целенаправленно комплектовались тюремные библиотеки. Большую часть содержащихся в них изданий составляла периодика аполитичного характера, в частности, такие журналы, как: «Православное обозрение», «Душемолебное чтение», «Странник», «Домашняя вечерняя беседа» и др. (Кузнецов М. И. Зарождение и становление основ социальной работы в пенитенциарных учреждениях Российской империи и уголовно-исполнительной системе СССР : лекция. Рязань, 2000).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в педагогической деятельности пенитенциарных учреждений царской России активно использовались программы социальной работы. Кроме того, наблюдалось становление психологических и педагогических методов работы с осужденными. Программы социальной работы в

современном их понимании реализовывались преимущественно священнослужителями, представителями общественных организаций и частными лицами.

После октябрьского переворота обучение осужденных было закреплено рядом нормативных актов, в частности, Положением о работных домах (1918 г.), которое предусматривало создание в каждом работном доме школ, имеющих целью дать осужденным возможность участвовать в программах получения общего и профессионального образования. Временная инструкция о лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового от 23 июля 1918 г. регламентировала организацию общего образования и воспитания осужденных, профессионально-технического обучения, снабжения их учебными пособиями, а также подготовку педагогических кадров.

В Циркуляре НКЮ РСФСР от 7 августа 1918 г. № 32 отмечалось, что одна из главных задач тюрем состоит в том, чтобы отбывающий наказание без затруднений мог найти применение приобретенным знаниям и навыкам.

Положение об общих местах заключения (1920 г.) предусматривало систему норм, регулирующих учебно-воспитательное дело с осужденными, в соответствии с которыми обучение в школе являлось обязательным для всех осужденных, не достигших пятидесятилетнего возраста. Кроме того, оно закрепляло обязанность педагогических коллективов не только обучать, но и проводить воспитательную работу с правонарушителями (организация внешкольных занятий в виде лекций, бесед, докладов).

Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 10 февраля 1923 г. впервые определил сроки обучения: для неграмотных и малограмотных – три месяца при 12-часовой нагрузке в неделю; для грамотных – шесть месяцев при 12–24-часовой нагрузке. Одновременно был определен перечень предметов, обязательных для изучения всеми категориями осужденных. Так, были созданы предпосылки для планомерной и повседневной реализации педагогической программы по ликвидации безграмотности среди осужденных. Циркуляр также предусматривал самообразование, которое предполагало внедрение заочного обучения, в связи с этим вводилась должность инструктора по заочному обучению.

В Исправительно-трудовом кодексе РСФСР (далее: ИТК РСФСР) 1924 г. впервые получил законодательное закрепление вопрос о профессионально-техническом обучении осужденных. ИТК РСФСР предусматривал организацию уже более высоких форм профессионально-технического обучения в местах лишения свободы, в

частности, ремесленного и профессионально-производственного типа.

Впоследствии неоднократно издавались ведомственные акты, направленные на устранение отдельных недостатков профессионально-технического обучения и на его улучшение. Лишь в послевоенные годы началась подготовка рабочих массовых профессий, в первую очередь строительных: каменщиков, маляров, сантехников и др. Естественно, возникали трудности, связанные с противоречиями между потребностями производства и спросом на ту или иную специальность на свободе. Таким образом, поскольку профессиональному обучению в исправительно-трудовых учреждениях (далее: ИТУ) стало уделяться максимальное внимание, значение общеобразовательного обучения несколько уменьшилось. В соответствии с ИТК РСФСР 1933 г. организация общеобразовательного обучения возлагалась на культсоветы осужденных и основывалась на их самостоятельности.

Очередной этап развития общеобразовательного обучения осужденных связан с решениями XX и XXII съездов КПСС, постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР об улучшении деятельности ИТУ, принятыми в 1954–1956 гг. Типы школ и формы обучения осужденных определялись инструкциями о вечерней (сменной) средней общеобразовательной школе РСФСР в общеобразовательных школах ИТУ МООП РСФСР. При наличии в ИТУ необходимой учебно-материальной базы организовывались начальные, восьмилетние, средние, вечерние (сменные) общеобразовательные школы, а также при необходимости заочное обучение осужденных.

После принятия Положения о профессионально-техническом обучении заключенных (1965 г.) расширилась сеть профессионально-технических училищ и их филиалов во всех ИТУ. В соответствии с данным Положением в период учебных занятий учащиеся не должны были привлекаться к выполнению сверхурочных и других работ, их следовало вовремя обслуживать в столовой, бане, магазине, чтобы они могли прибыть на учебу в установленные часы, также определялись меры воздействия на осужденных, нарушающих дисциплину.

Основы исправительно-трудового законодательства (1969 г.) определили, что осужденные старше 40 лет, а также инвалиды первой и второй групп к общеобразовательному и профессионально-техническому или профессиональному обучению на производстве могут привлекаться по их желанию. Осужденные, не имеющие специальности и общего образования, привлекаются к профессионально-техническому обуче-

нию в первую очередь (ст. 31) (Свод законов СССР. М., 1990. Т. 10).

Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» в п. 12 ст. 50 предусматривал создание условий для получения основного общего и начального профессионального образования, для профессиональной подготовки, а также для самообразования граждан, содержащихся в воспитательно-трудовых и исправительно-трудовых колониях (Рос. газ. 1992. 31 июля).

Однако анализ результатов исследований, проведенных нами и другими учеными (Транчук Л. И., Цветкова Н. А. Профессиональному обучению осужденных – повышенное внимание // Информ. бюл. ГУИН МВД РФ. М., 1994. № 21. С. 103), свидетельствует о недостаточной эффективности системы как общеобразовательного, так и профессионального образования лиц, лишенных свободы: административно-принудительный подход в обучении (при отсутствии личной мотивации), низкая эффективность. Профессиональная подготовка осуществляется без учета потребностей в квалифицированных кадрах на рынке труда; уровень квалификации и подготовки, полученной в профессиональных училищах, не позволяет осужденным конкурировать на рынке труда; на большинстве предприятий пенитенциарных учреждений сохранилось много устаревших, непрестижных, низкооплачиваемых специальностей, продолжать работу по которым после освобождения осужденному нецелесообразно.

По нашему мнению, решить названные проблемы можно при условии разработки и внедрения в практику дифференцированных педагогических программ социальной работы с осужденными, для чего в первую очередь необходимо уточнить понятие «дифференцированные педагогические программы социальной работы», выявить их цели и педагогические условия эффективности.

Термин «программа» в отечественной пенитенциарной теории начал использоваться лишь с начала 1990-х гг., поэтому является сравнительно новым. В частности, в работах А. Н. Сухова, А. И. Ушатикова (Сухов А. Н. Подготовка психологов для пенитенциарных учреждений // Человек: преступление и наказание. 1994. № 2(3). С. 8–11 ; Ушатиков А. И. Психологическая поддержка осужденных (заключенных) в местах лишения свободы // Наказание: законность, справедливость, гуманизм : материалы междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 1994. С. 127–129) говорится о необходимости применения программ в работе с осужденными в процессе отбывания наказания. В дальнейшем стали появляться работы, посвященные проблеме разработки и реализации программ. Сам термин конкретизируется, например, в работе Н. А. Тюгаевой, где речь уже идет не просто о программах, а об «образова-

тельных программах исправления осужденных», под которыми понимается «воспитательно-образовательная деятельность педагогического коллектива, имеющая конечным результатом повышение уровней их образованности и воспитанности (исправленности)» (Тюгаева Н. А. Образовательные программы исправления осужденных : монография. Рязань, 1997). В свою очередь, Н. С. Фомин обосновывает актуальность внедрения в практику исправительных учреждений «дифференцированных программ перевоспитания осужденных», однако своего определения не дает (Фомин Н. С. Теоретические основы социально-педагогической поддержки осужденных в процессе их ресоциализации : монография. М., 2004).

Анализ различных точек зрения зарубежных и отечественных исследователей позволил сделать вывод, что большинство из них расценивают программу как спроектированную деятельность, реализация которой в процессе исполнения наказания приведет к позитивному результату в исправлении и ресоциализации осужденных. Мы придерживаемся того же мнения и будем рассматривать «дифференцированную педагогическую программу социальной работы» как специально спроектированную и организованную в ходе исполнения наказания социально полезную деятельность, участниками которой в равной степени являются как осужденные, так и сотрудники исправительного учреждения, направленную на формирование социальности осужденных до такого уровня, когда позитивно развивается их социальное сознание и корректируется их социальное поведение, позволяющие им в отдельности или одновременно достигнуть необходимого социального благополучия для осуществления нормальной жизнедеятельности в исправительном учреждении и за его пределами после освобождения.

Определить цели «дифференцированных педагогических программ социальной работы» не просто, так как программы направлены на решение задач развития их социального сознания, корректировки их социального поведения, достижения ими необходимого для осуществления нормальной жизнедеятельности социального благополучия. Педагогический результат данных программ – это повышение уровня общей культуры осужденного, способствующего его адаптации к жизни в обществе, создание основы для осознанного выбора и освоения профессии, повышение профессионального и общеобразовательного уровней, приобретение специальности и соответствующей квалификации по ней, укрепление социальных связей осужденного.

Однако все стороны, задействованные в разработке и реализации таких программ – педагоги, администрация исправительных учреждений

и рядовые сотрудники, имеют по этому вопросу различные мнения. Как правило, администрация и сотрудники, отвечающие за безопасность, склоняются к мысли о том, что программы играют лишь второстепенную роль в жизни пенитенциарного учреждения и служат для поддержания порядка и занятости осужденных полезной деятельностью.

В свою очередь, разработчики данных программ и гражданский персонал исправительных учреждений (преподаватели, психологи, социальные работники и др.) ставят во главу угла этический аспект и считают главным предназначением программ способствование исправлению и ресоциализации осужденных. По их мнению, эти программы представляют собой попытку повлиять на будущее осужденных посредством позитивного изменения уровня их социального развития через осуществление социально полезной деятельности с ними на индивидуальном и групповом уровнях и выходом в этой деятельности на лично значимый индивидуальный для каждого осужденного уровень. Именно этот аспект заложен в самом определении данных программ в учреждениях для лиц, лишенных свободы, — «дифференцированные педагогические программы социальной работы».

Эта точка зрения разделяется теми осужденными, которые понимают, что их нахождение в исправительном учреждении — это не только наказание, изоляция от общества, которому они могут принести вред, но и блестящая возможность заняться самообразованием и саморазвитием, на что в обычной жизни постоянно не хватает времени. Они стараются извлекать максимальную пользу из участия в программах, особенно профессиональных, которые, помимо специальности, дают возможность получить нужную рекомендацию в агентства по трудоустройству. Данная категория осужденных демонстрирует наивысшие результаты участия в программах.

Другие осужденные, посещая занятия по программам, не ставят перед собой цели повысить свой образовательный уровень, но имеют возможность отдохнуть от работы, активно и с пользой для себя пообщаться с окружающими. Эта категория осужденных также может достичь значительных успехов.

Первым важным условием, которое заставляет продолжать участие в данных программах, является осознание успеха, а также формальный перевод на следующую ступень и выдача сертификата по окончании очередного раздела или курса. Для оптимизации результатов участия осужденных в программах часто используется такой прием, как самостоятельная оценка собственных достижений. Данные программы вовсе не отрицают участия осужденных в групповой

работе, поскольку им, как никакой другой категории населения, необходимо развивать способности к социальному и эмоциональному взаимодействию с окружающими.

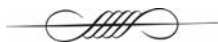
Вторым важным условием, влияющим на успех педагогических программ социальной работы и положительную оценку их результатов, является необходимость не фрагментарного, а целостного, системного воздействия (интервенций) на осужденных. В российской пенитенциарной науке проблема системного моделирования организации жизнедеятельности осужденных была рассмотрена в работе Н. Н. Дерюги (Дерюга Н. Н. Организационно-правовые проблемы занятости осужденных, содержащихся в местах лишения свободы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Хабаровск, 2003). Им доказано, что привести к позитивным последствиям и оказать благоприятное воздействие на успешную адаптацию осужденных после освобождения может только решение комплексной триединой задачи в ее следующих основных разновидностях: обеспечение осужденных полной и эффективной трудовой занятостью; организация в местах лишения свободы общеобразовательного и профессионального обучения всех осужденных, желающих получить образование (в том числе с помощью заочного и дистанционного обучения, а также обучения в форме экстерната); организация активной досуговой деятельности осужденных, а также участие в общественных, религиозных, самостоятельных и иных организациях.

Однако, по нашему мнению, данная схема является неполной, поскольку она не учитывает ряд проблем осужденных, которые в большинстве случаев препятствуют исправлению, даже несмотря на соблюдение вышеперечисленных условий. Речь идет о том, что, например, образовательные и профессиональные программы совершенно бессильны в том случае, если осужденный страдает алкогольной или наркотической зависимостью. Бесполезным является участие осужденного в программе по налаживанию семейных отношений, если у него имеется ряд эмоциональных и (или) психических расстройств. Все это означает, что первым шагом к ресоциализации и исправлению должна стать не трудовая занятость и не общеобразовательные программы, ликвидирующие безграмотность, а программы по борьбе с алкоголизмом и (или) наркоманией, программы для ВИЧ-инфицированных, больных туберкулезом, гепатитом и т. д., т. е. специальные психосоциальные программы помощи с медицинским уклоном, направленные на формирование готовности осужденных к работе над собой и налаживанию социально полезных связей, способствующие их исправлению и ресоциализации.

Таким образом, в ходе исследования установлено, что вначале необходимы психологические программы, направленные на формирование готовности осужденных к работе над собой и налаживанию социально полезных связей в ближайшем социальном окружении, призванные помочь осужденному адаптироваться к жизни в исправительном учреждении, научиться контролировать свой гнев и плохое настроение, выработать у себя навыки общения и т. д. Далее осужденный может стать полноценным участником социальных программ, помогающих осужденному правопослушно и бесконфликтно жить в социуме исправительного учреждения, с пользой для себя проводить свой досуг и закладывающих основы достижения личного жизненного успеха и социального благополучия каждым отдельно взятым осужденным. Следующий этап – общеобразовательные программы и в завершение все-

го – профессиональные, в том числе и производственные.

В связи с этим можно выделить *третье важное условие* в реализации «дифференцированных педагогических программ социальной работы» – соблюдение принципа системности, т. е. проводить программы последовательно, в соответствии с решением тех социальных проблем осужденных, которые являются наиболее острыми на данный момент: алкоголизм (наркомания) – психические и эмоциональные расстройства – недостаток навыков общения – девиации поведения – несформированность социальных установок к ресоциализации и полноценной жизнедеятельности в обществе – недостатки базового образования – отсутствие специального профессионального образования. Следование данному алгоритму сделает программы максимально эффективными.

Библиографический список

1. Дерюга Н. Н. Организационно-правовые проблемы занятости осужденных, содержащихся в местах лишения свободы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Дерюга Николай Николаевич. – Хабаровск, 2003.
2. Кузнецов М. И. Зарождение и становление основ социальной работы в пенитенциарных учреждениях Российской империи и уголовно-исполнительной системе СССР : лекция / М. И. Кузнецов. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2000.
3. Тюгаева Н. А. Образовательные программы исправления осужденных : монография / Н. А. Тюгаева. – Рязань : РИПЭ Минюста России, 1997.
4. Тюгаева Н. А. Исправительные программы для осужденных к лишению свободы: зарубежный и отечественный опыт : учеб. пособие / Н. А. Тюгаева, С. Е. Тарабрина. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2007.
5. Фомин Н. С. Теоретические основы социально-педагогической поддержки осужденных в процессе их ресоциализации : монография / Н. С. Фомин. – М. : ИСПС РОА, 2004.

References

1. Deryuga N. N. Organizational and Juridical Problems of Employment of the Condemned Kept in Imprisonment Places / Deryuga Nikolay Nikolayevich. – Khabarovsk, 2003.
2. Kuznetsov M. I. Origin and Formation of Basics of Social Work in Penal Establishments of the Russian Empire and Criminally and Executive System of the USSR / M. I. Kuznetsov. – Ryazan : Acad. of Law and Management of the FPS of Russia, 2000.
3. Tyugaeva N. A. Educational Programs of Correction of the Condemned / N. A. Tyugaeva. – Ryazan : Ryazan Institute of Law and Management of the Ministry of Justice, 1997.
4. Tyugaeva N. A. Corrective Programs for the Condemned to Imprisonment: Foreign and Domestic Experience / N. A. Tyugaeva, S. E. Tarabrina. – Ryazan : Acad. of Law and Management of the FPS of Russia, 2007.
5. Fomin N. S. Theoretical Basics of Social and Pedagogical Support of the Condemned in the Process of Their Resocialization / N. S. Fomin – M. : Institute for Social and Educational Problems of Rural Schools of the Russian Acad. of Education, 2004.

Н. В. Грязева,
преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Самарского юридического института ФСИН России

N. V. Gryazeva,
Lecturer of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics
of Samara Legal Institute of the FPS of Russia

**СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПОБЕГОВ ОСУЖДЕННЫХ ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ**

Ways of Escapes from Penal Institutions: Problem of Identification and Classification

Аннотация. Статья посвящена исследованию способа совершения преступления как центрального элемента криминалистической характеристики преступлений, типичных способов совершения побегов осужденных из исправительных учреждений и их классификаций.
Ключевые слова: способ совершения преступления, способы совершения побегов, классификация способов совершения побегов, осужденный.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the way of committing a crime as a central element of criminalistics characteristic of crimes as well to considering typical ways of escapes from penal institutions and their classification.

Key words: way of committing a crime, ways of escaping, classification of the ways of escaping, an inmate.

В настоящее время значение типичных сведений о способе подготовки, совершения и сокрытия преступления не вызывает сомнений и рекомендуется к рассмотрению большинством исследователей. Об этом свидетельствуют результаты анализа типичных элементов криминалистической характеристики преступлений, а также указание на данный элемент как на главный или один из самых важных рядом авторов (напр.: Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001. С. 54–55 ; Яблоков Н. П. Криминалистика : учеб. для вузов и юрид. фак. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 30 и др.).

По мнению большинства ученых, сведения о типичных способах совершения преступления являются основанием для рекомендаций по определению типичного круга следственных действий, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий (Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. С. 286); содержат большой объем криминалистически значимой информации о преступном событии и его участниках, позволяющей сориентироваться в сути происшедшего и наметить оптимальные методы раскрытия и расследования совершенного преступления (Кустов А. М. Криминалистика и механизм преступления : цикл лекций. М. ; Воронеж, 2002. С. 117); используются для установления круга лиц, среди которого надо искать преступника, или для выявления конкретного субъекта правонарушения, определения путей и средств его розыска и последующего изобличения (Яблоков Н. П. Указ. соч. С. 30) и т. д. Данные точки зрения представляются справедливыми

и основываются на существовании взаимосвязи между сведениями о типичных материальных следах преступления и способом его совершения, а также между способом совершения преступления и другими элементами криминалистической характеристики (типичными сведениями об обстановке совершения преступления, о личности преступника, об обстоятельствах, способствующих совершению побегов).

В настоящее время способ совершения преступления является предметом изучения ряда юридических наук, в первую очередь уголовного права и криминалистики.

В правовой литературе существует мнение о том, что определения, предложенные, в частности, в уголовном праве, более близки к истине, чем криминалистические (Шмонин А. В. Методика расследования преступлений : учеб. пособие. М., 2006. С. 191). Однако мы позволим себе не согласиться с такой точкой зрения по следующим причинам.

С позиции уголовного права под способом совершения преступления следует понимать внешнее выражение преступного деяния, т. е. конкретные приемы, методы и средства, применяемые в процессе преступного посягательства (Уголовное право России. Часть Общая и Особенная : учебник / М. П. Журавлев [и др.] ; под ред. А. И. Рарога. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 85 ; Уголовное право Российской Федерации Общая часть : учеб. для вузов / под ред. А. И. Рарога, А. С. Самойлова. М., 2005. С. 172 и др.). Однако с точки зрения русского языка способ определяется как действие или система действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997. С. 757).

Кроме того, следует отметить некоторую неполноту предложенного определения, которая, на наш взгляд, продиктована различием в подходах к пониманию анализируемого понятия. Уголовное право рассматривает способ совершения преступления как факультативный (необязательный) признак преступления, концентрируя основное внимание на преступном деянии. Криминалистика же представляет способ более подробно, развернуто. Это продиктовано прежде всего ее предметом, т. е. механизмом преступления, который в свою очередь неразрывно связан со способом преступления. Именно поэтому в настоящей статье мы будем использовать определения способа совершения преступления, предложенные криминалистами.

В криминалистической литературе способ совершения преступления понимается в узком и широком смысле. В первом случае имеется в виду только непосредственное совершение преступления, ограниченное моментами начала и окончания преступных действий. Во втором случае в данное понятие включают и действия по сокрытию преступления.

Такая ситуация объясняется спецификой различных видов преступлений. В частности, В. Ф. Ермолович справедливо указывает на то, что «наиболее простые способы совершения преступления не включают в свое содержание действия по подготовке и сокрытию преступления. Сложные, к числу которых относится большая часть экономических, в одних случаях включают весь комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, а в других – состоят только из подготовительных действий, направленных на непосредственное исполнение преступного замысла» (Ермолович В. Ф. Указ. соч. С. 44).

Изучение материалов уголовных дел о побегах осужденных из исправительных учреждений (далее: ИУ) показало, что в 31 (38,3 %) случае преступниками были совершены действия по подготовке к совершению преступления и в 6 (7,4 %) – предпринимались меры по сокрытию преступлений. В 50 (61,7 %) случаях преступление было совершено спонтанно, без подготовки, и преступник не пытался скрыть результаты своих действий. Учитывая этот факт, мы считаем, что способ совершения данной категории преступлений необходимо рассматривать именно в широком смысле.

В настоящее время в криминалистике среди авторов определений способа совершения преступлений существуют некоторые разногласия.

Одно из первых определений рассматриваемого понятия в широком смысле было дано Г. Г. Зуйковым, который под способом совершения преступления понимает «комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию престу-

пления, избранных преступником в соответствии с намеченной целью и теми условиями, в которых осуществлялся преступный замысел» (Зуйков Г. Г. Способ совершения преступлений и способ уклонения от ответственности // Актуальные проблемы усиления борьбы с преступностью в сфере решений XXVI съезда КПСС. Иркутск, 1981. С. 55–57). Его мнение, с незначительными изменениями, поддержали Р. С. Белкин и В. Ф. Ермолович (Ермолович В. Ф. Указ. соч. С. 54–55; Криминалистика: учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 688–689).

Н. П. Яблоков определяет анализируемое понятие несколько иначе, указывая на то, что под способом совершения преступления в криминалистическом смысле целесообразно понимать объективно и субъективно обусловленную систему поведения субъекта до, в момент и после совершения им преступления, оставляющую различного рода характерные следы вовне, позволяющие с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути происшедшего, своеобразии преступного поведения правонарушителя, его отдельных личностных данных (Яблоков Н. П. Указ. соч. С. 30). Отличие от предыдущего определения заключается в том, что сам способ понимается не как система действий, а как система поведения. Другим отличием является замена традиционных элементов рассматриваемой системы (действия по подготовке, совершению и сокрытию преступления) на действия до, во время и после совершения преступления, что вносит некоторую неясность в вопрос о том, каковы же пределы изучения действий преступника до и после совершения преступления. Следующее отличие заключается в отсутствии указаний на принцип, связывающий составные части системы, и как следствие возникновения вопроса о таковом.

А. В. Шмонин так же, как и Н. П. Яблоков, определяет рассматриваемое понятие без употребления термина «действия» и раскрывает его как систему связей и отношений субъектов преступления между собой, объектом (предметом) преступления и другими средствами преступления (например, место преступления, орудие преступления и т. п.) в процессе подготовки к совершению преступления и/или непосредственного совершения преступления и/или сокрытия преступления (Шмонин А. В. Указ. соч. С. 192). Неприемлемость термина «действия» автор мотивирует ссылкой на мнение О. В. Чельшевой, которая указывает на то, что если считать преступление общественно опасным действием (бездействием), а его способ системой действий, то получается, что мы определяем понятие через то же понятие, а это будет противоречить логиче-

ской природе любого определения (Шмонин А. В. Указ. соч. С. 191).

Мы полагаем, что подобный подход в науке может привести к тупиковой ситуации. Так, способ с точки зрения уголовного права определяется как приемы, методы и средства, применяемые в процессе преступного посягательства. Однако с позиции русского языка под методом следует понимать способ действовать, поступать каким-нибудь образом, а под средством – прием, способ действия для достижения чего-нибудь (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 353, 760). Думаем, что это пример не единственный.

Кроме того, следует отметить, что данный автор придерживается несколько иной позиции при построении криминалистической характеристики преступления, которая не совпадает с позицией большинства ученых, в том числе и нашей.

С учетом вышеизложенного считаем наиболее приемлемым при определении способа совершения побегов осужденных из ИУ основываться на дефиниции, предложенной Г. Г. Зуйковым, которая, на наш взгляд, является наиболее логичной, оправданной и доступной.

Таким образом, под способом совершения побегов осужденных из ИУ следует понимать комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию побега из ИУ, избранных осужденным в соответствии с намеченной целью и теми условиями, в которых осуществлялся преступный замысел.

Специфика рассматриваемых преступлений и практическая целесообразность определяют правильность точки зрения о необходимости деления действия преступника по совершению побега на три этапа: подготовку, преодоление инженерно-технических средств охраны и надзора (далее: ИТСОиН) и действия бежавшего на свободе (Машнин В. А. Способы побегов из охраняемых ИТК и криминалистические методы их разоблачения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 11). При этом действия по сокрытию преступления могут совершаться на каждом выделенном этапе.

Проведенное нами исследование позволяет условно разделить подготовку к совершению побегов на действия организационного характера 31 (100 %), тактические действия 25 (81 %), действия материально-технического характера 15 (48 %), действия, направленные на обеспечение скрытного проживания после побега 24 (77,4 %).

К действиям организационного характера следует отнести действия субъектов по составлению схем, чертежей, эскизов различных конструкций, подбору соучастников и распределению между ними ролей.

Тактические действия представляют собой:

- наблюдение за порядком несения службы дежурной смены, системой охраны и пропускного режима на территории охраняемых объектов;

- изучение окружающей местности путем визуального наблюдения с крыш и окон зданий, технических сооружений;

- разведывательный опрос аттестованных и вольнонаемных сотрудников, иных граждан и осужденных;

- проверка надежности охранной сигнализации и адекватной реакции лиц суточного наряда и дежурной смены при поступлении на пульт управления техническими средствами спровоцированного сигнала тревоги;

- попытка установить связи с лицами дежурной смены и караула по охране объектов ИУ, вольнонаемными работниками либо через них со своими родственниками, друзьями за пределами ИУ;

- уничтожение писем, дневников и т. д.

Действия материально-технического характера включают в себя:

- приискание и приспособление осужденными имеющихся в ИУ технических, иных средств и материалов для побега;

- изготовление (приобретение) оружия, средств маскировки;

- оборудование укрытий на временных производственных объектах, в транспортных средствах, собственном производстве с некруглосуточным режимом работы для сокрытия лица (лиц), намеривающегося(ихся) совершить побег. В жилых зонах, как свидетельствует практика, осужденными оборудуются тайники для сокрытия продуктов питания, средств маскировки, оружия, гражданской одежды, иных предметов и вещей, предназначенных для побега.

К действиям, направленным на обеспечение скрытного проживания после побега, можно отнести сбор адресов лиц, владеющих предполагаемыми «явочными» квартирами, рекомендательных писем, записок, денег (возможно, из «общака» зоны), продуктов питания и т. д.

Объем подготовки к побегу, его временной интервал во многом зависят от сложности замысла и способа его практической реализации.

К наиболее типичным действиям по подготовке к совершению побегов следует отнести: определение места и времени совершения преступления, подготовка материально-технических средств, определение круга участников и распределение между ними ролей, подготовка условий совершения побегов.

Разнообразие способов совершения побегов позволяет осуществить их классификацию.

Так, С. И. Медведев, исходя из механизма преступления, условно разделил способы совершения побегов на следующие группы: побег «на рывок»; нападение на конвой; преодоление ограждения жилых и производственных зон; использование водных путей; укрытие в тайниках; вынос осужденного из жилой зоны; побег «на

таран»; подкоп и др. (Медведев С. И. Расследование побегов из мест лишения свободы : лекция. Уфа, 1991. С. 5–11). Однако данный перечень не является классификацией, что существенно снижает его научную и практическую ценность, и может быть дополнен такими способами, как проход через контрольно-пропускной пункт (далее: КПП) путем обмана охраны, самовольный уход (выезд) с производственного объекта колонии-поселения, подкуп часового и др. Аналогичные недостатки содержат и перечни, предложенные С. А. Кутякиным, Э. В. Лядовым, Н. И. Ткаченко, С. В. Якуниным (Кутякин С. А., Ткаченко Н. И., Лядов Э. В. Криминалистическая характеристика побегов из учреждений уголовно-исполнительной системы : учеб. пособие. Рязань, 2005. С. 11 ; Якунин С. В. Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых в местах лишения свободы // Особенности расследования преступлений и производства отдельных следственных действий в органах и учреждениях ФСИН России : сб. материалов межвуз. науч.-практ. семинара / под ред. А. А. Крымова. Вологда, 2006. С. 90).

А. Б. Помаслов, учитывая особенности производственной деятельности и вид режима ИУ, предлагает разделить наиболее типичные способы совершения побегов на три группы:

1. Оставление охраняемой зоны, т. е. преодоление линии охраны (основных ограждений): путем преодоления ограждений жилых зон и производственных объектов; обмана лиц, осуществляющих надзор и охрану для выхода с охраняемых зон через КПП, с использованием поддельных документов; использования транспортных средств для укрытия и выезда из охраняемых зон; совершения подкопа или использования подземных коммуникаций; побега «на таран».

2. Побег в пути следования или с неогражденных производственных объектов, для чего используются следующие способы: скрытое преодоление линии охраны; побег «на рывок»; нападение на охрану и ее разоружение; укрытие в тайниках и оставление производственного объекта после снятия охраны.

3. Побег, совершаемые осужденными, содержащимися в колониях-поселениях, а также пользующимися правом передвижения без конвоя, возможны способом: самовольного ухода (выезда) с производственного объекта колонии-поселения; нарушения маршрута движения (Помаслов А. Б. Криминалистическая характеристика побегов из исправительных учреждений // Особенности расследования преступлений и производства отдельных следственных действий в органах и учреждениях ФСИН России : сб. материалов межвуз. науч.-практ. семинара / под ред. А. А. Крымова. Вологда, 2006. С. 134–135).

Однако данная классификация не вполне соответствует предложенным основаниям и также может быть дополнена.

В. И. Соколовский предлагает классифицировать способы совершения побегов из ИУ по следующим основаниям.

1. По степени общественной опасности: простые и квалифицированные.

2. По кругу участников: одиночные и групповые.

3. По форме совершения побега: тайно и открыто.

4. По наличию и характеру предварительных действий:

а) без подготовки;

б) с предварительной подготовкой, проводимой единолично, в тайне от других лиц и включающей выбор места совершения побега, приобретение продуктов, денег, документов, одежды гражданского образца и т. п.;

в) с предварительной подготовкой, проводимой совместно или с помощью других лиц;

г) с созданием благоприятных условий (Соколовский В. И. Расследование побегов из исправительно-трудовых колоний : пособие. Л., 1983. С. 12–14).

Данная классификация носит универсальный характер, охватывает все известные способы совершения побегов, однако не позволяет исследовать механизм преступных действий, что затрудняет установление взаимосвязей с другими элементами криминалистической характеристики. Кроме того, данный автор, определяя квалифицированные побег, говорит только о применении насилия (физического и психологического). Совершение рассматриваемого преступления несколькими лицами В. И. Соколовский предлагает отнести к другой группе. Думаем, что в настоящее время подобная градация не соответствует содержанию ст. 313 УК РФ, где в качестве квалифицирующих признаков предусматриваются совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо совершение с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Изучение материалов уголовных дел позволило нам выделить следующие способы совершения побегов осужденных из ИУ: преодоление основных ограждений, выведение из строя инженерных и технических средств охраны – 43 случая (53,1 %); укрытие в вывозимых из охраняемых зон грузах и выходящих транспортных средствах – 2 (2,5 %); использование автотранспортных средств, «на таран» – 2 (2,5 %); использование водных путей – 4 (5 %); преодоление ли-

нии охраны производственного объекта – 3 (3,7 %); побег при конвоировании – 1 (1,2 %); самовольный уход (выезд) с производственного объекта колонии-поселения – 11 (13,5 %); нарушение маршрута движения – 15 (18,5 %).

Свои варианты классификации предлагали и другие авторы (см., напр.: Понкратов В. А. Организация деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов по предупреждению побегов : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005).

Большинство исследователей ставило целью лишь упорядочить имеющийся эмпирический материал, в результате чего их классификации носят преимущественно описательный характер. Однако развитие науки связано с переходом от подобных классификаций к сущностным. Работы В. И. Соколовского можно привести в качестве примера такого перехода, но и его классификация не совершенна. Правильная классификация вскрывает связи между изучаемыми объектами, служит основой для обобщаемых выводов, дает возможность быстрее найти внутренние закономерности, определяющие развитие и изменение исследуемых явлений. Кроме того, при различных определениях способов совершения побегов осужденных из ИУ наблюдается и терминологическое разнообразие.

Таким образом, изучение специальной литературы и материалов уголовных дел позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования существующих классификаций с учетом действующего законодательства, потребностей науки и практики.

На основании вышеизложенного можно выделить наиболее типичные способы совершения побегов осужденных из ИУ (при сравнении мнений различных авторов одинаковые по характеру действия именовались с некоторыми различиями, поэтому мы выбирали наиболее правильные, по нашему мнению, формулировки):

1. Побег из-под охраны, «на рывок».
2. Нападение на охрану.
3. Непосредственное преодоление рубежей ИТСОиН.
4. Использование водных путей.
5. Преодоление линии охраны неогражденных объектов.
6. Укрытие в тайниках и оставление производственного объекта после снятия охраны.
7. Замаскированный выезд с охраняемого объекта на различных транспортных средствах.
8. Вынос осужденного из жилой зоны.
9. Побег с использованием различных транспортных средств «на таран».
10. Совершение подкупа или использование подземных коммуникаций.

11. Обман лиц, осуществляющих надзор и охрану для выхода с охраняемых зон через КПП (использование поддельных документов).

12. Самовольный уход (выезд) с производственного объекта колонии-поселения.

13. Нарушение маршрута движения.

14. Использование воздушных коммуникаций.

15. Подкуп сотрудников ИУ.

Выделяя наиболее часто встречающиеся способы совершения побегов, авторы незаслуженно уделяют внимание нетипичным способам, между тем их знание позволит более серьезно и даже творчески подойти к расследованию рассматриваемой категории преступлений. К сожалению, при изучении материалов уголовных дел нетипичные действия нам не встретились, однако другие авторы в качестве таковых выделяют следующие.

«В ИТК-10 (пос. Волжский Самарской области) летом 1993 г. осужденный Г. пытался совершить побег с помощью катапульты. Катапульта была изготовлена из резиновых полос от пришедших в негодность автомобильных камер, свитых в жгуты, с прикрепленным к ним сиденьем. В процессе проверки выяснилось, что Г. делал пробный «выстрел» из катапульты, предварительно нагрузив сиденье мешком с металлическими болванками, который якобы «благополучно» перелетел через основное ограждение и приводился в реку Курумка. Возможно, у него бы все и получилось, если бы не расплелся один из жгутов, в результате чего изменилась просчитанная траектория «полета», который закончился для осужденного трагически» (Ремесло окаянное. 1894–2004 гг. Очерки по истории уголовно-исполнительной системы Самарской области. Самара, 2004. Т. 1. С. 449). Помимо этого, называют изготовление ранцевого вертолета из бензопилы «Дружба» (Медведев С. И. Указ. соч. С. 11); побег через рубежи ИТСОиН с использованием подъемно-транспортного оборудования: подъемные краны, автопогрузчики, самодельные летательные аппараты (Кутякин С. А., Ткаченко Н. И., Лядов Э. В. Указ. соч. С. 26); побег с использованием вертолета в 2006 г. и в 2009 г. из ИУ, расположенного в г. Афины (Греция); подделка пособниками осужденных указа президента о помиловании четырех осужденных (Методика расследования побегов из исправительных учреждений : обучающая программа, разработана на базе внештат. науч.-исслед. лаб. изучения уголов.-процессуал., криминалист. и оператив.-розыск. проблем раскрытия и расследования преступлений в исправ. учреждениях ВИПЭ ФСИН России); выход субъекта побега за пределы охраняемого объекта посредством маскировки под иное лицо, в основе которого лежит феномен

психологической фиксированной установки (Машнин В. А. Указ. соч. С. 11).

В свою очередь, типичные способы совершения побегов осужденных из ИУ с учетом мнения других авторов, высказанных замечаний предлагаем классифицировать по следующим основаниям.

1. *По степени общественной опасности*: простые, совершенные без отягчающих обстоятельств, и квалифицированные, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

2. *По месту совершения побега*: совершенные на территории ИУ и совершенные за территорией ИУ. В свою очередь побеги, совершенные на территории ИУ, можно разделить в зависимости от вида ИУ: на побеги из колоний-поселений и побеги из иных ИУ.

3. *По механизму преодоления рубежей ИТСОиН*: перемещение осужденных над ИТСОиН; перемещение осужденных под ИТСОиН; нарушение целостности ИТСОиН; проход через КПП.

Большинство ученых справедливо говорят о необходимости анализа сведений о типичных следах преступления (см., напр.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 315 ; Ермолович В. Ф. Указ. соч. С. 27–28). Именно по следам субъекты расследования устанавливают способ совершения преступления и иные обстоятельства, имеющие значение для дела. Однако мы считаем, что необходимости выделения таких сведений в качестве отдельного элемента криминалистической характеристики нет. Их следует рассматривать вместе со сведениями о типичных способах подготовки, совершения и сокрытия следов преступления. Наша позиция основывается на существовании более тесной взаимосвязи между этими элементами (аналогичная точка зрения изложена в учебнике «Криминалистика» под редакцией заслуженного деятеля науки РФ профессора Р. С. Белкина (М., 1999).

В криминалистике в широком смысле под следами понимают любые материальные последствия преступления, изменения объекта или вещной обстановки. Условно следы можно разделить на три большие группы: 1) следы-отображения; 2) следы-предметы; 3) следы-вещества. Как показало проведенное нами исследование, по делам рассматриваемой категории наибольшее распространение получили следы первых двух групп.

Как справедливо отмечает А. Б. Помаслов, на месте побега обнаруживаются следы и другие вещественные доказательства, указывающие на

то, что побег произошел именно здесь, определяется характер действий преступника, выявляются данные о личности. Следы побега на месте происшествия могут отражать физические или профессиональные признаки бежавшего, способ побега, условия, способствовавшие его совершению, указывать направление движения осужденного. Такими следами в широком понимании могут быть не только следы ног, рук, инструментов, но и различные предметы и части одежды, утерянные или брошенные бежавшим (Помаслов А. Б. Указ. соч. С. 136). Однако, акцентировав внимание на значении следов, автор упустил вопросы описания следов и их взаимосвязи со способом совершения преступления. Аналогичные замечания можно высказать и относительно других изученных работ. Их авторы подробно описывают способы совершения побегов, выделяют предметы, используемые при совершении преступлений, но не говорят о том, что их приобщение к материалам уголовных дел может позитивным образом отразиться на расследовании (см., напр.: Медведев С. И. Указ. соч. ; Помаслов А. Б. Указ. соч. ; Соколовский В. И. Указ. соч. и др.). К таковым, например, относятся: холодное и огнестрельное оружие, топоры, ломы, ножовки, пилы, кусачки, пассатижи, ножницы по металлу, заостренные штыри, другие металлические предметы, лестницы, доски, бочки, ящики, различная одежда, постельные принадлежности и др.

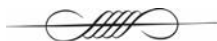
Наиболее распространенными и специфичными следами-отображениями по рассматриваемой категории дел являются следы ног (обуви) на контрольно-следовой полосе, однако встречаются и другие (следы рук, одежды, орудий, инструментов).

Исходя из предложенной классификации способов совершения побегов осужденных из ИУ, указанные следы обеих групп можно разделить на следующие подгруппы: следы нарушения целостности ИТСОиН (например, топоры, ломы, ножовки, пилы, кусачки, пассатижи, ножницы по металлу, совки, ведра); следы устранения последствий действия ИТСОиН (например, различная одежда, постельные принадлежности); следы преодоления ИТСОиН без нарушения их целостности (например, лестницы, бочки, ящики, шесты, веревки, доски, трапы, крюки, приспособления для поднятия по гладким столбам); следы нападения на сотрудников ИУ.

Как справедливо отмечает В. А. Машнин, поведение осужденного, успешно преодолевшего ИТСОиН, полностью направлено на сокрытие следов преступления. Например, это использование железнодорожных составов, рельефа местности, переодевание в гражданскую одежду и др. (Машнин В. А. Указ. соч. С. 17).

В заключение еще раз отметим, что способ совершения побегов является ключевым (центральным) элементом криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, что обусловлено его взаимосвязью с другими элементами, а также криминалистической значимостью. Предложенная классификация, следовые картины, типичные действия преступников

дают возможность более эффективно использовать при расследовании побегов версионный метод, а также грамотно организовать производство некоторых следственных действий. Кроме того, предлагаемая классификация способов совершения побегов из ИУ носит открытый характер и может быть дополнена в зависимости от конкретной практической ситуации.

Библиографический список

1. *Кутякин С. А.* Криминалистическая характеристика побегов из учреждений уголовно-исполнительной системы : учеб. пособие / С. А. Кутякин, Н. И. Ткаченко, Э. В. Лядов. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2005.
2. *Медведев С. И.* Расследование побегов из мест лишения свободы : лекция / С. И. Медведев. – Уфа : УВШ МВД СССР, 1991.
3. *Помаслов А. Б.* Криминалистическая характеристика побегов из исправительных учреждений / А. Б. Помаслов // Особенности расследования преступлений и производства отдельных следственных действий в органах и учреждениях ФСИН России : сб. материалов межвуз. науч.-практ. семинара, Вологда, 26 окт. 2005 г. / под ред. канд. юрид. наук, доц. А. А. Крымова. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2006.
4. *Шмонин А. В.* Методика расследования преступлений : учеб. пособие / А. В. Шмонин. – М. : Юстицинформ, 2006.

References

1. *Kutyakin S. A.* Criminalistics Characteristics of Escapes from Institutions of the Penal System / S. A. Kutyakin, N. I. Tkachenko, E. V. Lyadov. – Ryazan : Acad. of Law and Management of the FPS of Russia, 2005.
2. *Medvedev S. I.* Investigating Escapes from Imprisonment Places / S. I. Medvedev. – Ufa : Ufa School of the Ministry of Internal Affairs, 1991.
3. *Pomaslov A. B.* Criminalistics Characteristic of Escapes from Imprisonment Places / A. B. Pomaslov // Peculiarities of Investigating Crimes and Working at Certain Investigative Actions in Bodies and Institutions of the FPS of Russia / ed. by A. A. Krymov. – Vologda : Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia, 2006.
4. *Shmonin A. V.* Methodology of Crimes Investigation / A. V. Shmonin. – M. : JusticeInform, 2006.

М. В. Девятьяров,
старший следователь организационно-зонального
отдела Следственного управления УМВД России
по Владимирской области

M. V. Devjatjarov,
Senior inspector of organizational-zone department
of Investigatory Department of Administration
of the Internal Affairs of Russia in Vladimir region

**ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ,
В СИСТЕМЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ**

**Features of Investigation of Crimes Connected with Bribery in the System of Federal Service
of Execution of Punishments**

Аннотация. Статья посвящена вопросам раскрытия и расследования взяточничества в уголовно-исполнительной системе. Автор предлагает повысить эффективность расследования преступлений в пенитенциарной сфере, модернизировав способы раскрытия взяточничества в учреждениях системы Федеральной службы исполнения наказаний.

Ключевые слова: эффективность расследования преступлений, раскрытие взяточничества, Федеральная служба исполнения наказаний.

Abstract. The article is devoted to the questions of detecting and investigating bribery in the penitentiary system. The author offers to raise the efficiency level in investigating crimes in the penitentiary sphere through modernization of the ways of disclosing bribes in the system of the FPS of Russia.

Key words: efficiency of investigation of crimes, detecting bribery, the Federal Penal Service (FPS).

Одним из факторов, оказывающих негативное влияние на эффективность борьбы с преступностью в исправительных учреждениях ФСИН России, является отсутствие необходимой динамики модернизации пенитенциарной сферы. Об этом говорится в программном документе общегосударственного значения – Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (далее: Концепция). В ней, в частности, отмечено следующее: «Несмотря на существенные изменения, произошедшие в стране в последние годы, уголовно-исполнительная система во многом сохранила черты старой пенитенциарной системы, ориентированной на другое общество. Она не учитывает нынешнее состояние экономики, интеграцию Российской Федерации в международное правовое поле, международные стандарты обращения с заключенными и развитие гражданского общества» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544).

Не вызывает сомнения, что указанные выше положения непосредственно относятся к характеристике состояния борьбы со взяточничеством как элементом коррупции во ФСИН России. Об этом свидетельствуют и статистические данные. Так, в первом полугодии 2010 г. в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы по ст. 291 УК РФ (дача взятки) и 290 УК РФ (получение взятки) было возбуждено 35 уголовных дел (Цит. по: Марков В. П., Сивцов С. А. Основные факторы, способствующие распространению коррупционных

проявлений в пенитенциарной системе России // Ведомости уголов.-исполн. системы. 2011. № 4. С. 20).

Учитывая высокую степень латентности этого вида преступления, можно говорить о недостаточности усилий соответствующих правоприменителей в вопросе выявления следов данного деликта и принятия мер, предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Результативность борьбы со взяточничеством в пенитенциарной системе на современном этапе во многом обусловлена обстоятельствами, обозначенными в Концепции. Однако эти обстоятельства носят непостоянный характер и находятся в прямой зависимости от конкретных исторических условий развития важнейших институтов российского общества. Вместе с тем существуют вполне определенные факторы, имеющие достаточно устойчивый (константный) характер, менее подверженные подобной трансформации и играющие важную роль в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений в системе ФСИН России.

Проанализировав следственно-судебную практику и изучив положения, изложенные в ряде трудов ученых-криминалистов, рассматривавших проблематику расследования преступлений в местах лишения свободы (Кулагин Н. И. Организация и тактика предварительного следствия в местах лишения свободы : учеб. пособие. Волгоград, 1977 ; Марков А. Я. Расследование преступлений против здоровья в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1981 ; Петуховский М. А. Расследование действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений : учеб. пособие. Караганда, 1980 ; Шурухнов Н. Г. Расследование преступлений, совершаемых осу-

жденными в исправительно-трудовых учреждениях : монография. М., 1992 и др.), мы выявили следующие факторы, входящие в эту группу:

1) особенности обстановки совершения и сокрытия преступлений данной категории;

2) социальные и психологические особенности личностных характеристик участников преступлений, связанных со взяточничеством.

Говоря о личностных особенностях участников рассматриваемого вида преступления в местах лишения свободы, необходимо учитывать, что ими могут быть как сотрудники ФСИН России, так и лица, лишенные свободы. В отдельную группу можно выделить родственников осужденных, а также иных лиц, способствующих совершению этих коррупционных сделок.

Основная масса аттестованных сотрудников ФСИН России, имеющих специальную подготовку и опыт работы в правоохранительных органах, обладает необходимым набором качеств, позволяющих им в полной мере оценивать правовые последствия принимаемых решений и поступков и действовать исходя из быстро меняющейся следственной ситуации. Кроме того, нельзя отрицать их обширные познания в психологии лиц, лишенных свободы (в зависимости от категории последних).

В общем виде психологические аспекты, определяющие мотивацию и целеполагание значительной части лиц, лишенных свободы, достаточно хорошо изучены. В данном случае необходимо отметить лишь те из них, которые тем или иным образом могут быть учтены следователем при организации работы по делам о взяточничестве в пенитенциарной сфере.

Во-первых, это желание большинства заключенных улучшить условия своего нахождения в изоляции (в том числе и изыскание возможности скорейшего освобождения). Здесь имеется в виду прежде всего стремление получить те блага, которые относятся к числу запрещенных в исправительных учреждениях: мобильная связь, алкогольные напитки и т. п. Вполне понятно, что без помощи представителей администрации учреждения достигнуть желаемого крайне затруднительно.

Во-вторых, многих осужденных отличает достаточно высокий уровень правового нигилизма, что, безусловно, способствует решимости совершать подобные правонарушения.

Вместе с тем, если лицо, лишенное свободы, становится жертвой вымогательства взятки, то вполне очевидно, что перечень возможностей, имеющихся у него для защиты своих прав и интересов, объективно меньше, чем у лица, находящегося на свободе. При этом нельзя исключать обоснованные опасения такого потерпевшего за свою жизнь, здоровье, вероятность ухудшения условий своего содержания. Так, известны случаи, когда лица из числа осужденных, после подачи ими заявления о вымогательстве

взятки со стороны сотрудника исправительного учреждения, подвергались физическому насилию со стороны других осужденных, связанных со взяточником, с целью заставить заявителя отказаться от своих показаний или изменить их.

Влияние подобных факторов во многом препятствует обнаружению следов взяточничества в местах лишения свободы, затрудняя процесс расследования и привлечения к ответственности виновных лиц.

Особую группу участников коррупционной схемы рассматриваемого вида преступления составляют лица, находящиеся на свободе и способствующие передаче предмета взятки должностному лицу ФСИН России. Как правило, это родственники лиц, содержащихся в местах лишения свободы, или состоящие с ними в близких отношениях (сведения о таких лицах встречаются в 87 % всех случаев). При этом важно заметить, что нередко указанные лица не знают всех обстоятельств дела. Они имеют самое общее представление о достигнутых договоренностях между участниками сделки, и характер их действий часто определяется необходимостью найти нужную сумму денег и передать ее лицу, указанному их родственником, находящимся в заключении.

Безусловно, лица данной категории в основном стремятся каким-либо образом облегчить положение своих близких, отбывающих наказание, нередко пренебрегая при этом нормами действующего законодательства. Поэтому указанное обстоятельство должно обязательно учитываться при планировании работы по делам о взяточничестве в местах лишения свободы.

Так, в оперативное управление УФСИН России по Владимирской области поступила информация о том, что дежурный инспектор ИК-5 майор внутренней службы П., являясь должностным лицом, за материальное вознаграждение передает мобильные телефоны осужденным, содержащимся в данном учреждении (нарушая при этом должностные инструкции и Правила внутреннего распорядка исправительного учреждения). Было установлено, что в начале марта 2009 г. П. передал осужденному Л. два сотовых телефона, а в качестве оплаты за вышеуказанные действия П. 18 марта 2009 г. должен был получить денежные средства от знакомой осужденного Л. Поскольку П. не знал ее в лицо, оперативными сотрудниками на роль посредницы была подобрана девушка, давшая согласие на избличение преступника и передачу ему денежных средств. Ей были переданы деньги в сумме 10 000 рублей купюрами по 500 рублей, с каждой из них предварительно были сняты ксерокопии, сделаны пометки и переписаны номера, о чем был составлен соответствующий акт.

В назначенное время девушка находилась в сквере (место было выбрано П.), к ней подошел

молодой человек, идентифицированный как П., обменялся с ней несколькими фразами, она передала ему пакет, а на выходе из сквера он был задержан сотрудниками отдела противодействия преступным группам оперативного управления УФСИН России по Владимирской области. При личном досмотре у П. был изъят пакет с деньгами в сумме 10 000 рублей.

Несмотря на то, что при подготовке к проведению этого мероприятия и были допущены некоторые недоработки, связанные с формированием доказательственной базы (не производилась звукозапись разговора П. и посредницы, не осуществлялась видеосъемка момента передачи денег, одни и те же понятия участвовали при вручении денег посреднице и при задержании и досмотре П.), что могло ослабить позицию обвинения, тем не менее вина П. была доказана (Архив Ленин. район. суда г. Владимира. Уголов. дело № 1-202).

Названные факторы, оказывающие определенное влияние на специфику расследования взяточничества в пенитенциарной системе, носят в значительной степени общий характер и поэтому могут быть конкретизированы в зависимости от особенностей функционирования отдельных видов исправительных учреждений: по территориальным признакам; исходя из режима содержания; состава спецконтингента и степени общественной опасности группировок, доминирующих в учреждении, и т. д.

Бесспорно, выявление преступлений, связанных со взяточничеством в исправительных учреждениях, как правило, невозможно без участия самих осужденных (арестованных). При этом, как показывает практика, формы информирования о преступлении со стороны последних могут быть различными. В результате проведенного нами исследования были определены следующие формы таких сообщений:

- передача сведений о готовящемся взяточничестве родственникам (близким), находящимся на свободе, с целью последующего сообщения в правоохранительные органы;

- обращение в оперативное подразделение исправительного учреждения, в том числе с использованием помощи иных лиц в целях личной безопасности.

Мотивами таких обращений являются нежелание участвовать в преступлении из-за опасения возможного уголовного наказания; стремление избежать повторных вымогательств со стороны сотрудников администрации и иные внутренние побуждения, обусловленные прежде всего соображениями «практического» и утилитарного характера.

Так, между осужденным К., отбывающим наказание в ФБУ ЛИУ-8, и заместителем начальника отдела безопасности этого учреждения Л. была достигнута договоренность о том, что последний за вознаграждение в размере 3000 рублей передаст К. мобильный телефон. Получение денег и мобильно-

го телефона Л. должен был осуществить через знакомого К. – С., недавно освободившегося из этого ЛИУ. В целях реализации преступного замысла К. по сотовому телефону позвонил С. и сообщил, что сотрудник ЛИУ-8 может принести ему сотовый телефон за 3000 рублей, но при этом К. опасался, что у него могут возникнуть проблемы при освобождении. В связи с этим он принял решение сообщить о готовящейся передаче денег оперативным сотрудникам ЛИУ-8 и попросил С. сделать это. С. передал соответствующую информацию в оперативный отдел данного учреждения и согласился на последующее участие в оперативном эксперименте. В оперативном отделе С. получил по акту денежные средства в размере 3000 рублей, телефон Samsung C 260 и диктофон с микрокассетой. С купюр были сняты копии и переписаны их номера.

Местом передачи денег была определена автостоянка для служебного транспорта ЛИУ-8. В назначенное время из учреждения к автостоянке вышел Л. и после короткого разговора с С. сел к нему в автомобиль. Через несколько минут Л. вышел из автомобиля и был задержан оперативными сотрудниками. В ходе досмотра при нем были обнаружены заранее подготовленные денежные купюры и телефон. Впоследствии вина Л. в вымогательстве и получении взятки была доказана (Архив Киржач. район. суда. Уголов. дело № 1-115/09).

Необходимо отметить, что должностные лица ФСИН России, задерживаемые с поличным при получении предмета взятки в большинстве случаев (77 %) давали правдивые показания относительно инкриминируемого им деяния – конкретного эпизода, за совершение которого они и были задержаны. В таких ситуациях важную роль играет фактор внезапности, который в значительной мере лишает подозреваемого возможности обдумать и изложить свою версию происшедшего. С учетом этого нам представляется весьма целесообразной и необходимой постановка перед задержанным вопросов об иных случаях совершенного им взяточничества именно в ходе первого допроса. Однако на практике, как показывают результаты нашего исследования, это осуществлялось только в 5 % всех случаев. Между тем, учитывая уровень специальной подготовки аттестованных сотрудников уголовно-исполнительной системы, можно с определенной степенью вероятности моделировать поведение части подозреваемых, не склонных сотрудничать со следствием, в ходе последующих допросов, когда подобные обстоятельства будут выясняться. Это, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости особо тщательной подготовки к первому допросу (или опросу) подозреваемого, в ходе которой, наряду с мыслительной деятельностью следователя, важное место должно отводиться оперативно-розыскным мероприятиям, направленным на установление соответствующих криминалистически значимых сведений.

Эффективными средствами получения доказательств являются обыск (ст. 182 УПК РФ) и выемка (ст. 183 УПК РФ). Проведенное нами исследование показало, что в ходе расследования взяточничества в исправительных учреждениях объектами обыска в большинстве случаев являлись помещения, главным образом жилые, принадлежащие подозреваемым или находившиеся в их пользовании. Практика свидетельствует, что в ходе подобных обысков нередко изымаются предметы и документы, представляющие интерес как объекты последующего технико-криминалистического исследования и как носители информации ориентирующего характера. В их числе можно особо выделить такие как: SIM-карты различных операторов сотовой связи; записи на различных носителях, содержащие сведения о контактах подозреваемого (в том числе с элементами шифровки), и т. д.

Следует отметить, что в материалах уголовных дел рассматриваемой категории практически отсутствуют сведения о поисковой деятельности следователя, направленной на выявление иных возможных мест хранения денег и ценностей, полученных преступным путем и размещенных на депозитах в кредитных организациях, превращенных в акции, сертификаты, векселя и т. д. Данное обстоятельство, на наш взгляд, объясняется недооценкой следователем как возможностей самих взяточников, так и вероятного масштаба (включая количество эпизодов) преступной деятельности. Полагаем, что с учетом современного развития финансовых институтов и осведомленности о них широкого круга субъектов исследуемых правонарушений планирование соответствующих мероприятий должно стать значимым элементом первоначального этапа расследования взяточничества в системе ФСИН России.

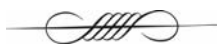
Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Процесс раскрытия и расследования взяточничества в сфере УИС в значительной степени детерминирован рядом факторов, среди которых: 1) специфические особенности обстановки совершения и сокрытия преступлений данной категории; 2) социальные и психологические особенности субъектов взяточничества.

2. В процессе планирования следственных действий и связанных с ними оперативно-розыскных мероприятий необходимо учитывать особый статус получателя взятки, предполагающий наличие у него специальных правовых познаний, возможности влиять как на взятодателя из числа осужденных, так и на свидетелей – лиц, также лишенных свободы и ограниченных в выборе средств защиты своих субъективных прав. В этой связи целесообразными следует признать меры, предложенные в Концепции и направленные на расширение доступа осужденных к средствам передачи криминалистически важной информации.

3. С учетом конкретных положений Концепции и практики борьбы со взяточничеством в пенитенциарной сфере могут быть определены направления целевой подготовки (и переподготовки) сотрудников подразделений собственной безопасности. При этом особое внимание должно быть уделено вопросам обнаружения, систематизации криминалистически значимых сведений и надлежащего оформления результатов следственно-оперативных мероприятий.

4. Учитывая особенности характера следообразования и формирования показаний лиц, причастных к коррупционной деятельности в исправительных учреждениях, необходимо определить пути оптимизации производства отдельных следственных действий, направленных на получение доказательственной информации на первоначальном этапе расследования взяточничества в уголовно-исполнительной сфере.

Библиографический список

1. Кулагин Н. И. Организация и тактика предварительного следствия в местах лишения свободы : учеб. пособие / Н. И. Кулагин. – Волгоград : ВСИШ МВД СССР, 1977.
2. Марков А. Я. Расследование преступлений против здоровья в исправительно-трудовых учреждениях / А. Я. Марков. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1981.
3. Петуховский М. А. Расследование действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений : учеб. пособие / М. А. Петуховский. – Караганда : КВИШ МВД СССР, 1980.
4. Шурухнов Н. Г. Расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях : монография / Н. Г. Шурухнов. – М. : Акад. МВД России, 1992.

References

1. Kulagin N. I. Organization and Tactics of Preliminary Investigation in Imprisonment Places / N. I. Kulagin. – Volgograd : Higher Investigations School of the Ministry of the Internal Affairs of the USSR, 1977.
2. Markov A. Ya. Investigation of Crimes Against Health in Corrective Labour Institutions / A. Ya. Markov. – M. : All-Union Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1981.
3. Petukhovskiy M. A. Investigation of the Actions Disorganizing Work of Corrective Labour Facilities / M. A. Petukhovskiy. – Karaganda : Karaganda Higher School of the Ministry of the Internal Affairs of the USSR, 1980.
4. Shurukhnov N. G. Investigation of Crimes Committed by the Condemned in Corrective Labour Facilities / N. G. Shurukhnov. – M. : Acad. of the Ministry of the Internal Affairs, 1992.

М. Х. Ефаров,
преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России

M. H. Efarov,
Lecturer of the Department of Criminal Procedure
of VLI of the FPS of Russia

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БОРЬБЫ ОПЕРАТИВНЫХ АППАРАТОВ УИС
С КРАЖАМИ ТОВАРНО-МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

**Improvement of Struggle with Thefts of Material and Goods Values by Operative Bodies
of the Penitentiary System**

Аннотация. В статье анализируются особенности борьбы оперативных аппаратов УИС с кражами товарно-материальных ценностей, предлагается комплекс мероприятий, направленный на совершенствование данной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовно-исполнительная система, оперативные подразделения, кража, особенности, латентность.

Abstract. The article analyzes the peculiarities of struggle with thefts of material and goods values by operative bodies of the penitentiary system. A complex of actions aimed at improving this activity is offered.

Key words: crime detection activity, penal system, operative divisions, theft, peculiarities, latency.

Социально-экономические процессы, происходящие в российском обществе на современном этапе, сопровождаются как положительными, так и отрицательными моментами. Среди последних немаловажную роль играет преступность, а в ее структуре – кражи чужого имущества. За последние несколько лет их количество в общем объеме преступности остается значительным. Так, по данным МВД России, только в 2010 г. в стране было совершено 1108,4 тыс. краж (МВД РФ : [сайт]. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics).

Для краж, совершаемых в настоящее время, характерны следующие основные тенденции:

- увеличение доли противоправных деяний, совершенных организованными преступными группами;
- возрастание удельного веса преступлений, совершенных лицами с соответствующей преступной специализацией.

Будучи отражением процессов, происходящих в стране и обществе, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) не свободны от фактов совершения разнообразных хищений, в том числе и краж.

При общей тенденции к снижению количества преступлений, совершаемых в учреждениях УИС (2007 г. – 1258 преступлений; 2008 г. – 1044; 2009 г. – 983; 2010 г. – 1024)¹, число краж на ее объектах в процентном отношении к общему количеству преступлений остается стабильным и колеблется в пределах 2 % (2007 г. – 23 кражи; 2008 г. – 17; 2009 г. – 15; 2010 г. – 16). Так, из 1024 преступлений, зарегистрированных в 2010 г. в учреждениях УИС России, 16 преступ-

лений – это кражи, что составляет 1,6 %. По данным проведенного нами исследования, этот вид преступлений характеризуется высокой степенью латентности и совершается как осужденными, так и представителями различных категорий администрации (рядовыми сотрудниками и вольнонаемными работниками, руководителями учреждений и органов УИС).

Кражи, совершаемые в учреждениях и органах УИС, имеют ряд особенностей, в числе которых можно выделить следующие.

1. Субъекты совершения краж на объектах УИС, обладающие служебными полномочиями по борьбе с преступностью, препятствуют официальной регистрации преступлений. Пример: сотрудник предприятия исправительной колонии, совершив кражу трех костюмов маскировочной расцветки и вынеся их за пределы исправительного учреждения, при обнаружении недостачи предложил оформить ее как результат недопоставки пошивочного материала, мотивируя это нежеланием давать показания, нести дисциплинарную ответственность и т. д.

2. Субъекты совершения краж на объектах УИС, не обладающие указанными полномочиями, при подготовке или совершении преступления рассчитывают на то, что даже если преступление будет выявлено, то оно не будет зарегистрировано, так как регистрация совершенных преступлений отрицательно влияет на комплексную оценку деятельности учреждения либо органа УИС. Пример: осужденные, пользовавшиеся правом передвижения без конвоя и работавшие в гараже исправительного учреждения за пределами охраняемой зоны, пользуясь бесконтрольностью, разобрали находившийся на территории гаража неэксплуатирующийся автомобиль. Сняв ряд деталей из цветного металла, осужденные

© Ефаров М. Х., 2011

¹ Здесь и далее официальные статистические данные ФСИН России.

сдали их в пункт сбора. Понимая, что кража, без сомнения, будет обнаружена, осужденные рассчитывали, что розыск преступников вестись не будет, автомобиль спишут с учета в связи с большим износом.

3. Совершаемые в учреждениях УИС кражи характеризуются малозначительностью, но имеют постоянный характер, что приводит к серьезным материальным потерям для государства. Пример: повар столовой для персонала исправительной колонии ежедневно выносила с территории учреждения продукты питания, которые она не закладывала при приготовлении пищи: картофель, лук, майонез, чай, сахар и т. д. Однако системный характер совершаемого деяния (что было своевременно задокументировано с помощью оперативной техники) обеспечил возможность привлечения виновной к уголовной ответственности.

4. В ряде случаев субъектами совершения краж являются представители администрации исправительного учреждения. Они, используя свои властные полномочия, вовлекают в преступную деятельность осужденных. Пример: начальник одного из отделов исправительной колонии обязал подчиненных осужденных осуществлять сбор цветного металла на территории колонии, расплачиваясь за это чаем и сигаретами. Собранный осужденными металл офицер выносил за территорию исправительного учреждения и сдавал в пункты приема.

5. Предметом кражи в ряде случаев служат различные материалы (металл, ткань, дерево), которые обрабатываются осужденными и лишь потом сбываются представителям администрации. Пример: осужденные сняли с не эксплуатируемого на предприятии исправительной колонии производственного оборудования контакты, выполненные из технического серебра, переработали их в крестики и цепочки и продавали за чай и сигареты.

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что совершение краж в учреждениях и органах УИС имеет значительно больший объем, чем тот, который представлен официальной статистикой. Для того чтобы представить истинное положение, достаточно произвести несложные расчеты. Так, в одном исправительном учреждении совершается около трех краж в год (с производства, столовой и т. д.). По состоянию на 1 июля 2011 г., в России функционируют: 661 исправительная колония, 230 следственных изоляторов, 7 тюрем, 47 воспитательных колоний, итого – 945 учреждений; $3 \times 945 = 2835$. Таким образом, полученный нами результат в сотни раз превышает официальные данные. Кроме того, в системе ФСИН России действуют 87 территориальных органов, сотрудники которых также имеют возможность совершать кражи различного имущества (узлов и деталей автотранспорта, бензина и т. д.).

Проблема «лукавой статистики» известна давно, однако до последнего времени она не признавалась государственными структурами. На существование скрытой преступности указывали еще родоначальники научной статистики. Например, А. Кетле, бельгийский ученый, социолог-позитивист, говорил, что известна лишь часть всех совершающихся преступлений (Кетле А. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Киев, 1911. Т. 1. С. 262). К. К. Горяинов также отмечал, что фактическая преступность больше обнаруженной, а последняя – зарегистрированной (Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994. С. 76). Проблему латентности преступлений разрабатывали Ю. М. Антонян (Антонян Ю. М. Современная российская насильственная преступность // Насильственная преступность: новые угрозы : сб. науч. тр. Рязань ; М., 2004), А. И. Долгова (Долгова А. И. Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом: Преступность и общество. М., 1992. Вып. 3), И. И. Карпец (Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992) и ряд других ученых. По нашему мнению (которое разделяется большинством опрошенных нами оперативных работников), причина ее появления заключается в существующем порядке оценивания результатов деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений с использованием системы рейтинговых показателей и сложившейся в порочной практике необходимости постоянного роста этих показателей. Следуя ей, оперативные подразделения УИС должны постоянно превосходить свои же результаты, достигнутые в прошедшем отчетном периоде. Применительно к рассматриваемому вопросу, качество работы оперативных сотрудников оценивается в первую очередь по росту «положительных» (количество заведенных дел оперативного учета, сообщений, направленных в иные субъекты оперативно-розыскной деятельности и способствовавших раскрытию преступлений, и т. д.) и снижению «отрицательных» (количество зарегистрированных преступлений, грубых нарушений режима содержания и др.) параметров. Таким образом, регистрация преступлений, даже носящих «предупредительный» характер (изъятие наркотиков у осужденных – ст. 228 УК РФ; пресечение побега на стадии предварительной подготовки или покушения – ст. 30, 313 УК РФ; пресечение убийства на стадии предварительной подготовки или покушения – ст. 30, 105 УК РФ) вызывает, тем не менее, снижение рейтинговых показателей.

Кроме того, количество зарегистрированных преступлений влияет на оценку эффективности деятельности не только оперативного подразделения, но и исправительного учреждения в це-

лом. Учреждения, где совершены преступления, в сводках значатся как подразделения с неблагополучной оперативной обстановкой, что имеет определенные отрицательные последствия организационно-правового характера и для администрации данной исправительной колонии, и для каждого сотрудника персонально. В этом плане совершенно справедливо замечание И. И. Карпеца о том, что данное обстоятельство, безусловно, толкает представителей администрации колонии на «укрытие преступлений, чтобы показать благополучие в деятельности исправительного учреждения» (Карпец И. И. Указ. соч. С. 286).

Представляется, что такой подход к оценке преступных деяний осужденных является не только неправильным, но и в значительной степени опасным, поскольку позволяет части преступников избежать уголовной ответственности за совершенные деяния. Профессор А. И. Долгова права: «там, где не пресекают преступную деятельность, не разоблачают виновных и не применяют к ним предусмотренные законом меры, преступность растет, причем увеличивается число преднамеренных деяний, в преступности нарастает явление организованности и криминального профессионализма, происходит вовлечение в преступную деятельность новых лиц» (Долгова А. И. Указ. соч. С. 10).

Выходом из создавшейся ситуации, по нашему мнению, может быть разработка таких критериев оценки работы оперативных подразделений исправительных учреждений, которые стимулировали бы максимально полное выявление преступлений, их регистрацию и учет, учитывали бы не только количество преступлений, совершенных осужденными, но и деятельность оперативных сотрудников по их предупреждению и пресечению. Наиболее важным из указанных критериев, на наш взгляд, является количество совершенных преступлений, причем, если преступление было выявлено оперативным составом, то оно должно оцениваться как положительный результат деятельности оперативного подразделения и всего учреждения в целом. Кроме того, имеющим значение представляется число предупрежденных преступлений (без возбуждения уголовного дела).

Вместе с тем оперативные подразделения УИС ведут работу не только по пресечению и раскрытию, но и по предупреждению краж товарно-материальных ценностей. Так, в 2010 г. в результате проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий оперативные сотрудники УИС предотвратили 1162 кражи, в 2009 г. – 1252 аналогичных преступления.

Однако в настоящее время оперативная обстановка, связанная с рассматриваемым направлением работы на объектах УИС, характеризуется не только количественными, но и качествен-

ными изменениями. Все больше совершается хорошо подготовленных, тщательно маскируемых краж с использованием предварительно досконально продуманных и практически проверенных каналов сбыта похищенного.

В значительной степени негативные тенденции в сфере борьбы с кражами на объектах УИС спровоцированы бесконтрольностью, лавинообразным увеличением числа объектов хранения имущества, отсутствием продуманных мер по обеспечению сохранности имущества и др.

Одними из основных факторов, которые способствуют совершению краж на объектах УИС, являются:

- недостатки в организационно-тактической деятельности оперативных аппаратов учреждений и органов УИС;
- отсутствие системы мер по оперативному и качественному реагированию на соответствующую оперативную информацию;
- слабая оперативная осведомленность о подозреваемых лицах, их намерениях и фактах преступной деятельности;
- отсутствие специальной подготовки сотрудников оперативных аппаратов по предупреждению и раскрытию хищений и т. п.

Все перечисленные обстоятельства, на наш взгляд, создают преступникам благоприятные условия для длительной противоправной деятельности, провоцируют их на совершение новых, более подготовленных преступлений. В целом следует признать, что каких-либо серьезных препятствий преступникам, совершающим кражи, на настоящий момент не создано.

Кроме того, недостаточно эффективно организована работа по выявлению и обобщению положительного опыта предупреждения и раскрытия краж в различных видах исправительных учреждений. В итоге каких-либо инструкций, методических рекомендаций по раскрытию преступлений рассматриваемого вида в учреждения и органы УИС не поступает, что существенно снижает результаты деятельности оперативных сотрудников по предупреждению и раскрытию краж.

Выходом из создавшегося положения может стать следующий комплекс мероприятий, направленный на совершенствование деятельности оперативных подразделений УИС по борьбе с кражами товарно-материальных ценностей.

1. Обобщение одним из научных коллективов практики (как отрицательной, так и положительной) работы оперативных подразделений по данному направлению.

2. Пересмотр оценочных критериев деятельности оперативных подразделений, главными из которых должны стать количество предупрежденных и совершенных преступлений. Рейтинг должен складываться путем оценки составов и

обстоятельств совершенных преступлений. Например, совершение кражи бесхозной детали из цветного металла не должно приравниваться к кражам тех же металлов, но совершаемым систематически и (или) группой лиц по предварительному сговору.

3. Введение в образовательных учреждениях ФСИН России специального курса по изучению организации и тактики предупреждения и раскрытия краж на объектах УИС.

4. Разработка методического обеспечения вышеуказанного спецкурса в образовательных

учреждениях ФСИН России и практической деятельности оперативного состава по рассматриваемому направлению.

5. Включение в ведомственные статистические отчеты следующих новых позиций: а) количество хищений (в том числе краж); б) причиненный ими материальный ущерб; в) количество лиц, привлеченных к дисциплинарной и материальной ответственности за мелкие хищения. Указанная мера, на наш взгляд, поможет объективно оценивать состояние борьбы с совершением краж на объектах УИС.

Библиографический список

1. *Антонян Ю. М.* Современная российская насильственная преступность / Ю. М. Антонян // Насильственная преступность: новые угрозы : сб. науч. тр. – Рязань : АПУ Минюста России ; М. : Ин-т гуманит. образования, 2004.

2. *Горяинов К. К.* Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования / К. К. Горяинов, А. П. Исиченко, Л. В. Кондратьев. – М. : ВНИИ МВД РФ, 1994.

3. *Долгова А. И.* Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом: Преступность и общество / А. И. Долгова ; отв. ред. Л. Л. Ананиан. – М. : ИНИОН РАН, 1992. – Вып. 3.

4. *Карпец И. И.* Преступность: иллюзии и реальность / И. И. Карпец. – М. : Рос. право, 1992.

5. *Кетле А.* Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей : в 2 т. / А. Кетле. – Киев : [Киев. коммерч. ин-т], 1911–1913. – 2 т.

References

1. *Antonyan Yu. M.* Modern Russian Violent Crimes / Yu. M. Antonyan // Violent Crimes: New Threats. – Ryazan : Acad. of Law and Management of the Ministry of the Justice of Russia ; M. : Institute of Humanities, 2004.

2. *Goryainov K. K.* Latent Crime in Russia : Experience of Theoretical and Applied Research / K. K. Goryainov, A. P. Isichenko, L. V. Kondratyuk. – M. : All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, 1994.

3. *Dolgova A. I.* Acute Problems of Struggle with Crimes in Russia and Abroad / A. I. Dolgova ; ed. by L. L. Ananian. – M. : ISSS of the RAS, 1992. – Iss. 3.

4. *Karpets I. I.* Crime: Illusions and Reality / I. I. Karpets. – M. : Russian Law, 1992.

5. *Kettle A.* Social Physics, or Experience Experience of Research of Human Capacities : in 2 vol. / A. Kettle. – Kiev : Kiev Institute of Commerce, 1911–1913. – 2 vol.

Л. В. Казаринова,
старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

L. V. Kazarinova,
Senior Lecturer of the Department
of Criminal Procedure
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ
ПРИ ПОЛУЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

**Procedural Aspects of Maintaining Safety of Condemned When Receiving Criminalistically
Important Information During Investigation of Crimes in Imprisonment Places**

Аннотация. В статье рассмотрены понятия «информация» и «криминалистически значимая информация», а также вопросы, касающиеся обеспечения безопасности осужденных при расследовании преступлений, совершенных в местах лишения свободы.

Ключевые слова: безопасность, осужденный, криминалистически значимая информация.

Abstract. In the article the concepts of «information» and «criminalistically important information» are considered as well as the issues of maintaining safety of the condemned while investigating crimes in imprisonment places are featured.

Key words: safety, condemned, criminalistically important information.

Понятие «информация» – одно из самых фундаментальных в современной науке. Наряду с такими понятиями, как вещество, энергия, пространство и время, оно составляет основу современной научной картины мира. Слово «информация» в настоящее время используется и в повседневной речи, и в научных исследованиях. Оно произошло от латинского слова *informatio*, что в переводе означает сведение, разъяснение, ознакомление, изложение.

В русский язык слово «информация» было заимствовано во времена правления Петра I и изначально употреблялось в значении «идея, наука» (Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Изд. 3-е. М., 1999. Т. 1. С. 335). Но только в XX в. информация стала предметом подлинно научного изучения. В 1928 г. было положено начало новой науки – теории информации, когда американский ученый-электронщик Ральф Хартли опубликовал в журнале *Bell System* статью «Передача информации». Он ввел понятие информации как случайной переменной и первым попытался определить «меру информации». Позже, в 1948 г., американский инженер и математик Клод Шеннон предложил определять меру количества информации через единицу информации – бит, принятую в настоящее время. Эта единица использовалась для оценки качества устройств связи: скорости передачи, способов кодирования и пропускной способности. При этом понятие «информация», вводимое через ее количество, по существу, не отличалось от содержания обыденного его понимания – отображение, знания, сведения.

Понятие «криминалистическая информация» было введено в научный оборот Н. С. Полевым. Под ним он понимал «информацию, характеризующую событие преступления и отдельные его элементы» (Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. М., 1989. С. 129). Вместе с тем существуют и другие взгляды на природу и роль информации, используемой в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Расследование с позиции криминалистической науки представляет собой процесс создания информационной модели события преступления. Это становится возможным только при наличии определенных сведений, которые составляют основу создаваемой модели. В процессе расследования такой основой выступает криминалистически значимая информация. «Приложение понятий теории информации к задачам науки криминалистики позволяет решать многие проблемы расследования и судебного рассмотрения дел» (Колдин В. Я., Поташник Д. П. Информационные основы экспертно-криминалистического анализа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1999. № 4. С. 14). При этом она используется либо непосредственно в качестве улик и доказательств при расследовании уголовного дела, либо опосредованно – через систему криминалистической регистрации, где она накапливается, систематизируется и хранится длительное, неограниченное сроками расследования преступления время (Карлов В. Я. Использование криминалистической техники в расследовании преступлений : науч.-практ. пособие для вузов. М., 2006. С. 160).

К специальным свойствам информации, с учетом особенностей применения общей теории

информации к теории уголовно-процессуального познания, можно отнести следующие.

1. Информация должна иметь свой источник или своего носителя. Им может быть один из материальных объектов – предмет, документ или человек.

2. Информация должна иметь своего потребителя, пусть даже потенциального. Невостребованная информация теряет актуальность.

3. Информация должна иметь определенную форму. Она должна быть восприимчива чувственно, непосредственно субъектом познания, и поэтому она облекается в устную, письменную, электронную и другие формы.

4. Информация должна обладать свойством относимости, что определяется в зависимости от существа расследуемого преступного события. Относимость информации определяется, как правило, ее значимостью по отношению к предмету доказывания (ст. 73 УПК РФ).

5. Информация должна быть значима, т. е. ценна и необходима субъекту уголовно-процессуального познания и в то же время ее следует использовать не оптом, а избирательно – в зависимости от решаемых процессуальных, поисковых или организационных задач.

6. Информация всегда множественна и разнообразна. Любое событие согласно законам природы отражается, во-первых, во множестве окружающих объектов, а во-вторых, в каждом из них по-своему, различно.

7. Информация может собираться, исследоваться, оцениваться и использоваться для решения задач уголовного процесса. При собирании источники криминалистически значимой информации необходимо обнаружить, зафиксировать, изъять. Основными способами собирания, исследования (анализа) и оценки криминалистически значимой информации является производство следственных действий, неотложных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, режимных мероприятий.

8. Основным пользователем информации является лицо, в чьем производстве находится уголовное дело. Кроме того, информацию в той или иной степени могут использовать все участники уголовного судопроизводства (п. 58 ст. 5 УПК РФ).

9. Информация может быть искажена либо ее источником, либо при ее передаче по каналам связи (Зуев С. В. Информационное обеспечение уголовного процесса : метод. рекомендации. Челябинск, 2006. С. 8).

Расследуя преступления, совершенные в исправительных учреждениях, следует уделять особое внимание тому обстоятельству, что при любых социальных контактах, представляющих угрозу для личной безопасности, осужденные нередко проявляют импульсивность и агрессив-

ность. Более того, они обладают достаточно устойчивыми, иногда навязчивыми предубеждениями и психологическими установками, которые с трудом поддаются коррекции. Как правило, в основном осужденные не раскаиваются в совершении преступления, в своих неудачах и промахах стремятся обвинить других, а не себя (Казберов П., Мокрецов А. Современные «обитатели» исправительных учреждений // Преступление и наказание. 2009. № 7. С. 12), чаще всего продолжают свою преступную деятельность в местах отбывания наказания.

В таких условиях расследование преступлений, совершенных в местах лишения свободы, представляет значительную сложность. Весьма актуальным в данном случае является принятие мер безопасности, которые следует рассматривать как обязанность компетентного органа. невыполнение этой обязанности может повлечь наложение процессуальной или иной ответственности. Кроме того, применение мер безопасности должностными лицами должно включать элемент согласия участников процесса на содействие уголовному судопроизводству. При отсутствии данного согласия обеспечить безопасность участникам уголовного процесса при расследовании преступлений, совершенных в пенитенциарных учреждениях, весьма затруднительно.

Исследуя проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях расследования преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, необходимо отметить, что первоначальное расследование по ним возлагается на орган дознания. Чаще всего в лице органа дознания выступают сотрудники оперативных подразделений мест лишения свободы.

Мы разделяем точку зрения А. А. Юнусова о том, что к факторам угрозы, возникающим при расследовании преступлений, относятся следующие: время действия, статус лица, оказывающего воздействие, повторение угрозы, внешнее проявление угрозы (жесты, интонация, демонстрация оружия, физической силы, обстановка, внешность воздействующего субъекта), сама личность (характер, психика, темперамент) (Юнусов А. А. Обережение участников уголовного процесса и их близких : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. С. 67). Вышеперечисленное, безусловно, относится и к преступлениям, совершенным в местах лишения свободы.

Нередко осужденные прибегают к комбинированным способам, включающим как психическое воздействие на свидетелей, потерпевших из числа осужденных, так и склонение их к отказу от сотрудничества с правоохранительными органами. Причем это осуществляется вместе с угрозой применения насилия в случае отказа.

Обеспечение уголовно-процессуальной безопасности личности является составной частью понятия «обеспечение законных интересов личности» и соответственно важнейшей функцией каждого государства.

В структуре механизма обеспечения видов безопасности необходимо различать объективно существующие охрану и защиту как взаимосвязанные, но в то же время самостоятельные формы видов правовой безопасности. Охрана есть единство правового воздействия статичности и динамики мер, способов механизма правовой безопасности. Она заключается прежде всего в том, что правовые меры безопасности не применяются, но своим наличием упреждают противоправные посягательства на обеспечение и обеспеченную безопасность личности, общества, государства. Под защитой следует понимать уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и связанные с их реализацией оперативно-розыскные меры, которыми обеспечивается защита потерпевших, свидетелей, других лиц, содействующих уголовному судопроизводству, иных участников процесса, их прав от реальных криминальных угроз и посягательств. То есть согласно значению слова «защитить», охраняя, оградить от посягательств, враждебных действий, опасностей, а также обезопасить, предохранить от чего-либо или кого-нибудь (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 196).

В концепции правовой безопасности представляется существенно важным то, что права, свободы человека органично вплетаются в общественные отношения и являются нормативной формой взаимодействия людей, упорядочения их связей, координации поступков и деятельности, предотвращения противоречий, противоборств, конфликтов. По своему существу они нормативно формулируют те условия и способы жизнедеятельности людей, которые объективно необходимы для нормального функционирования индивида, общества, государства. Эти формы, условия, способы обеспечения функционирования личности, общества, государства есть не что иное, как проявление правовой безопасности, являющейся одним из сущностных социально-правовых свойств, предназначений прав, свобод, законных интересов человека. Реализация прав, свобод есть материализация правовой безопасности. Осуществленная безопасность – это материализованность содержания конституционных и иных законных прав, свобод, интересов человека и гражданина, включающих присущее их содержанию «совокупное право на безопасность», посредством которой обеспечиваются в конечном счете интересы гражданского общества, правового государства или виды национальной безопасности.

Поскольку расследование преступлений, совершенных в пенитенциарных учреждениях, является достаточно сложным и специфическим процессом, обусловленным рядом обстоятельств (высокий уровень угроз со стороны других осужденных на осужденных, входящих в уголовно-процессуальные отношения в качестве потерпевших, свидетелей, а также подозреваемых и обвиняемых; влияние тюремной субкультуры и т. п.), то вопрос о том, как обеспечить защиту осужденных, которые вовлечены в уголовный процесс, сегодня остается крайне серьезным и открытым.

В связи с вышеизложенным предлагаем сформулировать определение понятия «меры обеспечения безопасности осужденных» и осуществить их классификацию. Итак, меры обеспечения безопасности осужденных – это вид государственной защиты осужденных, включающий в себя деятельность учреждений и органов ФСИН России, направленную на предупреждение воздействий противоправного характера на участников уголовного судопроизводства, обеспечение законных прав и интересов осужденных, создание условий для нормального осуществления расследования преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Меры обеспечения безопасности осужденных при производстве расследования преступлений в пенитенциарных учреждениях можно классифицировать следующим образом:

- меры безопасности прав и законных интересов осужденных, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства по преступлениям, совершенным в местах лишения свободы;
- меры безопасности прав и законных интересов осужденных при осуществлении режимных мероприятий на этапе проверки сообщений и заявлений по факту преступлений, совершенных на территории мест лишения свободы;
- меры безопасности прав и законных интересов осужденных на стадии возбуждения уголовного дела по факту преступлений, совершенных в местах лишения свободы;
- меры безопасности прав и законных интересов осужденных при производстве неотложных следственных действий по факту преступлений, совершенных в местах лишения свободы;
- меры обеспечения безопасности прав и законных интересов осужденных при производстве предварительного расследования по факту преступлений, совершенных в местах лишения свободы;
- меры безопасности прав и законных интересов осужденных, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий;
- меры безопасности прав и законных интересов близких лиц, родственников и близких род-

ственников осужденных, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства или содействующих ему.

Таким образом, криминалистически значимая информация является важным элементом, способствующим познанию сущности деяния и определению наиболее эффективных тактических и технических приемов его выявления, а также доброкачественному производству след-

ственных действий. При этом в процессе получения криминалистически значимой информации посредством производства следственных действий нужно обезопасить права и законные интересы осужденных, что является необходимым условием для объективного и качественного расследования преступлений различных категорий, в том числе совершенных в пенитенциарных учреждениях.

Библиографический список

1. Зуев С. В. Информационное обеспечение уголовного процесса : метод. рекомендации / С. В. Зуев ; Челяб. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – Челябинск : ЧЮИ МВД России, 2006.
2. Карлов В. Я. Использование криминалистической техники в расследовании преступлений : науч.-практ. пособие для вузов / В. Я. Карлов. – М. : Экзамен, 2006.
3. Колдин В. Я. Информационные основы экспертно-криминалистического анализа / В. Я. Колдин, Д. П. Поташник // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 1999. – № 4.
4. Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика / Н. С. Полевой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989.
5. Юнусов А. А. Обережение участников уголовного процесса и их близких : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Юнусов Ахат Ахнафович. – Н. Новгород, 1998.

References

1. Zuev S. V. Information Support of a Criminal Procedure / S. V. Zuev. – Chelyabinsk : Chelyabinsk Legal Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, 2006.
2. Karlov V. Ya. Use of a Criminalistics Technique in Investigating Crimes / V. Ya. Karlov. – M. : Ekzamen, 2006.
3. Koldin V. Ya. Informational Basics of Expert and Criminalistics Analysis / V. Ya. Koldin, D. P. Potashnik // Bull. of Moscow University. Ser. 11, Pravo. – 1999. – № 4.
4. Polevoy N. S. Criminalistics Cybernetics / N. S. Polevoy. – M. Moscow University, 1989.
5. Yunusov A. A. Taking Care of Participants of Criminal Procedure and People Close to Them / Yunusov Ahat Ahnafovich. – N. Novgorod, 1998.

А. А. Коровин,
адъюнкт НИИ ФСИН России

A. A. Korovin,
post-graduate student of the Research Institute
of the FPS of Russia

**НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ И МЕР
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА С УЧЕТОМ ОПЫТА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ**

**Some Ways of Developing the Russian System of Execution of Punishments and Measures of Criminal and Legal Nature
without Isolation from the Society (Taking into Account Positive Practice of European States)**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы возникновения служб пробации в ряде государств Европы, цели их создания, круг функций, а также перспективы развития российской системы исполнения наказаний без изоляции от общества и возможность реализации в ее деятельности функций аналогичных европейских ведомств. Автором предложены примерная структура проекта Концепции развития российской системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества, до 2020 года и этапы ее реализации.

Ключевые слова: европейские стандарты, зарубежный опыт, альтернативные наказания и меры, уголовно-исполнительные инспекции, концепция развития российской системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Abstract. The article deals with the establishment and development of probation services in some European states, considers their purposes and functions as well as the perspectives of the development of the Russian system of execution of punishments without isolation from the society and the possibility of realization the functions of the corresponding European departments in their activity. The author suggests a draft structure of the Concept paper for developing the Russian system of execution of punishments and measures of criminal and legal nature not connected with the isolation of the condemned from the society sanctions and measures up to 2020 and the stages of its accomplishing.

Key words: European standards, positive foreign practice, alternative sanctions and measures, penal inspections, concept for developing the system of execution of punishments and measures of criminal and legal nature not connected with the isolation from the society.

Служба пробации – это государственный орган (хотя в ряде стран Европы созданы контрактные, негосударственные ведомства), который заботится об общественной безопасности, работая с лицами, отбывающими уголовные наказания не в местах лишения свободы, а в обществе, и помогает заключенным или освобожденным из мест лишения свободы.

В ряде европейских государств (Германия, Ирландия, Люксембург, Швейцария) первые прототипы службы пробации появились в первой половине XIX в., когда благотворительные и религиозные организации начали оказывать помощь заключенным и освобождающимся из мест лишения свободы.

Определяя направленность деятельности служб пробации в период их создания, Тодд Фоглесон отмечает, что «100 лет назад страны, учредившие пробационные службы, в основном направляли их деятельность на преступников, представляющих малый риск, которые занимали дорого обходящиеся места в тюрьмах. Обычно это были отдельные лица, совершившие несколько мелких преступлений с целью поддержания жизни. Примерно 40 лет назад внимание переместилось на лиц, совершивших преступления средней тяжести, поведение которых обусловлено особыми проблемами, при условии их готовности исправиться. Наркоманы, алкоголики или заядлые игроки были типичными разновидностями правонарушителей, на которых было обращено внимание в этот период» (Фоглесон Т. Эф-

фективные альтернативы тюремному содержанию в Российской Федерации. Поддержка Министерства юстиции со стороны Европейской комиссии : EC Report on RF penal system. Брюссель, 2007. С. 6).

В Нидерландах первая служба пробации, которая в то время называлась «Общество морального совершенствования заключенных», появилась в 1823 г. Свою цель она видела в воспитании и религиозной поддержке заключенных и оказании им моральной и некоторой иной поддержки после освобождения.

Во Франции во второй половине XIX в. ряд «клубов» и «обществ», в основном христианской и благотворительной направленности, были единственными организациями, на которые официально возложили работу с правонарушителями, как во время их тюремного заключения, так и после освобождения. Эти организации стали независимыми и получили государственное финансирование в соответствии с актом правительства уже к 1885 г.

Подобные прототипы службы пробации были и в странах Скандинавии. Например, в Дании частные организации оказывали помощь освобожденным из тюрьмы правонарушителям с 1873 г., а аналогичная работа с условно-досрочно освобожденными осуществлялась с 1905 г. В Финляндии частные организации, финансировавшиеся христианскими благотворительными организациями, работали в тюрьмах с 1870 г. В Норвегии в первом десятилетии XIX в. была создана государственная комиссия, деятельность которой стала первым шагом на пути создания службы проба-

ции. В результате уже в середине столетия была создана частная служба пробации.

В Англии датой рождения службы пробации считают 1876 г., когда на средства общества трезвости англиканской церкви несколько назначенных так называемых миссионеров помогали правонарушителям отказаться от употребления алкоголя посредством подбора для них работы и жилья.

В ряде восточно-европейских государств (Чешская Республика, Болгария, Венгрия, Словения) ведомства, подобные современной службе пробации, были созданы также в XIX в. (Dumescu I. Probation in Europe. A Comparative Overview : Report at the European Conference of Directors of Probation Services, Strasbourg, 27–28 Nov. 2008. Strasbourg, 2008. P. 2–3).

Основным требованием, которому должна соответствовать служба пробации любого европейского государства в XXI в. является закрепление в национальном законодательстве таких основных целей ее деятельности, как: содействие уголовному судопроизводству в вынесении справедливого приговора; организация воспитательной работы с осужденными, или в терминологии, принятой на Западе, реабилитации, реинтеграции, а также обеспечение безопасности общества.

Как отмечает Т. Фоглесон, «общей целью этих служб является контроль поведения правонарушителей, которые могут угрожать безопасности и порядку в обществе»:

- Швеция – «снизить преступность и защитить граждан от преступлений»;
- Великобритания – «защитить общество и снизить уровень повторных преступлений»;
- Франция – «неотъемлемая часть новой концепции общественного контроля»;
- Норвегия – «активная исправительная служба – более безопасное общество» (Фоглесон Т. Указ. соч. С. 18).

Для достижения поставленных целей служба пробации или иное аналогичное ведомство должны решать следующие задачи:

- давать суду необходимую информацию и консультации для принятия решения по делу;
- эффективно исполнять наказания и иные меры, не связанные с лишением свободы, а также осуществлять контроль за осужденными;
- оказывать поддержку и помощь осужденным, отбывающим наказания, связанные и не связанные с лишением свободы, а также их семьям;
- оказывать поддержку и помощь жертвам преступлений.

Важной задачей службы пробации является предупреждение преступности. Неслучайно в некоторых государствах (например, в Бельгии) эта деятельность осуществляется только в отношении несовершеннолетних.

Главная особенность, которая отличает службу пробации европейских государств от уголовно-исполнительных инспекций (далее: УИИ)

ФСИН России, представляет собой круг функций, выполняемых этими ведомствами. Наибольшее распространение в странах Европы получили такие функции службы пробации, как:

- организация исполнения общественных работ, исправительных работ;
- проведение социального исследования личности, подготовка предварительного социального доклада;
- организация исполнения пробации как наказания (меры уголовно-правового характера);
- контроль за условно осужденными, осужденными с отсрочкой отбывания наказания;
- контроль за ходом выполнения программ осужденными, склонными к алкоголизму или наркомании, или иных программ;
- контроль за выполнением или организация подготовки обучения по специальным программам, иные воспитательные мероприятия;
- контроль за поведением условно освобожденных;
- организация процесса медиации, помощь жертвам преступлений;
- общая и индивидуальная превенция (профилактика).

Эти функции исполняются ведомствами Англии и Уэльса, Венгрии, Германии, Дании, Ирландии, Каталонии (где функционирует не зависящая от Испании правовая система), Франции, Хорватии, Чехии. Из числа государств, где службы пробации были созданы лишь в XXI в., в этом ряду следует отметить Латвию и Литву.

Рассмотрев содержание деятельности служб пробации и аналогичных им ведомств в странах Европы, мы пришли к выводу, что существует перспектива расширения функций сотрудников УИИ ФСИН России на основе рекомендаций Совета Европы и опыта европейских государств. Однако до принятия нами решения о том, что может быть воспринято отечественной практикой, мы обратились к мнению сотрудников УИИ шести регионов России (Удмуртской Республики, Красноярского края, Архангельской, Ивановской, Калининградской, Челябинской областей), которым была предложена анкета. Ее цель – выяснить их отношение к возможности реализации в российских условиях функций европейских служб пробации, которые, как нам представляется, заслуживают внедрения.

Было заполнено 134 анкеты. Большинство участников анкетирования (47 %) – это лица в возрасте от 31 до 40 лет, чуть более 30 % – возрастная категория 20–30 лет, около 19 % – от 41 до 50 лет и, наконец, всего 4 % – старше 50 лет.

Самый большой процент респондентов (31 %) проработал в УИС от 2 до 5 лет. Те, кто имеют стаж работы от 5 до 10 лет, составляют 28 %; от 10 до 15 лет – 19 %; менее года – 9 %. Примерно по 5 % опрошенных прослужили либо от 1 года

до 2 лет, либо от 15 до 20 лет. Всего 3 % – это ветераны, их стаж работы в УИС свыше 20 лет.

Наибольшее количество респондентов (41 %) проработали в УИИ от 2 до 5 лет; от 5 до 10 лет – 22 %; от 10 до 15 лет – 16 %; до 1 года или от 1 года до 2 лет – по 10 %; свыше 20 лет – около 1 %.

В зависимости от занимаемой должности респонденты распределились следующим образом: 70 % – инспекторский состав, 29 % – начальники УИИ, а 1 % – начальники межрайонных УИИ и их заместители. Самое большое количество опрошенных (42 %) проработало в замещающей должности от 2 до 5 лет; 18 % – от 5 до 10 лет; 17 % – от 1 года до 2 лет; 14 % – менее 1 года; 9 % – от 10 до 15 лет. Среди проанкетированных не оказалось сотрудников со стажем работы 15 лет и выше.

Достаточно высок образовательный уровень сотрудников УИИ. Судя по всему, некоторое количество (которое, к сожалению, не удалось точно установить в силу некачественного заполнения анкет) имеют и среднее специальное, и высшее (в том числе неоконченное) образование. Среди лиц, отметивших наличие среднего специального образования, преобладает юридическое (50 %), равно как и у лиц с высшим образованием (здесь также 50 %). На втором месте – педагогическое образование (по 25 % у лиц со средним специальным и высшим образованием).

Такой качественный состав сотрудников позволил надеяться на то, что респонденты, обладая высоким образовательным уровнем и достаточным стажем службы в УИИ и УИС в целом, а также знанием реальных условий своей работы, сумеют понять содержание деятельности персонала аналогичных европейских ведомств, дать ему объективную оценку и спроецировать это на свои повседневные обязанности.

По каждой из функций сотрудникам было предложено дать ответ, может ли она быть возложена на УИИ ФСИН России. Если ответ будет положительный, необходимо пояснить, при каких условиях это возможно, если отрицательный, то объяснить, почему. Респонденты, как выяснилось, давали и положительный, и отрицательный ответы, отмечая аргументы «за» и «против», что в значительной степени затруднило обработку результатов. В связи с этим нами было принято решение проводить подсчет абсолютного количества аргументов «за» и «против» и по их относительному количеству делать вывод о мнении сотрудников.

Таким образом, принимая во внимание распространность функций служб пробации отдельных европейских государств, которую мы выявили при анализе содержания их деятельности, а также учитывая мнение сотрудников УИИ, считаем возможным предложить два варианта расширения функций по исполнению наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы:

а) до принятия решения о создании службы пробации расширить функции УИИ ФСИН России за счет следующих:

- проведение социального исследования личности, подготовка предварительного социального доклада с рекомендациями суду относительно назначения того или иного вида наказания, связанного или не связанного с лишением свободы, а также разработка возможной программы воспитательного воздействия на правонарушителя, которая может быть использована как в целом УИС, так и службой пробации в целях исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений;

- постпенитенциарный контроль (после срочного или досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы);

- организация работы в рамках восстановительного правосудия на досудебном этапе (с привлечением общественных организаций, специализирующихся в этом виде деятельности);

- участие в судебных слушаниях по делам в отношении несовершеннолетних;

б) в случае положительного решения вопроса о создании службы пробации ФСИН России этот перечень может быть расширен за счет следующих функций:

- контроль за участием осужденных в различных программах, в том числе для осужденных, склонных к алкоголизму или наркомании, или иных программ;

- контроль за поведением условно освобожденных;

- помощь жертвам преступлений;

- оказание помощи, поддержки заключенным в тюрьмах, подготовка их к отпуску, оказание помощи и поддержки в период его проведения, разработка индивидуального плана отбывания наказания в виде лишения свободы;

- подготовка рекомендаций о возможности освобождения из тюрьмы по амнистии или условно-досрочно;

- оказание помощи семьям правонарушителей, потерпевших.

Таким образом, возложение на предлагаемую службу пробации ФСИН России вышеперечисленных функций позволит создать систему непрерывного контроля и оказания помощи правонарушителям, членам их семей и потерпевшим на всех стадиях уголовного правосудия – от предъявления обвинения до завершения отбывания наказания, а также обеспечить эффективное исполнение наказаний и мер без изоляции от общества. Кроме того, эта система будет способствовать общей, специальной и индивидуальной профилактике преступности, в том числе и рецидивной. Такой подход может оказать позитивное воздействие на процесс адаптации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы.

Следовательно, служба пробации, которая может быть создана в Российской Федерации, повысит социальную направленность деятельности по исполнению всех видов наказаний и мер уголовно-

правового характера, не связанных с изоляцией от общества, позволит оказывать адресную помощь как субъектам уголовно-исполнительных правоотношений, так и их участникам.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года не обозначено, какие новые учреждения будут созданы для исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы. В связи с этим требуются разработка и принятие Концепции развития системы исполнения этих наказаний и мер, примерную структуру которой мы предлагаем ниже.

**Примерная структура
проекта Концепции развития
российской системы исполнения наказаний
и мер уголовно-правового характера,
не связанных с изоляцией осужденного
от общества, до 2020 года**

1. Направления совершенствования уголовной и уголовно-исполнительной политики России в сфере исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

2. Общая характеристика и современное состояние системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

3. Основные положения Концепции. Ее цель и задачи.

4. Основные направления развития системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

4.1. Использование международных стандартов, отечественного и зарубежного опыта в реформировании системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества.

4.2. Совершенствование отечественного законодательства в части, касающейся назначения и исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

4.3. Реформирование системы учреждений и органов, исполняющих наказания и меры уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества.

5. Совершенствование приемов и методов работы сотрудников системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы.

5.1. Предварительное социальное изучение личности подозреваемого и обвиняемого в совершении преступлений.

5.2. Подготовка социального доклада суду.

5.3. Воспитательная работа с осужденными.

5.4. Социально-психологическая работа с осужденными.

5.5. Электронный мониторинг.

5.6. Участие в мероприятиях восстановительного правосудия.

5.7. Работа с семьями осужденных, потерпевшими и их семьями.

6. Укрепление взаимодействия системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества с органами власти и управления, правоохранительными органами, институтами гражданского общества.

6.1. Взаимодействие с федеральными органами государственной власти.

6.3. Взаимодействие с судом и прокуратурой.

6.4. Взаимодействие с органами внутренних дел.

6.5. Взаимодействие с органами местного самоуправления.

6.6. Взаимодействие с социальными службами.

6.7. Сотрудничество со средствами массовой информации.

6.8. Сотрудничество с международными и национальными неправительственными организациями.

6.9. Сотрудничество с религиозными объединениями.

6.10. Привлечение добровольных помощников к деятельности по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы.

7. Кадровое обеспечение системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества.

7.1. Совершенствование системы подбора и расстановки кадров.

7.2. Совершенствование системы первоначальной подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников.

7.3. Совершенствование системы высшего специального образования сотрудников.

7.4. Улучшение условий труда сотрудников.

7.5. Повышение уровня правовой и социальной защищенности сотрудников.

7.6. Улучшение материально-бытового обеспечения сотрудников.

8. Укрепление материально-технической базы системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы.

9. Научное обеспечение реформы системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

10. Финансовое обеспечение реформирования системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества.

11. Этапы реализации Концепции.

12. Ожидаемые результаты реализации Концепции.

В работе над проектом мы руководствовались следующими соображениями. Для дальнейшего развития системы исполнения указанных наказаний не-

обходимо в первую очередь внести определенные коррективы в политику государства в сфере назначения исполнения наказаний, заявив о приоритете альтернативных, как того требуют европейские стандарты.

В качестве одной из отправных точек должен стать анализ современного состояния системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества и актуальных проблем в ее деятельности, требующих решения.

Поскольку модернизация системы, на наш взгляд, должна основываться на максимально полном учете зарубежного опыта, в частности, европейской модели организации исполнения альтернативных наказаний и мер, то один из подразделов Концепции должен быть посвящен краткому анализу зарубежной составляющей – документов ООН, Совета Европы, деятельности службы пробации и аналогичных ей ведомств.

Безусловно, потребуется внесение изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации, в частности, УК РФ, УПК РФ, УИК РФ, иные нормативные правовые акты (ведомственные и межведомственные), что, по нашему мнению, должно стать также одним из подразделов документа.

Как представляется, сама система исполнения указанных наказаний и мер потребует определенной перестройки – создания ведомства, подобного службе пробации зарубежных государств, с указанием ее ведомственной принадлежности, структуры и др.

Один из разделов Концепции может быть посвящен инновационным методам работы вновь создаваемой службы, где за основу следует взять ряд функций, приемов и методов работы сотрудников службы пробации, но лишь те, которые могут быть внедрены в деятельность российской системы с учетом исторически сложившегося опыта и реальных возможностей государства.

С нашей точки зрения, эффективность исполнения альтернативных наказаний и мер в значительной степени зависит от взаимодействия различных субъектов (государственных органов и организаций, всех институтов гражданского общества и отдельных лиц), координации их деятельности. В связи с этим полагаем, что в одном из разделов Концепции следует рассмотреть этот вопрос.

Решение проблем кадрового обеспечения деятельности также позволит повысить эффектив-

ность исполнения наказаний, статус и авторитет службы, улучшить социальную защищенность и материально-бытовое обеспечение сотрудников, их профессиональную подготовку и продвижение по службе. Следовательно, специальный раздел должен наметить пути совершенствования кадровой составляющей.

Немаловажными нам представляются и такие вопросы, как материально-бытовое обеспечение системы в целом, ее финансирование, которые, на наш взгляд, необходимо поднять на должный уровень.

Во многих международных, в том числе европейских, документах содержится рекомендация обеспечить научное сопровождение деятельности по исполнению альтернативных наказаний и мер. Основываясь на этом положении, по нашему мнению, следует предусмотреть в Концепции раздел, определяющий основные направления научных исследований по данной проблематике: изучение отечественного и зарубежного опыта, исследование деятельности российской системы в статике (на определенном этапе ее функционирования) и динамике (прогнозирование ее развития).

Предлагаем следующие этапы реализации Концепции:

2011–2012 гг. – начальный этап, на котором, на наш взгляд, следует разработать план реализации Концепции, внести соответствующие изменения в законодательство Российской Федерации;

2013–2017 гг. – основной этап, предполагающий проведение эксперимента в нескольких базовых межрайонных УИИ (УИИ), цель которого – апробация приемов и методов работы в соответствии с новыми требованиями; создание новой структуры учреждений и органов, исполняющих наказания и меры уголовно-правового характера, не связанные с лишением свободы; наделение ее полномочиями и функциями, решение проблем кадрового обеспечения, других организационно-управленческих задач;

2018–2020 гг. – заключительный этап реализации Концепции, в течение которого необходимо завершить мероприятия, предусмотренные планом, провести оценку эффективности внедрения инновационных приемов и методов работы, в случае необходимости – их корректировку, и наметить направления дальнейшего развития системы.

Библиографический список

1. Дурнеску И. Пробация в Европе. Сравнительный анализ : докл. на Европ. конф. директоров служб пробации, Страсбург, 27–28 нояб. 2008 г. / И. Дурнеску. – Страсбург, 2008.
2. Фоглесон Т. Эффективные альтернативы тюремному содержанию в Российской Федерации. Поддержка Министерства юстиции со стороны Европейской комиссии : EC Report on RF penal system / Т. Фоглесон. – Брюссель, 2007.

References

1. Durnescu I. Probation in Europe. Comparative Analysis: Report at the European Conference of Directors of Probation Services, Strasbourg, Nov. 27–28, 2008 / I. Durnescu. – Strasbourg, 2008.
2. Fogleson T. Effective Alternatives to Imprisonment in the Russian Federation. Support for the Ministry of Justice from the European Commission : EU Report on the RF Penal System / T. Fogleson. – Brussels, 2007.

А. В. Кудрявцев,
 заместитель начальника кафедры
 организации оперативной работы
 ВЮИ ФСИН России
 кандидат юридических наук, доцент

A. V. Kudryavtsev,
 Deputy Chief of the Department
 of Organizing Operative Work
 of VLI of the FPS of Russia
 Candidate of Law, Assistant professor

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРД В УИС

Some Directions of Increasing Efficiency of Legal Regulation of Information and Analytical Support of Crime Detection in Penitentiary System

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования информационно-аналитического обеспечения ОРД в УИС на современном этапе. Автор предлагает некоторые направления повышения эффективности данной деятельности оперативных подразделений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, информационно-аналитическая работа, уголовно-исполнительная система.

Abstract. The problems of legal regulation of information and analytical support of crime detection in the penitentiary system at the present stage are considered. The author offers certain directions of increasing the efficiency of this activity of operative departments.

Key words: crime detection activity, information and analytical work, penal system.

Любой вид современной деятельности человека непосредственно связан с информацией. Огромное значение имеет информационный элемент для правоохранительной деятельности вообще и оперативно-розыскной ее составляющей, в частности.

Оперативно-розыскная информация представляет собой ключевое понятие, которое является не только основой собственно оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД), но и связующим звеном со всей деятельностью государства по борьбе с преступностью и обеспечением безопасности.

В теории ОРД вопросы информационно-аналитического обеспечения исследуются многими учеными. Однако в рамках настоящей статьи мы не будем останавливаться на анализе существующих мнений по данной проблематике, лишь отметим, что на современном этапе развития науки, на наш взгляд, заслуживает внимания позиция А. С. Овчинского. Этот автор разграничивает понятия «информация» и «данные, сведения, факты, события, обстоятельства, возникающие в практике борьбы с преступностью». Он обосновывает свою точку зрения следующим образом.

Несмотря на то, что в ходе повседневной практической деятельности оперативники получают большой объем сведений (данных, фактов), суть информации как некоего фундаментального понятия заключается именно в том, что остается после той или иной интерпретации, обработки и анализа этих данных, сведений и знаний (Овчинский А. С. Информация и оперативно-розыскная деятельность : монография / под ред. В. И. Попова. М., 2002. С. 5).

Данный вывод подтвердили результаты проведенного нами опроса оперативных работников ис-

правительных учреждений. При ответе на вопрос, используется ли в Вашей практической деятельности вся получаемая в рамках осуществления ОРД информация, 64,2 % респондентов отметили, что не используют всю поступающую к ним информацию.

Полученные нами в рамках исследования сведения и анализ научных подходов к пониманию оперативно-розыскной информации позволяют сделать вывод о наличии диалектического единства информационного и аналитического аспектов в рамках осуществления ОРД в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС)¹.

Информационно-аналитическое обеспечение ОРД в УИС в целом и отдельные направления данного процесса (получение и обработка оперативной информации; формирование оперативно-розыскных учетов; функционирование информационных систем и т. д.) являются легитимными в случае урегулирования данной деятельности нормативными правовыми актами.

Основу общего правового регулирования операций с документированной информацией составляют законодательные акты высшей юридической силы общегосударственного значения. В них заложены фундаментальные понятия, имеющие основополагающее значение для рассмотрения данного вопроса.

К их числу в первую очередь относится Конституция Российской Федерации (ст. 23, 24, 29 и др.).

Другим базовым актом общего информационного законодательства является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, ин-

¹ В связи с этим автор считает возможным использовать понятия «информационная деятельность оперативных подразделений УИС (работа, обеспечение и т. д.)» и «аналитическая деятельность оперативных подразделений УИС» как тождественные.

формационных технологиях и о защите информации». Статья 2 этого Закона содержит ряд основополагающих терминов и их определений, таких как: «информация», «документированная информация», «конфиденциальность информации», «информационные технологии», «доступ к информации», «информационная система» и др. (Рос. газ. 2006. 29 июля).

Представляет интерес в рассматриваемом аспекте и Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», который вводит понятие «носители сведений, составляющих государственную тайну» (ст. 2), а также определяет сведения, относимые к государственной тайне (ст. 5), степени секретности (ст. 8), порядок распоряжения сведениями, составляющими государственную тайну (разд. V), и порядок сертификации средств защиты информации (ст. 28) (Рос. вести. 1993. 30 сент.).

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации содержит ст. 84, закрепляющую задачи, решаемые посредством осуществления ОРД в исправительных учреждениях.

Одним из основных законодательных источников, регламентирующих деятельность учреждений и органов УИС, является Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», содержащий отдельные правовые нормы, регулирующие информационно-аналитическую работу при осуществлении ОРД (Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1316).

Статья 13 этого Закона включает п. 6, согласно которому учреждения УИС обязаны в пределах своей компетенции оказывать содействие органам, осуществляющим ОРД.

В ст. 34 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» установлены нормы о том, что «в местах содержания под стражей в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений проводятся оперативно-розыскные мероприятия в порядке, предусмотренном законом», а «подозреваемые и обвиняемые подвергаются личному обыску, дактилоскопированию и фотографированию» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2759).

Среди полномочий ФСИН России, закрепленных в Положении о данной службе (п. 1 ст. 7 разд. II), перечислены: защита сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, в УИС; функционирование и развитие сети открытой и шифрованной связи. В соответствии с п. 2 этой же статьи ФСИН России осуществляет справочно-информационное обеспечение учреждений и органов УИС и ведение

единого банка данных по вопросам, касающимся деятельности УИС; а согласно п. 4 организует осуществляемую учреждениями УИС ОРД в соответствии с законодательством Российской Федерации, работу по комплектованию, хранению, учету и использованию архивных документов, связанных с деятельностью ФСИН России, а также делопроизводство в соответствии с законодательством Российской Федерации (Рос. газ. 2004. 19 окт.).

Ответ на вопрос о том, что является правовым основанием для сбора, анализа и создания учета оперативно-розыскной информации, дает Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, ст. 6 и 10 этого Закона определяют, что органы, уполномоченные на осуществление ОРД, могут создавать информационные системы и использовать их в своих целях для решения задач, возложенных на них настоящим Федеральным законом. Какие именно задачи стоят перед ОРД, вполне четко и однозначно определяет ст. 2 рассматриваемого нормативного правового акта (Там же. 1995. 18 авг.). Основываясь на ее положениях, можно сделать вывод, что оперативные подразделения учреждений и органов ФСИН России вправе осуществлять сбор, хранение и распространение оперативно-розыскной регистрационной информации для обеспечения безопасности УИС и борьбы с преступностью.

Ведомственный уровень нормативного регулирования информационно-аналитической работы представлен ведомственными актами ФСИН и МВД России. Основным нормативным правовым актом данной группы является документ, регламентирующий основы организации ОРД во ФСИН России.

В соответствии с Инструкцией по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 20 ноября 2006 г. № 333, оперативные подразделения осуществляют сбор информации в целях формирования так называемого профилактического учета, на который ставятся указанные в нормативном акте категории осужденных (Бюл. Минюста Рос. Федерации. 2007. № 1).

Следует отметить, что до настоящего времени порядок формирования и работы с объемом оперативной информации в УИС регламентируется рядом документов МВД России, которые вносят серьезную терминологическую путаницу в понятийный аппарат в сфере информационно-аналитической работы оперативных подразделений УИС.

Таким образом, в ходе комплексного анализа положений нормативных правовых актов, регламентирующих в той или иной степени данное

направление деятельности оперативных подразделений, нами выявлена совокупность правовых норм, позволяющая говорить о наличии предпосылок для создания нормативно-правовой основы, регулирующей оперативно-розыскной информационно-аналитический процесс.

Однако пока не выработано достаточно четких правовых основ деятельности субъектов информационно-аналитического обеспечения ОРД в УИС; критериев, связанных с основаниями постановки объектов на различные виды оперативно-розыскного учета, а также пределами изуче-

ния криминогенно опасных лиц, состоящих на том или ином виде учета и т. д.

В федеральном законодательстве об исполнении уголовных наказаний требуется закрепление положений, регламентирующих осуществление информационно-аналитической работы в рамках оперативно-розыскного процесса. На уровне ФСИН России, по нашему мнению, необходима разработка единого наставления, призванного обеспечить надлежащее качество и единообразие информационно-аналитической работы при осуществлении ОРД.

Библиографический список

1. Овчинский А. С. Информация и оперативно-розыскная деятельность : монография / А. С. Овчинский ; под ред. В. И. Попова. – М. : ИНФРА-М, 2002.

2. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова [и др.]. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2004.

References

1. Ovtchinskiy A. S. Information and Crime Detection Activity / A. S. Ovtchinskiy ; ed. by V. I. Popov. – M. : INFRA-M, 2002.

2. Crime Detection / ed. by K. K. Goryainov [et al.]. – 2nd ed. – M. : INFRA-M, 2004.

А. В. Лебедев,
*начальник лаборатории
 Научно-исследовательского института
 информационных и производственных технологий
 ФСИН России (г. Тверь)
 кандидат физико-математических наук*

A. V. Lebedev,
*Head of the laboratory
 of Scientific Research Institute
 of Informational and Industrial Technologies
 of the FPS of Russia (in the city of Tver)
 Candidate of Physical and Mathematical Sciences*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ВО ФСИН РОССИИ

Informational Support of the Process of Decision Making in the FPS of Russia

Аннотация. В статье предпринята попытка канонической формулировки задачи принятия управленческого решения в УИС на примере контроля дисциплины сотрудников исправительных учреждений. В качестве формального математического аппарата применялись методы математической статистики, в частности, корреляционный анализ и множественная линейная регрессия. Анализ полученных уравнений показал присутствие мультиколлинеарности входящих в них параметров. В качестве критерия, который позволяет отобрать факторы, входящие в модель, была выбрана максимизация частных парных корреляций факторов, входящих в модель.

Ключевые слова: информация, процесс принятия решения, мультиколлинеарность, дисциплина сотрудников УИС, корреляция.

Abstract. In the article the attempt is taken to suggest a canonical wording for the task of making an administrative decision in the penitentiary system on the basis of considering the example of control over discipline of officials in corrective institutions. As a formal mathematical apparatus such methods were used as for example correlative analysis and multiple linear regression. The analysis of the obtained equations showed the presence of multicollinearity of those parameters in them. As a criterion that allows to choose factors which are parts of the model maximization of particular correlative factors within the model was chosen.

Key words: information, process of decision making, multicollinearity, discipline of the officials of the penitentiary system, correlation.

Сознательная деятельность человека неразрывно связана с планированием, предваряющим и определяющим все его целенаправленные действия. Любой процесс планирования можно представить в виде последовательности или комплекса процессов принятия решений. Любой процесс планирования независимо от его масштаба и уровня можно представить в виде отдельной задачи либо, если она слишком громоздка, в виде разложения на иерархию подзадач. ФСИН России можно отнести к большим и сложным системам.

При проведении планирования и прогнозирования деятельности уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) характер, степень неопределенности, число учитываемых факторов, конкретный вид критериев выбора альтернатив, процедура решения будут существенно зависеть от содержания, масштаба и временного интервала решаемой задачи. Однако методологическая общность канонической постановки и принципов решения задачи является важной предпосылкой единого подхода к совершенствованию процессов планирования и прогнозирования.

Под задачей в канонической форме будем понимать логическое высказывание вида: «Дано V , требуется W », или же в форме краткой записи $\langle V, W \rangle$.

В первом приближении заданные условия включают в себя множество состояний V -объ-

екта, в котором он находится в настоящий момент времени, и множество состояний W -объекта, в которое необходимо перевести (желаемое состояние объекта). Это желаемое состояние обязательно является единственным и может представлять собой последовательность состояний во времени. Решение задачи – это набор (множество) операторов, применяя которые в определенном порядке (алгоритме), мы переходим от текущего состояния к желаемому¹.

Качество процесса принятия решений находится в прямой зависимости от полноты учета всех факторов, существенных для последствий от принятых решений. Кроме того, орган принятия решений часто вынужден действовать в условиях неопределенности, т. е. орган принятия решений обладает меньшим количеством информации, чем это необходимо для целесообразной организации его действий в процессе принятия решений. Частичное либо полное снятие неопределенности может быть достигнуто за счет имеющейся либо дополнительно получаемой органом принятия решений информации.

Неопределенность в принятии решений обусловлена недостаточной надежностью и количеством информации, на основе которой орган принятия решений осуществляет выбор решения. Выде-

¹ Возможна такая ситуация, когда таких операторов (оператора), переводящих множество из одного состояния в другое, не существует.

ляют различные виды неопределенности. В общем случае, не претендуя на полноту, можно назвать следующие наиболее часто встречающиеся виды:

1) неопределенность, генерированная общим числом объектов или элементов, включенных в ситуацию, например, при числе элементов порядка большего, чем 10^6 ;

2) неопределенность, вызванная недостатком информации и ее достоверности в силу технических, социальных и иных причин;

3) неопределенность, порожденная слишком высокой или недоступной платой за определенность;

4) неопределенность, порожденная органом принятия решений в силу недостатка его опыта и знаний факторов, влияющих на принятие решений;

5) неопределенность, связанная с ограничениями в ситуации принятия решений (ограничения по времени и элементам пространства параметров, характеризующих факторы принятия решений);

6) неопределенность, вызванная поведением среды или противника, влияющего на процесс принятия решений.

Наличие такой неопределенности изначально свидетельствует о сложности проблемы оценок деятельности подразделений ФСИН России и требует использования для ее решения системного подхода, основанного на разумном сочетании современных математических методов, богатого опыта специалистов-практиков и научных работников.

При постановке задачи главное внимание уделяется анализу и выделению множества состояний V -объекта, в котором он находится в настоящий момент времени, и множества состояний W -объекта, в которое необходимо перевести. Причем, как правило, набор элементов, входящих в эти множества, одинаков на протяжении достаточно долгого периода (10–15 лет) и отличается лишь его значениями в соответствующие моменты времени.

В общем случае это не всегда верно, поскольку задача формулируется в конкретный отрезок времени, которому соответствуют определенные условия, при выявлении дополнительных условий переформулируются и условия задачи. В качестве примера приведем ситуацию, когда еще 10 лет назад условия безопасности пенитенциарного учреждения предусматривали лишь ограничения на проводную связь, т. е. позвонить за пределы учреждения можно было лишь из административного здания, куда вход осужденных априори не возможен. В настоящее время приходится противодействовать уже беспроводной связи и беспроводному Интернету, когда точкой выхода или же получения сигнала может стать практически любое место в исправительном учреждении.

Поскольку процедура решения задачи в значительной степени зависит от формулировки и

структуры самой задачи, то нам необходимо вернуться к канонической формулировке и детализировать ее применительно к социально-экономической системе – УИС.

Детализацию представим в следующем виде:

«Дано Y, Z, D, S, U , требуется W »,

где Y – множество управляемых начальных условий, или же входов; Z – множество неуправляемых начальных условий, или же входов; S – множество исходов (или же конечных результатов), т. е. результатов взаимодействия управляемых и неуправляемых факторов; D – множество операторов, отражающих YZ на S , содержательно это множество характеризует сам акт взаимодействия управляемых и неуправляемых факторов; W – цель выбора подмножества из S ; U – множество критериев оценки.

Проиллюстрируем это определение применительно к задаче контроля дисциплины сотрудников УИС.

Как известно, качество построения модели ситуации определяется следующими основными факторами:

1) наличие исходных качественных данных, описывающих изменение показателей за достаточно длительный промежуток времени;

2) учет других факторов, косвенно влияющих на величину ситуации (так называемых объясняющих переменных).

В рассматриваемом случае в качестве Y целесообразно выбрать характеристики кадрового ресурса, среди которых:

- количество женщин, работающих в УИС;
- количество сотрудников УИС с высшим образованием;
- количество сотрудников УИС со средним специальным образованием;
- количество сотрудников УИС со средним общим образованием;
- количество сотрудников УИС в возрасте до 30 лет;
- количество сотрудников УИС, имеющих стаж службы до 1 года;
- количество сотрудников УИС, имеющих стаж службы от 1 года до 3 лет;
- количество сотрудников УИС, имеющих стаж службы от 3 до 10 лет.

В качестве Z -множества неуправляемых или трудно управляемых начальных условий, или же входов, – целесообразно выбрать следующие показатели:

- денежное довольствие сотрудников УИС;
- количество должностей сотрудников по штату;
- количество сотрудников УИС по факту;
- некомплект среди личного состава;
- количество сотрудников УИС, принятых за отчетный период;

– количество сотрудников УИС, уволенных за отчетный период.

В качестве S выбираются показатели, характеризующие случаи деструктивного поведения сотрудников УИС.

Наконец, W должно задать требования, предъявляемые к сотрудникам для снижения уровня их деструктивного поведения.

D как множество операторов, отражающих YZ на S , не было отражено в рассматриваемой модели по причине отсутствия исходных данных (они наличествовали за 1 год), но в качестве этого множества можно было бы использовать стимулирующие сотрудников УИС факторы, а именно: материальное поощрение, награды, социальные льготы и т. д.

В качестве исследуемой системы нами анализировалось состояние дисциплины сотрудников УИС, а в качестве исследуемого фактора – показатель «осуждено сотрудников в отчетном периоде». Данный показатель имеет квартальную периодичность, однако для проведения предварительного анализа мы остановились на годовой периодичности, поскольку большинство объясняющих факторов имеет именно годовую периодичность.

Включение в модель такого объясняющего фактора, как «денежное довольствие сотрудников УИС» первоначально не принесло результата, поскольку между показателями «осуждено сотрудников в отчетном периоде» и «денежное довольствие сотрудников УИС» была установлена корреляция на уровне 0,2, что отвечает значению, соответствующему очень слабой корреляции (сила зависимости) и положительной корреляции (направление зависимости).

Полученный результат не удовлетворял нас, поскольку его можно трактовать следующим образом: между количеством осужденных сотрудников УИС и уровнем их денежного довольствия существует зависимость: чем больше денежное содержание сотрудников УИС, тем больше преступлений они совершают, – хотя эта зависимость и носит очень слабый характер.

Существенно исправить ситуацию удалось после вычисления такого параметра, как «отношение денежного довольствия сотрудников УИС к средней начисленной заработной плате по стране». Корреляция между показателем «осуждено сотрудников в отчетном периоде» и указанным отношением составила минус 0,58, что говорит о средней корреляции с отрицательной зависимостью, т. е. можно сформулировать гипотезу о наличии взаимосвязи между количеством осужденных сотрудников УИС и отношением денежного довольствия сотрудников УИС к средней начисленной заработной плате по стране, причем эта зависимость имеет среднюю силу и может трактоваться следующим образом: чем больше величина указанного отношения (т. е. чем ближе величина денежного довольствия сотрудников УИС к сред-

ней начисленной заработной плате по стране (в идеале она даже может быть больше, чем средняя начисленная заработная плата по стране), тем меньше осужденных сотрудников УИС мы имеем при прочих равных условиях).

Поскольку между показателями «количество должностей сотрудников по штату» и «количество сотрудников УИС по факту» была обнаружена корреляция на уровне 0,9, то один из указанных показателей было решено исключить из модели¹.

Так как между показателями «осуждено сотрудников в отчетном периоде» и «количество сотрудников УИС по факту» была установлена отрицательная корреляция на уровне минус 0,46, то вследствие необъяснимости наличия такой зависимости нами для дальнейшего включения в модель было решено учесть косвенное влияние на показатель «количество сотрудников УИС по факту», для чего нами были рассчитаны сначала количество осужденных сотрудников УИС в расчете на 1000 сотрудников УИС по факту, а затем корреляция между указанным отношением и отношением денежного довольствия сотрудников УИС к средней начисленной заработной плате по стране, которая практически не изменилась по сравнению с предыдущим расчетом и составила минус 0,56.

Исследование не установило наличия взаимосвязи между некомплектом среди личного состава и уровнем совершенных преступлений (на уровне минус 0,07 для абсолютных значений и минус 0,05 для относительных). Кроме того, достаточно слабая корреляция была установлена между некомплектом и денежным довольствием сотрудников УИС на уровне 0,38. Вероятно, эту ситуацию можно объяснить влиянием большого некомплекта в отдельных областях на ситуацию по стране в целом. Таким образом, взаимосвязь указанных факторов может быть исследована более тщательно только на уровне территориальных органов, а в нашем случае такой фактор, как «некомплект личного состава» не должен учитываться при составлении модели.

Поскольку между относительным уровнем осужденных и показателем «количество женщин, работающих в УИС» была установлена корреляция на уровне минус 0,21, то данный показатель было решено оставить в модели² (для абсолютных значений осужденных корреляция составила минус 0,17).

Рассмотрение таких показателей, как: «количество сотрудников УИС с высшим образованием»; «количество сотрудников УИС со средним специальным образованием»; «количество со-

¹ Ю. П. Адлер прямо указывал на невозможность включения в модель зависимых факторов, т. е. имеющих корреляцию с другими факторами (Адлер Ю. П., Маркова Е. В., Грановский Ю. В. Планирование эксперимента при поиске оптимальных условий. М., 1976. С. 54).

² Поскольку корреляция достаточно слабая, то имеет смысл провести анализ на наличие женщин в особенно криминогенных группах сотрудников УИС.

трудников УИС со средним общим образованием» привело нас к следующим выводам:

1) все три показателя достаточно сильно коррелированы между собой, следовательно, для вхождения в модель из трех показателей должен быть отобран только один;

2) наивысшую корреляцию с количеством осужденных сотрудников УИС имеет такой показатель, как «количество сотрудников УИС со средним общим образованием» (минус 0,46 для абсолютных значений и минус 0,43 для относительных);

3) корреляция с количеством осужденных сотрудников УИС носит отрицательную направленность для показателя «количество сотрудников УИС со средним специальным образованием» и положительную направленность для показателя «количество сотрудников УИС с высшим образованием».

Мы имеем достаточно неожиданную гипотезу о том, что низкий уровень образования сотрудников УИС способствует нормализации криминальной обстановки среди личного состава (хотя зависимость и очень слаба).

Обнаруженная высокая (на уровне минус 0,79) корреляция между возрастом сотрудников УИС и количеством осужденных сотрудников УИС позволяет выдвинуть гипотезу о преобладающей численности сотрудников в возрасте более 30 лет среди лиц, осужденных за совершение преступлений.

По показателям «количество сотрудников УИС, имеющих стаж службы до 1 года»; «количество сотрудников УИС, имеющих стаж службы от 1 года до 3 лет»; «количество сотрудников УИС, имеющих стаж службы от 3 до 10 лет» установлена сильная корреляция между 1-м и 2-м показателем (на уровне 0,73), тогда как 1-й и 3-й, а также 2-й и 3-й показатели коррелированы слабо (минус 0,19 и минус 0,18 соответственно).

Корреляция между количеством осужденных сотрудников и 1-м показателем выражена слабо, тогда как корреляция между количеством осужденных сотрудников и 2-м и 3-м показателями имеет среднюю силу и отрицательную направленность (минус 0,59 и минус 0,55 соответственно), что косвенно подтверждает гипотезу о преобладании среди осужденных за совершение преступления лиц зрелого возраста (старше 30 лет), имеющих стаж работы более 10 лет.

Между показателями «количество сотрудников УИС, уволенных за отчетный период» и «количество сотрудников УИС, принятых за отчетный период» обнаружена достаточно слабая корреляция (на уровне 0,44). Корреляция между количеством осужденных сотрудников и этими показателями также выражена слабо (минус 0,31 и минус 0,34) и имеет отрицательную направленность, что также подтверждает гипотезу о совершении преступлений сотрудниками УИС, имеющими значительный стаж работы. Помимо этого, обнаружена корреляция средней силы между отношением денежного до-

вольствия в УИС и среднемесячной начисленной заработной платой по стране и числом лиц, принятых на службу в УИС. В связи с этим можно высказать предположение о том, что одним из основных факторов, влияющих на приток новых сотрудников, является уровень денежного довольствия в УИС, хотя сила зависимости свидетельствует о наличии и других факторов, влияющих на данный процесс.

Применяя метод наименьших квадратов, можно записать уравнение линейной регрессии для показателей «осуждено сотрудников в отчетном периоде в расчете на 1000 человек» и «отношение денежного довольствия сотрудников УИС к средней начисленной заработной плате по стране» в следующем виде:

$$y = -0,242 \cdot x + 0,268,$$

где в качестве зависимой величины выступает показатель «осуждено сотрудников в отчетном периоде в расчете на 1000 человек», а в качестве переменной – показатель «отношение денежного довольствия сотрудников УИС к средней начисленной заработной плате по стране».

Коэффициент детерминированности для данной модели достаточно мал и составляет 0,32, т. е. однофакторная модель не имеет достаточной корреляции с эмпирическими данными.

Однако интерпретация даже такого упрощенного уравнения показывает, что и при денежном довольствии сотрудников УИС, находящемся на уровне средней начисленной заработной платы по стране (положим их отношение равным 1), мы будем иметь остаточный уровень преступности среди сотрудников УИС величиной 0,026 преступлений в расчете на 1000 человек личного состава, что соответствует примерно 7 преступлениям в год. При этом качество модели таково, что мы можем с высокой долей вероятности утверждать, что в указанном нами случае (при денежном довольствии сотрудников УИС, находящемся на уровне средней начисленной заработной платы по стране), количество осужденных сотрудников не должно превысить 20 человек в год.

Из этого уравнения также видно, что только увеличение размера денежного довольствия сотрудников УИС позволит существенным образом ужесточить критерии отбора на службу и как следствие уменьшить число осужденных сотрудников УИС, хотя денежное довольствие является не единственным и далеко не определяющим фактором в данном вопросе.

В целом для продолжения исследования мы получили 8-факторную модель, которая даже в случае использования полинома второй степени будет очень затруднительна для интерпретации, в связи с этим нам следует использовать полином первой степени.

Перед построением общего вида модели построим еще одну однофакторную модель для фактора, имеющего одну из наибольших корреляций с показателем «осуждено сотрудников в

отчетном периоде в расчете на 1000 человек», – «количество сотрудников УИС, имеющих стаж службы от 3 до 10 лет».

Для этого случая уравнение будет иметь вид

$$y = -0,00000295 \cdot x + 0,438.$$

Следовательно, для понижения уровня осужденных сотрудников УИС нужно наращивать ядро сотрудников со стажем от 3 до 10 лет до величины в 150–180 тыс. человек, хотя и в этом случае коэффициент детерминированности для данной модели достаточно мал и составляет 0,31.

Неудовлетворительное качество полученных уравнений делает необходимым введение таких измерителей статистической связи, которые были бы очищены от опосредованного влияния других переменных и давали бы оценку степени тесноты и силы интересующей нас связи между величинами при условии, что значения всех остальных переменных зафиксированы на некотором постоянном уровне. В этом случае говорят о статистическом анализе частных (или «очищенных») связей и используют частные коэффициенты корреляции (Айвазян С. А., Мхитарян В. С. Прикладная статистика и основы эконометрики. М., 1998. С. 414).

Для двухфакторного случая, в частности, имеем:

$$r_{01(2)} = \frac{r_{01} - r_{02}r_{12}}{\sqrt{(1-r_{02}^2)(1-r_{12}^2)}},$$

где r_{01} – парный коэффициент корреляции между зависимым фактором и первой переменной; r_{02} – парный коэффициент корреляции между зависимым фактором и второй переменной; r_{12} – парный коэффициент корреляции между первой и второй переменными.

Последовательно применяя к излишним переменным все новые признаки из рассматриваемого набора, можно получить рекуррентные соотношения для подсчета частных коэффициентов корреляции. Так, для случая трех факторов имеем

$$r_{01(3)} = \frac{r_{01(2)} - r_{03(2)}r_{13(2)}}{\sqrt{(1-r_{03(2)}^2)(1-r_{13(2)}^2)}}.$$

На практике возможен расчет частных коэффициентов корреляции лишь для двух факторных моделей, даже в случае трех влияющих факторов расчет частного коэффициента корреляции представляет значительную сложность.

Используя программное средство SPSS¹, вычисляем частную корреляцию между показате-

лем «осуждено сотрудников в отчетном периоде в расчете на 1000 человек» и отношением денежного довольствия сотрудников УИС к средней начисленной заработной плате по стране. Коэффициент корреляции составил минус 0,646, что существенно выше, чем в случае парной (не частной) корреляции.

Рассчитав частную корреляцию между указанными показателями при исключении показателей «количество женщин, работающих в УИС, в расчете на число сотрудников УИС фактически» (x_2) и «количество сотрудников УИС, имеющих стаж службы от 1 года до 3 лет в расчете на число сотрудников УИС фактически» (x_4), мы получили частный коэффициент корреляции на уровне минус 0,807.

Последовательное исключение еще одного показателя «количество сотрудников УИС, имеющих стаж службы от 3 до 10 лет в расчете на число сотрудников УИС фактически» (x_5) привело к изменению частного коэффициента корреляции до минус 0,829.

Следующее исключение еще одного показателя «количество сотрудников УИС, принятых за отчетный период в расчете на число сотрудников УИС фактически» (x_6) также увеличило частный коэффициент корреляции до минус 0,850.

Нам также представляется целесообразным перед построением многомерной регрессионной модели предварительно провести математико-статистический анализ взаимосвязи между переменными на наличие мультиколлинеарности, которая может привести к недостоверным оценкам модели. Данный анализ может быть проведен по методу Фаррара – Глобера (Райская Н. Н., Сергиенко Я. В., Френкель А. А. Эконометрическое моделирование зависимости инвестиционной привлекательности регионов // *Вопр. статистики*. 2007. № 10. С. 50).

Косвенным подтверждением реальной (или частной) мультиколлинеарности является анализ матрицы парных коэффициентов корреляции.

Были обнаружены высокие коэффициенты корреляции показателя «количество сотрудников УИС со средним общим образованием в расчете на число сотрудников УИС фактически» с показателями «количество сотрудников УИС в возрасте до 30 лет в расчете на число сотрудников УИС фактически», «количество сотрудников УИС, имеющих стаж службы от 1 года до 3 лет, в расчете на число сотрудников УИС фактически», «количество сотрудников УИС, принятых за отчетный период, в расчете на число сотрудников УИС фактически» на уровнях: 0,961544497; 0,925135012; 0,88308262 соответственно.

Показатели «количество сотрудников УИС в возрасте до 30 лет в расчете на число сотрудников

¹ Statistical Package for the Social Sciences (статистический пакет для социальных наук) – компьютерная программа для статистической обработки данных.

УИС фактически» и «количество сотрудников УИС, имеющих стаж службы от 1 года до 3 лет, в расчете на число сотрудников УИС фактически» коррелируют на уровне 0,944058779.

Считается, что наличие значений коэффициентов корреляции по абсолютной величине, превосходящих 0,75–0,80, свидетельствует о присутствии мультиколлинеарности (Айвазян С. А., Мхитарян В. С. Указ. соч. С. 654).

О присутствии явления мультиколлинеарности свидетельствуют некоторые внешние признаки модели, построенной нами на первом этапе:

– некоторые из факторов имеют неправильные с точки зрения практической работы знаки и не оправданно большие значения;

– небольшое изменение исходных статистических данных приводит к существенной нестабильности результирующего значения;

– большинство или даже все оценки коэффициентов регрессии оказываются статистически не значимыми, а модель в целом является статистически значимой.

В табл. 1 приводим матрицу парных коэффициентов корреляции.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции	x ₁	x ₂	x ₃	x ₄	x ₅	x ₆	x ₇	x ₈
x ₁	1	–0,33053	0,45105	0,47498	0,43934	–0,10669	0,42536	0,06832
x ₂	–0,33053	1	–0,94477	–0,92527	–0,83915	0,81842	–0,75081	–0,55937
x ₃	0,45105	–0,94477	1	0,96154	0,92514	–0,62320	0,88308	0,65764
x ₄	0,47498	–0,92527	0,96154	1	0,94406	–0,59040	0,74331	0,69132
x ₅	0,43934	–0,83915	0,92514	0,94406	1	–0,45198	0,72940	0,71812
x ₆	–0,10669	0,81842	–0,62320	–0,59040	–0,45198	1	–0,45054	–0,07249
x ₇	0,42536	–0,75081	0,88308	0,74331	0,72940	–0,45054	1	0,46186
x ₈	0,06832	–0,55937	0,65764	0,69132	0,71812	–0,07249	0,46186	1

Для полного понимания значимости факторов, входящих в модель, было бы целесообразно построить матрицу частных парных коэффициентов корреляции, но вычисление их более трудоемкое.

Для борьбы с явлением мультиколлинеарности и его последствиями на практике используют следующие подходы:

– преобразуют факторы в новые переменные, уменьшая тем самым количество переменных (чисто технически мы использовали этот способ, перейдя к новым переменным в расчете на число сотрудников УИС фактически, однако в данном случае надо понимать, что речь идет о более серьезных преобразованиях (факторный анализ);

– используют методы регуляризации (например, гребневой регрессии, стабилизирующих оценок или «сжатых» оценок (Светуных С. Г. Эконометрические методы прогнозирования спроса. М., 1993);

– исключают из совокупности факторов одну или же несколько линейно связанных факторных переменных, чтобы вновь полученные элементы корреляционной матрицы были меньше порогового значения в 0,8.

Каждый из этих подходов обладает очень серьезными недостатками, которые снижают эффективность их применения (Светуных С. Г. Экономическая теория маркетинга. СПб., 2003).

Исходя из вышеизложенного, в качестве критерия, который позволяет отобрать факторы, входящие в модель, мы выбрали максимизацию частных парных корреляций факторов, входящих в модель.

Таким образом, в модель следует включить следующие факторы:

– отношение денежного довольствия сотрудников УИС к средней начисленной заработной плате по стране (x₁);

– количество сотрудников УИС, уволенных за отчетный период, в расчете на число сотрудников УИС фактически (x₂);

– нагрузка на одного сотрудника УИС (x₃).

В качестве зависимой величины (y) выступает показатель «осуждено сотрудников в отчетном периоде в расчете на 1000 человек».

Уравнение полученной трехфакторной модели имеет следующий вид:

$$y = -0,26514 \cdot x_1 - 0,96428 \cdot x_2 + 0,052607 \cdot x_3 + 0,199221.$$

Указанная модель является достаточно грубой (коэффициент детерминированности составляет 0,61, при этом она имеет достаточно существенные стандартные ошибки коэффициентов и постоянной), но при всех своих неточностях находит достаточно хорошее подтверждение поведения моделируемой переменной от зависимых факторов.

Иными словами, управляющее воздействие может быть выражено в повышении заработной платы до уровня в 1,2 от средней начисленной заработной платы по стране, в ежегодном увольнении 21 % личного состава или же в снижении нагрузки на одного работающего до уровня в 1,1 осужденного на одного сотрудника. При выполнении любого из указанных условий преступность личного состава в УИС практически иллиминируется до уровня в 5–7 осужденных сотрудников в год.

По степени важности влияния параметры подразделяются следующим образом:

1) величина денежного довольствия личного состава УИС (точнее, отношение денежного довольствия сотрудников УИС к средней начисленной заработной плате по стране);

2) нагрузка на одного сотрудника УИС;

3) количество сотрудников УИС, уволенных за отчетный период, в расчете на число сотрудников УИС фактически.

Значимость t -критерия оказывается неудовлетворительной. Наивысшую значимость мы имеем для показателя «отношение денежного довольствия сотрудников УИС к средней начисленной заработной плате по стране», т. е.

для этого фактора мы имеем объяснение более 80 % точек, входящих в модель, однако другие факторы существенно огрубляют модель либо же имеют нелинейную зависимость. Еще одним параметром, существенно влияющим на качество модели, является количество используемых данных, которое в нашем случае невелико (количество данных связано с тем, что исторически информационный ресурс ФСИН России был частью информационного ресурса МВД России).

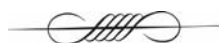
Результаты, полученные на основе экстраполированных данных, приведены в табл. 2.

Таблица 2

Отношение денежного довольствия	Уровень уволенных сотрудников УИС	Нагрузка на одного сотрудника УИС	Уровень осужденных сотрудников УИС	Количество осужденных сотрудников УИС в год при условии нахождения значений факторов в указанном интервале
0,7	0,08	3,5	0,13258	33,0
0,9	0,08	3,5	0,07958	19,8
1	0,08	3,5	0,05308	13,2
0,6	0,08	4	0,18708	46,6
0,6	0,08	3	0,13108	32,6
0,6	0,1	3,50	0,1398	34,8
0,6	0,06	3,50	0,17836	44,4
0,6	0,22	3,50	0,02412	6,0
1,2	0,08	3,5	0,0001	0,0
0,6	0,08	1,20	0,03028	7,5

Таким образом, была предложена модель, позволяющая сравнивать варианты в множестве S с точки зрения требований W . Содержательно выделение множеств Y , Z , D , S позволяет опи-

сать процесс трансформирования статистических данных по отобранным показателям в прообраз управленческого решения.

Библиографический список

1. Айвазян С. А. Прикладная статистика и основы эконометрики / С. А. Айвазян, В. С. Мхитарян. – М. : ЮНИТИ, 1998.
2. Райская Н. Н. Эконометрическое моделирование зависимости инвестиционной привлекательности регионов / Н. Н. Райская, Я. В. Сергиенко, А. А. Френкель // Вопр. статистики. – 2007. – № 10.

References

1. Ayvazyan S. A. Applied Statistics and Principles of Econometrics / S. A. Ayvazyan, V. S. Mhitarian. – M. : UNITI, 1998.
2. Rayskaya N. N. Econometric Modelling of Dependence of Regional Investment Attraction / N. N. Rayskaya, Ya. V. Sergienko, A. A. Frenkel // Problems of Statistics. – 2007. – № 10.

Р. И. Лейкин,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

R. I. Leykin,
*applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia*

**ВЕДОМСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ**

**Official Control in the Mechanism of Ensuring Human Rights and Freedoms
While Conducting Crime Detection in the Penal System of the Russian Federation**

Аннотация. Статья посвящена вопросам обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Автор анализирует ряд теоретических и прикладных вопросов осуществления ведомственного контроля за деятельностью оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, безопасность, права и свободы человека и гражданина.

Abstract. The author examines problems connected with ensuring human rights and freedoms during while conducting crime detection activities. The author analyses a number of theoretical and applied questions of conducting official control over operative subdivisions of the penal system.

Key words: crime detection activity, security, human rights and freedoms.

Одной из функций правового государства являются защита граждан от преступных посягательств и обеспечение их безопасности. Эта задача в полной мере возлагается на правоохранительные органы, которые призваны защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, обеспечивать общественный порядок, защищать собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств. Среди многообразия форм и методов реализации указанной функции в борьбе с преступностью особое место занимает оперативно-розыскная деятельность (далее: ОРД).

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: Закон «Об ОРД») ОРД представляет собой вид деятельности, которая осуществляется гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то законом посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий с целью защиты жизни и здоровья, *прав и свобод человека и гражданина*, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (Рос. газ. 1995. 18 авг.).

Вместе с тем со всей остротой встает вопрос о законности в деятельности органов, наделенных правом осуществлять ОРД, в связи с многосторонними функциональными обязанностями по борьбе с преступностью и обеспечению безопасности государства. Это обусловлено тем, что наряду с очевидно позитивными сторонами их дея-

тельности есть множество прямо противоположных фактов.

Нередки случаи, когда сотрудники органов, наделенных правом осуществлять ОРД, сами нарушают права и свободы, унижают достоинство личности, пренебрегают ими, иногда даже не осознавая их сути и значения, упоая лишь на силу как главное средство решения своих профессиональных задач. Подобные проявления имеют место и в оперативных подразделениях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС). Так, ряд сотрудников оперативных подразделений УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области были осуждены за совершение преступных деяний в отношении заключенного (Офицеров УФСИН отправили исправляться // Коммерсант. С.-Петербург. 2011. 9 марта).

Одним из действенных факторов в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина в целом и в ОРД, в частности, является ведомственный контроль за соответствием деятельности оперативных подразделений требованиям и содержанию обеспечения прав и свобод личности. Это обусловлено прежде всего тем, что ОРД осуществляется в основном негласными средствами, а также его сущностью, выражающейся в способности обеспечить для управляющего звена поступление информации о состоянии управляемых подсистем, сравнение и оценку этого состояния с точки зрения желаемого для данной системы результата, а также принятие своевременных мер для устранения обнаруженных несоответствий и недостатков (Ефремов А. М. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в

оперативно-розыскной деятельности: Теоретические и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 337). Все это повышает значимость ведомственного контроля за обеспечением прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД (в том числе и в условиях УИС), так как при организации и особенно при проведении оперативно-розыскных мероприятий оперативные работники в той или иной мере неизбежно вторгаются в сферу охраняемых законом прав и интересов граждан.

Именно поэтому Законом «Об ОРД» устанавливается персональная ответственность руководителей органов, осуществляющих ОРД, за соблюдение законности. Проведенные нами исследования подтверждают, что данный вид контроля за ОРД является наиболее реальным и действенным. На это указали 67 % опрошенных нами оперативных работников учреждений и органов УИС. В этой связи вопросам его осуществления должно уделяться соответствующее внимание.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, ее основными целями являются:

- повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития;

- сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам;

- гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544).

Достижение указанных целей возможно лишь при условии обеспечения соответствующего уровня безопасности в местах лишения свободы, что, в свою очередь, предполагает эффективность осуществления ОРД в пенитенциарных учреждениях. Только тогда наличие системы ведомственного контроля за осуществлением данной деятельности значительно повысит ее эффективность в плане соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Ответственность уполномоченного руководителя органа следует рассматривать как последствие неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него функций (возможность привлечения к юридической от-

ветственности) и, кроме того, как специфическую юридическую обязанность (гарантирование лично им решения задач ОРД, достижение положительного результата, добровольное исполнение своих обязанностей).

Основными задачами ведомственного контроля за оперативными подразделениями в УИС, на наш взгляд, являются:

- обеспечение неукоснительного выполнения законов и других нормативных актов, регламентирующих ОРД в УИС;

- своевременность выполнения управленческих решений руководства оперативных подразделений;

- выявление положительного опыта и внедрение его в деятельность оперативных подразделений УИС;

- правильный подбор и расстановка оперативных работников;

- повышение исполнительской дисциплины оперативных работников;

- оказание практической помощи сотрудникам оперативных подразделений в устранении вскрытых в их деятельности недостатков.

Вопросы обеспечения законности, прав и свобод личности при осуществлении ОРД во многом подведомственны руководителям органов, наделенных правом осуществлять эту деятельность.

Ведомственный контроль обладает наибольшими, по сравнению с другими видами контроля, возможностями по непосредственному воздействию на реализацию прав человека. Вышестоящий орган, осуществляющий контроль, в случае нарушения прав и свобод человека, допущенных подчиненным органом, может изменить или отменить акты этого органа, вмешаться в оперативную деятельность, принять конкретные меры для восстановления нарушенного права или пресечения противоправных действий должностного лица.

Природа контроля в целом и ведомственного, в частности, особо зримо обнаруживается в его основных проявлениях как функции различных институтов системы управления общественными процессами. Это касается в основном социального управления, одной из разновидностей которого является управление ОРД.

Специалисты теории научного управления исходят из того, что контроль – это система наблюдения и проверки процесса функционирования соответствующего объекта с целью устранить его отклонения от заданных параметров (Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования). М., 1983. С. 240).

Суть контроля состоит в том, что субъект управления осуществляет учет и проверку того, как управляемый объект выполняет его предписания. Основной целью данной функции является

блокирование отклонений деятельности субъекта управления от заданной управленческой программы, а при обнаружении аномалий – приведение управляемой системы в устойчивое положение при помощи всех социальных регуляторов.

Социальное управление и контроль – это явления, тесно связанные друг с другом. Будучи относительно самостоятельными институтами, они, взаимодействуя, образуют устойчивую систему. В процессе социального управления (в нашем случае ОРД) контроль (ведомственный) выступает связующим элементом между управленческими циклами. Процесс управления состоит из следующих функционально-логических функций: управленческое решение, контроль и проверка исполнения, оценка результатов. Таким образом, контроль является необходимой самостоятельной стадией управления.

Важной предпосылкой развития и основой эффективности контрольной деятельности в рассматриваемом аспекте выступает профилактическая работа по предупреждению нарушений прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД в УИС. Цель профилактики – выявление причин и условий нарушения прав и свобод человека и гражданина и их последующее устранение с целью недопущения новых.

Следует отметить, что деятельность по осуществлению ведомственного контроля проводится широким кругом лиц. Можно выделить следующие группы субъектов ведомственного контроля за обеспечением прав и свобод личности при осуществлении ОРД в УИС:

1. Руководители учреждений и органов УИС, наделенные правом осуществлять ОРД, функциональные обязанности которых предусматривают осуществление в полном объеме контроля за правильностью и законностью работы опера-

тивных подразделений, а также проведение наиболее сложных, ответственных оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих права и свободы человека и гражданина.

2. Руководители оперативных подразделений учреждений и органов УИС, должностные обязанности которых предусматривают повседневный контроль за обеспечением прав и свобод личности во всех его видах и формах в двух направлениях:

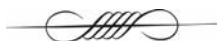
– в системе организации и осуществления деятельности подчиненных подразделений;

– при проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий.

3. Подразделения органов, наделенных правом осуществлять ОРД, одной из задач которых является проверка фактического исполнения этими органами законодательства по вопросам правоохранительной деятельности в целом и ОРД, в частности, ведомственных нормативных правовых актов.

4. Должностные лица оперативных подразделений, непосредственно осуществляющие отдельные оперативно-розыскные мероприятия, – в пределах деятельности по их подготовке и проведению и независимо от должностного положения.

Учитывая сложность и многоаспектность ведомственного контроля за осуществлением ОРД в УИС, а также широкий круг должностных лиц, его осуществляющих, на современном этапе развития пенитенциарной системы есть необходимость более детальной правовой регламентации данной деятельности. Это, на наш взгляд, целесообразно сделать за счет разработки отдельного ведомственного нормативного правового акта, регламентирующего суть, организационные основы и тактические особенности осуществления ведомственного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРД в УИС.

Библиографический список

1. Ефремов А. М. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности : Теоретические и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ефремов Анатолий Миронович. – СПб., 2001.
2. Лукашева Е. А. Права человека : учеб. для вузов / Е. А. Лукашева. – М. : Норма, 2001.
3. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М. : ИНФРА-М, 2001.

References

1. Efremov A. M. Ensuring Human and Civil Rights and Freedoms While Conducting Crime Detection / Efremov Anatoliy Mironovich. – SPb., 2003.
2. Lukashova E. A. Human Rights / E. A. Lukashova. – M. : Norma, 2001.
3. Crime Detection / ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovtchinskiy, A. Yu. Shumilov. – M. : INFRA-M, 2001.

О. А. Мартынов,
*адъюнкт факультета подготовки
 научно-педагогических кадров
 Академии управления МВД России*

O. A. Martynov,
*post-graduate student of the Faculty
 of Research and Teaching Staff Training
 of the Academy of Management of the Ministry
 of the Internal Affairs of Russia*

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ ОСУЖДЕННЫХ В РОССИИ
 В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

**Problems of Securing Right to Life and Health of the Condemned in Russia
 in the Light of the European Court of Human Rights**

Аннотация. В статье освещается вопрос о практике рассмотрения Европейским судом по правам человека жалоб против Российской Федерации о неудовлетворительном медицинском обеспечении в учреждениях уголовно-исполнительной системы и нарушении в связи с этим ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также о совершенствовании национальной правовой системы в данной области в соответствии с нормами международного права.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, медицинское обеспечение в УИС, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, жалоба.

Abstract. The article is devoted to the problem of considering complaints by the European Court of Human Rights against the Russian Federation concerning inadequate Medicaid in the institutions of the penitentiary system, violation of Article 3 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and perfection of the national legal system in this sphere according to the norms of international law.

Key words: the European Court of Human Rights, medical assistance in the penitentiary system, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, complaint.

Европейский суд по правам человека (далее: ЕСПЧ) является международным судебным органом, юрисдикция которого распространяется на все государства – члены Совета Европы, ратифицировавшие Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее: Конвенция) (Бюл. междунар. договоров. 2001. № 3), и включает все вопросы, относящиеся к толкованию и применению Конвенции, а также межгосударственные дела и жалобы отдельных лиц. Рассматривая эти обращения, ЕСПЧ выносит решения, где определяется приемлемость жалобы, и постановления, в которых жалоба разрешается по существу, т. е. признается или не признается нарушение прав человека. Постановления ЕСПЧ по конкретным делам носят обязательный характер и должны исполняться государствами, подписавшими Конвенцию. При разборе конкретных жалоб ЕСПЧ оценивает не только фактические обстоятельства конкретного дела, но и анализирует особенности законодательства и правоприменительной практики конкретной страны, ставшие причиной нарушения прав и свобод человека. В связи с этим постановления ЕСПЧ имеют большое значение для совершенствования национальных правовых систем.

Констатация ЕСПЧ нарушений Конвенции налагает на государство-ответчик в силу ч. 1 ст. 46 четкие и определенные обязательства. Государство, против которого принято декларативное поста-

новление о нарушении прав человека, не только должно выплатить определенную компенсацию, но и принять соответствующие меры индивидуально-характера по отношению к потерпевшему (так называемые меры индивидуального характера), чтобы «положить конец нарушению и устранить его последствия с целью восстановления, насколько это возможно, ситуации, существовавшей до нарушения», и, если это необходимо, также меры общего характера, способные эффективно предотвратить дальнейшие нарушения Конвенции, подобные тем, которые уже были выявлены.

В последние несколько лет ЕСПЧ все чаще признается нарушение ст. 3 Конвенции ввиду ненадлежащего медико-санитарного обеспечения в учреждениях уголовно-исполнительной системы по жалобам против Российской Федерации.

Так, с 2006 г. ЕСПЧ были вынесены постановления, где признавались нарушения ст. 3 Конвенции, в частности, по следующим делам:

– постановлением от 14 декабря 2006 г. по жалобе № 4353/03 «Тарариев против Российской Федерации» признано ненадлежащее оказание медицинской помощи в ФБУ ЛИУ-5, УО-68/9 УФСИН России по Краснодарскому краю в связи с поздним проведением операции, а также этапированием на общих основаниях при несостоятельности швов в послеоперационный период (Бюл. Европ. суда по правам человека. 2007. № 7);

– постановлением от 24 мая 2007 г. по жалобе № 52058/99 «Городничев против Российской Федерации» признано ненадлежащее оказание меди-

цинской помощи в ФБУ ИЗ-54/1 ГУФСИН России по Новосибирской области (Там же. 2008. № 1);

– постановлением от 8 ноября 2007 г. по жалобе № 22625/02 «Миронов против Российской Федерации» признано ненадлежащее оказание медицинской помощи в ФБУ ИЗ-50/7 УФСИН России по Московской области в связи с непроведением медицинского осмотра после применения отрядом специального назначения «Факел» физической силы (URL: <http://www.sudprecedent.ru/chronicle/20/643>);

– постановлением от 7 февраля 2008 г. по жалобе № 35421/05 «Меченков против Российской Федерации» признано ненадлежащее оказание медицинской помощи в ФБУ УФ-91/10 ГУФСИН России по Новосибирской области в связи с несвоевременным определением диагноза – гепатит С (URL: <http://www.ikd.ru/node/5181>);

– постановлением от 9 июля 2009 г. по жалобе № 24325/03 «Генералов против Российской Федерации» признано ненадлежащее оказание медицинской помощи ввиду того, что, находясь в учреждении ЖХ-385/5 (Республика Мордовия), заявитель заразился туберкулезом и ему не была предоставлена надлежащая медицинская помощь, поскольку у него не диагностировали это заболевание во время нахождения в исправительном учреждении (URL: <http://sutyajnik.ru/documents/4000.html>);

– постановлением от 30 июля 2009 г. по жалобе № 34393/03 «Питалев против Российской Федерации» признано ненадлежащее оказание медицинской помощи в ФБУ ИК-3 и ФБЛПУ-2 УФСИН России по Рязанской области в связи с недостаточным объемом медицинской помощи по поводу лечения туберкулеза (Там же);

– постановлением от 22 декабря 2008 г. по жалобе № 46468/06 «Алексанян против Российской Федерации» признано ненадлежащее оказание медицинской помощи в связи с содержанием заявителя под стражей без учета состояния его здоровья (Бюл. Европ. суда по правам человека. 2009. № 4);

– постановлением от 14 января 2010 г. по жалобе № 3267/03 «Москалюк против Российской Федерации» признано ненадлежащее оказание медицинской помощи во время содержания в ФБУ ИЗ-77/1 УФСИН России по г. Москве, ФБУ ЛИУ-10 УФСИН России по Омской области, ФБУ ЛИУ-1 УФСИН России по Калужской области, а также при этапировании между этими учреждениями (URL: <http://www.gazet-yurist.ru/arbitr.php?i=795>);

– постановлением от 1 апреля 2010 г. по жалобе № 37463/04 «Ахметов против Российской Федерации» признано ненадлежащее оказание медицинской помощи заявителю в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний в связи с заболеванием – кавернозная гемангиома правой теменно-височной об-

ласти (Бюл. Европ. суда по правам человека. 2010. № 10).

В качестве примера подробно остановимся на деле «Алексанян против Российской Федерации».

Дело было инициировано жалобой, поданной 16 ноября 2006 г. гражданином Российской Федерации Алексаняном Василием Георгиевичем (далее: заявитель). Заявитель, бывший вице-президент ЮКОСа, находившийся на момент вынесения постановления ЕСПЧ под стражей, жаловался на отсутствие надлежащей медицинской помощи и на то, что его содержание под стражей несовместимо с состоянием его здоровья (СПИД, лимфома, потеря зрения) и является необоснованным, а также на то, что российские власти нарушили обязательства по выполнению предварительных мер, предписанных ЕСПЧ (перевод заявителя в специализированное медицинское учреждение и проведение независимого медицинского исследования состояния его здоровья). Он также жаловался на необоснованные обыски в его квартире и загородном доме.

В результате рассмотрения жалобы ЕСПЧ констатировал нарушение российскими властями Конвенции, в частности, ст. 8 ввиду проведенных обысков недвижимости заявителя и п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с чрезмерно длительным содержанием заявителя под стражей и неспособностью внутригосударственных судов представить значимые и достаточные объяснения в оправдание его продолжительного содержания под стражей.

Вместе с тем ЕСПЧ постановил, что имело место нарушение ст. 3 Конвенции ввиду отсутствия надлежащей медицинской помощи в ФБУ ИЗ-99/1 УФСИН России по г. Москве и в ФБУ ИЗ-77/1 УФСИН России по г. Москве. В этой связи ЕСПЧ отметил, что национальные органы власти не проявили должной заботы о состоянии здоровья заявителя, так как оно требовало его перевода в больницу, специализирующуюся на лечении СПИДа, а инфекционное отделение следственного изолятора, в которое поместили заявителя, таковым учреждением не является.

Кроме того, ЕСПЧ обратил внимание на тот факт, что 27 ноября 2007 г. согласно правилу 39 Регламента ЕСПЧ (далее: Регламент) он указал российским властям на необходимость перевода заявителя в специализированное медицинское учреждение, однако данная мера была выполнена только спустя два месяца, чем были поставлены под угрозу жизнь и здоровье заявителя. Российские власти также не выполнили другую предварительную меру, указанную ЕСПЧ 21 декабря 2007 г., отказав заявителю в проведении обследования смешанной медицинской комиссией. ЕСПЧ посчитал, что, не выполнив предварительные меры, указанные согласно правилу 39 Регламента, российские власти допустили нарушение ст. 34 Конвенции.

Учитывая обстоятельства дела, а также тяжесть заболеваний заявителя, ЕСПЧ обязал российские власти заменить содержание под стражей иной обоснованной и менее строгой мерой пресечения.

Данное требование полностью соответствует п. 1 правила 46 Европейских тюремных правил (2006 г.), согласно которому больные заключенные, требующие специализированного лечения, переводятся в специализированные учреждения, если такое лечение в тюрьме невозможно (URL: http://www.prison.org/law/eur_pr.shtml). В соответствии с п. 14 приложения к Рекомендации № R(93)6 Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно тюремных и криминологических аспектов борьбы с инфекционными заболеваниями, в частности СПИДом, и смежных проблем здравоохранения в пенитенциарных учреждениях, ВИЧ-инфицированные заключенные на последнем этапе нахождения в заключении должны освобождаться досрочно и пользоваться соответствующими услугами после выхода на свободу (URL: http://www.echr-base.ru/rec93_6.jsp).

В Международных руководящих принципах ООН по ВИЧ/СПИДу и правам человека в разд. 17 «Свобода от жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания» говорится, что отказ предоставить заключенным доступ к информации и знаниям о ВИЧ равнозначен жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Что касается заключенных с заболеваниями в терминальной стадии, включая больных СПИДом, то для них следует предусмотреть возможность досрочного освобождения и надлежащего лечения вне тюрьмы (URL: http://www.ohchr.org/Documents/Publications/HIVAI_DSGuidelinesru.pdf).

В связи с вышеизложенным ЕСПЧ счел необходимым напомнить о некоторых фактах, которые, по его мнению, имеют решающее значение для понимания положения заявителя. Из утверждений Правительства Российской Федерации следует, что тюремная больница была оснащена и укомплектована кадрами для лечения широкого спектра заболеваний, в частности, тех, которые широко распространены в тюремной системе России, например туберкулеза. Тем не менее очевидно, что в тюремной больнице отсутствовало отделение, специализирующееся на лечении СПИДа. Несмотря на то, что один из врачей тюремной больницы прошел курс подготовки по диагностике ВИЧ, тем не менее нет доказательств того, что данный курс включал в себя антиретровирусную терапию. Более того, отсутствуют сведения о том, что ВААРТ-терапия когда-либо назначалась в тюремной больнице, а у работающего там медицинского персонала был необходимый опыт и практические навыки по ее проведению.

В числе отделений тюремной больницы имелось инфекционное отделение, куда поместили заявителя в октябре 2007 г. В соответствии с приказом Минздравмедпрома России от 16 августа 1994 г. № 170 «О мерах по совершенствованию профилактики и лечения ВИЧ-инфекции в Российской Федерации» при отсутствии специализированной больницы пациента, больного СПИДом, можно поместить в инфекционную больницу. При этом инфекционная больница не считается «специализированной» для лечения СПИДа, она лишь ее заменяет (URL: http://www.spruce.ru/infect/HIV/1994_170_15.html).

На основании вышеизложенного ЕСПЧ приходит к заключению, что, по меньшей мере, с конца 2007 г. состояние здоровья заявителя требовало его перевода в больницу, специализирующуюся на лечении СПИДа, тюремная же больница не подходила для данных целей.

Таким образом, ЕСПЧ не выявил серьезных практических препятствий для немедленного перевода заявителя в специализированное медицинское учреждение. Более того, с учетом состояния здоровья заявителя и его предшествующего поведения ЕСПЧ считает, что угроза безопасности, которую он мог представлять в то время, была ничтожно мала по сравнению с угрозой его здоровью.

В своем окончательном выводе ЕСПЧ указал, что национальные органы власти не проявили должной заботы о состоянии здоровья заявителя, гарантирующей, что он не пострадал от обращения, противоречащего ст. 3 Конвенции, по меньшей мере, до его перевода в гематологическую больницу за пределами тюрьмы 8 февраля 2008 г. Данное обстоятельство унизило его достоинство и повлекло за собой особо жестокие лишения, причинив страдания, помимо тех, которые неизбежно связаны с отбыванием срока тюремного заключения и имеющимися заболеваниями, что приравнивалось к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

В целях исполнения решений ЕСПЧ, а также устранения выявленных недостатков при рассмотрении дел против Российской Федерации в ЕСПЧ Правительством Российской Федерации были предприняты соответствующие меры. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» утверждены правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых, перечень заболеваний, препятствующих содержанию под стражей, и форма медицинского заключения о наличии (отсутствии) таких заболеваний (Рос. газ. 2011. 21 янв.).

Согласно этому документу из следственного изолятора, в частности, могут быть освобождены подозреваемые (или обвиняемые) с тяжелыми

формами туберкулеза, ВИЧ, злокачественными новообразованиями, болезнями эндокринной системы, тяжелыми заболеваниями нервной системы, системы кровообращения, глаз, органов дыхания, пищеварения, мочеполовой системы, а также лучевой болезнью IV степени и серьезными травмами.

Постановление утвердило норму о том, что подозреваемый или обвиняемый направляется на медицинское освидетельствование в течение 5 рабочих дней со дня принятия решения о необходимости его проведения.

В рамках решения проблем обеспечения права на жизнь и здоровье осужденных разработан и принят Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 434-ФЗ «О внесении изменений в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 24 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”», в соответствии с которым предусмотрена возможность освобождения из следственного изолятора тяжелобольных подозреваемых (Там же. 2010. 31 дек.).

Данным законом ст. 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации была дополнена ч. 1, предусматривающей возможность изменения меры пресечения в виде заключения под стражу при выявлении у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей и удостоверенного медицинским заключением, вынесенным на основании медицинского освидетельствования.

Одновременно в ст. 24 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под

стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» внесено положение, которое обязывает начальника места содержания под стражей или лицо, исполняющее его обязанности, в случае выявления у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, направлять лицу или органу, в производстве которого находится уголовное дело, подозреваемому или обвиняемому и его защитнику медицинское заключение, вынесенное по результатам медицинского освидетельствования, в течение календарного дня, следующего за днем поступления медицинского заключения в администрацию места содержания под стражей (Там же. 1995. 20 июля ; 2011. 27 апр.).

Другим нормативным правовым актом – Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 5-ФЗ «О внесении изменений в статью 117 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» – введены обязательное проведение медицинского осмотра осужденных и выдача медицинского заключения о возможности их нахождения в штрафном (дисциплинарном) помещении по состоянию здоровья (Там же. 2011. 11 февр.).

Таким образом, вполне очевидно, что решения ЕСПЧ по жалобам граждан России против Российской Федерации побудили отечественного законодателя и высшую судебную власть принять определенные меры по приведению внутреннего законодательства в соответствие с нормами международного права.

Библиографический список

1. Бессарабов В. Г. Европейский Суд по правам человека / В. Г. Бессарабов. – М. : Юрлитинформ, 2003.
2. Датий А. В. Проблемы правового регулирования медицинского обеспечения осужденных / А. В. Датий // Теоретические и прикладные проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы : сб. науч. тр. – М. : НИИ УИС Минюста России, 2004. – Вып. 1.
3. Датий А. В. Правовое регулирование и организация медицинского обеспечения осужденных в исправительных учреждениях / А. В. Датий // Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности : материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 26 марта 2004 г. – М. : Юрист, 2004.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : [заключена в Риме 4 нояб. 1950 г.] // Бюл. междунар. договоров. – 2001. – № 3.
5. Чернышова О. Жалобы против России в Европейский Суд по правам человека / О. Чернышова // Рос. юстиция. – 2002. – № 4.

References

1. Bessarabov V. G. The European Court of Human Rights / V. G. Bessarabov. – M. : Legal Literature Information, 2003.
2. Datiy A. V. Problems of the Legal Control of Medicaid of the Condemned / A. V. Datiy // Theoretic and Practical Problems of the Activities of the Penitentiary System. – M. : Scientific Research Institute of the Penitentiary System of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2004. – Iss. 1.
3. Datiy A. V. Legal Regulation and Organization of Medicaid of the Condemned in Corrective Institutions / A. V. Datiy // Acute Problems of Legal Regulation of Medicaid. – M. : Lawyer, 2004.
4. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms : [Concluded in Rome on Nov. 4, 1950] // Bull. of International Agreements. – 2001. – № 3.
5. Chernyshova O. Complaints against Russia to the European Court of Human Rights / O. Chernyshova // Russian Justice. – 2002. – № 4.

Т. В. Пикина,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

T. V. Pikina,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ:
ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ**

Legal Position of People Convicted to Imprisonment: Problem of Confinement

Аннотация. Статья посвящена проблеме правового положения осужденных. Осуществлен поэтапный анализ данной правовой категории.

Ключевые слова: правовой статус личности, правовое положение, права и свободы, юридические обязанности, законные интересы.

Abstract. The article is devoted to the problem of legal position of the convicted. Step-by-step analysis of the given category of law is carried out.

Key words: a person's legal status, legal position, rights and freedoms, legal duties, legitimate interests.

Вопрос о соотношении понятий «правовое положение» и «правовой статус» личности, об установлении их содержательной стороны является одним из наиболее дискуссионных в юридической науке. Это обусловлено тем, что большее количество ученых обращается к обозначенной теме, и каждый из них отстаивает свою позицию в данном вопросе как наиболее правильную и обоснованную.

В основном исследователи сходятся во мнении, что категории «правовой статус» и «правовое положение» как научные термины обладают идентичным содержанием. Так, В. М. Баранов считает, что выделение этих понятий в качестве самостоятельных юридических категорий является абсолютно безосновательным, не обладающим ни теоретической ценностью, ни практической значимостью. По его мнению, такой подход искусствен и обусловлен прежде всего желанием правоведов наполнить новым содержанием имеющиеся теоретические разработки в данной области (Баранов В. М. Правовое положение личности // *Общая теория права : курс лекций* / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 56–60).

Кроме того, для большинства исследований данной проблемы свойственно рассмотрение этих понятий как сложных явлений правовой действительности, объединяющих множество элементов. Помимо традиционно включаемых в них прав и свобод, юридических обязанностей и законных интересов (Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 7–23), ученые добавляют и иные компоненты. Например, М. С. Строгович, наряду с названными, причисляет к элементам правового положения также правовые гарантии и правовую ответственность (Строгович М. С. Вопросы теории прав личности //

Философия и современность. М., 1976. С. 33–35), а Л. Д. Воеводин – правоспособность, принципы права, гражданство и гарантии реализации прав и обязанностей (Воеводин Л. Д. Понятие правового положения личности и особенности статуса различных категорий лиц в СССР // *Советское государственное право* / под ред. С. С. Кравчука. М., 1985. С. 139–150).

Своеобразным отражением противоречивости вывода о включении в одно понятие нескольких элементов являются компромиссные позиции тех авторов, которые определяют правовое положение личности в узком и широком смысле. На их фоне наиболее объективной и аргументированной представляется точка зрения Н. В. Витрука, согласно которой юридические категории «правовое положение» и «правовой статус» должны разграничиваться. По его мнению, в содержание правового статуса входят права и свободы, юридические обязанности и законные интересы личности. Понятие же правового положения включает в себя такие понятия, как гражданство и правосубъектность, выступающие в качестве необходимых предпосылок правового статуса, сам правовой статус, а также юридические гарантии прав и свобод личности (Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 27–34). Такое разграничение, на наш взгляд, обосновывается наличием некоторых юридических категорий и элементов правовой системы (помимо непосредственно влияющих на определение места субъекта в системе общественных отношений – прав, свобод, законных интересов и обязанностей – и потому входящих в его правовой статус), которые служат своеобразной оболочкой, обеспечивающей само наличие либо максимальной эффективную реализацию правового статуса.

Весьма неоднозначен подход ученых к проблеме разграничения различных видов правового

положения личности. В теории права их традиционно выделяют три: а) общее, или конституционно-правовое положение гражданина; б) специальное, или родовое положение определенных категорий граждан; в) индивидуальное положение конкретного лица. Общее правовое положение личности служит основой специального положения, обусловленного наличием у человека различных социальных характеристик (женщина; иностранный гражданин; осужденный к лишению свободы и пр.). Специальное положение в свою очередь является базой для индивидуального правового положения, соответствующего определенным условиям и обстоятельствам, в которых оказывается то или иное конкретное лицо.

В целом поддерживая общепринятую правовую доктрину, мы предлагаем свой вариант системы правового положения личности. На наш взгляд, она может выглядеть таким образом:

1) общее положение, которое включает в себя два уровня (служащие предпосылками для двух следующих): а) конституционный и б) ограниченный конституционный;

2) специальное положение;

3) индивидуальное положение.

Несмотря на то, что теоретически конституционное правовое положение является узловой категорией и охватывает сферой своего воздействия абсолютно всех членов общества, наличие у лица тех или иных социально-правовых характеристик может являться фактором, значительно влияющим на определение конкретного содержания рассматриваемого понятия. Указанные характеристики (в частности, осуждение лица к лишению свободы) влекут за собой трансформацию некоторых элементов их общего правового положения (например, конституционных обязанностей), которая обуславливает изменение порядка осуществления данных элементов или вообще ведет к их утрате. Так, лица, содержащиеся в исправительных учреждениях, в силу факта изоляции от общества не в состоянии исполнить конституционную обязанность по несению военной службы.

Те случаи, когда элементы правового положения субъекта утрачиваются либо приобретают особые формы осуществления, некоторые авторы именуют правовым модусом (Ровный В. В. О категории «правовой модус» и ее содержании // Государство и право. 1998. № 4. С. 26–29). К термину «правовой модус» ученые-юристы относятся по-разному. Так, Н. И. Матузов оценивает его как неудачный, не вполне «элегантный», стилистически избыточный (Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 194), тогда как Р. П. Мананкова, напротив, обращает внимание на точность и полноту рассматривае-

мой категории в условиях нашего небогатого понятийного аппарата и считает ее оптимальным видом правовой информации о правах и обязанностях граждан (Мананкова Р. П. Правовой статус членов семьи по советскому законодательству. Томск, 1991. С. 11–17).

Мы полагаем целесообразным согласиться с наиболее приемлемой в данном случае точкой зрения Н. В. Витрука, который предпочитает категорию специального правового положения как более оправданную и необходимую (Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. С. 187). Это понятие, исходя из его значения, на наш взгляд, в наибольшей степени верно отражает особенности правового положения лица, обладающего различными социальными характеристиками.

Анализ законодательства и научных источников позволяет сделать вывод, что правовое положение осужденных к лишению свободы, в силу факта вхождения последних в особую категорию лиц, обладающих принадлежащими исключительно им социальными особенностями, имеет трехуровневую систему.

В качестве параметров мы предлагаем выделять следующие:

1) юридическая природа элементов, входящих в правовое положение лиц, содержащихся в исправительных учреждениях. Основываясь на предложенной нами модели исследуемого понятия, мы в качестве его элементов выделяем исключительно правовые явления, признаки, качества и характеристики личности, с помощью которых законодатель фиксирует ее место в системе общественных отношений. На этом основании в правовое положение личности не могут входить категории, не нашедшие своего отражения в законодательстве, а также иные неправовые явления (общие гарантии прав и свобод, социальная ответственность и др.) (Там же);

2) связанность с включенностью лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, в систему социально-правовых отношений, определяющих место сужденного в их структуре. Причем это место прямо зависит от наличия взаимных юридических связей между осужденными к лишению свободы и иными субъектами права;

3) связанность с реализацией тех или иных правовых возможностей, направленных на удовлетворение лицом своих жизненных потребностей, либо с необходимостью осуществления каких-либо мер должного поведения в интересах иных лиц.

Установив общие черты, характеризующие элементный состав правового положения осужденных к лишению свободы, перейдем к содержательной характеристике каждого из них. Одними из важнейших элементов рассматриваемо-

го понятия являются правосубъектность и гражданство. Данные правовые категории следует рассматривать в качестве необходимых предпосылок другого элемента правового положения осужденных к лишению свободы – их правового статуса. Несмотря на то, что правоспособность и гражданство непосредственно не включаются в структуру правового статуса лиц, находящихся в исправительных учреждениях, они являются своего рода условиями, обеспечивающими его существование. Правосубъектность и гражданство в силу своей юридической природы можно рассматривать как формы закрепления элементов, входящих в правовой статус осужденных к лишению свободы, без которых наличие последнего было бы просто невозможно.

Правосубъектность, т. е. возможность лица выступать в качестве субъекта правовых отношений, включает в себя два элемента: 1) правоспособность, которую можно определить как закрепленную нормами права способность осужденных к лишению свободы быть носителями прав; 2) дееспособность, т. е. возможность реализовывать права своими действиями (Общая теория права и государства : учеб. для вузов / под ред. В. В. Лазарева. М., 1999. С. 123–126). Разграничение указанных элементов правового положения является, безусловно, необходимым и свидетельствует о важности отводимой им законодателем роли, связанной с закреплением прав и свобод (Колташов А. И. Проблемы гуманизации деятельности ОВД по обеспечению прав и свобод граждан // Совершенствование борьбы с преступностью в условиях Дальнего Востока : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1997. С. 38). Так, являясь формальными носителями права на образование, т. е. обладая по отношению к нему правоспособностью, осужденные к лишению свободы не могут реализовать его в полном объеме (например, обучаться очно в высшем учебном заведении), следовательно, их дееспособность носит ограниченный характер.

Гражданство необходимо рассматривать как устойчивую правовую связь лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, с государством, которая характеризуется наличием их взаимных юридических прав и обязанностей. В зависимости от степени устойчивости этой правовой связи все осужденные к лишению свободы делятся на собственных граждан, лиц без гражданства и иностранных граждан. В соответствии со ст. 24 УИК РФ осужденные к лишению свободы иностранные граждане и лица без гражданства пользуются теми же правами и несут те же обязанности, которые установлены для обычных лиц данной категории, за исключением изъятий и ограничений, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Исходя из этого устанавливается и перечень тех прав, свобод и обязанностей, которые будут при-

надлежать рассматриваемой категории лиц по сравнению с осужденными, являющимися гражданами России.

Гражданство, как и правосубъектность, может выступать в качестве элемента правового положения осужденных, который как бы пронизывает все другие элементы, но при этом одновременно выполняет вполне самостоятельную функцию – обеспечивает связь между государством и осужденными при помощи закрепленных в законодательстве прав, свобод и обязанностей (Дерюга Н. Н. Гражданские права и обязанности осужденных. Хабаровск, 1992. С. 6).

Говоря о правовом статусе не только как о теоретически самостоятельном и важнейшем элементе юридической конструкции правового положения, но и о реально существующей правовой действительности, на наш взгляд, следует остановиться на его функциональном юридическом предназначении. Этот вопрос в науке решается также неоднозначно. Так, Н. А. Богданова говорит о нем как о самостоятельном элементе правовой системы, который обеспечивает процесс реализации лицами своих прав, свобод и обязанностей (Богданова Н. А. Категория статуса в конституционном праве // Вестн. Моск. ун-та. Серия «Право». 1998. № 3. С. 8). В. А. Патюлин предлагает рассматривать его в неразрывном единстве со звеньями правовой системы, направленными на установление юридических взаимоотношений субъекта с государством (Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. М., 1978. С. 25–28), а Н. В. Витрук связывает его наличие с необходимостью отражения места личности в системе общественных отношений (Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. С. 29).

Следующим элементом правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, являются юридические гарантии. Вообще проблема гарантированности прав и свобод не только осужденных к лишению свободы, но и любых других лиц, как нам представляется, носит довольно специфичный характер. Многоаспектность и неоднозначность проявлений данного понятия свидетельствуют не только о его важной роли в системе обеспечения реализации прав и свобод, но и о значительных проблемах в теоретической исследованности и законодательной регламентации этого элемента правового положения осужденных к лишению свободы (Колташов А. И. Гарантии реализации и защиты прав и свобод молодежи в РФ // Юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина: региональные проблемы : сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1998. С. 21). Значение юридических гарантий как для структуры исследуемого нами понятия, так и для правовой системы в целом, на наш взгляд, необ-

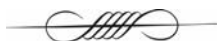
ходимо рассматривать в двух плоскостях: 1) влияние на целостность системы и гармоничность взаимодействия всех элементов правового положения осужденных к лишению свободы и 2) влияние на реализацию правового статуса, а точнее, его основного звена – прав и свобод лиц, содержащихся в исправительных учреждениях.

В первом случае юридические гарантии выступают в качестве определенных средств, обусловливающих комплексность структуры правового положения рассматриваемой нами категории лиц, и тем самым являются механизмом обеспечения его функционирования (Энтин М. Л. Международные гарантии прав человека. М., 1992. С. 139). Например, существование правосубъектности и гражданства, а также юридических признаков, характеризующих данные правовые категории (правоспособность, механизм корреспонденции и др.), невозможно рассматривать в отрыве от юридических гарантий, которые здесь выступают как свойства, обеспечивающие и их наличие, и полноту отражения в законодательстве, и, в необходимых случаях, защиту.

Во втором случае юридические гарантии выполняют узкоспециализированные функции по осуществлению осужденными к лишению свободы своих прав. Выступая в данном качестве, они

приобретают свойство условий и средств по обеспечению максимально эффективной поддержки и защите прав и свобод лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, как бы становясь благоприятной средой их реализации. Так, возможность осуществления осужденными права на свободу совести и вероисповеданий обеспечена целым арсеналом средств (наличием соответствующей нормативно-правовой базы, ее полнотой и непротиворечивостью, существованием разветвленных механизмов его защиты – обращение в прокуратуру, суд и др.)

Проведенный нами теоретический анализ научных источников, касающихся общего учения о правовом положении личности и его некоторых законодательных аспектах, самостоятельные выводы, полученные в ходе собственных умозаключений, осмысление норм действующего законодательства, затрагивающего стороны исследуемой нами проблемы, позволили, на наш взгляд, достаточно достоверно определить основные элементы структуры правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях. К ним мы отнесли правосубъектность и гражданство, выступающие в качестве предпосылок другого элемента – правового статуса, и юридические гарантии.

Библиографический список

1. Баранов В. М. Правовое положение личности / В. М. Баранов // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. – Н. Новгород : НВШ МВД РФ, 1993.
2. Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР / Н. В. Витрук. – М. : Юрид. лит., 1985.
3. Воеводин Л. Д. Понятие правового положения личности и особенности статуса различных категорий лиц в СССР / Л. Д. Воеводин // Советское государственное право / под ред. С. С. Кравчука. – М. : Юрид. лит., 1985.
4. Ровный В. В. О категории «правовой модус» и ее содержании / В. В. Ровный // Государство и право. – 1998. – № 4.
5. Строгович М. С. Вопросы теории прав личности / М. С. Строгович // Философия и современность. – М. : Наука, 1976.

References

1. Baranov V. M. Legal Position of a Person / V. M. Baranov // General Theory of Law / ed. by V. K. Babaev. – N. Novgorod : Nizhniy Novgorod School of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, 1993.
2. Vitruk N. V. Legal Status of a Person in the USSR / N. V. Vitruk. – M. : Legal Literature, 1985.
3. Voevodin L. D. A Concept of Legal Position of a Person and Peculiarities of a Status of Different Categories of Persons in the USSR / L. D. Voevodin // Soviet State Law / ed. by S. S. Kravchuk. – M. : Legal Literature, 1985.
4. Rovniy V. V. On Category «Legal Modus» and its Content / V. V. Rovniy // State and Law. – 1998. – № 4.
5. Strogovich M. S. Questions of Theory of a Person's Rights / M. S. Strogovich // Philosophy and Modern Times. – M. : Science, 1976.

Протоиерей Олег Скоморох,
докторант Общецерковной докторантуры
Московского патриархата
кандидат богословия

Archpriest Oleg Skomorokh,
doctoral candidate of the doctorate
of the Moscow Patriarchate
Candidate of Theology

ПЕРСПЕКТИВЫ ТЮРЕМНОГО СЛУЖЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Current State of Perspectives of Prison Ministry of the Russian Orthodox Church

Аннотация. Статья посвящена вопросам, относящимся к практике взаимодействия Русской православной церкви и пенитенциарной системы России в настоящее время, и обращена к перспективам развития тюремного служения церкви в условиях современной действительности.

Ключевые слова: Русская православная церковь, тюремное служение, право, церковь и общество.

Abstract. The article suggested touches upon some questions concerning the practice of cooperation between the Russian orthodox church and the penal system of the Russian Federation at the present stage. The author addresses the perspectives of the development of prison ministry of the Church in the present-day reality conditions.

Key words: the Russian Orthodox Church, prison ministry, law, church and society.

22 февраля 2011 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и директор Федеральной службы исполнения наказаний А. А. Реймер подписали Соглашение о сотрудничестве между Федеральной службой исполнения наказаний и Русской православной церковью (Московский патриархат : [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1414718.html>).

С каждым годом в местах лишения свободы увеличивается количество верующих осужденных, строятся храмы и молитвенные комнаты. В настоящее время практически в каждом исправительном учреждении есть своя православная община, храм, назначенный указом архиерея священник. В исправительных колониях создаются условия для того, чтобы храмы были открыты ежедневно, и верующие заключенные могли собираться там для молитвы. Предоставленная возможность развивать тюремное служение принесла свои плоды, что отмечается и специалистами уголовно-исполнительной системы (далее: УИС). Из аналитической справки Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России) видно, как изменяется статистика в отношении количества верующих заключенных. Так, в начале 1990-х г. верующие осужденные всех вероисповеданий составляли не более 10 % от численности спецконтингента. Результаты специальной переписи осужденных, проведенной в 1999 г. в учреждениях УИС России, показали, что 36,8 % заключенных считают себя верующими, а из их числа 82,9 % относят себя к православным христианам (30,5 % от общего числа осужденных). При проведении специальной переписи осужденных в 2009 г. был отмечен существенный рост доли верующих среди осужденных к лишению свободы. И если согласно данным 1999 г. большинство осужденных (63,2 %) не относили себя к числу верующих, то в 2009 г. это число сократилось в 2,5 раза и составило 25,6 %. Среди осужденных женщин этот показатель значительно

ниже – 15,8%. Кроме того, 65,9 % осужденных считают себя православными, 5,5 % – мусульманами, 1,9 % – христианами неправославных конфессий и лишь 1,1 % – это лица, исповедующие иные религии (буддисты, иудеи и пр.) (Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.) / Е. М. Данилин [и др.] ; науч. ред. В. И. Селиверстов. М., 2010. Вып. 1. С. 8–9). Причем исследователи обращают внимание не только на значительный рост числа верующих в местах лишения свободы, но и на то, какое положительное воздействие религия оказывает на общие характеристики заключенных. Так, сравнительный анализ показателей отношения осужденных к религии и их общих характеристик позволяет констатировать, что среди православных христиан характеризуются положительно 40,4 %. При этом самый высокий показатель отмечен у христиан иных конфессий – 40,9 %, а самый низкий зафиксирован у неверующих – 32,7 %. Причем среди неверующих и мусульман самые высокие показатели характеризующихся отрицательно – 23,9 и 26,9 % соответственно. Злостные нарушители среди православных составляет 2,0 %, это наименьший показатель. У неверующих он достигает 3,3 %, а самый высокий показатель у исповедующих иную религию – 5,9 % (Там же. С. 10). Результаты подобных исследований убеждают руководство ФСИН России в положительном влиянии воцерковления на осужденных, что нашло отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544). Так, в части социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с заключенными говорится о необходимости использования и активизации взаимодействия с традиционными конфессиями (например, обеспечение осужденным возможности участия в религиозных обрядах, реализация совместных с традиционными конфессиями гуманитар-

ных проектов). В части привлечения общественности к оказанию социальной помощи осужденным и воспитательной работе с ними подчеркивается важность использования потенциала религиозных конфессий в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных и работников УИС, а также для социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Это позволяет, в свою очередь, представителям тюремной миссии активно развивать свое служение.

Важность тюремного служения неоднократно подчеркивалась иерархами Русской православной церкви и была сформулирована в разд. IX. 3. «Преступность, наказание, исправление» «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» (М., 2000) и в разд. V, п. 1 «Принципы и направления правозащитной деятельности Русской Православной Церкви» «Основ учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (М., 2008).

В настоящее время тюремное служение в России активно развивается. Появляются новые формы и методы тюремной миссии. Практика последних двадцати лет показывает, какие проблемы должна решать и какие цели должна ставить перед собой тюремная миссия. Расширение границ и детализация направлений миссии в специфических условиях тюремной системы, безусловно, требуют серьезной работы по созданию Концепции тюремного служения Русской православной церкви, а осуществляемая реформа ФСИН России – новых документов о сотрудничестве Русской православной церкви с ФСИН России, закладывающих основы тюремного служения на будущее. Именно такие задачи и были поставлены Священным синодом Русской православной церкви при создании в марте 2010 г. Синодального отдела по тюремному служению (Московский патриархат : [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1106470.html>).

За годы служения Русской православной церкви в тюрьмах многое удалось сделать:

- образовались сотни православных общин в учреждениях УИС, в которых, несмотря на постоянную ротацию заключенных, совершаются молитва, духовное воспитание и обучение основам веры заключенных;

- практически за каждым исправительным учреждением закреплены православные священники, которые трудятся в местах лишения свободы на добровольной основе, по факту многолетнего опыта уже имеющие квалификацию профессиональных работников УИС;

- построены сотни храмов и молитвенных комнат (по состоянию на 1 мая 2011 г., при исправительных и воспитательных колониях действуют 534 храма, 679 молитвенных комнат (ФСИН России: [сайт]. URL: <http://фсин.рф/statistics/>), и немалое количество людей именно в заключении нашли свой путь к Богу, утвердились в

христианском образе жизни, вернулись в общество с твердым намерением благонамеренно и законопослушно строить свою жизнь на свободе.

Многое поменялось в самой системе исполнения наказаний. Начался процесс коренного реформирования УИС в целях ее гуманизации с намерением так изменить весь строй принудительного содержания лиц, преступивших закон, чтобы места заключения эффективно решали вопросы ресоциализации человека, совершившего преступление (гл. II Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года). Подобные благие изменения происходят в первую очередь под воздействием институтов гражданского общества, в том числе и при участии Русской православной церкви.

Однако до сих пор последовательные изменения в отношении церкви и УИС России в полной мере не нашли своего отражения в нормативных правовых документах. Так, в ч. 3 ст. 16 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» говорится о возможности для религиозных организаций проводить богослужения в учреждениях, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, по просьбе находящихся в них граждан, ссылаясь при этом на соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства (Рос. газ. 1997. 1 окт.), но сам механизм, обеспечивающий реализацию этих прав, далеко не совершенен. Например ч. 4 ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) разрешает приглашать священнослужителя к осужденным в соответствующие помещения по их просьбе, а п. 12 гл. III Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205, гарантирует свободу совести и свободу вероисповедания (Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2005. № 47), но каким именно образом ее возможно осуществить через представителя религиозной конфессии, ничего не говорится. Подобное умолчание относит законных представителей религиозных организаций к статусу родственников и иных лиц, которым представляют согласно УИК РФ по два краткосрочных свидания в год в присутствии представителя администрации исправительного учреждения.

Не менее проблемной является встреча священнослужителя с лицами, содержащимися под стражей и еще не осужденными, находящимися в следственных изоляторах. Согласно п. 14 ст. 17 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (Рос. газ. 1995. 20 июля) в числе прав подозреваемых и обвиняемых хотя и называется «право отправлять религиозные обряды в помещениях места содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, иметь при себе религиозную литературу, предметы религиозного культа», но только при условии «со-

блюдения Правил внутреннего распорядка», которые в ч. 103 гл. X предоставляют право встречи со священнослужителем лишь на основании «разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело» (Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы : утв. приказом Минюста России от 14 окт. 2005 г. № 189 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2005. № 46). На практике это означает необходимость получения разрешения у следователя, в различных правоохранительных органах, что значительно затрудняет возможность встречи священника с теми подозреваемыми и обвиняемыми, кто в этом нуждается.

Существует еще одна юридическая проблема по обеспечению религиозных запросов лиц, находящихся под следствием. Если УИК РФ предполагает для встречи со священнослужителем соответствующие помещения (ч. 4 ст. 14), то Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» о такой возможности не упоминает. Поскольку священник не имеет специального статуса, то его свидание с подозреваемыми и обвиняемыми должно проходить так же, как «с родственниками и иными лицами под контролем сотрудников СИЗО в специально оборудованных для свиданий помещениях через разделительную перегородку, исключающую передачу каких-либо предметов, но не препятствующую переговорам и визуальному общению» (ч. 143 гл. XVI Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы).

Между тем установленный таким образом порядок встреч противоречит требованиям Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, где в пп. 1–3 правила 41 говорится, помимо прочего, о том, что квалифицированный сотрудник культа должен иметь возможность регулярно отправлять религиозные обряды и в отведенное для этого время периодически посещать наедине заключенных, принадлежащих к его вероисповеданию, для бесед на религиозные темы (Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 290–311). Мы знаем, что согласно ч. 7 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» тайна исповеди охраняется законом, но тем сложнее обеспечить это право для лиц, находящихся в заключении, если встреча со священником должна проходить в присутствии представителя администрации учреждения.

Конечно, все вышеперечисленные проблемы так или иначе разрешаются в повседневной жизни следственных изоляторов. Священники во всех регионах страны, закрепленные за такими учреждениями, как правило, посещают подследственных по разрешению начальника изолятора, а не следователя. Встречаются с ними в храмах или молитвенных комнатах, а не в комнатах свиданий с родственниками, через перегородку, которая бы исключала самую возмож-

ность участия в таинствах церкви. В силу необходимости священнослужители вынуждены проносить на режимную территорию и вино для совершения Божественной литургии. Но все же при обоюдном стремлении Русской православной церкви и руководства ФСИН России разносторонне развивать сотрудничество и взаимодействие, возникает необходимость закрепить существующую положительную практику на законодательном уровне и привести подзаконные акты УИС в соответствие с действующей Конституцией Российской Федерации.

В современной России вот уже около десяти лет действует особое соглашение между Русской православной церковью и Минюстом России, в котором министерство обязуется оказывать всемерную поддержку в посещении священнослужителями как исправительных колоний, так и следственных изоляторов. Сегодня подобные соглашения существуют и со всеми традиционными для России конфессиями. Однако государство, гарантируя религиозную свободу человеку, вместе с тем обязано создать эффективный механизм, при котором религиозные конфессии смогут обеспечивать осуществление религиозных прав граждан, находящихся в местах принудительного содержания, предоставляя квалифицированные кадры священнослужителей, обладающих специфическими профессиональными знаниями и навыками, необходимыми для работы в учреждениях УИС.

На настоящий момент мы по-прежнему, при всех объемах совместной работы Русской православной церкви с ФСИН России, в юридических нормативах не выходим на уровень международных стандартов, заявленных под эгидой ООН в качестве международных, – Минимальных правил обращения с заключенными 1955 г. и Европейских пенитенциарных правил 2006 г. (URL: <http://www.prison.org/law/eu/pr.shtml>), в которых предусматривается не только возможность обеспечения религиозных прав заключенных, но и возможность назначения квалифицированного представителя религии большинства заключенных в качестве служащего тюрьмы. Между тем упомянутая выше Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года среди основных направлений развития УИС называет «обеспечение международных стандартов обращения с осужденными в местах лишения свободы и лицами, содержащимися под стражей».

Об этой проблеме говорил в своем докладе Святейший патриарх Кирилл на Архиерейском соборе 2 февраля 2011 г.: «На протяжении веков Россия имела прочную традицию духовного попечения о заключенных. К сожалению, существующие в настоящее время правовые нормы не отражают уровень сотрудничества, достигнутый Русской Православной Церковью и Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН) России со времени подписания Соглашения о сотрудничестве в декабре 1999 года. В настоящее время около 1100 православных священ-

ников в Российской Федерации посещают учреждения системы исполнения наказаний на временной, а некоторые – и на постоянной основе. Согласно данным 2010 года, в исправительных учреждениях ФСИН существует 471 тюремный храм и 466 молитвенных комнат. Действует 789 православных общин, объединяющих 73 117 осужденных. Организовано 265 воскресных школ, где обучается свыше 11 000 осужденных. Несмотря на столь широкую деятельность, правовое положение тюремных священнослужителей в местах принудительного содержания, равно как и правовое положение тюремных храмов и молитвенных комнат, остается неопределенным. С весны 2010 года ФСИН запустила “пилотный” проект по включению священнослужителей в работу исправительных учреждений на штатной основе. Реализация проекта началась в 16 учреждениях четырех регионов. Надеюсь, что будут выработаны правовые основы, регулирующие деятельность духовенства в исправительных учреждениях на штатной основе» (Московский патриархат : [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1402889.html>).

Еще одним важным вопросом является правовое положение тюремных храмовых помещений. Здания тюремных храмов, построенные на режимной территории, и молитвенные помещения для заключенных (устроенные по типу домовых храмов, часовен или молитвенных комнат) в местах лишения свободы находятся в собственности УИС и согласно законодательству не могут быть переданы в ведение церкви. Однако даже при существующем положении вещей Русская православная церковь должна быть уверена, что все эти храмы будут эксплуатироваться только по своему прямому назначению и исключительно той религиозной организацией, которая их построила, а само помещение не будет задействовано в оперативно-розыскных целях. В настоящее время правовое положение религиозных зданий и помещений на территории учреждений ФСИН России остается неопределенным, кроме того, отсутствует положение, гарантирующее их прямое предназначение. Об этом также говорил Святейший

патриарх Кирилл в докладе на Епархиальном собрании г. Москвы 22 декабря 2010 г.: «Общероссийской проблемой остается статус церковных зданий и помещений, выделенных под домовые храмы и находящихся на территориях Федеральной службы исполнения наказаний. В настоящее время нет типового договора между приходом и учреждением УИС, которым предусматривались бы условия использования того или иного храмового здания, расположенного на территории учреждения ФСИН, а также признание государственными органами необходимых канонических норм, предъявляемых Церковью к дому Божию. Имеется в виду отношение к нему как к святыне, невозможность использования под другие цели и другими конфессиями (Там же. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1346828.html>). На данную проблему обратил внимание в своем программном докладе «Направления тюремного служения на современном этапе» председатель Синодального отдела по тюремному служению епископ Красногорский Иринарх на заседании «круглого стола» «Тюремное служение: союз мирян и капелланов», состоявшемся в г. Москве 5 ноября 2010 г. (URL: http://anastasia-uz.ru/news/ix_cerkovno_obshhestvennaja_vystavka_forum_v_manezhe_vystuplenie_episkopa_krasnogorskogo_irinarkha/2010-11-06-36).

Таким образом, в перспективе для реализации религиозных прав заключенных должен существовать отдельный закон, создана специальная модель, в которой религиозные служители как представители религиозных организаций, останутся, с одной стороны, подчиненными в иерархическом плане руководителям своих конфессий, а с другой – сфера их компетенции в местах лишения свободы, а также правовое положение храмовых помещений и церковного имущества будут конкретно регламентированы законодательными актами и подконтрольны соответствующим органам государственной власти.

Решением этих задач должна заниматься рабочая группа, создание которой предусматривает п. 1.2 Соглашения о сотрудничестве между ФСИН России и Русской православной церковью.

Библиографический список

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 43, ст. 5544.
2. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.) / Е. М. Данилин [и др.] ; науч. ред. В. И. Селиверстов. – М. : Юриспруденция, 2010. – Вып. 1.
3. Кирилл (Гундяев В. М.). Доклад на Архиерейском соборе Русской православной церкви (2 февр. 2011 г.). – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/1402889.html>.

References

1. Concept of Development of the Penal System of the Russian Federation up to 2020 : Approved by the Order of the Government of the Russian Federation of Oct. 14, 2010 № 1772-p // Collection of the Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 43, art. 5544.
2. Characteristics of the Condemned Serving Punishment (on Materials of a Special Census of the Condemned Held in 2009) / E. M. Danilin [et al.] ; ed. by V. I. Selivestrov. – M. : Jurisprudence, 2010. – Iss. 1.
3. Kirill (Gundyayev V. M.). Report at the Bishops' Council of the Russian Orthodox Church (Feb. 2, 2011). – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1402889.html>.

В. В. Тулегенов,
доцент кафедры уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

V. V. Tulegenov,
Associate Professor of the Department of Penal Law
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
И КРИМИНАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА**

Legal Basis of Administrative Supervision and Its Role in Preventing Recidivism and Criminal Expertise

Аннотация. В статье анализируется административный надзор и его роль в предупреждении рецидивной преступности и криминального профессионализма. Автор приводит классификацию лиц, в отношении которых устанавливается административный надзор, и предлагает меры по совершенствованию законодательства в этой области.

Ключевые слова: административный надзор, рецидивная преступность, криминальный профессионализм, административная комиссия исправительного учреждения, злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания.

Abstract. The article deals with administrative supervision and its role in preventing recidivism and criminal expertise. The author offers the classification of people under administrative supervision and proposes measures to improve Russian legislation in this sphere.

Key words: administrative supervision, recidivism, criminal expertise, administrative board of a correctional facility, malicious violator of the established penalty serving order.

В современном российском обществе преступность является одной из самых злободневных проблем. Президент России Д. А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации выразил в этой связи глубокую озабоченность: «За последнее время, к сожалению, произошел целый ряд трагических событий, в результате которых погибли, были убиты наши граждане. Их причинами являются в том числе и расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их прямое сращивание с криминалом» (Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2010. 1–8 дек.).

Несомненно, что сращивание властных органов с криминалом не может не свидетельствовать о системности преступности вообще и профессиональной преступности, в частности. Соответственно системности преступности предполагает, что адекватный ответ должен включать в себя принятие системных мер. По всей видимости, законодатель, принимая Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее: Закон), руководствовался в первую очередь этим обстоятельством (Парламент. газ. 2011. 8–14 апр.).

Согласно ст. 1 Закона «административный надзор – осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобо-

жденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с данным Федеральным законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных данным Федеральным законом».

Главная задача административного надзора определена в ст. 2 Закона и заключается в предупреждении совершения поднадзорными лицами преступлений и других правонарушений, а также оказании на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов. Учитывая, что административный надзор назначается в отношении лиц, совершивших преимущественно умышленные преступления, полагаем, что в первую очередь речь идет о предупреждении рецидивной преступности вообще и криминального профессионализма, в частности.

Согласно ст. 6 Закона административный надзор устанавливается судом на основании заявления исправительного учреждения или органа внутренних дел, продлевается судом на основании заявления органа внутренних дел, досрочно прекращается судом на основании заявления органа внутренних дел или поднадзорного лица либо его представителя. При этом необходимо иметь в виду, что согласно ч. 1 ст. 261.8 ГПК РФ суд, рассмотрев заявление по делу об административном надзоре, принимает решение об удовлетворении или отказе в удовлетворении заявления об установлении административного надзора.

Анализ ст. 3 и ч. 4 ст. 5 Закона позволяет сделать вывод о том, что административный надзор

устанавливается в отношении пяти групп лиц. Небезынтересен также механизм назначения административного надзора.

В первой группе административный надзор назначается в случае, если совершеннолетнее лицо, освобождаемое или освобожденное из мест лишения свободы, имеет непогашенную либо неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, за совершение преступления при рецидиве преступлений или за совершение умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего. Кроме того, в период отбывания наказания данное лицо должно быть признано злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. При наличии этих условий администрация исправительного учреждения имеет право обращаться с заявлением в суд об установлении административного надзора.

В данном случае согласно ч. 2 ст. 173.1 УИК РФ и ч. 3 ст. 261.6 ГПК РФ инициатором установления административного надзора должна быть администрация исправительного учреждения. Правовой статус администрации исправительного учреждения как инициатора установления административного надзора обоснован и целесообразен по целому ряду причин. Одной из главных причин выступает изученность личности злостного нарушителя. Вместе с тем правоприменительная деятельность показывает, что осужденные допускают нарушения установленного порядка отбывания наказания, в том числе и злостные нарушения (признаваясь впоследствии злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания), не вследствие повышенной криминальности или антиобщественной направленности, а в результате личной недисциплинированности. Так, в ряде исправительных учреждений в строгих условиях отбывания наказания раздельно содержатся лица, являющиеся злостными нарушителями в силу личной недисциплинированности, и осужденные – носители криминальных традиций: «Учитывая полученные положительные результаты, руководством учреждения принято решение об организации еще одного отряда СУС (строгих условий содержания. – В. Т.). Срок ввода в действие второго отряда СУС был определен на апрель 1998 года. В данном отряде будут содержаться нарушители несколько иного плана, не относящиеся к категории “идейных” носителей отрицательных традиций» (Зимогляд С. П. Создание различных условий содержания в пределах одного исправительного учреждения // *Передовой опыт уголовно-исполнительной системы*. М., 1998. Вып. 17. С. 27).

В этой связи представляется логичным при обращении с заявлением об установлении административного надзора наделить администрацию исправительного учреждения правом выражать

мнение о целесообразности такого надзора в отношении конкретного осужденного. К сожалению, Закон прямо и в полном объеме не наделяет таким правом администрацию исправительного учреждения. Так, из смысла ст. 3 Закона и ст. 261.6 ГПК РФ следует, что при наличии вышеуказанных условий администрация исправительного учреждения должна обращаться в суд с заявлением об установлении административного надзора, содержащего сведения о поведении лица, в отношении которого предлагается установить административный надзор. К заявлению прилагаются копия приговора суда и постановление начальника исправительного учреждения о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. По нашему мнению, в некоторых случаях, когда заявление будет содержать ходатайство об установлении административного надзора, а сведения о поведении такого лица не будут отражать его криминальную направленность и криминагенность, есть основания говорить о некоем нарушении логической связи.

Указанная логическая неопределенность может быть устранена дополнением установленного перечня документов иными документами, отражающими мнение администрации исправительного учреждения о целесообразности административного надзора. Таким документальным основанием могла быть характеристика, которая содержала бы в себе соответствующий вывод.

Следовательно, заявление включало бы ходатайство об установлении административного надзора в связи с тем, что осужденный по формальным признакам нуждается в нем, а характеристика отражала бы позицию администрации исправительного учреждения о целесообразности данного надзора.

Вместе с тем не исключается возможность утверждения характеристики после заседания административной комиссии исправительного учреждения, на котором представители различных отделов, частей и служб высказывались бы о целесообразности установления административного надзора в отношении конкретного осужденного. Данная процедура определила бы вектор деятельности администрации исправительного учреждения, направленной на предупреждение рецидивной преступности. Иными словами, администрация исправительного учреждения не являлась бы некой деталью в бюрократической машине по установлению административного надзора, а выступала бы в качестве активного субъекта предупреждения рецидивной преступности.

Во второй группе административный надзор назначается в случае, если совершеннолетнее лицо, освобождаемое или освобожденное из мест лишения свободы, имеет непогашенную либо не-

снятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, за совершение преступления при рецидиве преступлений или за совершение умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего. Помимо этого, в местах лишения свободы данное лицо не было признано злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, но совершило в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность. В данном случае ч. 4 ст. 261.6 ГПК РФ предусматривает, что органы внутренних дел обращаются в суд с заявлением об установлении административного надзора.

Третья группа в соответствии с ч. 2 ст. 3 Закона включает в себя две подгруппы. К первой подгруппе относятся совершеннолетние лица, освобожденные или освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего. Ко второй подгруппе относятся совершеннолетние лица, освобожденные или освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений. При этом административный надзор устанавливается независимо от признания лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания или совершения двух и более соответствующих административных правонарушений.

В данном случае согласно ч. 1 ст. 173.1 УИК РФ и ч. 3 ст. 261.6 ГПК РФ инициатором установления административного надзора должна быть администрация исправительного учреждения. Считаем, что с учетом повышенной общественной опасности данных категорий осужденных вопрос о целесообразности установления административного надзора не стоит. Мнение администрации исправительного учреждения, основанное на всестороннем изучении личности осужденного, следует учитывать при определении количества и характера административных ограничений. Таким образом, помимо документов, перечисленных в ст. 261.6 ГПК РФ, необходимы дополнительные сведения, характеризующие личность осужденного (характеристика, заключение психолога, сведения о поощрениях и взысканиях).

Выделяемая нами четвертая и пятая группы состоят из лиц, которым ограничение свободы было назначено в качестве дополнительного вида наказания либо неотбытая часть наказания в виде лишения свободы была заменена ограничением свободы.

Четвертую группу образуют совершеннолетние лица, освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную либо неснятую судимость, которым было назначено ограничение свободы в качестве дополнительного вида наказания. Данная группа состоит из четырех подгрупп:

а) Лица, которые были осуждены за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, совершение преступления при рецидиве преступлений, совершение умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего и в период отбывания лишения свободы были признаны злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

б) Лица, которые после отбытия наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, совершение преступления при рецидиве преступлений, совершение умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего, совершили в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

в) Лица, совершившие преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего.

г) Лица, совершившие преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений.

Во всех четырех подгруппах органом, который непосредственно обращается в суд с заявлением об установлении административного надзора, является орган внутренних дел. Механизм установления административного надзора состоит из следующих этапов.

Первый этап: в соответствии с ч. 3 ст. 47.1 УИК РФ после отбытия основного наказания осужденный освобождается из учреждения, в котором он отбывал наказание в виде лишения свободы, и следует к месту жительства самостоятельно за счет средств федерального бюджета. Администрация исправительного учреждения вручает осужденному предписание на выезд к месту жительства с указанием маршрута следования и времени явки в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства для постановки на учет, о чем незамедлительно уведомляет соответствующую уголовно-исполнительную инспекцию в письменной форме.

Второй этап: в соответствии с ч. 1.1 ст. 54 УИК РФ в случаях, когда осужденный, отбывающий наказание в виде ограничения свободы, назначенное в качестве дополнительного вида наказания или при замене неотбытой части нака-

зания в виде лишения свободы, подлежит административному надзору в соответствии с законодательством Российской Федерации, уголовно-исполнительная инспекция не позднее чем за два месяца до истечения срока отбывания ограничения свободы информирует орган внутренних дел по месту жительства или пребывания осужденного об истечении такого срока.

И наконец, на третьем этапе в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 261.6 ГПК РФ, органы внутренних дел обращаются в суд с заявлением об установлении административного надзора.

На наш взгляд, в данном случае орган внутренних дел в большей степени выступает в качестве промежуточной инстанции, а не в качестве субъекта предупреждения рецидивной преступности, что в целом противоречит духу и букве принятого закона, регулирующего правоотношения в сфере административного надзора. Данное суждение обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, органы внутренних дел при подготовке заявления ограничены временными рамками. Как было сказано выше, уголовно-исполнительная инспекция не позднее чем за два месяца до истечения срока отбывания ограничения свободы информирует орган внутренних дел по месту жительства или пребывания осужденного об истечении такого срока. Часть 4 ст. 261.6 ГПК РФ обязывает органы внутренних дел подготовить в течение двух месяцев соответствующее заявление с указанием сведений об образе жизни и о поведении лица, в отношении которого решается вопрос об установлении административного надзора. К заявлению прилагаются документы и материалы, свидетельствующие о совершении данным лицом административных правонарушений. Представляется, что два месяца – это срок, достаточный для подготовки заявления и сведений о совершенных правонарушениях, но он недостаточен для полного и всестороннего изучения личности осужденного.

Во-вторых, данная ситуация напоминает собой некий «испорченный телефон» и заключается в том, что сведения сначала передаются из исправительного учреждения в уголовно-исполнительную инспекцию, а затем из уголовно-исполнительной инспекции в органы внутренних дел. Такое положение дел может порождать «организационную утрату» (термин «организационная утрата», предлагаемый нами, носит условный характер и в настоящей статье в большей степени необходим для наглядности) ценной информации, характеризующей осужденного. «Организационная утрата» обуславливается тем, что передаваемая информация о конкретном осужденном, носящая оценочный характер, вследствие характера и специфики деятельности одного

правоохранительного органа может быть неправильно понята или истолкована в другом правоохранительном органе. Например, осужденный в исправительной колонии на протяжении длительного времени работал бригадиром. В исправительном учреждении его поведение оценивается как приверженность ценностям традиционного общества и стремление вести законопослушный образ жизни, а он сам как положительно характеризующийся. В свою очередь, сотрудник уголовно-исполнительной инспекции или органа внутренних дел, руководствуясь ч. 1 ст. 103 УИК РФ, может расценить его трудоустройство как рядовой поступок, а самого осужденного как посредственно характеризующегося.

Таким образом, учитывая вышеизложенные обстоятельства, было бы логичным передать полномочие обращаться в суд с заявлением об установлении административного надзора уголовно-исполнительной инспекции.

Из выделяемых нами четырех подгрупп наибольший интерес представляет вторая. Ее условно можно назвать пограничной, так как при совершении административных правонарушений осужденному, с одной стороны, может быть назначен административный надзор, а с другой – он может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 314 УК РФ.

В качестве тонкой «пограничной линии» выступают количество и характер правонарушений.

Согласно ст. 58 УИК РФ в случае нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы, в том числе и нарушений общественного порядка, за которые осужденный был привлечен к административной ответственности, к нему применяется мера взыскания в виде предупреждения. За совершение осужденным в течение одного года после вынесения предупреждения любого из нарушений, указанных в ч. 1 ст. 58 УИК РФ, уголовно-исполнительная инспекция применяет к нему меру взыскания в виде официального предупреждения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений. Если же осужденный в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предупреждения допускает нарушение порядка и условий отбывания наказания, он может быть признан злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы. В свою очередь, злостно уклоняющиеся от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, привлекаются к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 314 УК РФ.

Таким образом, осужденному, которому неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена ограничением свободы, для того чтобы быть привлеченным к уголовной ответственности

сти по ч. 1 ст. 314 УК РФ, достаточно совершить три административных правонарушения. Согласно же ч. 3 ст. 3 Закона для установления административного надзора в отношении данных лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость, достаточно совершить в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность. Иными словами, за два административных правонарушения осужденному может быть установлен административный надзор, а за три он может быть привлечен к уголовной ответственности.

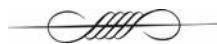
Юридическая сущность четвертой и пятой группы во многом схожи. За исключением того, что пятая группа состоит из лиц, которым неотбытая часть наказания в виде лишения свободы была заменена ограничением свободы. В случае же злостного уклонения входящие в данную группу осужденные не привлекаются к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 314 УК РФ, а уголовно-исполнительная инспекция вносит в суд представление о замене ему неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы.

Согласно ч. 4 ст. 5 Закона в случае назначения лицу ограничения свободы в качестве дополнительного вида наказания, а также при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы ограничением свободы срок административного надзора исчисляется со дня отбытия наказания в виде ограничения свободы. С позиции частной превенции данное положение логично, так как осужденный, отбывая наказание в виде огра-

ничения свободы, находится под надзором уголовно-исполнительной инспекции. Кроме того, ч. 1 ст. 60 УИК РФ предусматривает, что для обеспечения надзора, предупреждения преступлений и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных уголовно-исполнительные инспекции вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации. Следовательно, в период отбывания наказания в виде ограничения свободы, которое предусматривает надзор со стороны уголовно-исполнительной инспекции, нет смысла назначать административный надзор. В свою очередь, после отбытия ограничения свободы административный надзор в отношении лиц, представляющих повышенную общественную опасность, представляется целесообразным.

Помимо этого, с нашей точки зрения, необходимо дополнить закон положением, предусматривающим применение аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации, в отношении поднадзорных лиц. Это положение особенно актуально в отношении лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего.

Таким образом, анализ Закона позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие дискуссионных моментов, он является серьезным инструментом в арсенале правоприменителя по профилактике и предупреждению рецидивной преступности вообще и криминального профессионализма, в частности, и направлен в первую очередь на создание вокруг потенциального преступника атмосферы тотального контроля.

Библиографический список

1. Зимогляд С. П. Создание различных условий содержания в пределах одного исправительного учреждения / С. П. Зимогляд // Передовой опыт уголовно-исполнительной системы. – М. : ГУ ЦНИР «Комплекс», 1998. – Вып. 17.
2. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. – 2010. – 1–8 дек.

References

1. Zimoglyad S. P. Creation of Various Prison Conditions within a Correctional Facility / S. P. Zimoglyad // Best Practices of the Penal System. – M. : Complex, 1998. – Iss. 17.
2. Message of Russia's President Dmitry Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. – 2010. – Dec. 1–8.

Ю. С. Фомин,
преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Пермского института ФСИН России

Yu. S. Fomin,
Lecturer of the Department
of Criminal process and Criminalistics
of Perm Institute of the FPS of Russia

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ИЗ СИСТЕМ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

**Peculiarities of Getting Information from the Mobile Communications Systems
in the Investigation of Crimes Committed in Correctional Institutions**

Аннотация. Статья посвящена вопросам получения информации из систем мобильной связи при производстве следственных действий в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: следователь, расследование, следственные действия, исправительные учреждения, средства мобильной связи.

Abstract. The article reveals the problems of inquiry actions in correctional institutions. Considered matter is how to get information using the mobile system.

Key words: the investigator, investigation, investigative actions, correctional facility, mobile communication.

Сегодня сотовая телефонная связь является одним из наиболее динамично развивающихся видов беспроводной персональной связи. Мобильный телефон стал обычным предметом нашего быта, без которого уже немыслима жизнь большинства граждан. Согласно данным обзора рынка мобильного ритейла в России, подготовленного экспертами розничной сети МТС, количество проданных в России мобильных телефонов в 2010 г. по сравнению с предыдущим годом выросло на 25 % и составило 34,8 млн штук, а в I полугодии 2011 г. реализовано уже порядка 17,4 млн аппаратов (URL: <http://www.amobile.ru/news/2011-7-15/4536.htm>).

Вполне естественно, что при таком распространении средства мобильной связи широко используются при совершении преступлений, в том числе в местах лишения свободы.

При совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, мобильные телефоны могут использоваться осужденными и лицами, содержащимися под стражей, для связи с сообщниками на свободе и координации преступной деятельности. Нередко телефон может являться орудием преступления, что характерно для так называемых телефонных мошенничеств. Находясь в исправительном учреждении (далее: ИУ) или в следственном изоляторе (далее: СИЗО), преступники оказывают психологическое давление на потерпевших, находящихся на свободе, выманивая у них под разными предлогами деньги.

Например, в 2008 г. осужденные Н., О. и Я., содержащиеся в отряде № 7 ИК-38 г. Березники Пермского края, в целях получения постоянного дохода, создали организованную преступную группу для совершения мошенничеств. В преступную группу Н. и Я. вовлекли своих знакомых П. и Б.,

проживавших в г. Перми. Осужденные, набирая наугад номера телефонов, представлялись сыном или внуком. Сообщив абоненту, что его родственник виновен в совершении дорожно-транспортного происшествия, злоумышленник передавал трубку «следователю». Изменив голос, он говорил, что, например, «внук сбил девушку», и намекал на возможность урегулировать этот вопрос за вознаграждение в размере 40–50 тыс. руб. Беседа с «жертвой» велась до тех пор, пока сообщник, находившийся на свободе, не забирал у нее деньги. Это было необходимо для того, чтобы потерпевший был лишен возможности связаться с родственником или уточнить информацию, позвонив в милицию (Архив Ленин. район. суда г. Перми. Уголов. дело № 3540-09).

Другой пример. В 2010 г. в ФБУ ИК-12 ГУФСИН России по Новосибирской области пятеро осужденных путем мошенничества с использованием сотовых телефонов в течение 3 месяцев совершили хищение 340 тыс. руб. у 8 граждан г. Омска. А в ФБУ ИК-10 УФСИН России по Республике Татарстан осужденный с имеющегося у него сотового телефона позвонил в отдел внутренних дел и сообщил, что если в течение одного часа на счета пяти названных им абонентских номеров не перечислят 100 тыс. долл., то он взорвет химический завод, расположенный в г. Менделеевске (Обзор о состоянии режима и надзора в ИК, ЛИУ, ЛПУ уголовно-исполнительной системы в 2010 г.).

О проблеме наличия бесконтрольных средств мобильной связи в местах лишения свободы свидетельствуют статистические данные по их изъятию. Так, за 9 месяцев 2010 г. было изъято 23 474 единицы средств связи, из них при доставке – 16 108 (Опыт учреждений и органов ФСИН России по предупреждению поступления средств мобильной связи в исправительные учреждения и следственные изоляторы : сб. передового опыта / сост. С. Ю. Смирнов. М., 2010. С. 6). Несмотря на регулярное изъятие сотовых телефонов, их, тем не менее, в местах лишения свободы находится огромное количество.

При этом наличие даже одного телефона в ИУ или СИЗО – это уже серьезное правонарушение.

Сегодня данная проблема решается с помощью режимных, организационных, оперативно-розыскных мероприятий. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, предусматривает покамерное содержание осужденных в тюрьмах (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544), однако можно с полной уверенностью прогнозировать, что значительное количество средств мобильной связи будет ежегодно изыматься у спецконтингента.

В ситуации, когда преступники активно используют средства мобильной связи для совершения преступлений, правоохранительным органам необходимо получать из данного источника информацию, имеющую криминалистическое значение. Это касается и расследования преступлений в условиях ИУ.

Самым распространенным средством мобильной связи сегодня является сотовый телефон. Рассматривая его как источник криминалистической информации, следует выделить ряд его технических характеристик, имеющих криминалистическое значение. К ним относятся:

1. Номер IMEI (International Mobile Equipment Identity – международный идентификатор мобильного оборудования). Он является уникальным 15-значным кодом, используемым для индивидуализации мобильных устройств в сетях GSM или UMTS. Номер IMEI обеспечивает однозначную идентификацию конкретного мобильного телефона, без привязки его к абоненту мобильной связи.

2. SIM-карта (Subscriber Identification Module – модуль идентификации абонента), которая используется для идентификации абонента в сетях мобильной связи.

3. Запрограммированный в микросхеме SIM-карты абонентский номер, позволяющий получить сведения об абоненте и его соединениях.

4. Встроенная память или съемная флеш-карта для хранения информации.

Кроме того, большое значение имеет информация, содержащаяся в автоматизированной системе расчетов подвижной радиотелефонной связи, в которой отражаются сведения о соединениях по абонентскому номеру с указанием базовых станций, а также сведения о соединениях по номеру IMEI.

Сегодня закон предусматривает получение информации из систем мобильной связи с помощью оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Особый интерес представляет новое следственное действие – получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Суть данного следственного действия заключается в том, что при наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединении

между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела, получение следователем указанной информации допускается на основании судебного решения.

Под информацией о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами понимаются сведения о дате, времени, продолжительности соединения между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведения о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций.

Таким образом, оперативный сотрудник, производя оперативно-розыскные мероприятия «снятие информации с технических каналов связи» и «прослушивание телефонных переговоров», и следователь, осуществляя следственные действия, предусмотренные ст. 186, 186.1 УПК РФ, могут получить информацию из систем мобильной связи при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях. Однако в ходе данных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий может возникнуть ряд проблемных вопросов.

Во-первых, весьма сложно установить принадлежность изъятого сотового телефона конкретному осужденному. Если телефон не изъят у самого осужденного или из его личных вещей, то, как правило, настоящего хозяина телефона установить не удастся. Даже если в ходе проверочных мероприятий устанавливается осужденный, который называет себя владельцем телефона, то не всегда таковым он является. Так, нормы тюремной субкультуры обязывают дежурного по камере, общежитию или зависимого осужденного взять на себя вину за нарушение режима содержания – наличие запрещенного предмета.

Сам телефон в условиях ИУ и СИЗО очень трудно найти и изъять. Осужденные прибегают к всевозможным ухищрениям для сокрытия запрещенных предметов. SIM-карты, как правило, зарегистрированы на граждан, находящихся на свободе, а канал поступления конкретного телефона и SIM-карты в ИУ или СИЗО выявить очень сложно.

Выход из этой ситуации видится в организации и проведении следователем во взаимодействии с оперативными подразделениями ИУ и СИЗО тактических операций, состоящих из ряда оперативно-розыскных, режимных мероприятий и следственных действий. Главная задача данных тактических операций – установление принадлежности сотового телефона, с которого велись интересующие следствие переговоры, конкретному подозреваемому, обвиняемому и последующее его изъятие.

Например, для того чтобы исключить возможность передачи сотового телефона в соседние камеры, необходимо под благовидным предлогом перевести осужденных в другие камеры. Все пути нелегальной связи осужденных, так называемые дороги, должны быть либо перекрыты, либо нахо-

даться под контролем оперативного аппарата. Заранее оперативным путем требуется установить хотя бы примерное местонахождение телефона, а обыск проводить в неожиданное время.

Во-вторых, получение информации о соединениях абонента – это следственное действие, требующее судебного решения. Ряд таких действий в исключительных случаях согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ возможно проводить и без получения такого решения. Однако правила ч. 5 ст. 165 УПК РФ не распространяются на получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Как следует из редакции ч. 5 ст. 165 УПК РФ, в исключительных случаях на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения могут быть произведены лишь не терпящие отлагательства осмотр жилища, обыск и выемка в жилище, личный обыск, а также выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Таким образом, в перечне следственных действий, на которые распространяется правило ч. 5 ст. 165 УПК РФ, нет получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Однако при расследовании ряда преступлений, совершенных в условиях ИУ, информация о соединениях абонента может иметь решающее значение на первоначальном этапе расследования. Особенно это касается таких преступлений, как мошенничество и побег из колоний-поселений.

Таким образом, представляется целесообразным дополнить ч. 5 ст. 165 УПК РФ, включив в перечень следственных действий, которые в случаях, не терпящих отлагательства, могут быть произведены без получения судебного решения, следственное действие «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». Эта возможность будет эффективным тактическим приемом, основанным на использовании фактора внезапности, так как преступник может успеть поменять сотовый телефон или SIM-карту.

В-третьих, в настоящее время законодательно не закреплены понятие «абонентское устройство» и перечень их видов. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (в ред. от 18 июля 2011 г.) «О связи» содержит дефиницию пользовательского оборудования (оконечного оборудования) (п. 10 ст. 2): это технические средства для передачи и(или) приема сигналов электросвязи по линиям связи, подключенные к абонентским линиям и находящиеся в пользовании абонентов или предназначенные для таких целей (Рос. газ. 2003. 10 июля ; 2011. 25 июля). Однако какого-либо перечня данных устройств в указанном Законе не содержится.

Сегодня, как правило, абонентским устройством является сотовый телефон. Между тем в последнее время получили широкое распространение программа Skype и ее аналоги, позволяющие с помощью компьютера через сеть Интернет осуществлять голосовые и видеозвонки. Используя возможности Интернета злоумышленники могут вообще остаться неустановленными. Таким образом, отсутствие определения «абонентское устройство» уже в ближайшем будущем в связи с развитием техники и телекоммуникационных технологий серьезно затруднит получение информации о соединениях абонента.

Итак, на основании вышеизложенного, мы пришли к следующему выводу. Бурный прогресс науки и техники сказывается не только на позитивных, но и на негативных сторонах жизни общества, к числу которых относятся и антиобщественное поведение, и преступность. Яркий тому пример – преступления, совершаемые осужденными с использованием сотовых телефонов. В связи с этим законодательно необходимо совершенствовать правовые нормы (в первую очередь нормы УПК РФ), направленные на борьбу с преступностью, регулирующие порядок производства следственных действий. Со своей стороны, правоохранительные органы, особенно следователи и оперуполномоченные ИУ и СИЗО, должны более широко использовать в своей деятельности криминалистическую технику и разрабатываемые криминалистической наукой тактические приемы производства следственных действий.

Библиографический список

1. *Ионова Е. В.* Понятие, значение и тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) / Е. В. Ионина // Вестн. криминалистики. – 2011. – № 1(37).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г.] // Рос. газ. – 2001. – 22 дек. ; 2011. – 15, 26 июля.
3. *Шебалин А. В.* Расследование хищений средств сотовой связи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Шебалин Александр Владимирович. – Томск, 2010.

References

1. *Ionova E. V.* Concept, Essence and Tactics of Receiving Information on Connections between Subscribers and (or) Subscriber Units (Art. 186.1 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation) / E. V. Ionova // Bull. of Criminalistics. – 2011. – № 1(37).
2. Criminal Procedural Code of the Russian Federation : [Adopted by the State Duma of Nov. 22, 2001 : Approved by the Council of Federation of Dec. 5, 2001] // Rossiyskaya Gazeta. – 2001. – Dec. 22 ; 2011. – July 15, 26.
3. *Shebalin A. V.* Investigation of Thefts of Devices of Cellular Communication / Shebalin Alexander Vladimirovich. – Tomsk, 2010.

С. В. Шевелева,*заведующий кафедрой уголовного права
Юго-Западного государственного университета
кандидат юридических наук, доцент***S. V. Sheveleva,***Head of the Department of Criminal Law
of Southwest State University
Candidate of Law, Assistant professor***ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В РАМКАХ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА****Limits of Criminal Executive Compulsion Within Gender Approach**

Аннотация. Статья посвящена дискуссионным вопросам гендерной асимметрии в уголовно-исполнительном законодательстве России. В частности, указывается на необоснованное в отдельных случаях предоставление «дополнительных» прав женщинам при исполнении уголовных наказаний. Автором предлагается новая редакция ряда норм УИК РФ, что позволит усовершенствовать законодательство в данной области.

Ключевые слова: принуждение, гендерная асимметрия, уголовное наказание.

Abstract. The article is devoted to the controversial issues of gender asymmetry in the penitentiary legislation of Russia. In particular the author points at the ungrounded granting of the «additional» rights to women in some cases during the execution of criminal punishments. The author offers a new edition of some norms of the Criminal Executive Code of the Russian Federation that will help to improve the legislation in this sphere.

Key words: compulsion, gender asymmetry, criminal punishment.

На основании ст. 4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола. Уголовно-правовой принцип равенства граждан перед законом имеет в виду юридическое (формальное) равенство, и смысл его состоит в том, чтобы обеспечить равную для всех граждан обязанность понести ответственность за совершение преступления, вид и размер которой предусмотрен уголовным законом. Таким образом, специфическое уголовно-правовое содержание принципа равенства заключается в том, что уголовный закон выступает как «равная мера», что все лица, в деяниях которых содержатся конкретные, предусмотренные уголовным законом составы преступлений, одинаково подлежат уголовной ответственности, независимо от указанных в ст. 4 УК РФ обстоятельств (Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л. Н. Завадская. М., 2001. С. 22).

Однако этот принцип не означает их равной ответственности и наказания, т. е. равных пределов и содержания уголовной ответственности и наказания. В этой связи, например, неприменение к женщинам, в отличие от мужчин, некоторых видов наказаний или существование для них (при определенных условиях) возможности применения отсрочки отбывания наказания очевидно нарушают принцип равенства, реализуя принцип так называемой гендерной асимметрии (Стаценко В. Г. Опыт гендерного анализа уголовного закона // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 184–192).

Гендер (англ. gender, от лат. genus «род») понимается как одна из важных граней социальных отношений и включает три группы характеристик: биологический пол, полоролевые стереотипы, распространенные в обществе, а также так называемый гендерный дисплей – предписанные обществом нормы мужского и женского действия и взаимодействия во всем многообразии их проявлений. Другими словами, гендер – это широкое, многоаспектное понятие, включающее не только биологическую половую принадлежность индивида, но и его психологические, социальные и культурные особенности (условия воспитания, социальный статус и др.) (Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М., 1997. С. 85–89).

Проблема гендерного равновесия является междисциплинарной, а потому может быть предметом изучения различных наук. Однако в каждой отрасли науки, а тем более правовой науки, гендерная проблематика имеет свои аспекты и особенности. В то же время гендерный подход в уголовно-правовом смысле позволяет оценить эффективность современного законодательства: насколько полно оно отражает социально обусловленные особенности правового регулирования в зависимости от половых и статусно-семейных различий субъектов и позволяет отследить реализацию основных прав женщины в контексте прав человека.

В рамках данной статьи нас прежде всего интересуют особенности исполнения наказания, порядка и условий отбывания наказания мужчинами и женщинами.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее: УИК РФ) предусматривает специфические привилегии для женщин, в отличие от осужденных мужчин. Преимущества, которые имеют осужденные женщины при реализации наказаний, связаны с двумя аспектами – физиологическими и социальными.

Так, на основании ч. 1 ст. 99 УИК РФ норма жилой площади для осужденных женщин составляет три квадратных метра, тогда как для мужчин, отбывающих наказания в колонии, – не менее двух квадратных метров. Однако следует заметить, что на основании Европейских пенитенциарных правил норма жилой площади должна быть не менее четырех квадратных метров (URL: <http://www.zagr.org/25.html>). Данное обстоятельство является поводом для многочисленных обращений осужденных в Конституционный Суд Российской Федерации, причем только мужского пола, о несоблюдении требований международных правовых актов (Напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Романова Романа Викторовича на нарушение его конституционных прав рядом норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 дек. 2010 г. № 1684-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ключко Дениса Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 99 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 25 нояб. 2010 г. № 1568-О-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Сергея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 10 и 99 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 28 мая 2009 г. № 638-О-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астафьева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 10 и частью первой статьи 99 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 25 дек. 2008 г. № 881-О-О // Там же и др.). Анализ норм питания и материально-бытового обеспечения (О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Феде-

ральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов Федеральной службы безопасности, на мирное время : постановление Правительства Рос. Федерации от 11 апр. 2005 г. № 205 (ред. от 26 янв. 2011 г.) // Рос. газ. 2005. 15 апр. ; 2001. 2 февр.) свидетельствует также о некоторых различиях (в пользу мужчин), что вполне соответствует физиологии.

То есть можно сказать, что в принципе, предоставляя какие-либо «льготы» осужденным женщинам, законодатель правильно учел гендерные особенности.

На наш взгляд, положительными следует признать ряд норм УИК РФ, предоставляющих женщинам дополнительные возможности.

1. Так, заботой о здоровье беременной женщины и ребенка объясняются содержание их в улучшенных жилищно-бытовых условиях, установление повышенных норм питания (ч. 6 ст. 99 УИК РФ), привлечение таких лиц к работе без оплаты труда по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий только по желанию (ч. 2 ст. 106 УИК РФ).

2. На основании ч. 5 ст. 181 УИК РФ, освобождающиеся беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, следуют до дома в сопровождении родственников, а если таковых нет – в сопровождении сотрудника исправительного учреждения. Обращает на себя внимание тот факт, что ч. 5 ст. 181 УИК РФ изложена в императивной форме, поэтому исходя из смысла рассматриваемой статьи, отказ женщины от сопровождения не является основанием для неисполнения требований ч. 5 ст. 181 УИК РФ.

3. Важнейшей физиологической функцией женщины является рождение ребенка. Необходимость нахождения матери с ребенком после родов связана не только с физиологическими потребностями ребенка, но и социально обусловлена.

Так, на основании ст. 100 УИК РФ женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, имеют право отбывать наказания в женских колониях, где организован дом ребенка, либо могут его передать родственникам. По решению органа опеки и попечительства с согласия матери ребенок может быть передан иным лицам. В случае достижения ребенком трехлетнего возраста, на основании ч. 2 ст. 100 УИК РФ, он может быть направлен в соответствующее детское учреждение, при этом, если ребенку, содержащемуся в доме ребенка исправительного учреждения, исполнилось три года, а матери до окончания срока отбывания наказания осталось не более года, администрация исправительного учреждения может продлить время пребывания ребенка в доме ребенка до дня окончания срока отбывания наказания матерью (ч. 3 ст. 100 УИК РФ).

Осужденным женщинам, поместившим своих детей в дом ребенка при исправительном учреждении, разрешается общаться с ними в свободное от работы время без ограничений. Им может быть разрешено совместное проживание с детьми. Однако закон не определяет перечень условий, при наступлении которых такое разрешение может быть получено (ч. 1 ст. 100 УИК РФ). При принятии решения о совместном проживании матери и ребенка должны учитываться как состояние здоровья матери и ребенка, так и желание матери, ее отношение к ребенку. Необходимо также учитывать характеристику осужденной и сведения о ее поведении во время отбывания наказания.

На основании приказа от 17 октября 2005 г. Минздравсоцразвития России № 640, Минюста России № 190 «О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» дома ребенка размещаются изолированно от жилой зоны женской колонии. Территория дома ребенка должна быть оборудована изолированными друг от друга площадками в зависимости от количества групп (п. 247). При поступлении ребенка в дом ребенка вначале он помещается в карантинное отделение или изолятор, где он содержится с матерью в течение 21 дня. За это время ребенок и его мать проходят медицинское обследование, если ребенок здоров, его переводят в общую группу (п. 253). При наличии инфекционных заболеваний ребенок содержится в изоляторе. Карантинное отделение и изолятор обеспечиваются всем необходимым оборудованием и предметами ухода.

В структуре дома ребенка, кроме карантинного помещения и изолятора, предусмотрены: игровая комната, спальное помещение, санитарная комната, процедурный кабинет, прививочный кабинет, кабинеты для физиотерапевтического лечения, кабинет для проведения тепловых процедур, зал для занятий лечебной физической культурой (п. 248).

Дом ребенка обеспечивает:

- воспитание детей и уход за ними;
- организацию и проведение профилактических, лечебно-диагностических и реабилитационно-оздоровительных мероприятий;
- комплексную оценку состояния здоровья детей и эффективности проводимых им профилактических, лечебно-диагностических и реабилитационно-оздоровительных мероприятий;
- наблюдение за состоянием здоровья, физическим и психическим развитием детей;
- соблюдение санитарно-гигиенического режима;
- соблюдение режима дня;
- организацию рационального питания и физического воспитания, оптимизацию двигательного режима;

- проведение санитарно-просветительной работы с матерями и персоналом дома ребенка;
- освоение и внедрение новых методов комплексной реабилитации детей;
- повышение квалификации всех категорий специалистов дома ребенка (п. 246).

Как отмечалось выше, ребенок с согласия матери может быть передан на воспитание родственникам или с согласия органа опеки и попечительства – иным лицам. Следует согласиться с мнением К. В. Лапиной о том, что ч. 2 ст. 100 УИК РФ противоречит нормам семейного и гражданского законодательства Российской Федерации, в частности ст. 31–40 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 145–146 Семейного кодекса Российской Федерации (Лапина К. В. Осуществление и исполнение родительских прав и обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы // Семейное и жилищное право. 2010. № 5. С. 24–30). Ребенок, который передается на воспитание родственникам осужденной женщины или иным лицам, подпадает под категорию оставшихся без попечения родителей. (Перечень случаев, когда ребенок считается оставшимся без попечения родителей, дается в п. 1 ст. 121 Семейного кодекса Российской Федерации, но он не является исчерпывающим. В Федеральном законе от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (Рос. газ. 1996. 27 дек.) также содержится перечень ситуаций, при наличии которых ребенок остается без попечения.) Поэтому в целях содержания, воспитания и образования ребенка, а также для защиты его прав и интересов необходимо устанавливать над ним опеку. При этом опекун должен отвечать определенным требованиям, которые определены ст. 146 Семейного кодекса Российской Федерации.

Проведенное выборочное исследование показало, что на практике передача ребенка родственникам осужденной происходит без участия органа опеки и попечительства. Более того, нередко ребенок отправляется в ту неблагоприятную среду, которая послужила причиной того, что его мать стала преступницей. Именно в эту среду попадает ребенок без контроля со стороны органов опеки и попечительства и без соответствующего заключения. По нашему мнению, необходимо дополнить ч. 2 ст. 100 УИК РФ указанием императивного свойства о том, что в каждом случае передачи ребенка родственникам осужденной женщины должно быть согласие органов опеки и попечительства. Предлагаем следующую редакцию ч. 2 ст. 100 УИК РФ: «2. По решению органа опеки и попечительства и с согласия осужденной женщины ее ребенок может быть передан родственникам или иным лицам. При достижении

ребенком трехлетнего возраста он направляется в соответствующее детское учреждение».

4. Отдельно следует указать на право женщин, имеющих детей в домах ребенка при исправительных колониях, выезжать для их устройства у родственников или в детских домах сроком до пятнадцати суток, не считая времени в пути (ч. 2 ст. 97 УИК РФ). В указанных случаях проявляется гуманизм в отношении ребенка, а создание условий для устройства ребенка служит обеспечению его последующего нормального развития и психологического комфорта матери, что, в свою очередь, может способствовать ее исправлению и последующей успешной ресоциализации. Однако наше исследование показало, что положения ч. 2 ст. 97 УИК РФ на практике применяются крайне редко. Это подтверждают и другие авторы. Так, по данным К. В. Лапиной, за 2009 г. осужденным, отбывающим наказания в исправительных колониях УФСИН России по Кировской области, было предоставлено 57 таких выездов, из них 49 в соответствии с трудовым законодательством и 8 в силу исключительных личных обстоятельств (Лапина К. В. Указ. соч. С. 25).

Осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии, может предоставляться один краткосрочный выезд в год для свидания с ними сроком на пятнадцать суток, не считая времени в пути. Однако данная привилегия не в полной мере обоснована с точки зрения гендерного равновесия и международных стандартов в этой области. Дело в том, что дети-инвалиды могут быть и у осужденных мужчин, однако такого права они не имеют. Привязанность к ребенку, тем более к ребенку-инвалиду, могут в равной мере испытывать оба родителя, однако по закону они находятся в неравном положении.

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации забота о детях, их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей. Указанное конституционное положение имеет свое отражение и в международном законодательстве и Семейном кодексе Российской Федерации. В соответствии со ст. 18 Конвенции о правах ребенка родители несут общую ответственность в отношении детей (URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml). УИК РФ, в свою очередь, гарантирует осужденным при исполнении наказаний права и свободы граждан Российской Федерации (ч. 2 ст. 10) и устанавливает должностное исполнение осужденными установленных законодательством обязанностей граждан Российской Федерации (ч. 1 ст. 11).

Особенность родительских прав заключается в том, что они органически включают в себя как

права, так и обязанности родителей в отношении детей, поэтому родители не только имеют право, но и обязаны осуществлять родительские права. Семейный кодекс Российской Федерации также закрепляет принцип преимущественного права родителей на воспитание своих детей по сравнению со всеми другими лицами. Право на воспитание своего ребенка – это личное неотъемлемое право родителя. Родитель может быть лишен его только судом по основаниям, предусмотренным данным кодексом (ст. 69, 71, 73, 74). В ст. 55 Семейного кодекса Российской Федерации также особо подчеркивается право ребенка на общение с обоими родителями. Определяющим условием в данном случае может быть только соблюдение интересов ребенка, целесообразность его общения с тем или иным родителем (Дядюн К. В. Гендерное равновесие и некоторые особенности условий отбывания наказания // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3. С. 45–48). «Интерес ребенка – это его потребность в создании условий, необходимых для надлежащего воспитания, содержания, образования, подготовки к самостоятельной жизни, благополучного развития» (Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовое положение ребенка в РФ. Владимир, 2000. С. 29). А ребенок-инвалид изначально отличается от других, и для него особенно важно общение с родителями. Естественно, при исполнении наказания осужденный родитель имеет определенные ограничения своего правового статуса, предусмотренные законодательством (ч. 2 ст. 10 УИК РФ), однако если право свидания с ребенком-инвалидом предоставлено матери, почему в нем отказано отцу? Рассматриваемое положение является выражением одновременно права, обязанности и законного интереса осужденного лица – триады, составляющей, по мнению ряда авторов (Напр.: Минаков Г. Л. Права и законные интересы лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и гарантии их реализации. М., 1993. С. 6 ; Наташев А. Е. Правовое положение осужденных (общие вопросы) // Проблемы исполнения наказаний и перевоспитания осужденных. М., 1984. С. 28 ; Селиверстов В. И. Принципы уголовно-исполнительного законодательства и права // Проблемы теории наказания и его исполнения в новых Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах России : материалы науч.-практ. конф. М., 1997. С. 16–17), содержание правового статуса лиц, отбывающих наказания.

По нашему мнению, существующий законодательный подход необоснованно сужает спектр сущностных аспектов правового положения осужденных лиц по критерию пола. Считаем, что исправление указанного недостатка не только способствовало бы восстановлению гендерного равновесия и социальной справедливости, но и в

целом стало бы проявлением гуманного отношения к ребенку. Конечно, право на выезд к ребенку, имеющему проблемы со здоровьем, как матери, так и отцу должно предоставляться с учетом характеристики личности осужденного и его поведения в период отбывания наказания.

В числе спорных или недостаточно регламентированных «дополнительных» прав для беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, в научной литературе называются нормы о возможности приобретать продукты питания и предметы первой необходимости за счет средств, имеющихся на их лицевых счетах, без ограничения (ч. 5 ст. 88 УИК РФ), неограниченное получение осужденными женщинами посылок, передач и бандеролей (п. «а» ч. 1 ст. 90 УИК РФ), а также получение осужденными женщинами пособий на детей (ч. 1 ст. 98 УИК РФ) без контроля за их расходованием (Дядюн К. В. Указ. соч. С. 45–48).

В силу того, что ребенок, проживающий в доме ребенка, находится на полном иждивении государства, а контроль за расходованием средств не осуществляется, есть опасность расходования указанных средств не по назначению, например, на покупку сигарет, косметики и т. д. Считаем, что ч. 5 ст. 88 УИК РФ необходимо дополнить указанием следующего содержания: «Администрация учреждения, исполняющего наказание в виде ареста или лишения свободы, может ограничить использование указанных средств, если осужденная женщина расходует их в ущерб интересам ребенка».

Спорным, на наш взгляд, выглядит и норма о разрешении получения посылок, передач и бандеролей в неограниченном количестве женщинам (п. «а» ч. 1 ст. 90 УИК РФ) и несовершеннолетним, тогда как количество посылок, передач и бандеролей для мужчин ограничено в соответствии со ст. 121, 123, 125 и 131 УИК РФ. Существующий подход не только нарушает права осужденных мужчин, но и практически полностью стирает границу между условиями отбывания наказания, что, в свою очередь, может негативно сказываться на исправительном воздействии уголовного наказания. Зависимость последнего аспекта от гармоничности и последовательности взаимодействия компонентов каждого из уголовно-исполнительных принципов (ст. 8 УИК РФ) не раз подчеркивалась в научной литературе (Напр.: Барабанов Н. Механизм гуманизации уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание: 1998. № 1. С. 17; Зубков А. И. Принцип гуманизации исполнения наказания в ранге закона // Журн. рос. права. 1997. № 2. С. 63; Михлин А. С., Селиверстов В. И. Проблемы правовой реформы в сфере исполнения наказаний // Государство и право. 2002. № 6.

С. 47), где указывалось также на неизбежные затруднения и недостатки, вызываемые акцентированием внимания на каком-либо одном, пусть даже весьма значительном принципе. Предлагаем исключить из рассматриваемого пункта положение, касающееся осужденных женщин.

В силу того, что в соответствии с ч. 1 ст. 98 УИК РФ осужденные женщины обеспечиваются пособиями по беременности и родам в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, и указанные пособия выплачиваются осужденным женщинам независимо от исполнения ими трудовых обязанностей и иных обстоятельств, необходимо расходование указанных средств поставить под контроль администрации учреждения, так как указанные пособия предназначены для обеспечения нужд ребенка, улучшения условий его жизни, питания, а не для удовлетворения прихотей его матери.

В ч. 7 ст. 117 УИК РФ указано, что осужденные женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет в доме ребенка исправительного учреждения, и осужденные женщины, освобожденные от работы по беременности и родам, в штрафной изолятор (далее: ШИЗО), помещения камерного типа (далее: ПКТ) и единые помещения камерного типа не переводятся. Действительно, в случае помещения женщины, имеющей ребенка в доме ребенка при исправительной колонии, в ШИЗО или ПКТ прерывались бы ее встречи с ребенком, что могло отрицательно повлиять на психологическое состояние последнего. И на первый взгляд позиция законодателя вполне логична, так как предусматривает проявление гуманности прежде всего по отношению к ребенку с учетом возможности отрицательного воздействия указанных обстоятельств на его физическое и психологическое состояние и последующее нормальное развитие.

Однако водворение в ШИЗО применяется за нарушение установленного порядка отбывания наказания, а перевод в ПКТ установлен для злостных нарушителей. В соответствии со ст. 116 УИК РФ злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания могут быть употребление спиртных напитков, наркотических средств, психотропных веществ; мелкое хулиганство; хранение или передача запрещенных предметов; уклонение от обязательного лечения, назначенного судом или решением медицинской комиссии; организация забастовок, активное участие в них и др. Возникает вопрос: насколько же сильна психологическая связь матери и ребенка, если она идет на сознательное правонарушение? Вряд ли злостные нарушения можно считать проявлением родительских чувств. Наоборот, возможность прервать ее общение с ребенком в случае признания ее злостным нарушителем могла бы служить регулято-

ром ее поведения и свидетельствовала бы о действительной привязанности, что, в свою очередь, благоприятствовало бы нормальному психологическому развитию ребенка при общении с матерью. Подобный запрет мог бы оказывать определенное ресоциализирующее влияние на осужденную женщину.

Разумеется, не возникает сомнений в целесообразности ограничения применения рассматриваемых взысканий по отношению к беременной женщине, так как нормальное развитие ребенка в любом случае выступает на первый план (Дядюн К. В. Указ. соч. С. 45–48).

Итак, сохранение обозначенных привилегий для беременных женщин представляется обоснованным, но для женщин, имеющих детей, подобные «льготы», на наш взгляд, не всегда целесообразны как с точки зрения интересов ребенка и эффективности уголовного наказания, так и с позиции принципов равенства и социальной справедливости.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Ряд привилегий в отношении осужденных женщин, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством, вполне оправдан и не является нарушением гендерного равновесия. Но в некоторых случаях все же присутствует гендерная асимметрия, не оправданная ни с точки зрения принципов уголовного права, в частности, таких, как равенство, гуманизм, справедливость, ни с точки зрения международных стандартов. Для устранения указанных несоответствий необходимо внести ряд изменений в нормы УИК РФ.

1. Часть 2 ст. 100 УИК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «2. По решению органа опеки и попечительства и с согласия осужденной женщины ее ребенок может быть передан родственникам или иным лицам. При достижении ребенком трехлетнего возраста он направляется в соответствующее детское учреждение».

2. Часть 1 ст. 97 УИК РФ необходимо дополнить п. «в» следующего содержания: «в) один

краткосрочный выезд в год для лиц, имеющих несовершеннолетних детей-инвалидов, за пределы исправительных учреждений для свидания на срок до пятнадцати суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно». Соответственно ч. 2 ст. 97 УИК РФ изложить в следующей редакции: «2. Осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний, может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений для устройства детей у родственников либо в детском доме на срок до пятнадцати суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно».

3. Часть 5 ст. 88 УИК РФ необходимо дополнить указанием следующего содержания: «Администрация учреждения, исполняющего наказание в виде ареста или лишения свободы, может ограничить использование указанных средств, если осужденная женщина расходует их в ущерб интересам ребенка».

4. Из п. «а» ч. 1 ст. 90 УИК РФ необходимо исключить указание о возможности получения посылок, передач и бандеролей женщинами в неограниченном количестве. В силу того, что осужденные женщины могут отбывать наказания только в колониях-поселениях и колониях общего режима, ограничения, существующие для указанных колоний, должны быть одинаковыми как для мужчин, так и для женщин.

5. В ч. 1 ст. 98 УИК РФ необходимо внести дополнение следующего содержания: «За расходованием указанных средств осуществляется контроль со стороны администрации исправительного учреждения».

Часть 7 ст. 117 УИК РФ изложить в следующей редакции: «7. Осужденные женщины, освобожденные от работы по беременности и родам, а также осужденные, являющиеся инвалидами I группы, в штрафной изолятор, помещения камерного типа и единые помещения камерного типа не переводятся».

Библиографический список

1. Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л. Н. Завадская. – М. : Бек, 2001.
2. Лапина К. В. Осуществление и исполнение родительских прав и обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы / К. В. Лапина // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 5.
3. Стаценко В. Г. Опыт гендерного анализа уголовного закона / В. Г. Стаценко // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2010. – № 3.

References

1. Gender Examination of the Russian Legislation / ed. by L. N. Zavadskaya. – M. : Bek, 2001.
2. Lapina K. V. Realization and Execution of Parental Rights and Duties by the Condemned People / K. V. Lapina // Family and Housing Law. – 2010. – № 5.
3. Statsenko V. G. Experience of the Gender Analysis of the Criminal Law / V. G. Statsenko // Problems of Strengthening Legality and Law and Order: Science, Practice, Tendencies. – 2010. – № 3.

УДК 347.78

П. Г. Вельш,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

P. G. Velsh,
*applicant of the Faculty
of Research and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia*

**ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ «КОНТРАФАКТНАЯ ПРОДУКЦИЯ»
И «АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛИ» ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**Problem of Demarcation of Terms «Counterfeit Production»
and «Alternative Manufacturers» in the Process of Crime Detection and investigation**

Аннотация. В статье дан анализ современного состояния рынка контрафактных автозапчастей, раскрыты понятия «контрафактная продукция» и «альтернативные производители», предложены методы борьбы с преступлениями, связанными с выпуском и оборотом контрафактной продукции.

Ключевые слова: контрафактная продукция, альтернативные производители, эксперт, исследование, раскрытие преступления, расследование преступления, товарный знак, безопасность.

Abstract. The article offers the analysis of the modern state of the market of spare parts for cars. The concepts of «counterfeit production» and «alternative manufacturers» are disclosed, methods for struggle with crimes connected with release and turnover of counterfeit production are offered.

Key words: counterfeit production, alternative manufacturers, expert, research, crime detection, crime investigation, trade mark, safety.

В настоящее время в России наблюдается активный рост количества автомобилей, в первую очередь – иномарок. Вследствие этого увеличился спрос на автозапчасти, который официальные дилеры производителей автомобилей не в состоянии удовлетворить. В связи с этим актуальной является проблема поддельной продукции. Доля незаконных автомобильных компонентов на рынке запчастей в России составляет от 30 до 90 % в зависимости от наименования. Согласно сообщению финансовой газеты «Известия» каждая вторая автомобильная запчасть является поддельной. Ущерб от реализации контрафактной продукции весьма значителен, в денежном эквиваленте он составляет порядка 2 млрд долл. США (URL: <http://vladimir.marketcenter.ru/content/doc-2-11682.html>).

Важная роль в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с оборотом контрафактной продукции, принадлежит экспертизе.

Анализ практики расследования административных правонарушений и уголовных дел данной категории позволяет сделать вывод о том, что в редких случаях в процессе расследования не прибегают к производству экспертных исследований. При проведении экспертизы по таким делам решаются вопросы относительно технической контрафактности товара, при этом не затрагиваются юридические вопросы принадлежности продукции конкретному правообладателю. Специалисты, изучая конкретный объект исследова-

ния, дают заключение относительно его соответствия или несоответствия конкретному аналогу продукции, предоставленному для производства сравнительного исследования. Данные экспертизы могут быть назначены как в экспертно-криминалистические подразделения МВД России, так и независимым экспертам, которые могут вести свою деятельность индивидуально или в составе независимых экспертных организаций.

Очевидна необходимость создания методики исследования объектов преступлений, связанных с изготовлением и оборотом контрафактной продукции автомобильной промышленности. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного нами анкетирования сотрудников правоохранительных органов. Так, 92 % экспертов-криминалистов, 85 % сотрудников УБЭП, 73,5 % следователей убеждены в целесообразности развития нового направления (подвида) экспертных исследований поддельных автомобильных запасных частей (деталей) в рамках трасологической экспертизы изделий массового производства (Вельш П. Г. Экспертное исследование контрафактной продукции массового производства: проблемы и пути их решения // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2010. № 4. С. 68).

Контрафакт – термин, который знаком всем фигурантам рынка автозапчастей, однако вариации значений столь многочисленны, что считать его совершенно определенным невозможно. Согласно распространенным среди производителей точкам зрения по данному вопросу: с одной стороны, это некачественная подделка с подражанием пользующейся популярностью продукции той

или иной торговой марки, с другой – любая продукция, аналогичная той, что изготавливает оригинальный производитель запчастей, но созданная сторонними предприятиями. Некоторые заводы действительно считают любую стороннюю продукцию контрафактом, так как произведена она не ими (URL: http://www.auto-marketing.ru/archive/2006/0609_16.htm).

Согласно п. 4 ст. 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации в случае, когда изготовление, распространение или иное использование, а также импорт, перевозка или хранение материальных носителей, в которых выражены результаты интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, приводят к нарушению исключительного права на такой результат или на такое средство, такие материальные носители считаются контрафактными.

По мнению С. Шершукова, начальника отдела закупок компании «АВТОРАЙ», «...различные игроки рынка вкладывают в понятие “контрафакт” совершенно разный смысл. Для автозаводов и большинства крупных производителей автокомпонентов, которые в определенной степени являются монополистами в своем сегменте рынка, контрафакт – это все, что не идет на конвейер. Не поставляется на конвейер – значит, не рекомендовано заводом, следовательно, контрафакт. А вот для продавцов контрафакт – товар, произведенный кустарным способом (определяется визуально), не имеющий сертификатов соответствия и документов происхождения» (URL: http://www.auto-marketing.ru/archive/2006/0609_16.htm).

Однако в последнее время, наряду с контрафактом, получил широкое распространение и всеобщее признание и такой термин, как «альтернативные производители».

Разделение понятий «контрафакт» и «альтернативная продукция» возникло в тот момент, когда автозаводы встали на защиту собственных дилерских сетей от продукции конкурентов производителей с целью увеличения собственных объемов продаж. Дилерам запретили продавать продукцию, аналогичную той, что выпускает автозавод, потому что запчасти не сертифицированы заводом, т. е. являются контрафактом. Между тем некоторые из конкурентных производителей запчастей приобрели сертификаты по системе менеджмента качества ГОСТ Р ИСО 9001, а испытания их продукции проходили на базе мощных центров, оборудование которых не уступает заводскому. В связи с этим встал вполне закономерный вопрос, можно ли приравнивать продукцию таких производителей к продукции кустарного производства? Именно тогда появилось понятие «альтернативный производитель» – тот, кто составляет заводу реальную альтернативу на рынке (Там же).

Термин «альтернативные производители» объединяет разных производителей – фактически

всех, кто выпускает конкурентную продукцию, т. е. произведенную не самим автозаводом либо фирмой-смежником, продукция которой используется при серийной сборке автомобилей.

С. Смутин, начальник отдела мониторинга и анализа продаж Департамента сбыта запасных частей ТД «Русские машины» группы ГАЗ, считает, что «производитель, создающий изделия, аналогичные изделиям, выпускаемым крупнейшими заводами отрасли, и при этом, конечно же, открыто заявляющий о себе на упаковке, – это альтернативный производитель» (Там же).

Альтернативная продукция обязана своим появлением тому факту, что завод-изготовитель после нескольких лет выпуска автомобилей разрешает своим поставщикам изготавливать те же детали, что они поставляли на сборочный конвейер, под собственным брендом и свободно реализовывать их. Под своей торговой маркой могут реализовывать продукцию и компании, которые не являются производителями запчастей. Они закупают продукцию у непосредственного изготовителя и делают под нее упаковку со своим логотипом.

Анализ существующей ситуации на рынке автозапчастей позволяет выделить следующие группы альтернативных производителей:

- специализированные предприятия, созданные для производства запасных частей к автомобилю. Большинство таких предприятий раньше являлись поставщиками комплектующих деталей на автозаводы. Они имеют большой опыт в производстве продукции, используют передовые технологии и новейшее оборудование. Их продукция по качеству не уступает, а иногда и превосходит продукцию оригинальных производителей;

- предприятия машиностроительной отрасли, вышедшие на рынок запчастей в последние 10–12 лет. Часть из них работала на оборонную промышленность. Как правило, они имеют большой промышленный и научный потенциал;

- независимые частные производства, возникшие в 1990-е гг. Качество их продукции часто уступает качеству заводских деталей. Кроме того, в эту группу можно включить предприятия, не использующие собственную торговую марку, и частных – «народных умельцев», занимающихся восстановлением до товарного вида отработавших свой ресурс деталей, узлов, агрегатов. В отличие от альтернативных их чаще называют «контрафактными» производителями;

- иностранные производители. Эту группу также можно разделить на две: альтернативные – выпускающие продукцию под собственным брендом (например, поршневые кольца Goetze) и «контрафактные» – не имеющие собственной торговой марки и паразитирующие за чужой счет (в основном это предприятия стран СНГ и Китая).

Наибольшую опасность для потребителя представляют «контрафактные» производители. Имея

ряд преимуществ (низкая себестоимость и цена продажи, гибкость производства, т. е. возможность изготовления деталей под заказ небольшими партиями, оперативность выполнения заказа), они сознательно жертвуют качеством продукции. Как правило, производитель или продавец контрафактных запчастей обманывает покупателей, выдавая эти запчасти за произведенные на заводе-изготовителе. При быстром выходе из строя таких деталей виноватым в глазах конечных потребителей неизбежно остается завод, что негативно влияет и на имидж самого автомобиля.

Рейтинг российских регионов, на территории которых чаще всего можно столкнуться с фактом приобретения поддельных автозапчастей, составили специалисты аналитической службы «Авента-Инфо». Лидируют в этом списке Дагестан (8 %), Ростовская и Самарская области (по 7 %), Краснодарский край и Челябинская область (по 5 %). Именно на эти территории пришлось треть автозапчастей, распознанных потребителями как контрафактные (География поддельных запчастей: рейтинг 2010. URL: <http://www.partsgroup.ru/content/geografiya-poddelnykh-zapchastei-reiting-2010-goda>).

Принятие эффективных мер правового, экономического, организационно-технического характера для защиты потребительского рынка является одним из условий вступления России в ВТО. В рамках этой организации действует Генеральное соглашение по тарифам и торговле (1994 г.), предусматривающее сотрудничество стран-участниц в борьбе с контрафактной продукцией (URL: <http://www.wto.ru/content/documents/docs/gatt94ru.doc>).

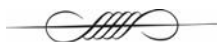
Еще в 2005 г. при покупке запчасти приходилось полагаться только на информацию, полученную от продавцов, сейчас же потребитель сам может идентифицировать продукцию. Выпускаемая продукция маркируется специальными ярлыками,

содержащими идентификационный номер. После вскрытия этого ярлыка покупатель может отправить указанный номер по Интернету или через сообщение SMS в базу данных сервиса и, спустя несколько секунд, получить информацию о подлинности изделия. Подобные веб-системы проверки существуют у многих оригинальных производителей, но и они не решают всех проблем.

В связи со сложившейся практикой по применению положений законодательства о защите от незаконного использования товарного знака необходимо изменить положения, предусматривающие уголовную ответственность за незаконное использование чужого товарного знака. Так, по ст. 180 УК РФ ответственность за данный вид преступления наступает только тогда, если это нарушение совершено неоднократно или причинило крупный ущерб. Между тем уголовная ответственность должна наступать при любом незаконном использовании чужого товарного знака, независимо от суммы ущерба или неоднократности совершения, поскольку любая контрафактная продукция представляет собой реальную угрозу для жизни и здоровья потребителей.

Кроме того, ст. 180 УК РФ предусматривает ответственность при наличии умысла на совершение данного преступления. Однако, по нашему мнению, уголовная ответственность должна наступать также и при совершении данных преступлений по неосторожности.

Таким образом, правильное толкование и четкое разграничение понятий «контрафактная продукция» и «альтернативные производители» будут способствовать повышению эффективности процесса раскрытия и расследования преступлений, связанных с выпуском и оборотом поддельных автозапчастей, а также созданию методики исследования объектов данных видов преступлений.

Библиографический список

1. Вельш П. Г. Экспертное исследование контрафактной продукции массового производства: проблемы и пути их решения / П. Г. Вельш // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2010. – № 4.
2. Дворянкин О. А. Защита авторских и смежных прав. Ответственность за их нарушение. Уголовно-правовой аспект / О. А. Дворянкин. – М. : Весь мир, 2002.
3. Дронова О. Б. Анализ практики производства экспертиз контрафактной продукции «независимыми» экспертами в Волгоградской области / О. Б. Дронова // Судеб. экспертиза : науч.-практ. журн. – Саратов, 2010. – № 2.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации // Уголовный кодекс Российской Федерации (официальный текст с изменениями и дополнениями). – М. : Юрайт, 2010.

References

1. Velsh P. G. Expert Research of Counterfeit Production of Mass Production : Problems and Ways of Their Solution / P. G. Velsh // Bull. of Vladimir Legal Institute. – 2010. – № 4.
2. Dvoryankin O. A. Protection of Authors' and relative Rights. Liability for Their Infringement. Criminal and Legal Aspect / O. A. Dvoryankin. – M. : Whole World, 2002.
3. Dronova O. B. Analysis of the Practice of Making Examinations of Counterfeit Production by «Independent» Experts in Volgograd Region / O. B. Dronova // Judicial Examination. – Saratov, 2010. – № 2.
4. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation // The Criminal Code of the Russian Federation (Official Text with Amend. and Suppl.). – M. : Urait, 2010.

А. Ф. Волинский,
 профессор кафедры криминалистики
 Академии экономической безопасности МВД России
 доктор юридических наук, профессор
 заслуженный юрист Российской Федерации

A. F. Volynskiy,
 Professor of the Department of Criminalistics
 of the Academy of Economic Safety
 of the Ministry of the Internal Affairs of Russia
 Doctor of Law, Professor,
 Distinguished Lawyer of the Russian Federation

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Innovational Activity in Criminalistics Support of Crime Investigation

Аннотация. В статье анализируются проблемные вопросы, касающиеся сущности, структуры и назначения криминалистического обеспечения, а также приводятся авторские рассуждения о криминалистическом обеспечении как об инновационном процессе.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическое обеспечение, инновационная деятельность.

Abstract. The article analyzes problem issues concerning essence, structure and purpose of criminalistics support. As well the author gives his own speculations describing criminalistics support as an innovative process.

Key words: criminalistics, criminalistics support, innovative activities.

Впервые в криминалистике термин «криминалистическое обеспечение» появился более тридцати лет назад. За это время было защищено большое количество диссертаций, в том числе докторских, опубликовано множество монографий и учебных пособий, в которых предметом изучения были проблемы, связанные с этим понятием (его сущность, структура, задачи, место в системе криминалистических знаний и т. д.). Однако диапазон мнений по данным вопросам настолько же велик, насколько и разнообразен.

Так, одни ученые используют термин «криминалистическое обеспечение» формально, для придания некой «новизны» традиционной форме изложения рекомендаций по криминалистической технике, методике. Авторы таких публикаций не делают даже попытки определить понятие и сущность криминалистического обеспечения (Скорченко П. Т. Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. М., 1999).

Другая группа ученых отрицает право этого термина на существование в системе криминалистики, утверждая, что за новым названием следует, по существу, прежнее содержание, т. е. криминалистика сама по себе и есть криминалистическое обеспечение. Иногда в этой связи подвергается сомнению и термин «обеспечение» (Бахин В. П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002). Киев, 2002. С. 9).

Третья группа авторов несколько примитивизирует криминалистическое обеспечение, низводя его до уровня обычной криминалистической деятельности, связанной не только с раскрытием и расследованием некоторых видов преступлений, но и с производством отдельных следственных действий. Впрочем такой подход вполне объясним, если

иметь в виду основную, а в определенном смысле конечную, цель криминалистического обеспечения – реализацию возможностей криминалистики, ее методов, средств и рекомендаций в процессе раскрытия и расследования преступлений.

И, наконец, существует еще один взгляд на криминалистическое обеспечение как на специфическую комплексную по своему содержанию деятельность, направленную на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов, средств и рекомендаций и реализацию таких условий в каждом конкретном случае расследования преступлений. Эту позицию поддерживал Р. С. Белкин, который отмечал, что «служебная функция криминалистики состоит в обеспечении потребностей практики в научных методах борьбы с преступностью (Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 1: Общая теория криминалистики. С. 224). В этом же ключе он вслед за В. Г. Коломацким сформулировал определение криминалистического обеспечения. Кроме того, Р. С. Белкин выделял три подсистемы: криминалистические знания, криминалистическое образование, криминалистическую технику (Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997. С. 64). Однако таким образом выражается лишь сущность криминалистического обеспечения, причем в форме, ограниченной в основном пределами криминалистической техники.

Между тем проблема криминалистического обеспечения намного сложнее по своему содержанию и структуре, по крайней мере, с точки зрения решаемых задач, систему которых в общем виде можно представить следующим образом:

а) научно-исследовательские задачи, решение которых направленно на совершенствование составляющих криминалистического обеспечения (криминалистических методов, средств, рекомендаций, правового регулирования их применения и т. п.);

б) организационно-управленческие, или «внешние» по отношению к предмету криминалистики в его общепринятом толковании, задачи. В своей основе они связаны с внедрением современных достижений науки и техники в практику раскрытия и расследования преступлений;

в) задачи использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений.

Фактически эти задачи корреспондируются с социальными функциями криминалистики как науки, возникновение и развитие которой обусловлено потребностями общества в обеспечении безопасности жизнедеятельности граждан, в борьбе с преступностью, в формировании действенной и гуманной системы судопроизводства. Именно с этих позиций криминалистическое обеспечение правомерно рассматривать еще и как форму реализации социальных функций криминалистики. К числу таких функций мы относим: созидательные, внедренческие (включая, образовательные) и деятельностные (Волынский А. Ф., Тишутина И. В. К вопросу о формах реализации социальных функций криминалистики // Актуальные проблемы юридических наук. Тула, 2008. Вып. 18. С. 7).

Некоторые авторы, разделяя в основном такой подход к определению сущности криминалистического обеспечения, тем не менее подвергают сомнению его относимость к предмету криминалистики. В частности, нет однозначного ответа на вопрос о том, должна ли криминалистика принимать участие еще и в деятельности по внедрению результатов своих разработок в практику. По мнению В. Я. Колдина, иное и не мыслится: «Научная разработка любой криминалистической рекомендации, средства, метода, технологии обязательно включает этапы внедрения» (Колдин В. Я. Служебная роль криминалистики // Криминалистика. XXI век. : материалы науч.-практ. конф. М., 2001. Т. 1. С. 19). Значимость этой задачи особенно наглядно проявляется в требованиях к диссертационным исследованиям, которые не принимаются к защите без актов внедрения научной продукции, пусть порой и формальных. Возражая против такой постановки вопроса, В. П. Бахин пишет, что «организационно это в абсолютном большинстве случаев невозможно. Внедрение – это сложный технологический процесс, заниматься которым сотрудники криминалистических центров, лабораторий не имеют ни времени, ни стимулов» (Бахин В. П. Указ. соч. С. 21).

Между тем эти уважаемые ученые правы оба, разумеется, с некоторым уточнением их мнения, суть которого заключается в том, что в форме криминалистического обеспечения речь идет о внедрении как об одной из функций данной системы и о роли криминалистики в ее реализации, а не в контексте задач отдельных сотрудников или исследователей. Такая роль, по нашему мнению, заключается в научном обосновании возможности и необходимости внедрения конкретных результатов криминалистических разработок в следственную практику, в разработке предложений по правовому регулированию условий их допустимости и порядка применения, в содействии организации внедрения, в анализе и оценке эффективности внедряемых новшеств. При этом с позиций криминалистики может быть реализован и такой метод проверки их состоятельности, как организационно-правовой эксперимент.

Значимость данного метода особенно велика в современных условиях реформирования, а по существу, формирования качественно новой системы общественных и социально-экономических отношений, в том числе в сфере судопроизводства, уголовно-процессуальной деятельности, организации управления и правового регулирования деятельности правоохранительных органов. При этом некоторые проблемы безрезультатно, а порой демагогически дискутируются в течение нескольких лет (например, о производстве экспертиз до возбуждения уголовного дела, об организационном разделении функции экспертов и специалистов в экспертно-криминалистическом подразделении ОВД, об изменении правовой оценки результатов предварительных исследований, о всеобщей дактилоскопической регистрации граждан при получении ими паспорта и т. д.).

Очевидно, что экспериментальная, т. е. опытная, проверка возможных вариантов решений таких проблем могла бы выступать своеобразной гарантией рациональности и своевременности принятия соответствующих организационных и правовых решений. Однако при этом следует понимать, что такие возможности в уголовно-процессуальной деятельности ограничиваются жесткой правовой регламентацией, а изменить норму права можно только путем внесения соответствующих изменений в закон. Это значит, что такой эксперимент может быть проведен только по проблемам, не связанным с изменением прав и обязанностей участников уголовного процесса и только по решению самого законодателя (Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979 ; Томин В. Т. Научная организация труда следователя и процессуальная норма // Проблемы организации управления и труда в органах внутренних дел. Омск, 1969).

Во всяком случае новизна и сложность современных научных и практических проблем криминалистики, в том числе в контексте связей «разработка – внедрение – использование» ее методов, средств и рекомендаций, объективно обуславливают необходимость новых методических подходов к их решению. Один из них содержится в самой сути криминалистического обеспечения как специфического вида деятельности, предполагающей взаимосвязанное решение взаимообусловленных в их возникновении и проявлении проблем и направленной на реализацию социальных функций криминалистики.

При внимательном рассмотрении становится ясно, что этот подход соответствует, как справедливо отмечает В. Ю. Сокол, набирающим силу в нашей стране инновационным процессам, «отражением которых стало появление новой области знания – науки о нововведениях» (Сокол В. Ю. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как инновационный процесс // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2008. № 5. С. 97). Реализация методологии этой науки в криминалистике ориентирует на исследование ее проблем в единстве таких процессов, как разработка, внедрение и применение новых методов, средств и рекомендаций. В этом случае криминалистическое обеспечение расследования преступлений выступает как деятельность, обладающая внутренней логикой, имеющая четко определенные границы, цель и задачи, а его содержание в значительной мере определяется инновационным процессом, хотя криминалистическое обеспечение значительно шире по своему содержанию, чем инновационная деятельность, поскольку предполагает внедрение и распространение не только новшеств.

Инновационный процесс включает в себя несколько этапов: создание, внедрение, распространение и применение инноваций, которые взаимосвязаны и составляют органическое единство этого процесса. Инновация есть результат инновационной деятельности, доведенной до стадии практического применения. Новизна, эффективность, практическая применимость являются критериями относимости криминалистических разработок к инновационным. При этом собственно научная разработка выступает

всего лишь как один из этапов в цепи «наука – практика». Инновационный процесс в криминалистике достигает завершенности в том случае, если результат научного исследования внедрен в практику и постоянно используется в решении криминалистических задач (Пригожин А. И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики). М., 1989. С. 19).

Очевидно, что инновационная деятельность вообще и в форме криминалистического обеспечения, в частности, должна быть управляемой, специально организуемой, что предполагает необходимость формирования системы научных рекомендаций или частной криминалистической теории, предметом изучения которой должны быть закономерности, характеризующие элементы или этапы инновационной деятельности (разработка, внедрение, использование), их взаимосвязи и взаимозависимости. Очевидно и то, что разработкой данной теории, как и инновационной деятельностью в части криминалистических методов, средств и рекомендаций, никакая иная наука не сможет заниматься так предметно, как криминалистика. Это наука традиционно изучает потребности практики раскрытия и расследования преступлений в методах и средствах собирания, исследования и использования криминалистически значимой информации. Она накопила и постоянно обновляет знания о способах преступлений и механизме преступной деятельности в их конкретном выражении, обладает уникальным опытом в части аккумуляции современных достижений естественных и технических наук и их использования при решении криминалистических задач.

При этом следует учитывать, что криминалистическое обеспечение, как и инновационная деятельность, характеризуется двуединным объектом воздействия. С одной стороны, это практика раскрытия и расследования преступлений, в которую внедряются криминалистические методы, средства и рекомендации, а с другой – собственно процесс внедрения. Именно этим объясняются те противоречивые суждения относительно сущности, структуры и назначения криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, о которых говорилось выше.

Библиографический список

1. *Волынский А. Ф.* К вопросу о формах реализации социальных функций криминалистики / А. Ф. Волынский, И. В. Тишутина // Актуальные проблемы юридической науки. – Тула : Изд-во ТулГУ, 2008. – Вып. 18.
2. *Сокол В. Ю.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как инновационный процесс / В. Ю. Сокол // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2008. – № 5.

References

1. *Volynskiy A. F.* To the Question of Forms of Realization of the Social Functions of Criminalistics / A. F. Volynskiy, I. V. Tishutina // Topical Problems of Science of Law. – Tula : Tula State University, 2008. – Iss. 18.
2. *Sokol V. Yu.* Criminalistics Support of Investigation of Crimes as Innovation Process / V. Yu. Sokol // Bull. of Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia. – 2008. – № 5.

Р. Б. Головкин,

*начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

доктор юридических наук, профессор

А. Н. Бобкова,

соискатель факультета подготовки

научно-педагогических кадров

ВЮИ ФСИН России

R. B. Golovkin,

*Chief of the Department of State and Law Studies
of VLI of the FPS of Russia*

Doctor of Law, Professor

A. N. Bobkova,

Applicant of the Faculty of Research

and Teaching Staff Training

of VLI of the FPS of Russia

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИЙ
В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Some Features of Using Concepts as Means of Legal Regulation of Public Relations

Аннотация. Статья посвящена исследованию явления концепции применительно к правовому регулированию общественных отношений.

Ключевые слова: концепция, нормативный правовой акт, общественные отношения, правовое регулирование общественных отношений.

Abstract. The article is devoted to studying the phenomenon of concept in relation to legal regulation of public relations.

Key words: concept, normative legal act, public relations, legal regulation of public relations.

Современная система правового регулирования представляет собой весьма сложное образование, состоящее из органически связанных нормативных и ненормативных предписаний.

В последние годы среди правовых регуляторов общественных отношений все чаще проявляется и используется законодателем такое средство правового регулирования, как концепция. Термин «концепция», как справедливо отмечает один из известных отечественных исследователей в области теории права В. М. Баранов, в современной гуманитарной науке «прилагается» к самым разным объектам (Баранов В. М. Концепция законопроекта. Н. Новгород, 2003. С. 11). Нашел он отражение и в юридической науке и практике. Для адекватной оценки его применения в данной области общественных отношений обратимся прежде всего к анализу понятий, которые обозначаются данным термином.

Согласно Большой советской энциклопедии концепция (от лат. *conceptio* – понимание, система) есть определенный способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основная точка зрения на предмет и т. п., руководящая идея для их систематического освещения. Термин «концепция» употребляется также для обозначения ведущего замысла, конструктивного принципа в научной, художественной, технической, политической и других видах деятельности (URL: <http://www.rubricon.com/qe.asp?qttype=1&id=1&ii=1&srubr=0&fstring=концепция>).

В словаре В. И. Даля концепция рассматривается как понятие, образ понятия, способ понимания, соображения и выводы (Даль В. И. Толко-

вый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 2. Стб. 392).

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова концепция трактуется как замысел, теоретическое построение; то или иное понимание чего-нибудь (URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=25003>).

В Новом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой слово «концепция» имеет два значения: 1) система связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов на те или иные явления; 2) общий замысел, основная мысль чего-либо (URL: <http://www.efremova.info/>).

Слово «концепция» в Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова находится в ряду таких слов, как: понятие, идея, учение, задумка, автогенез, представление, тезис, доктрина, аристократизм, батмогенез, финитизм, положение, замысел, план, теория, мысль, система (URL: <http://www.dict.t-mm.ru/abramov>).

Таким образом, в результате анализа словарных статей, касающихся термина «концепция», можно выделить следующие его признаки:

- 1) это определенный способ построения мыслительного процесса;
- 2) это внешнее выражение определенного способа построения мышления относительно каких-либо объектов. Иными словами, это определенная форма познания мыслимой или реально существующей действительности;
- 3) это характеристика мировоззрения и сознания субъектов познания;
- 4) это логически выстроенные и взаимосвязанные системные взгляды, представления, понятия и умозаключения;
- 5) это основополагающие идеи или руководящие начала какой-либо деятельности.

С учетом данных признаков представляется возможным заключить, что обозначаемое термин «концепция» понятие можно трактовать следующим образом. *Концепция – это целостный образ мыслимой или реальной действительности в виде системы представлений, понятий, умозаключений, принципов, которыми руководствуется субъект общественных отношений в своей познавательной и иной деятельности.*

В настоящее время действует более десяти законов и подзаконных нормативных-правовых актов, прямо посвященных различным концепциям (Напр.: Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. распоряжением Президента Рос. Федерации от 12 июля 2008 г. № Пр-1440. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации от 5 октября 2009 г. // Рос газ. 2009. 20 окт. ; О Концепции федеральной целевой программы «Пожарная безопасность в Российской Федерации на период до 2012 года» : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 31 окт. 2007 г. № 1532-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 45, ст. 5543 ; О единой системе информационно-справочной поддержки граждан и организаций по вопросам взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (вместе с «Концепцией единой системы информационно-справочной поддержки граждан и организаций по вопросам взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет») : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 июня 2009 г. № 478 ; Рос. газ. 2009. 24 июня ; О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС : закон Рос. Федерации от 15 мая 1991 г. №1244-1 : в ред. от 24 июля 2009 г. : с изм. от 10 нояб. 2009 г. Ст. 6 : Основные положения концепции проживания населения в районах, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. 1991. № 21, ст. 699 ; Рос. газ. 2009. 29 июля, 26 нояб. ; Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Рос. Федерации от 9 окт. 2007 г. № 1351 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 42, ст. 5009 ; Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов : постановление Правительства Рос. Федерации от 2 авг. 2001 г. № 576 : в ред. от 20 февр. 2010 г. // Там же. 2001. № 32, ст. 3335 ; 2010. № 9, ст. 964).

Исследование использования термина «концепция» в действующих нормативных правовых актах позволяет сделать вывод о том, что практически во всех документах отсутствуют специальные нормы-дефиниции, раскрывающие понятие концепции применительно к конкретному нормативному правовому акту. То есть можно сказать, что понятие «концепция» используется законодателем как априорное. И лишь в отдельных случаях его объем применительно к кругу общественных отношений, урегулированных тем или иным актом, раскрывается путем перечня концептуальных параметров. Например, в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации указывается, что данная Концепция определяет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации.

В постановлении Правительства Российской Федерации от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» закреплены параметры концепции законопроекта. В частности, в п. 3 указывается, что «Концепция законопроекта представляет собой документ, в котором должны быть определены:

- основная идея, цели и предмет правового регулирования, круг лиц, на которых распространяется действие законопроекта, их новые права и обязанности, в том числе с учетом ранее имевшихся;

- место будущего закона в системе действующего законодательства с указанием отрасли законодательства, к которой он относится, положений Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов и системообразующих законов Российской Федерации, на реализацию которых направлен данный законопроект, а также значение, которое будет иметь законопроект для правовой системы;

- общая характеристика и оценка состояния правового регулирования соответствующих общественных отношений с приложением анализа действующих в этой сфере законов и иных нормативных правовых актов. При этом указываются пробелы и противоречия в действующем законодательстве, наличие устаревших норм права, фактически утративших силу, а также неэффективных положений, не имеющих должного механизма реализации, рациональные и наиболее эффективные способы устранения имеющихся недостатков правового регулирования. Общая характеристика состояния правового регулирования должна также содержать анализ соответствующей российской и зарубежной правоприме-

нительной практики, а также результаты проведения статистических, социологических и политологических исследований;

– социально-экономические, политические, юридические и иные последствия реализации будущего закона».

Исследование особенностей закрепления, изложения и использования термина «концепция» в нормативных правовых актах позволяет заключить, что фиксация в законодательстве анализируемого термина осуществляется несколькими способами.

1. Издание правового акта, посвященного общей проблеме, для решения которой в ряду прочих средств используется концепция. Например, в постановлении Правительства Российской Федерации от 22 мая 2004 г. № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» отмечено, что в целях повышения результативности бюджетных расходов Правительство Российской Федерации постановляет в том числе и одобрить Концепцию реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации (Рос. газ. 2004. 1 июня). В ст. 6 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» изложены основные положения концепции проживания населения в районах, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы.

2. Издание нормативного правового акта о концепции. В качестве примеров можно назвать распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 октября 2007 г. № 1532-р «О Концепции федеральной целевой программы “Пожарная безопасность в Российской Федерации на период до 2012 года”», постановление Правительства г. Москвы от 25 июля 2006 г. № 564-ПП (в ред. от 21 апреля 2009 г.) «О Концепции развития взаимодействия органов исполнительной власти города Москвы с общественными и иными некоммерческими организациями на 2006–2010 гг.» (Вестн. мэра и правительства Москвы. 2006. № 52); постановление Правительства г. Санкт-Петербурга от 11 ноября 2009 г. № 1257 «О Концепции повышения энергетической эффективности и стимулирования энергосбережения» (Вестн. администрации Санкт-Петербурга. 2009. № 12) и др. Данный способ законодательного проявления концепции характеризуется наличием информации о степени важности концепции и ее утверждении.

3. Издание соответствующего акта, утверждающего концепцию. Примерами подобного проявления могут служить следующие акты: Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации; Концепция внешней политики Российской Федерации; указ Президента

Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» и др. Данный способ отличается тем, что здесь концепция первична и утверждается в виде своеобразного правового акта.

Таким образом, различные пути изложения и применения термина «концепция» в законодательстве свидетельствуют о наличии тенденции к увеличению количества концепций, отраженных в законодательстве. Кроме того, этот факт подтверждает то, что концепции становятся самостоятельным средством правового регулирования общественных отношений.

Например, важная роль в обеспечении реформ в деятельности уголовно-исполнительной системы отводится Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, в которой *предусматриваются основные направления, формы и методы совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы, ее взаимосвязь с государственными органами и институтами гражданского общества, обеспечивающая функционирование уголовно-исполнительной системы на период до 2020 г.* (Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации 2010. № 43, ст. 5544).

«Основными целями Концепции являются:

– повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития;

– сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам;

– гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов».

Как видим, в данной Концепции зафиксированы основные направления реформ и способы их обеспечения, фактически закреплены определенные правила, соблюдение которых будет способствовать конечному результату – претворению в жизнь концептуальной модели.

Интересна в этом плане и утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 163-р Концепция федеральной целевой программы развития образо-

вания на 2011–2015 годы, где закреплены основные мероприятия по совершенствованию образовательной системы России. **В частности, называются следующие:**

- «обеспечение условий для развития и внедрения независимой системы оценки результатов образования»;

- «создание условий для развития государственной и общественной оценки деятельности образовательных учреждений, общественно-профессиональной аккредитации образовательных программ»;

- развитие системы оценки качества профессионального образования на основе создания и внедрения механизмов сертификации квалификаций специалистов и выпускников образовательных учреждений...» Основным содержанием мероприятия «будет создание технологий и измерительных материалов для оценки качества профессионального образования» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 9, ст. 1256).

Рассмотренные примеры использования термина «концепция» в правовом регулировании общественных отношений позволяют выявить особенности данных процессов. Итак, концепция, отраженная в правовых предписаниях:

- во-первых, имеет общеобязательную силу и обеспечивается государственным принуждением;

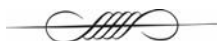
- во-вторых, имеет преимущественно нормативную природу, так как содержит относительно абстрактные правила поведения, адресованные относительно неопределенному кругу субъектов и рассчитанные на относительно неопределенное количество воспроизведений;

- в-третьих, как правило, предусматривает регулирование отношений в настоящее время для формирования будущих отношений;

- в-четвертых, может быть признана особым средством правового регулирования;

- в-пятых, содержит преимущественно исходные правовые нормы-принципы и определительно-установочные нормы.

Таким образом, термин «концепция» применительно к юридической практике имеет особое понятийное содержание, отличное от общеупотребительного. **Концепция в правовом регулировании общественных отношений** – это особое средство правового регулирования, определяющее целостный образ предполагаемой будущей модели регулирования правоотношений путем закрепления системы исходных правовых норм, отражающих представления, принципы, цели и задачи будущей модели, но регламентирующих поведение субъектов права в настоящем.

Библиографический список

1. Баранов В. М. Концепция законопроекта / В. М. Баранов. – Н. Новгород : НА МВД России, 2003.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. распоряжением Президента Рос. Федерации 12 июля 2008 г. № Пр-1440. – Режим доступа : <http://www.rg.ru/2008/05/26/koncepciya-dok>.
3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации 5 окт. 2009 г. // Рос. газ. – 2009. – 20 окт.
4. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС : закон Рос. Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-1 : [в ред. от 24 июля 2009 г. : с изм. от 10 нояб. 2009 г.] // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. – 1991. – № 21, ст. 699 ; Рос. газ. – 2009. – 29 июля, 26 нояб.

References

1. Baranov V. M. Bill Concept / V. M. Baranov. – N. Novgorod, 2003.
2. Concept of Foreign Policy of the Russian Federation : Approved by the Order of the President of the Russian Federation of July 12th, 2008 № Pr-1440. – URL: <http://www.rg.ru/2008/05/26/koncepciya-dok>.
3. Concept of Counteraction to Terrorism in the Russian Federation: Approved by the President of the Russian Federation on Oct. 5, 2009 // Rossiyskaya Gazeta. – 2009. – Oct. 20th.
4. On Social Protection of Citizens Exposed to Influence of Radiation Owing to Accident on Chernobyl Atomic Power Station : Law of the Russian Federation of May 15th, 1991 № 1244-1 : [in edition of July 24th, 2009 with amendments of Nov. 10th, 2009] // Bull. of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1991. – № 21, it. 699 ; Rossiyskaya Gazeta. – 2009. – July 29th, Nov. 26th.

М. А. Жданова,
*адъюнкт кафедры
 государственно-правовых дисциплин
 Тюменского юридического института
 МВД России*

M. A. Zhdanova,
*post-graduate student
 of the Department of State and Law Studies
 of Tyumen Legal Institute
 of the Ministry of the Internal Affairs of Russia*

СООТНОШЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ И ИНЫХ ВИДОВ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Correlation between Abuse of Law and Other Types of Legal Behaviour

Аннотация. Статья посвящена исследованию такого правового феномена, как злоупотребление правом. Автор приходит к выводу, что злоупотребление правом имеет признаки как правомерного, так и противоправного поведения, ни к одному из этих видов правового поведения его отнести в полной мере нельзя. Злоупотребление правом является обособленным, самостоятельным видом правового поведения, имеющим свои существенные особенности и характерные лишь для него признаки.

Ключевые слова: правовое поведение, правомерное поведение, противоправное поведение, злоупотребление правом, признаки правонарушения.

Abstract. The article is devoted to studying such a legal phenomenon as abuse of law. The author draws the conclusion that abusing law has the signs of both lawful and illegal behaviour and it can't be fully attributed to just one of these types of legal behavior. Abusing law is an isolated and independent type of legal behaviour that has its essential features and characteristic signs.

Key words: legal behaviour, lawful behaviour, illegal behaviour, abusing law, offense signs.

Правовое поведение – это разновидность человеческого поведения, одно из выражений общественных отношений. Добросовестное исполнение трудовых обязанностей, вступление в брак или развод, нарушение правил дорожного движения, заключение договора купли-продажи – все это (и не только) виды правового поведения различных субъектов права. Кроме того, это сложное социальное и психологическое явление, в которое сплетаются фактическое и юридическое, волевое и эмоциональное, внутреннее и внешнее.

Правовое поведение в самой общей форме можно определить как социально значимое поведение индивидуальных и коллективных субъектов, подконтрольное их сознанию и воле, предусмотренное нормами права и влекущее за собой юридические последствия (Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 6).

Классификация видов правового поведения способствует более глубокому их познанию, выявлению у них каких-либо специфических признаков, отличающих их друг от друга. Классификация может проводиться по различным основаниям. Некоторые основания классификации видов правового поведения не вызывают никаких сомнений, являются четкими и обоснованными, такие, например, как субъект (индивидуальное и коллективное поведение), внешнее проявление (активное поведение и бездействие), социальная

значимость (социально полезное и социально вредное поведение).

Остановимся на основной классификации видов правового поведения – его делении на правомерное и неправомерное (противоправное). Основанием для этой классификации является юридическая оценка данного деяния. Правомерное поведение есть социально полезное осознанное поведение людей и организаций, соответствующее правовым нормам. Противоправное поведение представляет собой социально вредное поведение, противоречащее правовым предписаниям.

О таком правовом явлении, как злоупотребление правом, до сих пор в юридической науке не сложилось однозначного представления, не раскрыты все его существенные признаки, структура, сущность.

В основном теории и практики придерживаются общепринятого понятия: злоупотребление правом – это деяние, при котором общественный вред причиняется путем ненадлежащего использования субъективного права, во вред другим субъектам, когда правовые предписания не нарушаются.

Н. А. Дурново дает следующее определение: «Злоупотребление правом – это юридически допустимые действия субъекта по осуществлению своего права в границах принадлежащего ему субъективного права, нарушающее пределы осуществления субъективного права или не нарушающие данные пределы, но являющееся социально вредным и общественно порицаемым и

причиняющее вред правам, свободам и интересам других участников общественных отношений» (Дурново Н. А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 82).

Согласно теории А. А. Малиновского злоупотребление правом представляет собой не только преступление или деликт, но и правомерный, хотя и аморальный, безнравственный проступок, при этом зло он трактует как явление, тождественное любому социальному вреду, который причиняется общественным отношениям в процессе реализации права (Малиновский А. А. Злоупотребление правом : монография. М., 2002).

Несмотря на множество различных определений, данных учеными такому правовому феномену, как злоупотребление правом, тем не менее все они свидетельствуют о том, что данное явление носит признаки как правомерного, так и противоправного поведения.

Существует мнение, согласно которому не каждое противоправное деяние является правонарушением (Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 267). Сторонники этой точки зрения под противоправным поведением понимают не только правонарушение, а злоупотребление правом и объективно-противоправное поведение, которые выделяют как подвиды противоправного поведения.

Профессор В. Н. Протасов, напротив, считает, что в случае, если злоупотребление правом юридическими нормами не запрещено, то «оно должно признаваться явлением правомерным, а его негативные оценки и санкции могут быть отнесены лишь к области морали» (Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М., 2001. С. 241).

Однако правомерность поведения – это единство внешней (объективной) и внутренней, духовной (субъективной) стороны, характеризующее психическое состояние лица, его отношение к своему поведению, оценку своей деятельности. Таким образом, о правомерности можно говорить только тогда, когда вместе с соблюдением норм закона соблюдаются и нормы нравственности, и нормы обычаев, морали, правил общежития и т. д. Классификация так называемых аномальных подвидов правомерного поведения (маргинальное, конформистское и др.) практически не актуальна: такая характеристика сама по себе не имеет юридического значения, чего нельзя сказать о злоупотреблении правом.

В. П. Грибанов предлагает использовать понятие «злоупотребление правом» для характеристики определенного типа гражданского правонарушения: «Злоупотребление правом есть

особый вид гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» (Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 63).

С. В. Михайлов считает, что неправомерность поведения может быть обусловлена осуществлением права в противоречии с его назначением. Он устанавливает, что «злоупотребление правом есть разновидность неправомерного поведения, следовательно, гражданское правонарушение» (Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. С. 74).

Х. А. Текаев определяет злоупотребление правом «...как неправомерное поведение, выражающееся в осуществлении управомоченным лицом своего субъективного права с помощью таких форм, способов, средств реализации, которые выходят за пределы объема данного права» (Текаев Х. А. Злоупотребление правом // Проблемы реализации права. Свердловск, 1990. С. 113).

Многие современные юристы также признают злоупотребление правом правонарушением. О. А. Поротикова, например, утверждая, что злоупотребление гражданским правом есть особый вид гражданского правонарушения, считает, что злоупотребление правом должно расцениваться как умышленное поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему субъективного гражданского права, сопряженное с нарушением установленных в законе пределов осуществления прав и причиняющее вред третьим лицам либо создающее условия для наступления такого вреда (Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 190).

Многие ученые, рассматривая вопрос о классификации видов правового поведения, утверждают, что поведение субъекта нельзя анализировать по одному основанию, объясняя это необходимостью более дифференцированного подхода к этому вопросу в условиях развития и потребностей юридической практики. В связи с этим наравне с правомерным поведением и правонарушением выделяют злоупотребление правом и объективно-противоправное поведение как самостоятельные виды правового поведения.

Однако данная классификация вызывает ряд возражений. Критики полагают, что классификация должна проводиться только по одному признаку, и члены деления должны исключать друг друга. Ни одному из этих требований дан-

ная классификация не отвечает, ведь она проводится по двум основаниям (юридическая оценка и социальная значимость поведения), а члены деления не исключают друг друга.

Выделить в самостоятельный вид правового поведения злоупотребление правом нам поможет более детальное изучение состава этого явления. Элементами состава злоупотребления правом являются объект, субъект, субъективная и объективная стороны.

Объект любого правонарушения, как и объект злоупотребления правом, – это общественные отношения, регулируемые и охраняемые правом. Будучи сложными явлениями социальной действительности, они включают в себя множество различных элементов: субъекты, выступающие сторонами отношения, объекты, по поводу которых эти отношения возникают, деяния сторон. Все перечисленные элементы и есть объекты конкретного посягательства.

Субъектом злоупотребления правом всегда является управомоченное лицо, реализующее свое право с тем, чтобы причинить вред другому лицу. Если лицо не имеет субъективных прав, то оно не может и злоупотребить ими. А правонарушение может быть совершено и при отсутствии у данного лица субъективных прав. Лицо, действующее, не имея на то права, либо выходящее за пределы его содержания, даже если его целью является ущемление чужих интересов, не совершает злоупотребления правом.

Правонарушения в основном совершаются посредством нарушения правовых запретов, а не при осуществлении субъективных прав.

Злоупотребление правом может привести к правонарушению. Однако если противоправное действие даже формально не основано на праве и выступает в чистом виде как нарушение одной или более правовых норм или как непосредственное посягательство на защищаемые правовыми нормами субъективные права, то злоупотребление правом всегда внешне опирается на субъективное право и формально не противоречит объективному праву. Если у лица нет субъективных прав, злоупотреблять правом оно не может, однако может совершить противоправное действие и при отсутствии субъективных прав.

Все правонарушения представляют собой общественно опасные деяния людей (действие или бездействие), причиняющие вред. Злоупотребление правом всегда выступает результатом действия лица, общественная опасность которого обусловлена исключительной целью причинения вреда, либо фактом причинения вреда как тако-

вого посредством осуществления своих субъективных прав.

Еще один признак правонарушения – это противоправный характер деяния. В. П. Грибанов, например, понимал злоупотребление правом как поведение противоправное, поскольку связывал его с нарушением обязанности управомоченного лица не нарушать пределов осуществления права. Тезис В. П. Грибанова следующий: «Вопрос о пределах осуществления гражданских прав – это проблема борьбы со злоупотреблением гражданскими правами» (Грибанов В. П. Указ. соч. С. 411). Об этом же говорил и Г. Ф. Шершеневич, считавший, что «осуществление права, ничем не стесненное, способно отразиться весьма вредно на интересах прочих членов того же общества, на интересах самого общества» (Цит. по: Поротикова О. А. Указ. соч. С. 76). Однако эта обязанность, по нашему мнению, носит весьма спорный характер.

Такое сложное и неоднозначное правовое явление, как злоупотребление правом нельзя называть правонарушением, так как оно им не является, оно не отвечает всем признакам правонарушения, а элементы состава злоупотребления правом во многом расходятся в их содержательной части с элементами правонарушения. Сложность в правовой оценке данного явления заключается еще и в том, что традиционные критерии правомерности или противоправности поведения к нему не применимы.

Действия субъекта, в результате которых происходит злоупотребление правом, не являются правонарушением, так как они не связаны с посягательством на правовые нормы или принципы права. Если лицо не имеет субъективных прав, то оно не может и злоупотребить ими, а правонарушение может быть совершено и при отсутствии у данного лица субъективных прав.

Однако и правомерным поведением злоупотребление правом назвать нельзя, так как действия субъекта совершаются с отклонением от предусмотренных законодателем форм и способов и, что самое главное, с отклонением от указанных в правовой норме результатов.

Таким образом, мы пришли к следующему выводу. Несмотря на то, что злоупотребление правом имеет признаки как правомерного, так и противоправного поведения, ни к одному из этих видов правового поведения его отнести в полной мере нельзя. Злоупотребление правом является обособленным, самостоятельным видом правового поведения, имеющим свои существенные особенности и характерные лишь для него признаки.

Библиографический список

1. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М. : Статут, 2000.
2. *Дурново Н. А.* Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Дурново Наталья Александровна. – Н. Новгород, 2006.
3. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982.
4. *Михайлов С. В.* Категория интереса в российском гражданском праве / С. В. Михайлов. – М. : Статут, 2002.
5. *Протасов В. Н.* Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. – М. : Новый Юрист, 1999.

References

1. *Gribanov V. P.* Realization and Protection of Civil Rights / V. P. Gribanov. – M. : Statut, 2000.
2. *Durnovo N. A.* Abusing Law as a Special Kind of Legal Behaviour: Theoretical and Legal Analysis / Durnovo Natalia Alexandrovna. N. Novgorod, 2006.
3. *Kudryavtsev V. N.* Legal Behaviour: Norm and Pathology / V. N. Kudryavtsev. – M. : Science, 1982.
4. *Mikhailov S. V.* Category of Interest in Russian Civil Law / S. V. Mikhailov. – M.: Statut, 2002.
5. *Protasov V. N.* Theory of State and Law. Problems of Theory of State and Law. M. : New Lawyer, 1999.

Н. Э. Мартыненко,
 заместитель начальника кафедры
 уголовно-правовых дисциплин
 и организации профилактики преступлений
 Академии управления МВД России
 кандидат юридических наук, доцент

N. E. Martynenko,
 Deputy Chief of the Department of Criminal
 and Legal Disciplines and Organization
 of Crime Prevention of the Academy of Management
 of the Ministry of the Internal Affairs of Russia
 Candidate of Law, Assistant professor

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО

Legal Regulation of Criminal Policy in the Sphere of Protection of Victims' Interests

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования защиты интересов потерпевших как одному из направлений уголовной политики. В частности, делается вывод о том, что реальная физическая, имущественная и правовая защита интересов потерпевших в Российской Федерации начала осуществляться только в результате принятия целого комплекса нормативных правовых актов на разных уровнях уголовной политики.
Ключевые слова: уголовная политика, уровни уголовной политики, правовое регулирование, потерпевший.

Abstract. The article considers the issues of legal regulation of protection of victims' interests as one of the directions of criminal policy. In particular, the conclusion is made that real physical, property and legal protection of victims' interests in the Russian Federation has started to be carried out only as a result of adoption of the whole complex of normative legal acts at different levels of criminal policy.

Key words: the criminal policy, levels of criminal policy, legal regulation, victim.

«По данным статистики, ежегодно каждый десятый житель России становится жертвой того или иного преступления и в соответствии с установленным порядком признается “потерпевшим”» (Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений : спец. докл. Уполномоченного по правам человека в Рос. Федерации // Рос. газ. 2008. 4 июня). Проблема защиты прав потерпевших в России, как и в других странах, является одной из важных и актуальных.

Фигура потерпевшего (жертвы, пострадавшего) появляется там, где совершается преступление. Традиционно понятие потерпевшего и его права определяются уголовно-процессуальным законодательством. Однако потерпевшим лицо становится гораздо раньше, чем его признает таковым дознаватель, следователь, прокурор или суд. От того, как государство охраняет интересы потерпевшего, во многом зависит безопасность самого государства.

Особенностью уголовной политики двух последних десятилетий являются не только формирование стратегических и тактических направлений борьбы с преступностью, но и создание правового механизма, обеспечивающего защиту интересов потерпевших, так как борьба с преступностью необходима в первую очередь для охраны личности, общества и государства от преступных посягательств и защиты интересов лиц, которые все-таки пострадали от совершения преступлений и стали потерпевшими.

Уголовная политика – понятие многоуровневое и многоаспектное. Для уяснения его смысла выделяют следующие уровни:

1. Разработка теоретических основ и научные исследования, позволяющие сформулировать и обосновать идеи уголовной политики (концептуальный уровень).

2. Разработка, принятие и совершенствование правовых основ, направленных на реализацию целей и задач уголовной политики (законодательный уровень).

3. Формирование на основе Конституции Российской Федерации, федеральных законов и основных положений государственной концепции уголовной политики, программных документов различных уровней управления (нормативный уровень).

4. Управление реализацией уголовной политики (управленческий уровень), включающее в себя организацию правоприменительной практики в сфере борьбы с преступностью в целом и по отдельным ее направлениям, меры, направленные на повышение эффективности средств, форм и методов противодействия преступности.

5. Непосредственная правоприменительная деятельность должностных лиц правоохранительных органов в сфере реализации задач уголовной политики (правоприменительный уровень) (Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел : учебник / под ред. Л. И. Беляевой. М., 2003. С. 8–9).

Представляется необходимым проанализировать эти уровни уголовной политики применительно к охране интересов потерпевших.

1. *Концептуальный уровень.* Уголовная политика Российской Федерации не предусматривает официально одобренную государством концепцию охраны интересов потерпевших (как и концепцию уголовной политики в целом). Попытки создания концепции уголовной политики предпринимались еще в 90-е гг. XX в.

Так, в Концепции судебной реформы в РСФСР (21 октября 1991 г.) целью деятельности уголовной юстиции была объявлена защита общества от преступлений путем реализации уголовного закона, а также защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции (потерпевших, гражданских истцов) (Концепция судебной реформы в Российской Федерации / отв. за вып. Б. А. Золотухин. М., 1992. С. 19).

Однако данная Концепция подверглась критике именно потому, что в ее основе была борьба с преступностью (раскрытие и расследование преступлений и изобличение лиц, виновных в их совершении, а также установление истины по делу и принятие на этой основе правильного справедливого решения) (Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 24), а не защита общества от преступлений и охрана интересов потерпевших.

Концепция реформы российского уголовного законодательства предполагала приведение последнего в соответствие с криминологической реальностью (Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право. 1992. С. 39–46). Предполагалось, что должны учитываться выявленные и прогнозируемые тенденции преступности, ее структура, новые виды, контингент преступников и т. д. (Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Указ. соч. С. 16). Внимание интересам потерпевшего Концепция не уделяла.

Авторским коллективом Академии управления МВД России в 1996 г. была разработана Концепция государственно-правовой политики в области борьбы с преступностью (Концепция государственно-правовой политики в области борьбы с преступностью : проект. М., 1996), а в 1997 г. в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации была создана теоретическая модель государственной политики борьбы с преступностью в России (Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М., 1997).

Основная цель этих теоретических разработок – борьба с преступностью. Проблема обеспечения безопасности потерпевшего в данных работах не поднималась.

Кроме того, защита интересов потерпевших не является приоритетным направлением деятельности органов внутренних дел.

2. Законодательный уровень включает в себя законодательное регулирование охраны интересов потерпевших.

В зависимости от значимости охраны интересов потерпевших для целей борьбы с преступностью можно условно выделить две группы законодательных правовых актов, обеспечивающих разработку и реализацию уголовной политики в сфере защиты интересов потерпевших:

1) международные нормативные правовые акты, некоторые из которых Российская Федерация так и не ратифицировала;

2) базовые российские нормативные правовые акты, направленные на охрану интересов потерпевших.

К первой группе относятся:

а) Конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS № 116) от 24 ноября 1983 г. (Сб. док. Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 81–85). (Россия не участвует.) Основная ее идея состоит в том, что государствам-участникам необходимо разработать и внедрить систему возмещения государством ущерба пострадавшим на той территории, где были совершены эти преступления, особенно в тех случаях, когда преступник неизвестен или не имеет средств.

б) Рекомендация № R(85)11 Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» (Совет Европы и Россия : Сб. док. М., 2004. С. 500).

В Рекомендации закреплено положение о том, что основной функцией уголовного правосудия должны быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего, а также повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию (учитывая, что цели системы уголовного правосудия традиционно выражались в терминах, которые касаются главным образом отношения между государством и правонарушителем).

в) Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. (Международные акты о правах человека : сб. док. М., 2002. С. 169–170). В Декларации сформулировано понятие «жертва», говорится о ее доступе к правосудию, справедливом с ней обращении, устанавливаются правила реституции, компенсации и социальной помощи для жертвы.

г) Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»), принятые резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1985 г. (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»), закрепили положение о необходимости реституции и компенсации потерпевшим (п. 11.4).

д) В Рекомендациях № R(2003)13 Комитета министров Совета Европы от 10 июля 2003 г. «О порядке предоставления информации о разбирательствах по уголовным делам через средства массовой информации» установлен принцип, согласно которому предоставление сведений об участниках разбирательства (в том числе и о жертве) должно уважать их право на неприкосновенность частной жизни (Там же).

е) Рекомендации № R(2005)9 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием, от 20 апреля 2005 г. устанавливают меры по защите и программы защиты свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием (Там же). В Рекомендациях указано, что принятие мер или программ по защите должно также осуществляться с учетом необходимости сохранения адекватного равновесия между принципом соблюдения прав и ожиданиями жертв (п. 9).

ж) Руководство ООН «Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений» от 22 июля 2005 г. (Там же).

Этот документ направлен на защиту детей-жертв и подростков до 18 лет, которые являются жертвами или свидетелями преступлений, независимо от их роли в соответствующем преступлении или в процессе преследования предполагаемого преступника или группы преступников (п. 9).

з) Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) от 27 января 1999 г. в ст. 22 содержит положение о том, что лица, сотрудничающие с правосудием, и свидетели подлежат эффективной и надлежащей защите (Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 26, ст. 2780).

В Конвенции закрепляются нормы, согласно которым каждое государство принимает надлежащие меры, направленные на обеспечение эффективной защиты от вероятной мести или запугивания в отношении участвующих в уголовном производстве лиц, которые дают показания в связи с преступлениями, и, в надлежащих случаях, в отношении их родственников и других близких им лиц.

и) Конвенция ООН против коррупции, принятая резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г., в ст. 32 предусматривает защиту свидетелей, экспертов и потерпевших (Там же. 2009. № 20, ст. 2394). «Каждое государство-участник принимает надлежащие меры, в соответствии со своей внутренней правовой системой и в пределах своих возможностей, с тем чтобы обеспечить эффективную защиту от вероятной мести или запугивания в отношении свидетелей и экспертов, которые дают показания в связи с преступлениями, признанными таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, и, в надлежащих случаях, в отношении их родственников и других близких им лиц».

к) Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принятая резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г. (Там же. 2004. № 40, ст. 3882). Документ закрепил положения о компенсации потерпевшим от преступления или возврате доходов от преступлений (ст. 14) и помощь потерпевшим и их защиту (ст. 25).

л) Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства, подписанное в г. Минске 28 но-

ября 2006 г. (Бюл. междунар. договоров. 2010. № 4. С. 3–11). Федеральным законом от 5 декабря 2008 г. № 275-ФЗ «О ратификации Соглашения по защите участников уголовного судопроизводства» оно было ратифицировано Российской Федерацией (Собр. законодательства Российской Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6230). В Соглашении определены перечень защищаемых лиц, в число которых входит потерпевший, меры защиты для обеспечения безопасности, в том числе и потерпевших, и компетентные государственные органы, которые в соответствии с национальным законодательством принимают решение об осуществлении мер защиты.

Таким образом, в международных документах закрепляется право потерпевшего на физическую защиту, защиту частной жизни, реституцию, компенсацию и социальную помощь, возмещение государством ущерба и внимательное отношение полиции и иных структур.

Ко второй группе, которую можно назвать базовой, относятся российские нормативные правовые акты, охраняющие интересы потерпевших:

а) Конституция Российской Федерации, закрепившая положение о том, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52).

Для реализации этого положения Основного закона в Российской Федерации для защиты потерпевших были приняты следующие законы.

б) Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (Рос. газ. 1992. 18 февр.). Прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (ст. 1); координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (ст. 8).

В органах прокуратуры в соответствии с их полномочиями разрешаются заявления, жалобы и иные обращения, содержащие сведения о нарушении законов (ст. 10). Все это позволяет говорить о том, что она является тем органом, который в первую очередь должен стоять на страже интересов потерпевшего как при рассмотрении жалоб и заявлений потерпевшего, так и при отстаивании его интересов в суде.

в) Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (Там же. 1995. 26 апр.) Впервые в 1995 г. в Российской Федерации был принят закон, направленный на защиту лиц, осуществляющих правосудие, сотрудников правоохранительных и контролирующих органов, а также их близких, при наличии угрозы посягательства на их жизнь, здоровье и имущество в связи с их служебной деятельностью, защищаю-

щий определенную категорию лиц в связи с их профессиональной деятельностью.

К видам государственной защиты в Законе отнесены меры безопасности, меры правовой защиты, меры социальной защиты.

г) Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», закрепивший положение о том, что оперативно-розыскная деятельность – это вид деятельности, осуществляемой в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1) (Там же. 18 авг.).

В частности, если будет получена оперативная информация о реальной угрозе убийства лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, то это будет являться основанием для применения к такому лицу мер безопасности.

Однако в качестве задач, определенных в ст. 2, защита участников уголовного судопроизводства не закреплена.

д) Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (Там же. 2004. 25 авг.). Этот Закон был принят через девять лет после принятия Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что уголовная политика того времени была направлена на приоритетную охрану судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов (и их близких) в связи с выполнением ими своих должностных обязанностей.

Необходимость принятия данного Закона была вызвана резко изменившимися экономическими и социально-политическими условиями жизни в современном российском обществе, эскалацией организованной и транснациональной преступности. Этот Закон заложил основы системы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

е) Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, закрепила положение о том, что главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать: «совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере» (Там же. 2009. 19 мая).

ж) Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (Там же. 2011. 8 февр.). В ст. 1 «Назначение полиции» закреплено положение о том, что полиция осуществляет государственную защиту потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц (п. 11).

з) Уголовный кодекс Российской Федерации, предусматривающий уголовно-правовую защиту интересов потерпевшего.

и) Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепивший в ст. 6, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В нем не только дается определение потерпевшего, но и сформулированы его процессуальные права и обязанности (ст. 42)¹.

Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации (ч. 3 ст. 11, п. 7 ч. 4 ст. 56, ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278) содержит нормы, обеспечивающие сохранение в тайне данных о потерпевшем или свидетеле.

к) Гражданский кодекс Российской Федерации, предусматривающий компенсационные выплаты потерпевшим от преступлений в случае причинения морального вреда (физических или нравственных страданий) (ст. 151).

3. Нормативный уровень. На данном уровне осуществляются разработка конкретных мероприятий, направленных на реализацию положений, которые установлены вышеназванными федеральными законами, определение ответственных за их проведение, выделение ресурсов на проведение мероприятий по охране потерпевших и т. п.

К таким документам можно отнести:

1) Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1996 г. № 831 «О порядке выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 31, ст. 3723).

¹ Уголовно-процессуальный аспект защиты потерпевшего достаточно хорошо изучен (Напр. : Божьев В. П. Участие потерпевшего на предварительном следствии // Рос. следователь. 2010. № 15. С. 20–22 ; Коркина И. В. Процессуальное положение потерпевшего в досудебном уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006 ; Тимошенко А. А. Сохранение в тайне данных о личности потерпевшего и свидетеля как уголовно-процессуальная мера безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006 ; Фоменко А. Н. Защита прокурором прав и законных интересов потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006 ; Шаговой В. Н. Потерпевший и жертва преступления в уголовном процессе: защита прав и их уголовно-процессуальные правонарушения : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006 ; Яни П. С. Обеспечение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995 и др.)

Порядок выдачи оружия разработан в соответствии с Федеральным законом «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и регулирует выдачу оружия, в том числе служебного или боевого, и боеприпасов к нему в качестве одной из мер обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите. В соответствии со ст. 4 оружие может выдаваться защищаемым лицам при наличии угрозы их жизни и здоровью и при условии, что применение иных мер безопасности недостаточно.

2) Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 900 «Об утверждении перечня категорий государственных и муниципальных служащих, подлежащих государственной защите» (Там же. 2005. № 2, ст. 158).

3) Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 890 «О порядке финансирования и материально-технического обеспечения мер государственной защиты, предусмотренных в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, денежное содержание которых осуществляется за счет средств федерального бюджета» (Там же, ст. 154). В документе установлен порядок финансирования и материально-технического обеспечения мер государственной защиты, который осуществляется за счет средств, выделяемых на содержание органов внутренних дел, органов Федеральной службы безопасности, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, таможенных органов, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, федеральных органов государственной охраны, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых предусмотрена военная служба.

4) Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2005 г. № 647 «О возмещении судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов или членам их семей ущерба, причиненного уничтожением или повреждением их имущества в связи со служебной деятельностью» (Там же. № 44, ст. 4568). Постановлением утверждены Правила возмещения судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов или членам их семей ущерба, причиненного уничтожением или повреждением их имущества в связи со служебной деятельностью.

Возмещению подлежит ущерб, причиненный уничтожением или повреждением имущества, принадлежащего должностному лицу или члену его семьи, в связи со служебной деятельностью должностного лица, в полном объеме, включая упущенную выгоду. В Правилах указаны органы, на которые возложено возмещение ущерба, и особенности возмещения не только ущерба, но и упущенной выгоды.

5) Постановление Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2006 г. № 200 «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в 2006–2008 годах”» (Там же. 2006. № 16, ст. 1739).

Целью Программы являлась реализация мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Программа была рассчитана на 3-летний период – с 2006 по 2008 г. Впервые в ней были определены финансовые затраты на ее реализацию, которые составили 948,72 млн руб. (в среднем немногим более 316 млн руб. на год)¹.

В Программе были перечислены ее основные мероприятия, которые включали в себя организационные мероприятия, меры по обеспечению безопасности, меры социальной поддержки.

За 2006–2008 гг. Программой было охвачено всего 3296 участников уголовного судопроизводства, или 5,5 % прогнозируемого уровня. В отношении охраняемых лиц были осуществлены 3842 меры безопасности.

6) Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2006 г. № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (Рос. газ. 2006. 10 нояб.).

Правила регулируют применение отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства органами внутренних дел Российской Федерации, органами Федеральной службы безопасности, таможенными органами Российской Федерации, учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, органами по контролю за оборотом наркотиков, а также командованием соответствующих воинских частей по находящимся в их производстве либо в производстве суда или органов прокуратуры уголовным делам. Кроме того, в Правилах предусмотрен процессуальный порядок оформления применения мер безопасности.

7) Постановление Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. № 664 «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 47, ст. 4895).

¹ Для сравнения: итальянское правительство на всевозможные мероприятия по защите свидетелей выделяет 60 млн евро; Австралия – 70 млн австралийских долл., в США на каждого из 50 тыс. лиц, проходящих свидетелями по уголовным делам, расходуют в среднем 40 тыс. долл. США.

Правила определяют размеры и порядок выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты, а в случае гибели (смерти) защищаемого лица в связи с его участием в уголовном судопроизводстве – членам семьи погибшего (умершего) и лицам, находившимся на его иждивении.

8) Постановление Правительства Российской Федерации от 3 марта 2007 г. № 134 «Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (Там же. 2007. № 11, ст. 1325).

Правила устанавливают порядок защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в соответствии с Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». К сведениям, подлежащим защите в соответствии с Правилами, относятся сведения об осуществлении государственной защиты и о защищаемом лице. Орган, осуществляющий меры безопасности, на основании постановления (определения) о применении мер безопасности, вынесенного уполномоченным органом, принимает постановление, в котором предусматриваются меры безопасности и меры по ограничению доступа к сведениям.

9) Постановление Правительства Российской Федерации от 2 октября 2009 г. № 792 «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы”» (Там же. 2009. № 41, ст. 4778).

В отличие от предыдущей программы, принятой на три года, новая Программа принята на более длительный срок – 5 лет. Она направлена на осуществление определенных Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» мер безопасности и социальной поддержки защищаемых лиц независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политических убеждений.

В ходе реализации Программы планируется применить меры государственной защиты в отношении свыше 10 тыс. участников уголовного судопроизводства.

За 11 месяцев 2009 г. за государственной защитой в правоохранительные органы обратились более 1200 свидетелей и потерпевших, а в 2008 г. таких граждан было всего 349 (Полетаев В. Милиция защитит свидетеля и потерпевшего // Рос. газ. 2009. 2 дек.).

4. **Управленческий уровень** включает в себя организацию правоприменительной практики в сфере охраны интересов потерпевших. На данном уровне разрабатываются ведомственные акты тех структурных подразделений, которые осуществляют непосредственную охрану интересов потерпевших.

К ведомственным актам, направленным на реализацию положений законов по охране интересов судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких, можно отнести:

1) Приказ ФСБ России от 22 января 2007 г. № 21 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан Российской Федерации в органах Федеральной службы безопасности» (Рос. газ. 2007. 11 апр.).

Приказ содержит общие положения по приему заявлений от граждан и правила организации приема граждан, в том числе и лиц, которые являются потерпевшими и нуждаются в защите как участники уголовного судопроизводства.

2) Приказ МВД России от 21 марта 2007 г. № 281 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких» (Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2007. № 47).

Административный регламент разработан во исполнение государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких.

В нем определен круг лиц, подлежащих защите органами внутренних дел, сроки такой охраны, права и обязанности лиц, подлежащих охране, административные процедуры.

3) Приказ ФСБ России от 3 февраля 2009 г. № 39 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по обеспечению государственной защиты потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства и их близких» (Там же. 2009. № 17).

Административный регламент утвержден в целях определения сроков и последовательности действий (административных процедур) органов Федеральной службы безопасности по обеспечению государственной защиты потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства и их

близких. В нем определены круг пользователей государственной функцией, права и обязанности лиц, подлежащих охране, структурное подразделение, осуществляющее охрану, содержится перечень мер безопасности, применяемых к охраняемому лицу.

5. **Правоприменительный уровень** включает в себя непосредственную правоприменительную деятельность должностных лиц правоохранительных органов в сфере реализации задач уголовной политики по охране интересов потерпевших.

В Российской Федерации защитой участников уголовного судопроизводства на федеральном уровне занимается самостоятельное специализированное подразделение, которое создано в структуре МВД России – Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10, ст. 1334). На региональном уровне согласно Указу Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 249 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» к полномочиям этих органов относится, в частности, обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких (Рос. газ. 2011. 1 марта).

В соответствии с Административным регламентом Федеральной службы безопасности Российской Федерации государственная охрана потерпевших исполняется 9-м Управлением ФСБ России, территориальными органами безопасности, органами безопасности в войсках и пограничными органами.

Контрольную функцию по вопросам обеспечения безопасности потерпевших выполняет специально созданная Комиссия Общественной палаты по общественному контролю за деятельностью и реформированием правоохранительных органов и судебной-правовой системы. Комиссия

1 декабря 2009 г. проводила специальные тематические слушания : «Система защиты потерпевших и свидетелей в Российской Федерации. Проблемы и перспективы», по итогам которых была принята соответствующая резолюция (Общественная палата Российской Федерации : [сайт]. URL: www.oprf.ru/files/svidetel.doc).

Проведенное исследование правового регулирования уголовной политики в сфере защиты интересов потерпевших позволяет сделать следующие выводы.

1. Проблема защиты прав потерпевших в России, как и в других странах, является одной из важных и актуальных, о чем свидетельствует принятие целого ряда международных и внутрироссийских нормативных правовых актов, направленных на защиту интересов потерпевших.

2. Отсутствие концепции уголовной политики Российской Федерации по противодействию преступности не позволяет говорить о существовании концепции охраны интересов потерпевших от преступлений. Это, однако, свидетельствует не об отсутствии концепции как таковой, а об отсутствии формально определенного документа. Отдельные положения, относящиеся к уголовной политике в сфере защиты интересов потерпевших, содержатся в вышеназванных законах, направленных на такую охрану, в других нормативных актах, а также в установках руководителей Российской Федерации.

3. Уголовная политика государства, направленная на защиту интересов потерпевших, включает в себя несколько уровней. Важно, чтобы для охраны интересов потерпевших были не только приняты соответствующие законодательные акты, но и был предусмотрен механизм их реализации.

4. С учетом положений международных конвенций по защите интересов потерпевших в Российской Федерации к 2011 г. создана нормативно-правовая база по защите интересов потерпевших. Начиная с 1995 г., на разных уровнях уголовной политики разработаны, приняты и усовершенствованы правовые основы, направленные на реализацию целей и задач уголовной политики в сфере защиты интересов потерпевших.

Библиографический список

1. Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве / П. С. Дагель // Потерпевший от преступления : темат. сб. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1974. – Т. 85.
2. Сидоренко Э. Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон / Э. Л. Сидоренко. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003.
3. Сумачев А. В. Потерпевший в уголовном праве (анализ основных проблем) : монография / А. В. Сумачев. – Нижневартовск : Нижневарт. фил. Южно-Урал. гос. ун-та, 2005.

References

1. Dagel P. S. Victim in Soviet Criminal Law / P. S. Dagel // Victim of a Crime. – Vladivostok : Far Eastern University, 1974 – Vol. 85.
2. Sidorenko E. L. Negative Behavior of Victim and Criminal Law / E. L. Sidorenko. – SPb. : Press, 2003.
3. Sumachev A. V. Victim in Criminal Law (Analysis of Basic Problems) / A. V. Sumachev. – Nizhnevartovsk : Niznevartovsk Branch of South Ural State University, 2005.

М. А. Медведев,
заместитель военного прокурора –
в/ч 56680 (г. Владимир)

M. A. Medvedev,
Deputy Military Prosecutor,
Military unit 56680 (Vladimir)

**ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ЦИФРОВОЙ ФОТОГРАФИИ
И ЦИФРОВОЙ ВИДЕОСЪЕМКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ**

**Application of Up-to-Date Forensic Digital Photography and Video in Investigating
Violent Crimes Committed by Military Personnel**

Аннотация. В статье рассмотрены основные способы фото- и видеофиксации при расследовании насильственных преступлений, совершаемых военнослужащими. Автором исследованы особенности фиксации полученных изображений на следственных действиях с использованием современной компьютерной техники.

Ключевые слова: цифровая фотография, цифровая видеосъемка, насильственные преступления.

Abstract. The paper presents basic techniques of photo and video recording of violent crimes committed by military personnel. The author has also studied peculiar features of image recording in the process of investigative activities based on the use of modern computer devices.

Key words: digital photography, digital video shooting, violent crimes.

Большинство достижений в современной науке и технике связано с появлением цифровых технологий. Криминалистика как наука, стоящая на стыке юридических и естественно-технических наук, также заинтересована во внедрении таких технологий в практику расследования преступлений. На практике следователи военных следственных отделов в условиях выездов в отдаленные воинские части неоднократно сталкивались с проблемами надлежащей фото- и видеофиксации следов насильственных преступлений (особенно связанных с причинением травм военнослужащим на местах преступлений), а также оперативного изготовления фототаблиц и других приложений к протоколам следственных действий.

Наибольший интерес вызывает возможность использования в криминалистических целях цифровой записи изображений – цифровой фотографии, которая, совершенствуясь и становясь с каждым днем все дешевле, практически вытесняет во всех областях жизни пленочную фотографию, и цифровой видеосъемки.

Преимущества **цифровой фотографии** проявились сразу. Стали не нужны длительные химические процессы проявления пленки и печати изображений на специальной фотобумаге. Важное преимущество цифровой фотографии состоит также в том, что она позволяет только что отснятый кадр сразу же посмотреть на дисплее камеры, и если он чем-то не устроил с точки зрения качества, стереть и перефотографировать. (Особенно это ценится на практике в условиях закрепления любых доказательств при расследовании преступлений, связанных с применением наси-

лия к потерпевшему, так как последний крайне неохотно поясняет о насилии, примененном к нему.) Цифровые изображения можно пересылать и копировать без какого-либо снижения качества. Печать снимков с помощью цветных фото- и лазерных принтеров, multifunctional устройств проста, удобна, фотографии могут быть изготовлены, не прибегая к помощи фотолабораторий. Перечисленные преимущества, а также то обстоятельство, что цифровой способ записи изображений не повлиял на ранее разработанные и применявшиеся на практике приемы фотосъемки, позволили поставить вопрос об использовании цифровых фотокамер для съемки при производстве следственных действий с использованием традиционных приемов и способов судебной фотографии.

Однако решение этого вопроса было в определенной степени проблематичным. Среди некоторой части юристов стало быстро распространяться мнение о том, что применять цифровую фотографию при производстве следственных действий нельзя, поскольку результаты ее использования можно подвергать с помощью специальных компьютерных программ коррективке, редактированию и монтажу, которые, с одной стороны, могут изменить первоначальную фотоинформацию, а с другой – эти изменения не могут быть выявлены при производстве экспертизы. В связи с этим делался вывод о возможности фальсификации зафиксированных с помощью цифровой записи фотоизображений методами компьютерной обработки. По мнению автора, такой вывод неверен.

Вопрос о возможности или невозможности использования цифровой фотографии в уголовном процессе необходимо рассматривать с раз-

ных сторон. Так, запись цифрового изображения на фотографии или карте (диске) памяти, которая была сделана до возбуждения уголовного дела, может быть изъята в ходе производства следствия или представлена следствию кем-либо из участников процесса в качестве иного документа или носителя цифровой информации, имеющей значение для уголовного дела. В такой ситуации их проверка, оценка и признание источником доказательства должны производиться по общим правилам оценки доказательств в уголовном процессе. Для этого могут назначаться экспертизы, проводиться допросы и другие следственные действия, которые дадут возможность исследовать и оценить цифровое изображение, а в результате – признать или не признать допустимыми доказательства, полученные с помощью цифровой фотоинформации (Антонов В. П. Применение современных технических средств при производстве расследования преступлений органами прокуратуры. М., 2006. С. 32).

Иная ситуация складывается тогда, когда цифровая запись изображения применяется как техническое средство фиксации хода и результатов следственных действий. При этом решение об использовании такого средства фиксации принимается лицом, проводящим следственное действие, а само фотографирование производится либо данным лицом, либо специалистом, привлекаемым для участия в следственном действии. Вопрос о том, возможно ли применение цифровой фотографии в качестве традиционной судебной фотографии, должен решаться, во-первых, с позиции истинности и объективности запечатления снимаемого. В этом случае цифровая фотография не вызывает сомнений, так как техническое запечатление объектов и действий происходит в цифровой камере так же, как и при съемке обычным фотоаппаратом на фотопленку. Свет, отраженный от снимаемого объекта, проходит через объектив и фокусируется в виде перевернутого оптического изображения на фокальной плоскости за объективом, где у пленочных камер расположена светочувствительная пленка, а у цифровой камеры встроен плоский светочувствительный элемент, который называется сенсор, или матрица. Цифровая фотография так же, как и обычная, объективно и точно отображает действительность, и в связи с этим может быть использована для фиксации хода и результатов следственного действия.

Во-вторых, полученное цифровое фотоизображение должно отвечать как криминалистическому, так и уголовно-правовому принципу сохранности и неизменности первоначального содержания доказательственной информации, фиксируемой при производстве следственного действия. Другими словами, информация, зафиксиро-

ванная цифровым способом, должна быть неизменной с момента съемки фотокамерой и далее на всем протяжении ее последующего хранения с материалами уголовного дела, чтобы в любой момент, на любой стадии уголовного процесса можно было обратиться к этой информации и гарантировать, что она не могла измениться ни в силу естественных, ни в силу случайных, ни в силу умышленных воздействий.

В настоящее время можно выделить два возможных пути обеспечения такой гарантии: технический и организационный.

Первый заключается в том, чтобы выбрать такой способ цифровой записи, который надежно фиксирует первоначальные информационные данные и исключает техническую возможность их изменения. Как показала практика, для криминалистических целей лучше всего подходят зеркальные цифровые фотокамеры, которые позволяют использовать сменные объективы, насадки и удлинительные кольца. При этом размер матрицы камеры должен быть не менее 5 Мпикс.

В качестве носителей цифрового изображения в фотокамерах могут быть использованы различные карты или диски памяти. Карты памяти, или флеш-карты, таких наиболее распространенных марок, как: Secure Digital, Compact Flash Type I и II, Multi Media Card, Smart Media, Memory Stick, xD-Picture Card, – являются многоразовыми, т. е. на них можно записывать, хранить и стирать записанные цифровые изображения многократно. Диски памяти марок CD и DVD могут быть одноразовыми с добавочной маркировкой –R (CD-R и DVD-R) и многоразовыми с добавочной маркировкой –RW (CD-RW и DVD-RW).

Используя тот факт, что запись на одноразовый диск является окончательной и изменить ее каким-либо способом на этом же диске невозможно, криминалисты предложили для гарантии первичной цифровой записи от изменений использовать лазерную цифровую запись фотоинформации на дисках одноразовой регистрации (Вандер М., Холопов А. Цифровая фиксация аудио- и видеoinформации // Законность. 2003. № 8. С. 28). В качестве носителя компьютерной информации предлагаются диски типа CD-R и DVD-R. Перед установкой диска в записывающую аппаратуру на диске специальным маркером делается удостоверяющая надпись с датой записи и подписями участников следственного действия. В протоколе же следственного действия указывается индивидуальный фабричный номер, который нанесен на диске в его центральной части.

По окончании съемки и демонстрации ее результатов участникам следственного действия, после подтверждения ими ее правильности в протоколе, диск упаковывают в конверт с удо-

стоверительными надписями и подписями, который печатывается и прилагается к протоколу, как ранее прилагались негативы фото пленки.

Сохранность и неизменность записи на таком CD-R (DVD-R) достигаются за счет того, что стирание, какое-либо редактирование, электронный монтаж или любое другое изменение записи на диске технически невозможны. В то же время осуществимы их неоднократная демонстрация и распечатывание с них фотоизображений.

Недостатком описанного выше метода является то, что для такой фотосъемки требуются цифровые фотоаппараты, специально приспособленные для записи непосредственно на дисковые носители типа CD-R (DVD-R) диаметром 12 см и 8 см. Таких моделей выпускается немного, между тем в большинстве цифровых фотокамер, которые обладают большими техническими возможностями, используются многоцветные накопители информации типа флеш-карт.

Представляется, что ограничивать применение цифровой аппаратуры из-за использования в них различных носителей неправильно.

Можно предложить иное техническое решение, заключающееся в том, чтобы, воспользовавшись возможностями цифровых технологий, сразу по окончании следственного действия и одновременно с составлением протокола в присутствии понятых и других участников распечатать фотографии, сделанные в ходе следственного действия. Это несложно выполнить с помощью малогабаритного цветного лазерного принтера (мультифункционального устройства) и тут же изготовить фототаблицы, которые заверить подписями военного следователя (дознателя воинской части), понятых, других участников и приложить их к протоколу следственного действия. Одновременно, чтобы не изымать карту памяти как носитель первичной информации, поскольку эта карта может быть неоднократно использована для других съемок, нужно к протоколу и фототаблицам приложить ее копию, изготовленную на одноразовом диске типа CD-R или DVD-R. Переписать информацию с цифрового фотоаппарата (а также мобильного телефона, оборудованного цифровой фотокамерой) или с карты памяти на одноразовый диск можно с помощью стационарного или переносного (ноутбука, нетбука) компьютера, которые в настоящее время входят в комплекты передвижных криминалистических лабораторий.

Хорошие технические возможности предлагает имеющийся в продаже фотокомплект «Криминалист-универсал», предназначенный для фотосъемки объектов на месте происшествия с использованием цифровых фотокамер OLIMPUS 5060, OLIMPUS 8080 и их аналогов. В состав комплекта входят: цифровая фотокамера, шта-

тив, внешняя фотовспышка, сублимационный малогабаритный фотопринтер, устройство записи на диск CD, набор пластиковых цифр и масштабных линеек с держателями. Комплект расходных материалов позволяет изготовить 108 цветных фотографий размером 10х15 см. Фотокомплект имеет аккумуляторное электропитание и зарядные устройства, чем достигается его автономность.

Выпускаются и другие современные фотокомплекты, применяющие цифровые технологии, укомплектованные другими моделями фотокамер и портативных фотопринтеров.

При отсутствии на месте проведения следственного действия и составления протокола компьютера, фотопринтера или фотокомплекта с такими техническими возможностями приходится избирать другой путь – организационный. (На практике военные следователи нередко сталкиваются с тем, что в подразделениях воинских частей такая техника отсутствует. Это же характерно и при расследовании насильственных преступлений, связанных с выездом следователя и других участников следственного действия в удаленную местность.) Сущность его заключается в том, что военный следователь с целью обеспечения гарантии неизменности первичной цифровой фотоинформации организует на основных этапах производства следственного действия ее демонстрацию понятым и другим участникам, которые в свою очередь удостоверяют факт сохранности и неизменности ее первоначального содержания в протоколе.

Для этого фотоснимки, сделанные в ходе следственного действия, после его окончания предъявляются для просмотра участниками следственного действия. Демонстрация цифровых фотографий возможна путем подключения цифровой фотокамеры к любому монитору или телевизору. Если такая возможность отсутствует, то демонстрацию можно осуществить и с помощью собственного жидкокристаллического дисплея цифровой фотокамеры. Техническую возможность такого просмотра снятого фотоизображения имеют все типы современных цифровых фотоаппаратов. Однако в этом случае просмотр приходится осуществлять на маленьком экране дисплея, что не так удобно. Тем не менее качество дисплеев современных цифровых фотокамер позволяет достаточно хорошо рассмотреть все детали изображения.

О такой демонстрации делается запись в протоколе, где указывается:

– каким способом производилась демонстрация снимков (на экране телевизора, монитора компьютера или дисплея фотокамеры); кем она осуществлялась (следователем или специалистом);

– какой тип карты памяти использовался и сколько было просмотрено снимков, запечатленных на цифровом носителе фотоаппарата;

– соответствуют ли снятые изображения тому, что было обнаружено и зафиксировано в ходе производства следственного действия;

– какие имеются по этому поводу замечания, подлежащие занесению в протокол.

После этого карта памяти (носитель цифровой информации) извлекается из фотокамеры, упаковывается в конверт или коробку, печатывается и удостоверяется подписями военного следователя, понятых, а также других участников следственного действия и прилагается к протоколу.

В дальнейшем упакованный и опечатанный носитель хранится в материалах дела. По прибытии туда, где имеется возможность изготовить с этого носителя неизменяемую копию на компакт-диске типа CD-R, распечатать фотоснимки и изготовить фототаблицы, военный следователь (дознаватель воинской части) должен пригласить понятых (желательно тех же, что участвовали при съемке в ходе следственного действия), которым объявляется, что в их присутствии будут осуществлены осмотр карты памяти, изъятной с места происшествия и изготовление с нее копии на одноразовом диске и фотоснимков для фототаблиц. Данная процедура начинается с осмотра упаковки на предмет ее целостности и невозможности извлечь из нее носитель без нарушения ее целостности. Потом упаковка вскрывается и достается карта памяти. Она вставляется в фотопринтер для изготовления снимков на бумаге, которые затем наклеиваются на фототаблицы. После изготовления снимков карта памяти, если нет возможности перезаписать его на одноразовый диск, вновь упаковывается и печатывается для дальнейшего хранения в материалах дела. Если есть возможность переписать информацию на одноразовый диск с помощью компьютера, то это осуществляется также в присутствии понятых, о чем в протоколе делается запись.

При этом должно соблюдаться основное требование – все случаи работы с носителем (вскрытие его упаковки, осмотр и остальные манипуляции с ним, проводимые для изготовления снимков, перезапись на одноразовый диск и его повторная упаковка) должны производиться как дополнительный осмотр в присутствии понятых, о чем составляется отдельный протокол.

Таким образом, достигается возможность законного и гарантированного использования возможностей цифровой фотографии в криминалистических целях при производстве следственных действий.

Нужно отметить, что все приемы и методы, разработанные в судебной фотографии, для цифровой фотосъемки остаются такими же, как для

обычной пленочной фотоаппаратуры, без каких-либо изменений.

В то же время возможности судебной фотографии с приходом цифровой фотосъемки значительно расширяются. Достаточно обратиться к успешному опыту ряда зарубежных стран, использующих новый способ фиксации обстановки и ее деталей на месте происшествия. Результат такой фотосъемки позволяет создать на экране виртуальную зрительную модель места происшествия, по которой можно буквально путешествовать: заходить в разные помещения, увеличивать изображение предметов, осматривать их с разных сторон, видеть в деталях все то, что обнаруживалось в ходе осмотра на полу, стенах, потолке и т. д.

Суть этого способа состоит в том, что на месте происшествия делаются снимки цифровой фотокамерой, снабженной специальным панорамным фотообъективом «Рыбий глаз», с обзором 180°. Камера устанавливается на панорамную головку штатива, и последовательно делаются шаровые (сферические) панорамные снимки с разных точек места происшествия. Затем цифровые изображения загружаются в компьютер, где с помощью интерактивной программы CSVT Sticher, входящей в систему Crime Scene Virtual Tour, монтируются в виртуальную модель запечатленного пространства и его деталей.

Ценность полученной виртуальной модели состоит в том, что она позволяет неоднократно возвращаться к обстановке места происшествия, повторно осматривать, реконструировать ситуации, использовать при производстве экспертиз, при допросах и других следственных действиях. Демонстрация виртуальной модели и «путешествие» по месту происшествия успешно используется в суде присяжных, где последние наглядно могут увидеть и оценить последствия преступных действий подсудимого на большом проекционном экране прямо в зале суда.

Данная система достаточно проста. Технические аксессуары имеются в широкой продаже, требуются только приобретение компьютерной программы и соответствующая подготовка специалиста для работы с ней.

Видеосъемка более 30 лет успешно применяется как средство фиксации хода и результатов следственных действий. Почти полностью вытеснив киносъемку, видеозапись продолжает развиваться как технико-криминалистическое средство. Криминалистика и следственная практика выработали научно-практические рекомендации по применению видеозаписи, которая прямо упоминается в УПК РФ как техническое средство фиксации при проведении расследования. В соответствии с этими рекомендациями видеозапись может применяться при проведении

всех видов следственных действий, повышая объективность и наглядность доказательственной и ориентирующей информации. Вместе с этим следует назвать те следственные ситуации, когда видеозапись играет не просто важную, а незаменимую роль, и отказ от нее может значительно повлиять на полноту и объективность расследования. К таким ситуациям относятся:

- допрос и запись показаний лиц, которых впоследствии будет невозможно дополнительно допросить и вызвать в суд. Это могут быть тяжело раненые, травмированные военнослужащие, иные больные лица, граждане, уезжающие к удаленному месту своего жительства, и т. п.;

- запись показаний при допросе лиц, не владеющих языком судопроизводства, с переводчиком, в том числе с сурдопереводчиком при допросе глухонемых;

- запись показаний лиц при проведении очной ставки, особенно если она проводится при опасности сговора, угроз и других конфликтных ситуациях (характерно при расследовании практически всех насильственных преступлений);

- запись показаний малолетних свидетелей и потерпевших, чтобы устранить какие-либо сомнения в том, что они подвергались на допросе какому-либо влиянию, а также для того, чтобы не травмировать их затем вызовом и повторным допросом в суде;

- запись признательных показаний при явке с повинной, а также добровольных, свободных признательных показаний подозреваемого (обвиняемого). Такие видеозаписи наглядно демонстрируют обстановку допроса, свободный рассказ допрашиваемого, отсутствие какого-либо давления и принуждения (Антонов В. П. Указ. соч. С. 41).

Видеозапись незаменима для фиксации динамики действий при производстве следственных экспериментов и проверок показаний на месте. Так, при совершении насильственных действий потерпевший может не помнить непосредственно участок местности либо конкретное место в помещении, где совершено в отношении его преступление. Кроме того, потерпевший может неточно описать динамику самого преступления (количество ударов по телу, способы захвата, удержания и т. п.). Наиболее точно воспроизводятся обстоятельства преступления непосредственно на месте совершенного насилия, где поэтапно воспроизводится весь механизм примененного насилия. Особенно незаменимо применение видеозаписи с помощью статистов при массовых драках, большом количестве виновных лиц и потерпевших. Данные следственные действия с применением видеозаписи наиболее точно воспроизводят роль каждого лица, совершившего преступление.

Сегодня для цифровой видеосъемки в ходе производства следственных действий чаще всего используются переносные видеокамеры – комкодеры зарубежного производства, осуществляющие синхронную запись цветного изображения и звука в цифровом режиме на носители компьютерной информации (CD и DVD-диски, mini-DV, флеш-карты, чипы и др.).

Все современные видеокамеры снабжены вариобъективами, или трансфокаторами (ZOOM), позволяющими совершать «наезд» и «отъезд», плавно менять съемочный план от общего до крупного. Некоторые цифровые видеокамеры снабжены дополнительной функцией остановки и съемки отдельного кадра (на флеш-карту *memori stick* или SD), как фотографии.

Во всех современных видеокамерах имеются таймеры, записывающие в снимаемый кадр, а затем показывающие при демонстрации на экране текущие год, месяц, число и время на момент съемки. Видеокамеры не критичны к освещению и позволяют снимать с хорошим качеством при слабом освещении, а при наличии инфракрасной подсветки – в полной темноте. Процесс съемки максимально автоматизирован, не требует наводки на резкость, выбора экспозиции при изменении освещения и др.

Для просмотра сделанной видеозаписи используют телевизоры и телемониторы. Цифровые видеозаписи можно также просматривать на экране монитора компьютера. На многих видеокамерах имеется откидывающийся встроенный экран – дисплей, на котором также можно просматривать сделанную видеозапись.

Видеосъемку обычно применяют так же, как и фотографирование, для ориентирующего, обзорного, узлового и детального запечатления обстановки, а также внешних признаков предметов и следов. Кроме того, видеозапись позволяет при необходимости зафиксировать динамику действий участников осмотра, производимых в ходе поиска, выявления, измерения и предварительного исследования предметов и следов, а также их изъятия и упаковки.

Для решения этих задач видеозапись производится общим, средним, крупным и детальным планами.

Во всех случаях, независимо от того, в каком объеме будет производиться съемка, видеозапись – это приложение к протоколу и всегда должна иметь типовые начало и окончание.

Для типового начала в первых кадрах, сразу после включения видеокамеры на запись, должны быть сняты следователь и участвующие лица: понятые, эксперты, специалисты и др. Следователь военного следственного отдела (дознатель воинской части) объявляет место и дату производства следственного действия, текущее время начала

съемки (включения камеры на запись) с точностью до минуты и представляет лиц, участвующих в осмотре. В ходе представления одновременно со съемкой каждого участника объявляется его фамилия, имя и отчество. В процессе представления можно запечатлеть факт разъяснения следователем участникам следственного действия их прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ. Однако, как правило, такие права и обязанности бывают уже разъяснены еще до начала съемки, и следователь может только объявить о том, что участникам были разъяснены их права и обязанности, и попросить каждого из них ответить под видеозапись на вопрос: «Понятны участникам осмотра разъясненные им права и обязанности?».

Далее следователь (дознатель) должен объявить о том, что специалистом (его должностное положение, фамилия, имя и отчество) будет производиться видеосъемка, и привести название и технические данные аппаратуры, с помощью которой она будет осуществляться.

После включения камеры для съемки типового окончания видеозаписи следователь в кадре вместе с участниками осмотра должен огласить текущее время и объявить, что видеозапись заканчивается и сейчас она будет представлена для просмотра всем лицам, участвовавшим в следственном действии. После просмотра видеозаписи камера включается снова, следователь объявляет текущее время и обращается к участникам: «Вы просмотрели видеозапись, произведенную в ходе следственного действия. Все ли соответствует тому, что происходило при производстве следственного действия? Имеются ли замечания для занесения в протокол?». Ответы каждого участника снимаются видеокамерой, после чего следователь еще раз называет текущее время и объявляет видеозапись оконченной.

Главной особенностью видеосъемки в ходе производства следственного действия является то, что съемка должна вестись по возможности непрерывно большими монтажными кусками. Каждое включение на запись и выключение камеры должны оговариваться с объявлением текущего времени. Содержание монтажных кусков, находящихся между типовыми началом и окончанием видеозаписи, зависит от того, какое производится следственное действие. Так, при осмотре места происшествия в них могут быть запечатлены:

- расположение места происшествия на участке местности, в населенном пункте, в здании, помещении казармы и т. п. с тем, чтобы показать, где находится место происшествия в окружающей обстановке;

- обстановка и объекты в границах места происшествия для того, чтобы можно было ориентироваться на месте происшествия;

- отдельные объекты места происшествия, например: труп, взломанная входная дверь, очаг пожара или центр взрыва, участок дорожного покрытия со следами транспорта, перевернутый автомобиль и т. п.;

- детали обстановки и признаки предметов и следов, обнаруженных в ходе осмотра;

- действия участников осмотра по выявлению следов, их изъятию, предварительному исследованию. Например, может быть снято, как производились измерения на месте происшествия, как применялась специалистом-кинологом служебно-розыскная собака и др.

- количество и внешний вид упаковок изъятого с места происшествия, печатей и удостоверительных надписей на них.

Каждый монтажный кусок должен сопровождаться записью звукового комментария военного следователя (дознателя воинской части) или эксперта (специалиста), участника осмотра с объяснением того, что было снято.

При видеосъемке деталей и признаков рядом со снимаемым объектом нужно разместить масштабную линейку и производить съемку, соблюдая правила детальной масштабной фотосъемки. Если требуется точная фиксация цвета снимаемого объекта, рядом с ним следует положить нейтрально-серую шкалу. С этих кадров впоследствии можно будет изготовить фотоснимки и фототаблицы. Все указанные действия, связанные с видеозаписью, должны быть описаны в протоколе. Здесь же делается запись об изъятии носителя цифровой видеозаписи с подлинником видеозаписи для приобщения к протоколу осмотра места происшествия, во время производства которого она была снята. В протоколе указывается, какие признаки и особенности имеет изъятый носитель компьютерной информации, как произведена упаковка, какой печатью она опечатана и подписями каких участников осмотра удостоверена. На упаковке обязательно должна быть сделана надпись о том, что в ней упакован подлинник видеозаписи на носителе видеoinформации (марка носителя), сделанной при осмотре места происшествия по уголовному делу №... с указанием даты.

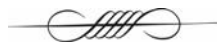
Иногда в ходе расследования возникает необходимость вернуться к видеозаписи, повторно ее просмотреть, сделать с отдельных кадров фотоснимки на бумаге, реконструировать по записи место происшествия, опознать местность или помещения, подробнее рассмотреть какие-либо узлы, детали и др. С этой целью необходимо каждый раз в присутствии понятых вскрывать упаковку с подлинником видеозаписи. После работы с видеозаписью нужно составлять протокол дополнительного осмотра, а затем снова ее упаковывать и опечатывать для хранения при уголов-

ном деле. Для того чтобы не вскрывать упаковку с подлинником в тех случаях, когда это требуется в интересах следствия, можно рекомендовать изготовить рабочую копию видеозаписи. В этих целях в соответствии со ст. 177 УПК РФ с участием понятых и специалиста проводится осмотр упаковки подлинника видеозаписи, изъятой с места происшествия. Упаковка внимательно осматривается, и в протоколе осмотра отмечается: цела ли упаковка и можно ли извлечь из нее носитель цифровой информации с подлинником видеозаписи без нарушения ее целостности. После фиксации этого обстоятельства упаковка вскрывается. Подлинник видеозаписи с помощью компьютера или видеомонитора (телевизора) просматривается с одновременным изготовлением копии. Сразу после изготовления копии подлинник видеозаписи вновь упаковывается, надписывается, опечатывается и удостоверяется подписями военного следователя (дознателя воинской части) и участников этого дополнительного осмотра. Обо всех действиях в ходе данного осмотра и факте изготовления копии видеозаписи составляется протокол. Заново упакованный подлинник видеозаписи является приложением к протоколу осмотра места происшествия, во время которого была сделана эта запись,

хранится при деле и передается вместе с ним в суд. Рабочая же копия может использоваться для текущих надобностей.

Расследование насильственных преступлений в современных условиях прохождения военной службы требует тщательного планирования и производства следственных действий, что обуславливает и надлежащее использование цифровой фотографии и цифровой видеозаписи. Особенно наглядны приложения к протоколам следственных действий при разбирательстве уголовных дел, оглашении и исследовании указанных доказательств участниками уголовного процесса в судебных заседаниях. Фото- и видеофиксация при производстве следственных действий – надежный инструментальный в руках следователя при собирании доказательств.

Развитие цифровых технологий значительно упростило процесс изготовления фото- и видеоприложений к протоколам следственных действий, повысило качество изображений данных материалов. Полученные результаты судебной цифровой фотографии и цифровой видеосъемки можно широко использовать не только при расследовании насильственных преступлений, но и всех категорий преступлений.

Библиографический список

1. Антонов В. П. Применение современных технических средств при производстве расследования преступлений органами прокуратуры / В. П. Антонов. – М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре Рос. Федерации, 2006.
2. Вандер М. Цифровая фиксация аудио- и видеоинформации / М. Вандер, А. Холопов // Законность. – 2003. – № 8.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г.] // Рос. газ. – 2001. – 22 дек. ; 2011. – 15, 26 июля.

References

1. Antonov V. P. Use of Up-to-Date Technical Means while Investigating Crimes by Prosecution Bodies / V. P. Antonov. – M. : Research Institute for Problems of Reinforcing Law and Order in Russian Prosecutor General's Office, 2006.
2. Vander M. Digital Recording of Audio- and Video Information / M. Vander, A. Kholopov // Zakonnost. – 2003. – № 8.
3. Criminal Procedural Code of the Russian Federation [Adopted by the State Duma of Nov. 22, 2001 : Approved by the Council of Federation of Dec. 5., 2001] // Rossiyskaya Gazeta. – 2001. – Dec. 22 ; 2011. – July 15, 26.

В. В. Медведева,
преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

V. V. Medvedeva,
Lecturer of the Department
of Civil Law Studies
of VLI of the FPS of Russia

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ НА ЭТАПЕ ПРИЕМА И РАЗРЕШЕНИЯ
ЗАЯВЛЕНИЯ И СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ**

**Legal Status of Claimant at the Stage of Reception and Permission
of a Statement and Report on Crime**

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам, касающимся участия заявителя на этапе проверки сообщения о преступлении в правоохранительных органах.

Автор делает вывод, что в настоящее время в российском законодательстве отсутствует четкое закрепление правового статуса заявителя как участника уголовного судопроизводства, а также недостаточно четко закреплены его права на защиту на стадии проверки сообщения о преступлении, а это ведет к нарушениям, допускаемым должностными лицами, осуществляющими проверку по заявлению.

Ключевые слова: заявитель, сообщение о преступлении, прием, защита прав, помощь адвоката, правоохранительные органы.

Abstract. The article is devoted to problem issues concerning the claimant's participation at the stage of checking a crime report in law enforcement bodies.

The author draws the conclusion that currently there is no direct securing of the legal status of the claimant as a participant of the criminal court proceedings in Russian legislation. Moreover, their rights for protection at the stage of checking a report on crime are not clearly defined and that leads to breaches conducted by officials that are checking the reports.

Key words: claimant, report on crime, reception, protection of the rights, assistance of a lawyer, law enforcement bodies

Одна из основных целей проводимой в современный период в России судебно-правовой реформы – повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, в функции которых входят не только быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, но и защита прав и свобод гражданина, вовлеченного в уголовное судопроизводство. Следовательно, правоприменитель в процессе осуществления своих полномочий обязан создать такие условия, которые позволяли бы участникам уголовного судопроизводства реализовать гарантированные права с учетом их процессуального положения.

Уголовный процесс начинается с момента поступления в правоохранительные органы заявления (сообщения) о совершенном или готовящемся преступлении. Лицо, подавшее заявление, именуется заявителем. Вступая в уголовно-процессуальные отношения в стадии возбуждения уголовного дела, заявитель приобретает статус участника уголовного судопроизводства (п. 58 ст. 5 УПК РФ). Однако во II разделе УПК РФ такого участника нет. Не раскрывает понятие «заявитель» и ст. 5 УПК РФ.

Тем не менее законодатель наделил заявителя некоторыми правами. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 141 УПК РФ заявителю предоставлено право подачи заявления как в письменном, так и в устном виде. Часть 4 ст. 144 УПК РФ гарантирует,

что после принятия заявления заявителю выдается документ с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия. То есть заявителю предоставлено право на получение уведомления о принятии и регистрации заявления. Аналогичную норму содержат ведомственные приказы (Напр.: О едином учете преступлений : приказ Генер. прокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 дек. 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 // Рос. газ. 2006. 25 янв. ; Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях : приказ МВД России от 4 мая 2010 г. № 333 // Там же. 2010. 25 июня ; Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иных происшествиях в органах Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий : приказ МЧС России от 2 мая 2006 г. № 270 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2006. № 25 и др.).

Статьи 145–148 УПК РФ предоставляют заявителю право на получение уведомления о принятом решении, разъясняют права и порядок обжалования данного решения, а ст. 123 УПК РФ –

право на обжалование решения, принятого по заявлению.

Указанный перечень прав, предоставленных заявителю, является на данный момент исчерпывающим. Однако, на наш взгляд, этого явно недостаточно для защиты прав и законных интересов заявителя на этапе доследственной проверки. Для создания заявителю условий, позволяющих реализовать в полном объеме права в стадии возбуждения уголовного дела, следует определить в уголовном судопроизводстве его правовой статус, а также процессуальный механизм обеспечения прав заявителя, являющегося участником уголовного судопроизводства.

Анализ норм УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель выделяет таких субъектов, как заявитель (например, ст. 141, ч. 4 ст. 144, ч. 2 ст. 145, ч. 4 ст. 146 и др.) и заявитель-потерпевший или его законный представитель (например, ст. 20, ч. 6 ст. 144, ст. 147 и др.).

Понятие «заявитель» включает в себя как любое лицо, подавшее заявление, так и пострадавшего, обратившегося с заявлением. Поскольку потерпевший и законные представители как участники уголовного судопроизводства появляются лишь после возбуждения уголовного дела, то целесообразно говорить в ст. 20, ч. 6 ст. 146, 147, 318 УПК РФ и других о волеизъявлении лица, которое предполагает, что ему причинен вред преступным деянием. Об этом же речь идет и в других федеральных законах (Напр.: О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // Парламент. газ. 2004. 25 авг.). Таким образом, законодатель дифференцирует заявителей на обычных граждан и пострадавших, используя такой материальный признак, как совершение в отношении последних преступного деяния, которые в дальнейшем могут быть признаны потерпевшими по возбужденному уголовному делу.

Существующее процессуальное положение заявителя-гражданина можно признать достаточным.

В ситуации с заявителем-пострадавшим оно не отвечает интересам личности, так как заявитель-пострадавший не наделен правом участия в проверке по сообщенным им обстоятельствам, а следовательно, не может предпринимать при этом активных действий. Между тем в отдельных случаях такое право является крайне необходимым, поскольку от результатов проверочных действий в большей степени зависит, будет ли возбуждено уголовное дело, или последует отказ в его возбуждении.

Заявитель как минимум должен иметь право: на немедленную регистрацию своего заявления; представление доказательств в подтверждение

своего заявления; принятие участия в процессе определения размера ущерба и представление соответствующих документов, позволяющих делать вывод о значимости для него причиненного ущерба; заявление ходатайств и обжалование действий, осуществляемых должностными лицами в ходе проверки заявления; незамедлительное рассмотрение и разрешение жалобы; выдвижение требования о признании его потерпевшим и др. Однако закон не наделяет такими правами заявителя, а позволяет лишь обжалование им уже принятого компетентными органами решения. Если пострадавший не согласился с выводами о размере и значении ущерба (что повлекло отказ в возбуждении уголовного дела) и обжаловал решение, принятое следователем или органом дознания, вся процедура проверки в случае признания решения незаконным и необоснованным, по сути дела, должна производиться заново. Это влечет затягивание срока принятия объективного решения и способствует утрате важных доказательств, что отрицательно сказывается на законности и обоснованности последующих решений.

В связи с вышеизложенным полагаем целесообразным внести дополнения в ст. 5 УПК РФ, включив заявителя в перечень основных понятий, используемых в УПК РФ, а также во II раздел «Участники уголовного судопроизводства» УПК РФ, дополнив его статьей, регламентирующей процессуальное положение заявителя. Данные дополнения послужат процессуальному закреплению статуса заявителя, а следовательно, его прав и обязанностей как полноправного участника процесса.

Следующим вопросом, касающимся обеспечения прав заявителя, является участие защитника в стадии возбуждения уголовного дела.

Важная роль в обеспечении прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц принадлежит адвокату, призванному оказывать квалифицированную юридическую помощь. По данным проведенного нами анкетирования, 75,5 % от общего числа респондентов считают возможным участие адвоката в стадии возбуждения уголовного дела с момента регистрации заявления о преступлении. Однако на вопрос: «Допускался ли Вами адвокат – представитель лица, от которого получалось объяснение (заявление)?» – положительно ответили 8 % опрошенных.

Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации является актом прямого действия, положения ее ст. 48, гарантирующие, что каждый гражданин имеет право на получение квалифицированной юридической помощи, не обеспечиваются должностными лицами при проверке сообщений о преступлениях. На практике мы встречаемся с тем, что законодательные нормы не работают. Это является еще одним свидетельством необходимо-

сти урегулирования процессуального статуса заявителя и определения его прав.

Другим примером может служить процедура получения объяснений, являющегося самым распространенным на практике действием при проверке сообщения о преступлении. По нашему мнению, проверка заявления о совершенном или готовящемся преступлении невозможна без получения объяснений с заявителя, роль которого может выполнить очевидец либо пострадавший от противоправных действий. Как показывает практика, в некоторых случаях пострадавший отказывается от своего заявления привлечь лицо, совершившее в отношении его преступление, к уголовной ответственности. Причиной тому очень часто служат как уговоры должностных лиц, осуществляющих проверку по заявлению, так и просьбы или угрозы со стороны родственников и самого виновного. В связи с этим важную роль играют объяснения, которые, как правило, получают сразу же после совершения преступления.

В настоящее время до сих пор остается актуальным высказывание Н. П. Кузнецова о том, что основная ценность объяснений заключается в том, что их получают сразу после совершения преступления или в течение непродолжительного срока с момента его совершения. И хотя объяснения лишены процессуальной формы допроса, они, как правило, достоверны, поскольку лицо, их дающее, еще не подвержено возможному влиянию заинтересованных в исходе проверки лиц, а детали происшедшего еще свежи в его памяти (Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. С. 128). При этом, как представляется, дача объяснения – это, прежде всего, реализация права лица предоставлять сведения, которые могут иметь значение при проверке заявления о преступлении, возможность формулировать свое мнение и позицию по отдельным вопросам и т. д.

Вместе с тем в УПК РФ и Федеральном законе «О полиции», в отличие от УПК РСФСР 1960 г. и Закона Российской Федерации «О милиции», такого проверочного действия, как получение объяснения, не содержится. Соответственно отсутствует и его правовое регулирование, что определяет постановку вопроса о праве гражданина отказаться от явки к должностному лицу, осуществляющему проверку по заявлению, а также от дачи объяснений. Вместе с тем для того чтобы лицо могло отказаться от явки либо от дачи объяснений, оно должно быть проинформировано об этом своем праве. Отсутствие нормативной обязанности уполномоченных должностных лиц давать эти разъяснения, а соответственно и ответственности за неисполнение указанной обязанности, как отмечает О. В. Гладышева, приводит в большинстве случаев к несправедли-

вым решениям относительно граждан, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. При общей низкой правовой культуре населения, отсутствии справедливого подхода со стороны органов досудебного производства граждане могут оказаться в ситуации, когда они не способны к осуществлению своих прав в силу их незнания либо непонимания (Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 294).

На практике нередки случаи, когда получают объяснения в ночное время. Это чаще всего продиктовано необходимостью скорейшего раскрытия преступления и изобличения виновных. При этом лица, осуществляющие данные проверочные действия, не обязаны объяснять причину получения объяснения именно в ночное время. Продолжительность опроса также не регламентирована законом. Отсутствует и нормативное указание на лиц, имеющих право присутствовать при получении объяснений (Гладышева О. В. О совершенствовании правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела // Рос. юрид. журн. 2008. № 1. С. 126).

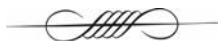
Решение проблемы законности получения объяснений в стадии возбуждения уголовного дела видится в необходимости предоставления органу дознания, дознавателю, следователю, руководителю следственного органа права получения объяснений при проверке сообщения о преступлении, внесения соответствующие дополнения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. В этом случае заявитель сможет привести доводы в защиту своих прав и законных интересов уже на этом этапе рассмотрения сообщения о преступлении.

Следует также допустить адвоката к процедуре получения объяснений и наделить его правами, аналогичными при таком следственном действии, как допрос свидетеля: давать в присутствии следователя (дознавателя) краткие консультации, задавать с разрешения следователя (дознавателя) вопросы, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе получения объяснения.

Для того чтобы гарантировать заявителю и лицу, привлекаемому для получения объяснений, соблюдение их прав при приеме и проверке заявления о преступлении, полагаем целесообразным закрепить в УПК РФ статус адвоката, введя отдельную статью во II раздел «Участники уголовного судопроизводства». В ней, в числе прочих, следует предусмотреть право адвоката давать консультации заявителю при подаче и проверке заявления о преступлении, а также представлять интересы заявителя в случае обжалования действий или бездействия, в том числе решений органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора.

Таким образом, анализ нормативных предписаний стадии возбуждения уголовного дела убеждает в том, что необходимость в получении квалифицированной юридической помощи возникает уже на первоначальном этапе уголовного судопроизводства в различных формах: при заявлении о преступлении, в случае получения объяснения, а также при производстве допускаемых здесь следственных и процессуальных действий.

Мы надеемся, что наши предложения по расширению прав заявителя на этапе приема и разрешения заявления и сообщения о преступлении позволят, с одной стороны, сократить количество необоснованных и незаконных отказов в принятии заявлений, сообщений о преступлении, в регистрации преступления и в возбуждении уголовного дела, а с другой – повысить объективность действий должностных лиц по принятию подобных процессуальных решений.

Библиографический список

1. *Гладышева О. В.* Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Гладышева Ольга Владимировна. – Краснодар, 2009.
2. *Гладышева О. В.* О совершенствовании правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела / О. В. Гладышева // Рос. юрид. журн. – 2008. – № 1.
3. *Кузнецов Н. П.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела / Н. П. Кузнецов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1983.

References

1. *Gladysheva O. V.* Justice and Legality in the Criminal Procedure of the Russian Federation / Gladysheva Olga Vladimirovna. – Krasnodar, 2009.
2. *Gladysheva O. V.* On Improvement of Legal Regulation of the Stage of Excitation of a Criminal Case / O. V. Gladysheva // Russian Journal of Law. – 2008. – № 1.
3. *Kuznetsov N. P.* Proof at the Stage of Excitation of a Criminal Case / N. P. Kuznetsov. – Voronezh : Voronezh State University, 1983.

А. П. Меркулова,
адъюнкт кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России

A. P. Merkulova,
post-graduate student
of the Department of State and Law Studies
of the Academy of Management
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ**

**Some Aspects of Legal Regulation of Mechanism of Implementing State Policy
of the Russian Federation on Compatriots Abroad**

Аннотация. В статье раскрывается содержание правового регулирования реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом. Освещаются основные проблемы данного регулирования и возможные пути их решения.

Ключевые слова: соотечественник, политика, правовое регулирование, механизм.

Abstract. The article reveals the content of the legal regulation of implementing the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad. The main problems of the above-mentioned regulation are features and possible ways of their solution are offered.

Key words: compatriot, policy, legal regulation, mechanism.

Государственная политика России в отношении соотечественников за рубежом имеет смысл лишь в условиях ее эффективной реализации. Декларативность правового регулирования и его необеспеченность полноценным механизмом воплощения в практическую действительность приводит к весьма негативным юридическим результатам (Титенко Ю. А. Принципы, виды и механизм реализации российской правовой политики: общетеоретический аспект : автореф. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 12). В связи с этим перед конституционно-правовой наукой ставится задача разработки действенного, реально функционирующего механизма реализации государственной политики в отношении зарубежной диаспоры (Иоффе М. Конституционно-правовой механизм реализации и защиты прав российских соотечественников // Право и жизнь. 2009. № 1. С. 84–92). В самом общем виде этот механизм, на наш взгляд, включает в себя следующие компоненты:

– во-первых, правовое регулирование общественных отношений, складывающихся в процессе обеспечения прав и законных интересов зарубежных соотечественников;

– во-вторых, исполнительно-распорядительная деятельность уполномоченных органов общей и специальной компетенции;

– в-третьих, прокурорский надзор за соблюдением законодательства в сфере обеспечения прав зарубежных соотечественников;

– в-четвертых, судебная защита нарушенных прав субъектов данных правоотношений;

– в-пятых, дипломатические формы взаимодействия Российской Федерации с зарубежными странами, в которых проживает значительное число россиян.

В настоящей статье мы рассмотрим один из элементов механизма реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом – его правовое регулирование. Данный выбор обусловлен тем, что именно этот компонент, на наш взгляд, составляет основу механизма реализации государственной политики, без которого невозможна ни исполнительно-распорядительная деятельность, ни дальнейший прокурорский надзор и судебная защита, ни реализация дипломатических форм взаимодействия Российской Федерации с зарубежными странами, в которых проживают наши соотечественники.

В условиях федеративной формы государственного устройства и самостоятельного местного самоуправления механизм правового регулирования поддержки зарубежных соотечественников не может исчерпываться лишь федеральным законодательством. Значительный регулятивный потенциал складывается, с одной стороны, в подзаконном нормативно-правовом регулировании на уровне федеральной власти (Сеидов М. Ш. Подзаконные нормативные акты в системе источников права и правового регулирования // История, теория и практика правового регулирования. Владимир, 2008. С. 126), с другой – в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях (Липатов Э. Г. Правотворчество органов власти субъектов Российской Федерации – качественная характеристика субъектов Рос-

сийской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2. С. 35), которые должны иметь определенные полномочия по поддержке зарубежных соотечественников, находящихся на территории Российской Федерации. При этом поддержка зарубежной диаспоры, пребывающей за пределами территории нашего государства, по общему правилу не должна возлагаться на субъекты Федерации и муниципальные образования за исключением случаев, когда данные территориальные образования расположены на приграничных территориях. Иное нарушало бы общепринятый принцип субсидиарности, согласно которому властные полномочия и публично значимые функции должны возлагаться на тот уровень или орган власти, который способен их реализовать наиболее эффективным образом (Гаганова Н. А. Концепция разделения властей и идея субсидиарности // Государство и право. 2003. № 3. С. 88–91).

В Конституции Российской Федерации нет какого-либо упоминания о государственной политике в отношении соотечественников за рубежом. Вместе с тем ряд правовых норм, взаимосвязанных с данной проблемой, содержится в ст. 61–63 Основного закона, согласно которым:

- Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами;

- допускается двойное гражданство;

- по общему правилу иностранные граждане и лица без гражданства в Российской Федерации пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами России;

- Российская Федерация представляет политическое убежище в соответствии с международным правом;

- ограничивается режим выдачи иностранным государствам преследуемых, обвиняемых и осужденных лиц.

Важнейшее значение для реализации государственной политики в отношении зарубежных соотечественников имеет ч. 2 ст. 27 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждый может свободно выезжать за пределы России, в то время как граждане Российской Федерации имеют право беспрепятственно возвращаться в свою страну.

Кроме Федерального закона от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (Рос. газ. 1999. 1 июня), на законодательном уровне проблема поддержки зарубежной диаспоры в прямой постановке нашла свое выражение лишь в Основах законодательства Российской Федерации о культуре, утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 9 октября 1992 г. Статья 58 данного нормативно-

го правового акта гласит: «Российская Федерация содействует развитию российской культуры за рубежом, поддерживая связи с зарубежными соотечественниками и их потомками, организуя культурные центры, сотрудничая с землячествами, проводя совместные культурные мероприятия. Государство создает условия для возвращения на Родину уехавших деятелей культуры» (Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1992. № 46, ст. 2615 ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 19, ст. 2291).

Несмотря на то, что приведенная формулировка закона имеет общий вид, нельзя не отметить ее значение для определения приоритетов государственной политики в области культуры. К сожалению, аналогичные нормы отсутствуют: в Законе Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (в ред. от 2 февраля 2011 г.) «Об образовании» (Рос. газ. 1992. 31 июля ; 2011. 4 февр.) ; Федеральном законе от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ (в ред. от 2 февраля 2011 г.) «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (Там же. 1996. 29 авг. ; 2011. 4 февр.) ; Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 22 июля 1993 г. (в ред. от 28 сентября 2010 г.) (Рос. вести. 1993. 9 сент. ; Рос. газ. 2010. 30 сент.) ; Федеральном законе от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (в ред. от 23 февраля 2011 г.) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (Рос. газ. 2007. 8 дек. ; 2011. 25 февр.) и ряде других актов.

Таким образом, вышеприведенный перечень нормативных правовых актов, на наш взгляд, свидетельствует о существовании явных пробелов в законодательном регулировании общественных отношений по обеспечению прав и законных интересов зарубежных соотечественников. Соответствующие статьи Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» должны находить развернутое выражение в специальных отраслевых законодательных актах, регулирующих адекватные группы общественных отношений, закрепляя конкретные полномочия государственных органов и органов местного самоуправления, права и обязанности физических лиц и организаций, надлежащие юридические процедуры. При современном же состоянии федерального законодательства складывается впечатление, что поддержка соотечественников за рубежом требуется лишь в сфере культуры и не является необходимой в здравоохранении, образовании, спорте.

Другой пробел в правовом регулировании рассматриваемой группы общественных отношений заключается в отсутствии полноценного

механизма разграничения предметов ведения и полномочий в области защиты соотечественников за рубежом. Соответствующих норм нет в федеральных законах: от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2010 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005 ; Рос. газ. 2010. 31 дек.) ; от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 20 марта 2011 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Парламент. газ. 2003. 8 окт. ; Рос. газ. 2011. 25 марта).

В Федеральном законе «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» проблеме разграничения предметов ведения и полномочий посвящена лишь ст. 6, согласно которой «законодательство в области отношений с соотечественниками основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права, Конституции Российской Федерации, международных договорах Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, муниципальных правовых актов».

Таким образом, федеральный законодатель допускает наличие законов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов о поддержке соотечественников за рубежом, однако не определяет, каков именно предмет регулирования регионального, муниципального законодательства, какие конкретно полномочия имеют высшие должностные лица, высшие исполнительные органы и органы исполнительной власти специальной компетенции субъектов Российской Федерации, а также муниципальные органы. В то же время согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» поддержка соотечественников за рубежом не является вопросом местного значения. Следовательно, это полномочие считается государственным. Органы государственной власти вправе наделять органы местного самоуправления отдельными государственными полномочиями лишь с соблюдением специальной процедуры, включающей принятие федерального или регионального закона и финансирование за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации.

Отсутствие законодательного регулирования участия субъектов Российской Федерации в механизме реализации политики в отношении со-

отечественников за рубежом в определенной мере компенсируется рядом постановлений высшего органа исполнительной власти России. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2006 г. № 751 «Об утверждении Правил рассмотрения и согласования проекта программы субъекта Российской Федерации по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 50, ст. 5355) предусматривается обязанность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации представлять в Правительство Российской Федерации на согласование соответствующие региональные программы. Однако такой нормы нет в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Аналогичным образом не в полной мере согласуются с нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации положения постановления Правительства Российской Федерации от 20 октября 2006 г. № 622 «Об утверждении Правил предоставления субъектам Российской Федерации, включенным в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, государственной поддержки за счет средств федерального бюджета» (Рос. газ. 2006. 26 окт.).

И таких примеров множество. В целом же следует констатировать, что полноценного и эффективного механизма реализации государственной политики поддержки соотечественников за рубежом на законодательном уровне в современной России еще не создано. Будучи недостаточно связанными нормами законов, исполнительные органы власти осуществляют политику поддержки зарубежных соотечественников по своему усмотрению и во многом произвольно. Вместе с тем достаточно подробной нормативной регламентацией характеризуется Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Реализация данной программы обеспечена не только развернутым правовым регулированием в подзаконных актах Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, но и рядом федеральных законов, например: ст. 6 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 20 марта 2011 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (Парламент. газ. 2002. 31 июля ; Рос. газ. 2011. 25 марта), ч. 7 ст. 14 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от

28 июня 2009 г.) «О гражданстве Российской Федерации» (Рос. газ. 2002. 5 июня ; 2009. 1 июля).

Однако Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, не следует отождествлять с самой политикой поддержки зарубежных соотечественников. Они соотносятся как видовое и родовое понятия.

В целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (Рос. газ. 2006. 28 июня) принят ряд нормативных правовых и правоприменительных актов: Правительства Российской Федерации; Министерства регионального развития Российской Федерации; Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству; Федеральной миграционной службы. Подобный состав федеральных органов исполнительной власти неслучаен и является следствием проведенной в стране административной реформы, разграничившей полномочия Правительства Российской Федерации как органа исполнительной власти общей компетенции и федеральных министерств, агентств и служб как исполнительных органов специальной компетенции. В итоге государственное полномочие по реализации политики в отношении соотечественников за рубежом оказалось в юрисдикции одновременно четырех федеральных органов исполнительной власти.

Среди актов Правительства Российской Федерации, направленных на реализацию государственной программы по переселению зарубежных соотечественников, нужно особо выделить следующие постановления: от 25 сентября 2008 г. № 715 «Об утверждении Правил выплаты участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей компенсации за счет средств федерального бюджета расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 39, ст. 4452); от 25 июня 2007 г. № 403 «Об организации работы с соотечественниками, проживающими за рубежом и желающими добровольно переселиться в Российскую Федерацию» (Рос. газ. 2007. 30 июня); от 5 июня 2007 г. № 347 «Об информационном обеспечении Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселе-

нию в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 24, ст. 2917); от 10 марта 2007 г. № 150 «О порядке выплаты компенсации транспортных расходов участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (Там же. № 12, ст. 1415); от 15 января 2007 г. № 8 «О порядке выплаты участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей ежемесячного пособия при отсутствии дохода от трудовой, предпринимательской и иной деятельности» (Там же. № 3, ст. 454); от 15 января 2007 г. № 7 «О порядке выплаты единовременного пособия на обустройство участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей» (Там же, ст. 453); от 10 января 2007 г. № 1 «О компенсационном пакете участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (Там же, ст. 447); от 28 декабря 2006 г. № 817 «О свидетельстве участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (Там же. № 1, ст. 273).

Каждому из вышеприведенных актов отводится своя роль в механизме реализации государственной программы по добровольному переселению зарубежных соотечественников. Однако сложность состоит в том, что многие из этих положений не в полной мере согласуются с нормами федеральных законов, указов главы государства и друг с другом. Постановление Правительства Российской Федерации «Об организации работы с соотечественниками, проживающими за рубежом и желающими добровольно переселиться в Российскую Федерацию» имеет общерегулятивный характер, в то время как другие постановления направлены на реализацию отдельных компонентов государственной поддержки добровольного переселения зарубежных соотечественников. Не совсем логично происходит регулирование отдельными постановлениями «компенсационного пакета» и конкретных социальных пособий участников программы.

В связи с этим более целесообразным, на наш взгляд, было бы принятие специального Федерального закона «О порядке добровольного переселения соотечественников, проживающих за рубежом», который объединил бы в себе выше-

указанные акты, привел их в единую систему, четко разграничил компетенцию Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, соответствующего министерства, федерального агентства и службы, определил основные процедуры их деятельности по реализации политики переселения зарубежных соотечественников.

Возможен и другой подход к решению названной проблемы, при котором сохраняется развернутое регулятивное воздействие на общественные отношения со стороны Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, уполномоченных органов федеральной исполнительной власти специальной компетенции. Однако совершенно недопустимо, на наш взгляд, определение социальных пособий для добровольно переселяющихся в Российскую Федерацию соотечественников в подзаконном нормативном правовом акте. Это напрямую противоречит ч. 2 ст. 39 Конституции Российской Федерации.

Недостаточное законодательное обеспечение реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом во многом обусловлено отсутствием представительства зарубежных соотечественников в федеральных органах власти. Согласно федеральным законам от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (Рос. газ. 2005. 24 мая) и от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных га-

рантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (Там же. 2002. 15 июня) иностранные граждане и лица без гражданства не обладают избирательными правами при выборах в Государственную Думу. Голосование за рубежом организуется лишь для граждан Российской Федерации, находящихся за пределами территории Российской Федерации.

Разумеется, факт участия в выборах этих граждан является весьма позитивным. Однако сегодня Государственная Дума формируется исключительно на основе пропорциональной избирательной системы, что исключает персонифицированное представительство избирателей в этой палате Федерального Собрания. Фактически представительство в Государственной Думе осуществляют политические партии, которые в своих программах и действиях не всегда учитывают интересы соотечественников за рубежом.

Таким образом, основываясь на вышеизложенном, можно высказать предложение о введении специального представительства зарубежных соотечественников в Совете Федерации с использованием метода кооптации указом Президента Российской Федерации. Для реализации подобной инициативы необходимо внесение соответствующих поправок в Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (Парламент. газ. 2000. 8 авг.).

Библиографический список

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс. В 2 т. Т. 1 / С. А. Авакьян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2007.
2. Иоффе М. Конституционно-правовой механизм реализации и защиты прав российских соотечественников / М. Иоффе // Право и жизнь. – 2009. – № 1.
3. Липатов Э. Г. Правотворчество органов власти субъектов Российской Федерации – качественная характеристика субъектов Российской Федерации / Э. Г. Липатов // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 2.
4. Сеидов М. Ш. Подзаконные нормативные акты в системе источников права и правового регулирования / М. Ш. Сеидов ; Владим. гос. гуманитар. ун-т // История, теория и практика правового регулирования. – Владимир : ВГГУ, 2008.
5. Титенко Ю. А. Принципы, виды и механизм реализации российской правовой политики: общетеоретический аспект : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Титенко Юлия Александровна. – Тамбов, 2007.

References

1. Avakyan S. A. Constitutional Law in Russia. In 2 vol. Vol. 1 / S. A. Avakyan. – M. : Lawyer, 2007.
2. Joffe M. Constitutional and Legal Mechanism for Implementing and Protecting the Rights of Russian Compatriots / M. Joffe // Law and Life. – 2009. – № 1.
3. Lipatov E. G. Legislative Activities of the Authorities of Subjects of the Russian Federation – Qualitative Characteristics of the RF Subjects / E. G. Lipatov // Problems of Russian Legislation. – 2009. – № 2.
4. Seidov M. Sh. Subordinate Normative Acts in System of Sources of Law and Legal Regulation / M. Sh. Seidov // History, Theory and Practice of Legal Regulation. – Vladimir : Vladimir State Humanitarian University, 2008.
5. Titenko Ju. A. Principles, Types and Mechanism of Realization of the Russian Legal Policies / Titenko Julia Alexandrovna. – Tambov, 2007.

Р. М. Нагимов,
ведущий консультант отдела развития конкуренции
Министерства экономики
Республики Татарстан

R. M. Nagimov,
Lead Consultant of the Department
of Competition Development of the Ministry
of Economy of the Republic of Tatarstan

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗАКАЗА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

**Problems of Law Enforcement Practice in the Area of Placing State and Municipal Order
and Their Solutions (Based on Material of the Republic of Tatarstan)**

Аннотация. В статье анализируются некоторые существующие в настоящее время проблемы в области государственного заказа и предлагаются возможные пути их решения, которые могут быть использованы при подготовке изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: государственный заказ, государственные (муниципальные) закупки, аукцион, конкурс, запрос котировок, участники торгов, поставщики.

Abstract. The author of the article analyzes some currently existing problems in the sphere of state order and offers possible ways of their solution. The above-mentioned solutions can be used in the preparation of amendments in the effective legislation.

Key words: public orders, the state (municipal) purchases, auction, competition, inquiry of quotations, participants of haggle, suppliers.

Размещение государственного заказа в России до сих пор остается недостаточно прозрачным, несмотря на все усилия законодателя по улучшению ситуации в этой сфере. В 2010–2011 гг. было принято множество поправок в Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров (выполнение работ, оказание услуг) для государственных и муниципальных нужд» (далее: Закон № 94-ФЗ) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ч. 1, ст. 3105), которые, к сожалению, не ликвидировали все «лазейки», дающие недобросовестным заказчикам и участникам возможность проводить закупки с коррупционной составляющей. На это обратил внимание Президент Российской Федерации Д. А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию (URL: <http://kremlin.ru/transcripts/9637>). Президент, в частности, отметил следующее: «По самым скромным оценкам, нецелевые расходы в этой сфере, включая и прямое воровство, и “откаты”, и просто нецелевые расходы, составляют не менее триллиона рублей. Поэтому пора начинать работу над новой редакцией закона о госзакупках – более продуманной и более современной». Во исполнение указания Д. А. Медведева Министерство экономического развития Российской Федерации готовит изменения в действующее законодательство в части создания федеральной контрактной системы (далее: ФКС).

При этом Президент России Д. А. Медведев задал основной вектор формирования и развития ФКС на ближайшее время: «Полагаю... что обо всех планируемых открытых закупках должно

быть известно заранее. На специальном интернет-портале нужно предварительно публиковать информацию о таких планах с возможностью обратной связи с компаниями относительно их заинтересованности в торгах, а также мнения экспертов об адекватности этих планов современным требованиям и рыночным ценовым условиям.

На ближайшие три года нужно определить прогнозные планы закупки новейшего оборудования, лекарственных средств, иной высокотехнологичной продукции со стороны государства и крупных госкомпаний, а в дальнейшем по мере возможности расширить горизонт прогнозирования на 5–7 лет» (Там же).

Согласно опубликованному проекту Концепции формирования федеральной контрактной системы в Российской Федерации предполагается формирование единого технологического цикла, объединяющего ключевые этапы обеспечения федеральных государственных нужд, а именно: прогнозирование поставок товаров, работ и услуг для федеральных государственных нужд, формирование государственными заказчиками планов обеспечения федеральных государственных нужд, размещение заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг, юридическое оформление результатов размещения заказов, исполнение и мониторинг государственных контрактов (Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/regGovPurchase/system/fcsformfunction/doc20100514_07).

В числе актуальных задач развития системы государственного заказа России одно из важнейших мест занимает организация закупок как единого технологического цикла, состоящего из трех взаимосвязан-

ных процессов – планирования, размещения и исполнения государственного (муниципального) заказа.

Основываясь на анализе обращений участников размещения заказа в Министерство экономики Республики Татарстан в период с 1 августа 2010 г. по 1 июня 2011 г., мы выявили следующие проблемы, существующие в этой области.

1. Недостаточная информационная открытость процедур закупок товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд (отмечают эту проблему 74 % участников). По данным Института развития свободы информации, официальный сайт государственного заказа Республики Татарстан занял лишь 32-е место среди сайтов субъектов Российской Федерации в области государственного заказа (URL: <http://www.svobodainfo.org/ru/node/567>). Частично эта проблема решена с запуском с 1 января 2011 г. единого официального сайта Российской Федерации для размещения информации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг. Однако этого недостаточно. На наш взгляд, необходимо более полно освещать информацию о государственных закупках, например, путем публикации в средствах массовой информации некоторых извещений на основе случайной выборки, с приглашением всех желающих участвовать в поставках товаров, выполнении работ, оказании услуг для государственных и муниципальных нужд. Кроме того, считаем важным доведение до потенциальных поставщиков информации о преимуществах участия в государственном заказе и способах защиты нарушенных прав.

2. Недостаточная прозрачность правил проведения торгов и выявления победителя (назвали 26 % участников). Отмечаются случаи, когда поставщиков под тем или иным предлогом не допускают к участию в торгах. По нашему мнению, решение данной проблемы состоит в следующем: 1) создание возможности участия в закупках независимых наблюдателей на всех этапах; 2) выборочная проверка государственных контрактов со стороны силовых ведомств на наличие коррупционной составляющей.

3. Отсутствие должной регламентации составления технической документации (44 % участников). От того, каким образом составлена конкурсная (аукционная) документация, зависит в том числе и количество участников торгов. Известен способ недопущения к торгам участников размещения заказа путем составления технического задания под конкретного поставщика (исполнителя, подрядчика). Искусственно созданное отсутствие конкурентов позволяет заключать контракты с единственным участником по начальной (максимальной) цене. Для решения данной проблемы необходимо разработать четкую методику подготовки технического задания для различных групп товаров, работ, услуг, а также типовую документацию по различным группам товаров, работ, услуг.

4. Редкое применение авансовых платежей (15 % участников). Авансовые платежи не привлекательны для заказчика по причине рисков победы в торгах недобросовестных участников, ставящих перед собой единственную цель – получение авансового платежа. Однако для крупных проектов, например, по строительству или внедрению программного обеспечения требуются основательные финансовые затраты. Для того чтобы поставщику участвовать в государственных закупках, ему необходимо изъять достаточно большие суммы из оборота. В случае, если авансовый платеж отсутствует, а проект рассчитан на продолжительное время, то многим участникам приходится брать ссуды или кредиты, чтобы его обеспечить, что, в свою очередь, ведет к удорожанию работ и снижению конкурентоспособности. Это во многом способствует сокращению количества участников по таким торгам.

Выходом из обозначенной ситуации может служить уменьшение обеспечительного взноса по контрактам с небольшой начальной (максимальной) ценой для упрощения доступа к государственным закупкам малого и среднего предпринимательства.

Кроме того, весьма привлекательным для участников будет предложенная государством льготная система кредитования при участии в поставках товаров, выполнении работ, оказании услуг для государственных и муниципальных нужд.

5. Наличие недобросовестных поставщиков (81 % участников). Есть участники, которые либо изначально не в состоянии выполнить контракт, либо занижают цены настолько, что добросовестные поставщики проигрывают торги. В итоге заказчик может получить некачественный товар (работу, услугу) или контракт вообще не выполняется. Реестр недобросовестных поставщиков, на наш взгляд, не решает этой проблемы, так как при открытии нового юридического лица в настоящее время не возникает особых трудностей. Решением, на наш взгляд, может служить введение рейтинга поставщиков: чем больше выполненных в соответствии с условиями документации заказов, тем выше рейтинг поставщика. Кроме того, должны фиксироваться и случаи невыполнения условий контракта.

6. Сговор поставщиков (48 % участников). Недобросовестные поставщики, заранее изучив список участников торгов, проводят «внутренний» аукцион между собой так, что в итоге на торгах побеждает один из них по начальной (максимальной) цене. Решение этой проблемы видится в увеличении доли открытых аукционов в электронной форме в общем объеме закупок, которые сводят возможность сговора участников аукциона до минимума, поскольку ни один из участников не имеет доступа к информации о других участниках торгов.

7. Обязательное указание в технической документации на аналог товара (15 % участников). Закон № 94-ФЗ предписывает в обязательном порядке

указывать в документации дозволению поставки эквивалента (ч. 3 ст. 22, ч. 3 ст. 34). Однако в некоторых случаях поставка эквивалента крайне нежелательна для заказчика. Если по закупкам большей части продукции проблем не возникает, то при закупке медикаментов могут возникнуть трудности. Например, лекарственное средство, произведенное всемирно известным производителем по уникальной технологии с использованием прецедентного сырья, будет неконкурентноспособно по отношению к аналогу, который произведен из иного сырья и по более простой технологии из-за меньших затрат на производство. При этом эффективность препаратов будет существенно отличаться. При обязательности же указания в документации эквивалента и невозможности предъявления требований к технологическому процессу основным критерием при выборе медикаментов становится цена. С одной стороны, выходом из сложившейся ситуации может служить закрепление в законодательстве допущения закупок строго определенных фармацевтических препаратов. Однако такое решение имеет под собой значительные коррупционные риски и широкие возможности для фармацевтических предприятий по лоббированию своей продукции. С другой стороны, решить данную проблему можно путем создания базы типовой документации по основным группам товаров, работ, услуг, где детально и максимально полно в рамках действующего законодательства будут прописаны требования к продукции.

8. Несостоявшиеся торги (66 % участников). Мы предлагаем следующие варианты решения указанной проблемы, которые в наибольшей степени могут способствовать уменьшению доли несостоявшихся торгов, в том числе и в Республике Татарстан:

- обеспечение стабильности работы Официального сайта Российской Федерации для размещения информации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг (<http://zakupki.gov.ru>) и сайтов действующих электронных торговых площадок;

- улучшение информационного наполнения сайтов госзаказа Республики Татарстан (<http://agzrt.ru>) и сайта электронной площадки (<http://etp.zakazrf.ru>), например, доработка поискового механизма путем увеличения критериев поиска (URL: <http://etp.zakazrf.ru/Reductions.aspx>);

- устранение неточностей в наименовании торгов, разработка правил по формированию наименования (предмета) торгового предложения и обеспечение их соблюдения;

- создание учебно-информационного центра для участников торгов (услуги могут предоставляться на коммерческой и некоммерческой основе в зависимости от возможностей и ресурсов ответственного органа);

- формирование начальной (максимальной) цены заказчиком, адекватной реальному уровню

цен на предполагаемые к закупке товары (работы, услуги);

- повышение ответственности за нарушения в области государственного (муниципального) заказа;

- разработка Министерством экономического развития Российской Федерации типовой конкурсной, аукционной документации, документации об открытом аукционе в электронной форме на отдельные группы товаров (работ, услуг);

- запрет запроса котировок, за исключением размещения заказа путем запроса котировок в целях оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера;

- более широкое применение открытых аукционов в электронной форме.

По сравнению с обычными аукционами и конкурсами открытые аукционы в электронной форме имеют ряд преимуществ:

- а) короткие сроки проведения процедур;

- б) экономия бюджетных средств на организацию и проведение торгов;

- в) прозрачность и открытость процесса закупок;

- г) минимизация неценовых методов ведения борьбы;

- д) равные права для всех поставщиков товаров (работ, услуг);

- е) возможность участия в торгах из любой точки мира;

- ж) высокий уровень безопасности и защиты, применение средств электронной цифровой подписи и шифрования;

- з) доступность для представителей среднего и малого бизнеса.

Увеличение количества открытых аукционов в электронной форме представляется одним из важнейших факторов роста экономической эффективности государственных закупок.

По нашему мнению, решению обозначенных проблем также будет способствовать создание региональной контрактной системы, включающей в себя процессы планирования, размещения и исполнения государственного (муниципального) заказа на уровне отдельно взятого субъекта Российской Федерации. Сегодня в Республике Татарстан имеется определенная законодательная неурегулированность процессов планирования и исполнения государственного (муниципального) заказа. Подробная регламентация всех трех стадий государственных (муниципальных) закупок повысит их прозрачность, будет содействовать увеличению экономии бюджетных средств за счет устранения потенциально коррупционной законодательной неопределенности. План мероприятий по созданию региональной контрактной системы может включать следующие этапы.

1. Создание нормативно-правовой базы формирования и функционирования региональной контрактной системы, включающей нормативно-

правовое регулирование всех ее стадий, а также разработку и утверждение методики составления требований к предмету закупки и условиям государственных (муниципальных) контрактов.

2. Совершенствование системы планирования обеспечения государственных и муниципальных нужд, включающей такие этапы, как:

- анализ потребностей, определение приоритетов удовлетворения потребности исходя из структуры государственных и муниципальных закупок по разработанному и установленному перечню товаров, работ и услуг;

- обоснованное бюджетирование и максимально открытое размещение государственного и муниципального заказа на поставки товаров, работ, услуг;

- определение плановых дат (сроков) проведения процедур, утверждение сводного плана-графика размещения заказа на календарный год, а также графиков предоставления заказчиками заявок в уполномоченный орган и заключения контрактов;

- оценка результатов закупок для государственных и муниципальных нужд в интересах планирования заказа на будущее.

3. Подготовка кадров, обеспечивающая функционирование региональной контрактной системы, включающая разработку перечня квалификационных требований, должностных регламентов и функциональных обязанностей специалистов, занятых в сфере размещения заказов.

4. Повышение прозрачности проведения государственных (муниципальных) закупок путем применения интернет-видеотрансляций при размещении заказа способами открытого конкурса.

5. Исполнение государственного (муниципального) заказа, обеспечивающее оперативный

мониторинг и своевременное реагирование на возникновение рисков исполнения контракта, а следовательно, эффективность использования бюджетных средств:

- приемка результатов исполнения государственных (муниципальных) контрактов (для наилучшей эффективности можно привлекать специалистов из организаций, участвовавших в конкурсе или аукционе);

- создание консигнационных складов (центров приемки) для контроля качества поставляемых товаров;

- администрирование гарантийного периода по заключенным контрактам;

- организация оперативного контроля нарушений действующего законодательства участниками цикла размещения заказа на всех стадиях, ведение учета принятых мер, своевременности и эффективности их реализации;

- анализ исполнения государственных (муниципальных) контрактов.

Предложенные решения в своей совокупности представляют собой комплекс мер. Реализация указанных решений на практике будет способствовать развитию конкуренции в сфере государственных закупок, снижению коррупционных рисков и экономии бюджетных средств. Однако достижение необходимого результата (повышение эффективности расходования бюджетных средств, усиление конкуренции при проведении государственных (муниципальных) закупок) возможно лишь при комплексном подходе к решению обозначенных проблем, что выражается прежде всего в принятии соответствующих мер как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Библиографический список

1. Кузнецов В. И. Правовое регулирование института государственного заказа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Кузнецов Владимир Иванович. – М., 2005.

2. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 30, ч. 1, ст. 3105.

3. Сушков С. Ю. Административная ответственность за нарушение законодательства о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Сушков Сергей Юрьевич. – М., 2007.

4. Тихомиров А. С. Институт государственного и муниципального заказа в административном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Тихомиров Алексей Сергеевич. – М., 2008.

References

1. Kuznetsov V. I. Legal Regulation of the Institution of Public Order / Kuznetsov Vladimir Ivanovich. – M., 2005.

2. On Placing Orders for Goods, Work and Services for State and Municipal Needs : Federal Law of July 21, 2005 № 94-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2005. – № 30, pt. 1, art. 3105.

3. Sushkov S. Yu. Administrative Responsibility for Violation of the Legislation on Placing Orders for Goods, Work and Services for State and Municipal Needs / Sushkov Sergey Yurievich. – M., 2007.

4. Tikhomirov A. S. Institution of State and Municipal Order in the Administrative Law / Tikhomirov Alexey Sergeevich. – M., 2008.

Д. В. Пожарский,
докторант кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России
кандидат юридических наук, доцент

D. V. Pozharskiy,
Doctoral candidate of the Department
of State and Law Studies
of the Academy of Management of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

**КУЛЬТУРА КАК СФЕРА ПРИЛОЖЕНИЯ ОХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА:
ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛЕЙ И ПРЕДЕЛОВ**

Culture as Sphere of Realization of Guarding Function of the State: Dialectics of Objectives and Limits

Аннотация. Статья посвящена проблемам реализации охранительной функции государства в духовно-культурной сфере. Автор анализирует ценность и смысл охранительной функции государства, цели и систему пределов охранительного воздействия государства в сфере культуры.

Ключевые слова: государственное воздействие, охранительное воздействие государства, цель и задачи государства, пределы государственного воздействия, сохранение уровня культуры.

Abstract. The article is devoted to the problems of realization of guarding function of the state in spiritual and cultural sphere. The author analyzes the importance and sense of guarding function of the state, the purpose and system of limits of guarding influence of the state in the sphere of culture.

Key words: state influence, guarding activity of the state, purposes and tasks of the state, limits of the state influence, preservation of cultural level.

История человечества творится главным
образом государственной деятельностью
Н. М. Коркунов

Российское общество в течение почти двух десятилетий осуществляет строительство и совершенствование качественно иных, по сравнению с обществом развитого социализма, социально-политических форм. Изменения, затронувшие важнейшие сферы социального бытия, трансформация социально-экономических и политико-идеологических координат наложили отпечаток на главный продукт общественно-исторического развития – государство, прежде всего, на отражающие его сущность цели и функции. При этом смещение акцентов в стратегии и приоритетах социально-политического развития продолжается, существенно изменились объем и интенсивность государственного воздействия на общественные отношения.

Не затрагивая положительные и отрицательные стороны произошедших изменений во всей системе общественных отношений, в том числе и отдельных областях общественной практики, ставшие следствием реализации политики реформирования, отдельно рассмотрим духовно-культурную сферу. Принимая во внимание деликатность, тонкость и метафизичность исследуемой материи, мы ставим перед собой задачу выявить ценностно-смысловые основы, телеологию и пределы государственного воздействия в сфере культуры.

Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые отмечают, что культурно-духовная сфера в

современном российском обществе не составляет свойства главного объекта государственной заботы. В более выигрышной ситуации традиционно находятся экономическая, политическая и социальная сферы (Барканов А. А. Культурно-воспитательная функция современного Российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 3). Однако постепенно роль и значение участия государства, государственно-правового регулирования в духовно-культурной сфере начинают переоцениваться. Культура выходит на первый план, и даже экономика, унаследованная как базисное явление предыдущей эпохи, испытывает ее многообразные влияния.

Культура и духовность составляют суть сферы воплощения интересов общества и самореализации личности. Для государства культура должна представлять особый объект попечения. В этом одно из главных свойств, обуславливающих необходимость фундаментального (философского, культурологического, социологического, политологического, экономического и юридического) анализа реальных и социально необходимых возможностей государства в рассматриваемой сфере.

Политико-юридической квинтэссенцией деятельности государства в сфере культуры выступает его охранительная функция. При этом необходимо принять во внимание, что охрана общественных отношений предполагает сохранение достигнутого уровня социального развития, и в данном смысле главным объектом государственной охраны выступает культура как исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и спо-

способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизнедеятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях, как все, что создано предшественниками.

Самоустранение государства от выполнения охранительной функции во всем многообразии ее проявлений, а также искусственное разрушение основ и механизма ее реализации, как правило, ведут к деструктивным, губительным последствиям, подрывающим основы государственности (Еллинек Г. *Общее учение о государстве*. СПб., 2004. С. 285). То есть создается потенциальная угроза утраты государством способности самосохранения. В истории существует немало примеров, подтверждающих этот факт.

Итак, первый вывод – одной из целей охранительного воздействия выступает сохранение (сбережение) определенного уровня социального развития, позволяющее развивать социальные и иные блага в дальнейшем. Применительно к духовности, нравственности и культуре в целом целью охранительной функции государства выступает сохранение социального опыта для его критического освоения и наращивания новациями. В сфере культуры не должно быть ломки духовных традиций. Культурное наследие, представляющее некую целостность, не может предаваться забвению в силу конъюнктурных соображений, а наоборот, должно быть сохранено и приумножено (Булавка Л. А. *Советская художественная культура: противоречия становления и развития* : автореф. ... дис. д-ра филос. наук. М., 2007. С. 3). Процесс формирования государственных целей в духовно-культурной сфере обусловлен объективной действительностью, самой культурой и выступает формой отражения определенного уровня ее развития.

Приходится констатировать, что Российское государство в период проведения реформ к сохранению предшествующего опыта отнеслось весьма сдержанно, если не сказать равнодушно. Духовно-нравственное состояние современного российского общества в научном сообществе вызывает серьезные опасения (Калашников С. В. *Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации* : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 33). Реализация идеи отказа от всего советского повлекла деформацию складывавшихся десятилетиями фундаментальных культурных и духовных ценностей, многие из которых вполне могли бы послужить основой духовного обновления российского общества, быть заложены в основу модернизации российского общества.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, для обеспечения

национальной безопасности Россия сосредоточивает свои усилия и ресурсы на приоритетах устойчивого развития, среди которых наука, технологии, образование и культура, развивающиеся путем укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнерства (Рос. газ. 2009. 19 мая). Таким образом, Российское государство выступает главным субъектом политики в сфере духовности и культуры.

Относительно ясное представление о целях государства вызывает необходимость решения вопроса о границах и пределах деятельности государства по их достижению. В данном случае мы имеем дело с диалектикой категорий «цель» и «средство». «Все в меру», – говорил в свое время древнегреческий политический деятель Солон. Пределы государственных функций представляют собой критерии и ограничения, обеспечивающие легальность, легитимность и эффективность государственного воздействия на общественные отношения.

Каковы основания и пределы, насколько оправдано вообще присутствие государственной власти в духовно-культурной сфере? В современном обществе существует масса проблем, и их количество будет неуклонно возрастать, но это отнюдь не означает, что каждая из них должна решаться государством. Ценностно-смысловые основания и пределы государственного воздействия во многом обусловлены и ограничены потенциалом развития самого общества и самореализации личности. Решение целого ряда социальных проблем предпочтительно искать в самом обществе (Еллинек Г. *Указ. соч.* С. 256–257).

В этом смысле противопоставление общества, личности и идеи государства представляется нецелесообразным. Созидательный потенциал общества как саморегулирующейся системы довольно велик, но не безграничен. Любое созидательное усилие общества сопряжено с трудностями, и без участия государства, вне его функций многие социальные противоречия нередко остаются неразрешенными (Морозова А. Н. *Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 19).

Однако государство подобно Левиафану Т. Гоббса по мере генезиса, так или иначе, явно или латентно, тяготеет к поглощению общества, увеличению объема своего воздействия.

«Дело в том, – пишет А. В. Малько, – что всякая власть не знает собственных границ, всегда стремится к неограниченному расширению властного пространства, что ведет, как правило, к ущемлению интересов личности» (Малько А. В. *Стимулы и ограничения в праве*. М., 2003. С. 228).

Между тем, как нам представляется, чрезмерное увлечение поиском «золотой середины» в соотношении интересов личности, общества и

государства чревато отчуждением каждого из соотносимых феноменов друг от друга. «В идеальном варианте, – отмечает А. В. Малько, – интересы личности должны стоять на первом месте, благо народа должно представлять собой высший закон для государства» (Там же. С. 229). В данном случае позволим себе отчасти не согласиться с мнением известного правоведа. На наш взгляд, применительно к политико-правовой действительности категории «личность», «общество» и «государство» нельзя рассматривать обособленно друг от друга. Личность (с большой буквы) немислима вне общества. Общество развивается и функционирует усилиями Личности и выступает сферой ее самореализации. Наконец, государство есть продукт развития общества на определенном этапе исторического развития и представляет собой социально-политический институт. Государство – лучшее из созданного обществом. Даже несовпадение публичной политической власти со всеми и каждым не есть основание для противопоставления или субординации интересов личности, общества и государства. Безусловно, проблема отчуждения человека и власти по-прежнему остается нерешенной как теоретически, так и на практике. Однако еще раз повторим, пренебрежение интересами государства в пользу личности и наоборот есть верный путь к дальнейшей эскалации и без того непростой социальной обстановки.

В целом вопрос о пределах государственного воздействия на социум, в том числе на создаваемую обществом и личностью культуру, решался в лоне диалектики «коллективного» и «индивидуального», выступающих центральными идеями соответствующих мировоззренческих доктрин – либерализма и консерватизма (Теория государства и права : хрестоматия / авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. М., 2001. Т. 2. С. 498–501). Государство в разнообразных формах, при помощи различных методов и средств оказывает воздействие на все сферы социума, в том числе и на культуру. В этой связи важно понять, какими методами и в каких формах должно осуществляться это воздействие. Комбинации в методах (убеждение и принуждение) и формах (правовые и организационные) во многом зависят от нравственно-духовного уровня общества. При наличии институтов гражданского общества, эффективно действующих в сфере культуры, воздействие государства минимизируется и приобретает главным образом нормативно-регулятивный характер. Напротив, если институты гражданской самоорганизации находятся в эмбриональном состоянии, неразвиты, а нравственное здоровье общества (Коровина Ю. В. Конституционные основы охраны нравственного здоровья населения Российской Федерации : автореф. дис. ... канд.

юрид. наук. М., 2009) вызывает тревогу, то государство действует решительно, увеличиваются объем и интенсивность принуждения, организационных форм, заметно усиливаются роль и значение охранительного воздействия и общедозволяющего типа правового регулирования (запреты, в том числе институт цензуры¹, установление мер ответственности и др.).

Применительно к российской действительности вопрос о пределах государственного воздействия на социум, в том числе его духовность и культуру, решался неоднозначно: от абсолютизации этатизма до господства идеи минимизации государства (концепция «государство – ночной сторож»).

Рассматривая пределы реализации охранительной функции государства в духовно-культурной сфере, отметим, что к их числу необходимо отнести целый комплекс факторов и условий, обуславливающих мерность государственно-правовой охраны духовно-культурной сферы.

Систему пределов охранительного воздействия государства образуют экономические, политические, юридические, психологические, физические и иные факторы и условия. Проанализируем основные из них.

Экономические пределы. «...Конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов, – писал Ф. Энгельс, – надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи» (Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. М., 1983. Т. 3. С. 147).

Экономический фактор играет важную роль в осуществлении охранительной функции государства, обуславливая пределы ее реализации, возможности и ресурсы государства в духовно-культурной сфере. Государственное воздействие на любую сферу предполагает значительные материальные, информационные и иные затраты. Приходится констатировать, что культура по-прежнему финансируется по остаточному принципу (Морозова А. Н. Указ. соч. С. 20). В этом смысле материальный потенциал охранительного воздействия государства и содержание соответствующей функции в духовно-культурной сфере зависят от объема и структуры государственного бюджета. Вместе с тем попытка обосновать государственное воздействие непосредственно из экономических отношений была бы равнозначна доведению до абсурда диалектико-

¹ По данным социологического агентства «РОМИР-мониторинг», 76 % населения России выступает за введение цензуры (URL: <http://www.rg.ru/2004/03/05/eksperty.html>).

материалистического подхода (Кленнер Г. От права природы к природе права / под ред. Б. А. Куркина. М., 1988. С. 26). Как известно, настоящий художник должен быть голодным, и сытость вовсе не гарантирует создания шедевра.

Политические пределы. Представляя собой политическую организацию общества, государство в своей деятельности ограничено комплексом политических факторов и условий. Достаточно ознакомиться с хрестоматийными источниками, дабы убедиться в том, что большинство ценностей, созданных человечеством в сфере политической культуры (парламентаризм, разделение властей, избирательное право, конституционализм, гражданское общество, легитимность и др.), предназначались для ограничения всемогущества государства, сдерживания абсолютистских начал в его функционировании (Радько Т. Н. Государственная власть : лекция. М., 2004. С. 17).

Возможности и пределы государственного воздействия на духовно-культурную сферу в немалой степени предопределены соотношением классовых факторов, типом политического режима, воплощающего в себе наиболее значимые характеристики осуществления государственной власти. Эффективность государственного воздействия в сфере культуры на современном этапе (формирование и осуществление соответствующей политики) зависит от нахождения компромисса между государственной властью и общественными творческими объединениями в вопросе об иерархии приоритетов культурного развития.

Система правовых пределов. Старая английская поговорка приписывает парламенту способность «сделать все, только не превратить мужчину в женщину».

Рассуждая о пределах государственного воздействия на общество, нельзя обойти вниманием проблему соотношения государства (в смысле политической организации) и права. Известная обособленность этих феноменов, имеющая относительный характер, не избавляет от вопроса о связанности государственной власти правом. Зависимость государства от права, во-первых, проявляется во «внутренней организации государства, в связях между отдельными звеньями государственного аппарата. Во-вторых, она раскрывается во внешних проявлениях государства» (Неновски Н. Единство и взаимодействие государства и права. М., 1982. С. 67), т. е. в его функциях. Поэтому право в целом как регулятор общественных отношений содержит в себе и постоянно реализует идею ограничения силы (Пучнин А. С. Принуждение и право : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 1999. С. 164).

Становление идеи правовой государственности и противоречивая практика ее воплощения свидетельствуют о наличии множества проблем, боль-

шую часть которых в целом можно свести к вопросу о соотношении политики и права. Диалектика взаимоотношений между ними сложна и противоречива. «Парадокс состоит в том, – отмечает Н. И. Матузов, – что, с одной стороны, право и политика находятся в постоянном противоборстве, а с другой – они естественные союзники, ибо в известном смысле не могут успешно функционировать друг без друга» (Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 228).

Систему правовых пределов реализации охранительной функции государства в духовно-культурной сфере образуют:

1) Институт духовно-культурных прав и свобод человека и гражданина. Права, свободы и обязанности человека и гражданина в сфере культуры и духовности выступают неотъемлемой частью института более крупного порядка – института прав и свобод личности (Морозова А. Н. Указ. соч. С. 12). Таким образом, главным юридическим системообразующим пределом охранительного воздействия в рассматриваемой сфере выступает конституционное положение о том, что права и свободы определяют смысл и содержание деятельности органов государственной власти и местного самоуправления (ст. 18 Конституции Российской Федерации).

2) Совокупность нормативных правовых актов, создавая и обеспечивая которые, государство осуществляет воздействие в рассматриваемой сфере. Наряду с Конституцией Российской Федерации, выполняющей учредительную и интегративную роль в правовом механизме функционирования государства, охрана духовно-культурных отношений осуществляется на основе комплекса правовых актов, конкретизирующих конституционные положения. В их числе целесообразно различать: а) нормативные правовые акты, закрепляющие содержание (цели, задачи, принципы, дефиниции, предмет правового регулирования, субъекты регулирования и др.) государственного воздействия; б) акты, закрепляющие пределы, компетенцию и структурную организацию органов государства – субъектов реализации функций государства. Подобное деление имеет условное значение, поскольку элементы каждой из групп могут проникать в содержание другой.

Таким образом, духовно-культурная сфера во всем ее многообразии в силу особой социальной значимости выступает одним из объектов приложения охранительного воздействия государства, и в современных российских реалиях должна составить основную совместную заботу общественных и государственных институтов. И если общество заботится о культуре, создает ее в самых разнообразных формах, то главная форма государственного воздействия на культуру – охрана в правовых формах.

Библиографический список

1. Барканов А. А. Культурно-воспитательная функция современного Российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Барканов Анатолий Алексеевич. – М., 2008.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек ; вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. И. Ю. Козлихина. – СПб. : Юрический центр «Пресс», 2004.
3. Калашников С. В. Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Калашников Сергей Валерьевич. – М., 2001.
4. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2003.
5. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2004.
6. Морозова А. Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Морозова Анастасия Николаевна. – М., 2004.
7. Неновски Н. Единство и взаимодействие государства и права / Н. Неновски ; под ред. и вступ. ст. С. С. Алексеева. – М. : Прогресс, 1982.

References

1. Barkanov A. A. Cultural and Educational Function of Modern Russian State / Barkanov Anatoliy Alexeevich. – M., 2008.
2. Ellinek G. General Study of the State / G. Ellinek. – SPb. : Legal Center «Press», 2004.
3. Kalashnikov S. V. Constitutional Foundations of Formation of Civil Society in Russia / Kalashnikov Sergey Valeryevich. – M., 2001.
4. Malko A. V. Incentives and Restrictions in Law / A. V. Malko. – 2nd ed., rev. and enl. – M. : Lawyer, 2003.
5. Matuzov N. I. Acute Problems of the Theory of Law / N. I. Matuzov. – Saratov : Saratov State Acad. of Law, 2004.
6. Morozova A. N. Constitutional and Legal Guarantees of Citizens' Participation in the Cultural Life of Russian Society / Morozova Anastasiya Nikolaevna. – M., 2004.
7. Nenovski N. Unity and Cooperation of State and Law / N. Nenovski ; ed. and introd. art. by S. S. Alexeyev. – M. : Progress, 1982.

О. Р. Рузевич,

*доцент кафедры уголовного права и процесса
факультета права и психологии
Владимирского государственного университета
кандидат юридических наук*

Д. А. Ашин,

*аспирант кафедры уголовного права и процесса
факультета права и психологии
Владимирского государственного университета*

O. R. Ruzevich,

*Associate Professor of the Department of Criminal Law
and Procedure of the Faculty of Law and Psychology
of Vladimir State University
Candidate of Law*

D. A. Ashin,

*post-graduate student of the Department of Criminal Law
and Procedure of the Faculty of Law and Psychology
of Vladimir State University*

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УГРОЖАЮЩЕГО И ПОТЕРПЕВШЕГО
В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЕМ УГРОЗЫ**

**Criminological Characteristics of Personality of Victim and Person Threatening
to Crimes Against Property Committed by the Threat**

Аннотация. В статье дается социально-демографическая характеристика личности преступника и потерпевшего в преступлениях против собственности, совершаемых путем угрозы. Авторы, изучив материалы уголовных дел, выделяют характеристики личности преступника и потерпевшего по полу, возрасту, социальному положению, образованию, семейному положению, наличию судимости и гражданства.

Ключевые слова: личность преступника, личность потерпевшего, криминологическая характеристика.

Abstract. The article deals with socio-demographic characteristics of the personality of a criminal and a victim in crimes against property committed by the threat.

On the basis of studying materials of criminal cases the author defines characteristics of the personality of a criminal and a victim according to such criteria as sex, age, social status, education, marital status, criminal records and citizenship.

Key words: personality of a criminal, personality of a victim, criminological characteristics.

В криминологии изучению личности преступника уделяется особое внимание. Личность преступника – это центральная криминологическая проблема. Криминологические особенности личности преступника первичны. Они являются субъективной причиной преступных действий. Лицам, совершившим преступление, «присущи антиобщественные взгляды, отрицательное отношение к нравственным ценностям и выбор общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявление необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» (Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1997. С. 161).

Структура личности в правовой литературе представлена по-разному. Так, Б. С. Волков выделяет три группы обстоятельств, которые, по его мнению, с достаточной полнотой характеризуют структуру личности преступника:

– обстоятельства, нашедшие свое выражение в поведении преступника, предшествующем совершению преступления;

– обстоятельства, непосредственно связанные с совершением преступления;

– обстоятельства, характеризующие психологические, биологические и психические свойства личности (Волков Б. С. Личность преступника. Казань, 1972. С. 15).

Одни авторы исходят из того, что «криминологическая характеристика личности преступника представляет собой систему черт, которые в своей совокупности характеризуют лицо, совершившее то или иное преступление, различные стороны и проявления его общественного существования в жизненной практике, и которые прямо или косвенно связаны с подобным антиобщественным поведением человека, обуславливают или облегчают совершение преступления либо помогают понять причину его совершения» (Личность преступника / под ред. В. Н. Кудрявцева [и др.]. М., 1975. С. 31). В структуру указанной личности в этом случае включаются: 1) социально-демографические и уголовно-правовые признаки; 2) социальные проявления в различных сферах общественной жизни; 3) нравственные свойства; 4) психологические особенности (Там же. С. 32–37).

П. С. Дагель, основываясь на психологической концепции К. К. Платонова (Платонов К. К. Психологическая структура личности // Личность при социализме. М., 1968. С. 69–70), называет пять структурных образований личности исходя из их юридической значимости:

1) признаки, непосредственно характеризующие общественную опасность личности преступника;

2) признаки, раскрывающие социальные (и антисоциальные) отношения личности в различных областях общественной жизни;

3) признаки, дающие нравственно-психологическую характеристику личности;

4) признаки, характеризующие психологическую сторону личности, раскрывающие ее психические особенности;

5) признаки, характеризующие физические (биологические) свойства (Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 51, 61–68).

Однако такой подход в большей степени представляет всего человека, а не его личность, поскольку включает в структуру элементы, присущие человеку вообще (например, особенности физической (биологической) конституции, инстинкты, влечения, физиологические потребности).

По мнению Ю. М. Антоняна, структура личности складывается из следующих ее подструктур: а) социальное происхождение, семейное и должностное положение, национальная и профессиональная принадлежность, уровень материального обеспечения; б) уровень умственного развития, образовательно-культурный уровень, знания, навыки, умения; в) нравственные качества, ценностные ориентации и стремления человека, его взгляды, интересы, потребности, наклонности, привычки, психические свойства, процессы и состояния; г) биофизические признаки – пол, возраст, состояние здоровья, особенности физической конституции (Антонян Ю. М. Системный подход к изучению личности преступников // Сов. государство и право. 1974. № 4. С. 54 ; Его же. Преступник как предмет криминологического изучения // Вопр. борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 34. С. 46).

Как видим, подход указанных выше авторов создает «плоскостную многоуровневую модель личности преступника». Критикуя его, А. Р. Ратинов указывает, что эта модель вряд ли применима к такому многомерному образованию, как личность, поскольку она ограничивает возможности разностороннего анализа. «И если моделирование здесь вообще допустимо, то более адекватной и полнее передающей структуру личности является... ее планетарно-атомная модель» (Ратинов А. Р. К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1981. С. 72 ; Его же. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход. М., 1982).

К сожалению, концепция А. Р. Ратинова не получила широкого распространения в научных криминологических исследованиях личности преступника.

В современной учебной и научной литературе структура личности преступника одними криминологами представлена следующими подструктурами, которые находятся в определенных взаимоотношениях и взаимозависимостях: 1) темперамент, характер, особенности мышления и

другие психологические особенности; 2) нравственные особенности, ценностные ориентации, позиции; 3) знания, навыки, умения; 4) представление о себе, отношение к себе, Я-концепция; 5) представление об окружающем мире, отношение к нему; 6) социальные аспекты пола, возраста, состояния здоровья; 7) социальные и психологические аспекты жизненного опыта (Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. С. 164). Другие же ученые считают необходимым выделять три больших блока: социально-типологическую характеристику личности; социально-ролевую характеристику личности; нравственно-психологическую характеристику личности (Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология (Общая часть). Томск, 2007. С. 96).

Полагаем, что противопоставлять указанные подходы нет никаких оснований, так как в какой-то степени они дополняют друг друга либо одни те же характеристики называют по-разному.

По сути, личность преступника, совершающего путем угроз преступления против собственности, требует самостоятельного исследования. Во многих работах она рассматривается в ряду других преступников, совершивших корыстно-насильственные или корыстные преступления (Напр.: Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н. Личность корыстного преступника. Томск, 1989 ; Цалиев А. М. Изучение и предупреждение корыстно-насильственных преступлений в регионе. Орджоникидзе, 1987 и др.).

В рамках настоящей статьи нам представляется достаточной социально-демографическая характеристика личности указанного преступника, сведения о которой содержатся в материалах уголовных дел¹. Так, в результате проведенного исследования нами было установлено, что все преступления рассматриваемой категории совершены лицами мужского пола (табл. 1).

Таблица 1
ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УГРОЖАВШЕГО (ВИНОВНОГО)
ПО ПОЛОВОМУ ПРИЗНАКУ

Статья УК РФ	Пол	
	мужской	женский
п. «г» ч. 2 ст. 161	122	—
ч. 1 ст. 162	180	—
ч. 1 ст. 163	48	—
п. «в» ч. 2 ст. 166	26	—
ч. 4 ст. 166	26	—

По сути, это типичная ситуация². Во-первых, криминальная активность мужчин выше в целом

¹ Нами были проанализированы материалы 250 уголовных дел, по которым были осуждены 402 чел.

² По данным исследования А. М. Цалиева, женщины лишь в единичных случаях участвовали в совершении насильственно-корыстных преступлений, при этом играли второстепенную роль (Цалиев А. М. Указ. соч. С. 34).

(доля женской преступности составляет 10–15 %); во-вторых, насильственные преступления типичны для мужского пола; в-третьих, влияют особенности воспитания женщин, их социальная роль в семье и обществе; в-четвертых, специфической чертой рассматриваемых преступлений является то, что они совершаются с особой дерзостью.

Важным признаком социально-демографической характеристики личности является возраст. С ним связаны становление личности, степень ее социализации, социально-психологический статус.

«Возрастная характеристика преступников позволяет делать выводы о криминогенной активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп. Криминологией давно установлено, что лица молодого возраста чаще совершают... преступления агрессивного, импульсивного характера... Наконец, возраст во многом определяет потребности, жизненные цели людей, круг их интересов, образ жизни...» (Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. С. 157).

Это, конечно же, не означает, что на поведение человека возраст оказывает влияние сам по себе. Криминологическое значение имеют те социальные изменения, которые связаны с ним.

Советские криминологи считали наиболее криминогенными лиц в возрасте от 25 до 29 лет. Объяснялось это тем, что на данный период жизни выпадает наибольшее число сложных жизненных ситуаций, которые при определенных условиях могут способствовать конфликтам с окружающими, искажению ценностно-нормативной ориентации и т. д. (Личность преступника. С. 122).

В зависимости от характера преступления меняется и возраст лиц, наиболее часто совершающих их. Эта связь была установлена еще в начале 30-х гг. прошлого века. Например, Н. Н. Геденов писал: «Мы полагаем, что считать возраст одной из причин преступности было бы слишком смело и рискованно, но все же нельзя не подметить определенного между ними взаимоотношения, благодаря чему можно говорить о тяготении того или иного вида преступности к той или иной возрастной группе» (Геденов Н. Н. Грабители и бандиты // Преступный мир Москвы. М., 1924. С. 28).

В настоящее время чуть больше половины преступлений совершается лицами в возрасте 16–29 лет. Согласно статистическим данным наиболее криминогенной частью населения страны являются лица в возрасте 30–49 лет, их доля в структуре преступности доходит до 47 % (ими совершаются 35 % особо тяжких и 35 % тяжких преступлений). Несовершеннолетние, привлеченные к уголовной ответственности, составляют 10–15 %. Основную массу грабежей и разбоев совершают лица в возрасте до 30 лет (Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. С. 164).

Из табл. 2 следует, что 169 осужденных (42 %) совершили преступления в возрасте от 18 до 25 лет, причем практически половина из них совершили преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 162 УК РФ, 120 лиц – в возрасте 25–30 лет (29,9 %); в возрасте 30–40 лет – 48 (11,9 %); в возрасте от 40 лет и старше – 39 осужденных (9,7 %). Меньшее количество преступлений совершено лицами в возрасте 16–18 лет – 26 (6,5 %). Виновные в возрасте 14–16 лет за рассматриваемые преступления по изученным уголовным делам к уголовной ответственности не привлекались.

Таблица 2

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УГРОЖАВШЕГО (ВИНОВНОГО)
ПО ВОЗРАСТУ

Статья УК РФ	Возраст, лет					
	14– 16	16– 18	18– 25	25– 30	30– 40	40 и старше
п. «г» ч. 2 ст. 161	–	12	44	39	15	12
ч. 1 ст. 162	–	11	90	50	11	18
ч. 1 ст. 163	–	–	14	18	7	9
п. «в» ч. 2 ст. 166	–	3	13	5	5	–
ч. 4 ст. 166	–	–	8	8	10	–

В криминологической литературе отмечается, что многие преступники, совершающие корыстные и корыстно-насильственные преступления, как правило, не работают и не учатся. По результатам проведенного нами исследования было установлено, что из лиц, отбывающих наказания за преступления против собственности, совершаемые путем угрозы, 275 чел., или 68,4 %, не работали, 6 чел., или 1,5 %, – не учились (табл. 3).

Таблица 3

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УГРОЖАВШЕГО (ВИНОВНОГО)
ПО СОЦИАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ

Статья УК РФ	Социальное положение			
	рабо- тающий	нерабо- тающий	учащий- ся	не уча- щийся
п. «г» ч. 2 ст. 161	23	93	–	6
ч. 1 ст. 162	43	131	6	–
ч. 1 ст. 163	18	17	13	–
п. «в» ч. 2 ст. 166	5	18	3	–
ч. 4 ст. 166	10	16	–	–

Поведение личности, сфера ее интересов, круг общения, выбор способов реализации жизненных целей в немалой степени обусловлены уровнем образования. Последний тесно связан с культурным уровнем, повышение которого выступает действенным антикриминогенным фактором. Разумеется, речь может идти только о корреляционной зависимости, так как законы зависимости не заданы и, более того, каждая из величин подвержена действию случайных факторов; в этом случае изменение одной величины влечет изменение среднего значения другой (Остроумов С. С. Советская судебная стати-

стика. М., 1976. С. 274). В научной литературе отмечается, что самый низкий уровень образования у лиц, виновных в совершении насильственных и корыстно-насильственных преступлений (Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. С. 164). В целом это, вероятно, так, однако наши исследования показали, что преступники имели среднее (52,5 %), среднее специальное (37,1 %)¹ и высшее образование (табл. 4). Вместе с тем следует подчеркнуть, что лица с высшим образованием не являются типичными преступниками, посягающими на собственность путем угрозы, они составляют всего 10,4 %.

Таблица 4

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УГРОЖАВШЕГО (ВИНОВНОГО)
ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ

Статья УК РФ	Образование		
	среднее	среднее специальное	высшее
п. «Г» ч. 2 ст. 161	73	49	–
ч. 1 ст. 162	94	56	30
ч. 1 ст. 163	18	18	12
п. «В» ч. 2 ст. 166	10	16	–
ч. 4 ст. 166	16	10	–

Семейное положение преступников в криминологии исследуется для того, чтобы выяснить влияние: а) семейных отношений на условия нравственного формирования личности и характер ее преступного поведения; б) характера и степени преступного поведения на семейные отношения; в) изменений семейного положения в структуре населения на характер преступных проявлений и состав преступников (Личность преступника. С. 124–125).

Разумеется, каждый из указанных аспектов образует самостоятельное направление криминологических исследований. В рамках настоящей статьи ограничимся характеристикой лиц, совершивших преступления против собственности путем угрозы, по трем показателям: холостой, женатый и разведенный. Согласно материалам уголовных дел 75 % осужденных были холостыми, 20 % – женатыми и 5 % – разведенными (табл. 5).

Таблица 5

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УГРОЖАВШЕГО (ВИНОВНОГО)
ПО СЕМЕЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ

Статья УК РФ	Семейное положение		
	холостой	женатый	разведенный
п. «Г» ч. 2 ст. 161	92	21	9
ч. 1 ст. 162	144	36	–
ч. 1 ст. 163	29	17	2
п. «В» ч. 2 ст. 166	20	3	3
ч. 4 ст. 166	18	3	5

¹ Около полувека назад криминологи отмечали, что среди корыстно-насильственных преступников лица со средним образованием представляют собой довольно редкое исключение (Блувштейн Ю. Д. Социальная характеристика лиц, осужденных за грабежи и разбойные нападения // Криминалистика на службе следствия. Вильнюс, 1967).

Как и в предыдущем случае, семейное положение с уровнем преступности также находятся в корреляционной зависимости, причем можно предположить, что указанная связь даже более сложная, чем между уровнем образования и преступностью.

По материалам уголовных дел практически невозможно установить причины распада семьи. Не исключено, что могло оказать влияние на это преступное поведение супруга, как, впрочем, нельзя однозначно объяснить и отсутствие семьи у большинства лиц, совершивших рассматриваемые преступления. Здесь, на наш взгляд, возможен один из двух вариантов объяснения: первый – созданию семьи препятствовал характер поведения лица. Из числа осужденных, отбывавших наказания за совершение путем угрозы преступлений против собственности, 38,6 % осуждены впервые. Остальные же и ранее отбывали наказания, причем 44,5 % совершили новое преступление в период испытательного срока или будучи условно-досрочно освобожденными из исправительного учреждения. 13,4 % лиц совершили грабеж или разбой в период непогашенной судимости за предыдущее преступление, 3,5 % – ранее привлекались к уголовной ответственности² (табл. 6).

Таблица 6

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УГРОЖАВШЕГО (ВИНОВНОГО)
ПО НАЛИЧИЮ СУДИМОСТИ

Статья УК РФ	В период исполнения приговора				После отбы- тия на- каза- ния, но в пери- од су- димос- ти	Лицо, ранее привле- кавшее- ся к уго- ловной ответст- венно- сти	Ранее не су- дим
	ус- лов- ное осу- жде- ние	ус- ловно- дос- роч- ное осво- бож- дение	испра- ви- тель- ные рабо- ты	от- срочка испол- нения при- говора			
п. «Г» ч. 2 ст. 161	26	29	–	–	29	3	35
ч. 1 ст. 162	43	22	–	–	18	4	93
ч. 1 ст. 163	11	11	–	–	7	7	12
п. «В» ч. 2 ст. 166	10	6	–	–	–	–	10
ч. 4 ст. 166	16	5	–	–	–	–	5

Второй вариант объяснения – осознанное невступление в брак, так как это исключало обязанности, обусловленные супружеством, не предполагало изменения образа жизни.

² Аналогичные данные приводятся и другими криминологами (Напр.: Уголовно-правовая борьба с кражами, грабежами и разбоями : монография / А. В. Борбат [и др.]. М., 2006. С. 162).

Об искажениях ценностно-нормативной системы достаточно наглядно свидетельствует структура судимости лиц. Нами выделены три блока: тождественные, однородные и иные преступления. Первые два блока, характеризуя устойчивость преступного занятия, свидетельствуют о доминирующей корыстно-насильственной мотивации преступников, их «специализации», принадлежности лица к криминальной среде, наличии специфической субкультуры. В структуре преступности лица, совершающие тождественные или однородные преступления, составляют (по изученным нами делам) 45 % (табл. 7).

Таблица 7

СТРУКТУРА СУДИМОСТИ¹

Статья УК РФ	Тождественные преступления	Однородные преступления	Иные преступления
п. «г» ч. 2 ст. 161	8	64	15
ч. 1 ст. 162	7	48	32
ч. 1 ст. 163	7	18	11
п. «в» ч. 2 ст. 166	–	11	5
ч. 4 ст. 166	–	16	5

Как правило, в юридической литературе указывается, что насильственно-корыстные преступления совершаются лицами, находящимися в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения (Напр.: Цалиев А. М. Указ. соч. С. 39). По полученным нами данным, лиц, находившихся при совершении преступления в состоянии опьянения, практически столько же (48,3 %), сколько и в трезвом состоянии (51,7 %) (табл. 8).

Таблица 8

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УГРОЖАВШЕГО (ВИНОВНОГО) ПО СОСТОЯНИЮ ОПЬЯНЕНИЯ В МОМЕНТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья УК РФ	Состояние опьянения		
	алкогольное	наркотическое	нет опьянения
п. «г» ч. 2 ст. 161	63	–	59
ч. 1 ст. 162	86	–	94
ч. 1 ст. 163	11	–	37
п. «в» ч. 2 ст. 166	13	–	13
ч. 4 ст. 166	21	–	5

Для полноты характеристики личности виновного в совершении преступлений против собственности путем угрозы, на наш взгляд, имеют значение еще два обстоятельства, ранее специально не выделявшихся в криминологических исследованиях рассматриваемого вида деяний: гражданство и место жительства преступника (в сравнении с местом совершения преступления).

Абсолютное большинство осужденных являются гражданами РФ, лишь 46 чел., или 11,4 %, – иностранными гражданами, 3 чел., или 0,7 %, – лица без гражданства (табл. 9).

¹ В табл. 7 приведены данные по лицам, ранее судимым (см. табл. 6).

Таблица 9

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УГРОЖАВШЕГО (ВИНОВНОГО) ПО ГРАЖДАНСТВУ

Статья УК РФ	Гражданство		
	гражданин РФ	иностраннй гражданин	лицо без гражданства
п. «г» ч. 2 ст. 161	116	3	3
ч. 1 ст. 162	148	32	–
ч. 1 ст. 163	37	11	–
п. «в» ч. 2 ст. 166	26	–	–
ч. 4 ст. 166	26	–	–

По второму обстоятельству, как и можно было предполагать, ранжированный ряд выглядит следующим образом: 70 % лиц совершили преступления по месту жительства; 20 % – в другом месте, мигранты составляют 10 % (табл. 10).

Таблица 10

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УГРОЖАВШЕГО (ВИНОВНОГО) ПО СООТНОШЕНИЮ СОДЕЯННОГО И МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

Статья УК РФ	Место жительства		
	местный житель	житель другой местности	мигрант
п. «г» ч. 2 ст. 161	104	15	3
ч. 1 ст. 162	108	40	32
ч. 1 ст. 163	33	11	4
п. «в» ч. 2 ст. 166	21	5	–
ч. 4 ст. 166	16	10	–

В причинном комплексе рассматриваемых преступлений важен «вклад» жертвы². Ее виктимное (о понятии виктимности см.: Варчук Т. В. Учение о жертве // Юрид. психология. 2008. № 4 ; Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск, 1988 ; Полубинский В. И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. М., 1980 ; Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975 ; Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972 и др.) поведение формируется, во-первых, в зависимости от ситуации. В психологии отмечается, что «внутреннее психическое содержание поведения, складывающееся в условиях определенной ситуации, особенно значимой для личности, в свою очередь, сказывается в ее поведении» (Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии. М., 1947. С. 518). Во-вторых, в преступлениях, «в которых просматривается преступник и жертва, криминализация первого и виктимизация последней составляют две самостоятельные линии пове-

² Данное понятие шире, чем потерпевший от преступления. «Под жертвой понимается человек, который несет физический, моральный (психологический) или материальный ущерб от действий других лиц» (Сердюк Л. В. О роли жертвы в насильственных преступлениях // Наказание: вопросы теории и практики. Уфа, 2008. С. 144).

дения, которые при их пересечении образуют новую систему связей и отношений, обеспечивающую взаимодействие этих субъектов права, его перерастание в преступление» (Сидоров Б. В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность. Казань, 1998. С. 93).

Нами выделен ряд критериев, характеризующих жертвы рассматриваемых преступлений: а) по половому признаку; б) возрасту; в) социальному положению; г) количеству потерпевших в одном преступлении; д) месту жительства (в сравнении с местом совершения преступления); е) гражданству; ж) состоянию опьянения.

Среди потерпевших в преступлениях против собственности, совершенных путем угрозы, мужчины составляют 74,4 %; женщины – 25,6 % (табл. 11). Из числа последних чуть больше половины (34 чел.) стали жертвами грабежа, 24 – разбоя. При неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством потерпевшими были только лица мужского пола. Такое распределение потерпевших, вероятно, в целом можно объяснить более осторожным поведением женщин; они реже оказываются одни вне дома в позднее время и т. п.

Таблица 11

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО
ПО ПОЛОВОМУ ПРИЗНАКУ

Статья УК РФ	Пол	
	мужской	женский
п. «Г» ч. 2 ст. 161	50	34
ч. 1 ст. 162	76	24
ч. 1 ст. 163	20	6
п. «В» ч. 2 ст. 166	20	–
ч. 4 ст. 166	20	–

По возрасту потерпевшие характеризуются следующим образом: на первом месте стоят лица в возрасте 25–30 лет (33,6 %); на втором – в возрасте 30–40 лет (29,6 %); на третьем – в возрасте 18–25 лет (21,6 %). Меньше всего жертв в возрасте 14–16 лет (4 чел., 1,6 %) и 40 лет и старше (14 чел., 5,6 %) (табл. 12).

Таблица 12

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО
ПО ВОЗРАСТУ

Статья УК РФ	Возраст, лет					
	14–16	16–18	18–25	25–30	30–40	40 и старше
п. «Г» ч. 2 ст. 161	4	10	8	28	28	6
ч. 1 ст. 162	–	4	22	32	34	8
ч. 1 ст. 163	–	4	4	12	6	–
п. «В» ч. 2 ст. 166	–	2	10	6	2	–
ч. 4 ст. 166	–	–	10	6	4	–

В целом потерпевшие в социальном плане являются благополучными: 212 чел., или 84,8 %, работали, 28 чел., или 11,2 %, учились (табл. 13).

Таблица 13

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО
ПО СОЦИАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ

Статья УК РФ	Социальное положение			
	работающий	неработающий	учащийся	не учащийся
п. «Г» ч. 2 ст. 161	64	6	14	–
ч. 1 ст. 162	92	2	6	–
ч. 1 ст. 163	20	–	6	–
п. «В» ч. 2 ст. 166	18	–	2	–
ч. 4 ст. 166	18	2	–	–

О виктимности поведения потерпевшего может свидетельствовать и тот факт, находился ли он в состоянии опьянения. По материалам изученных уголовных дел установлено, что только 24 чел., или 9,6 %, находились в состоянии алкогольного опьянения (табл. 14).

Таблица 14

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО
ПО СОСТОЯНИЮ ОПЬЯНЕНИЯ
В МОМЕНТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья УК РФ	Состояние опьянения		
	алкогольное	наркотическое	нет опьянения
п. «Г» ч. 2 ст. 161	10	–	74
ч. 1 ст. 162	10	–	90
ч. 1 ст. 163	2	–	24
п. «В» ч. 2 ст. 166	–	–	20
ч. 4 ст. 166	2	–	18

В связи с указанными обстоятельствами вызывает сомнение категоричное утверждение о том, что «в насильственных посягательствах, направленных против прав, свобод и законных интересов граждан, поведение преступника в значительной мере детерминировано личностными качествами и поведением жертв преступления» (Вандышев В. В. Жертвы тяжкого преступного насилия. СПб., 2007. С. 65).

Д. В. Ривман вообще полагал, что «индивид не приобретает виктимность, наоборот, он просто не может быть не виктимным, так как является членом общества, в котором не ликвидирована преступность, а следовательно, и объективная возможность оказаться жертвой преступления» (Ривман Д. В. Указ. соч. С. 14).

В этом случае, на наш взгляд, необоснованно отождествляются два обстоятельства: возможность любого лица стать жертвой, в частности, корыстно-насильственного преступления и виктимность поведения потерпевшего. Прав Л. В. Сердюк, утверждая, что при таком подходе «понятие “виктимность” вообще утрачивает смысл. В том то и дело, что далеко не все граждане провоцируют преступление против самого себя...» (Сердюк Л. В. Указ. соч. С. 146).

Таблица 16

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО
ПО ГРАЖДАНСТВУ

Статья УК РФ	Гражданство		
	гражданин РФ	иностранн гражданин	лицо без граж- данства
п. «Г» ч. 2 ст. 161	80	4	–
ч. 1 ст. 162	100	–	–
ч. 1 ст. 163	24	2	–
п. «В» ч. 2 ст. 166	20	–	–
ч. 4 ст. 166	20	–	–

Как и преступники, по месту совершения преступления в большинстве своем жертвы оказывались местными жителями (208 чел., или 83,2 %). Кроме того, жертвами были два мигранта (0,8 %), однако из этого нельзя сделать никакого вывода относительно их криминогенности. Для этого, по крайней мере, необходимо сопоставление ряда показателей, в первую очередь их общей численности и количества жертв в определенной местности, где в отношении их совершены преступления против собственности с применением угроз (табл. 17).

Таблица 17

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО
ПО СООТНОШЕНИЮ СОДЕЯННОГО И МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

Статья УК РФ	Место жительства		
	местный житель	житель другой местности	мигрант
п. «Г» ч. 2 ст. 161	80	4	–
ч. 1 ст. 162	78	22	–
ч. 1 ст. 163	20	4	2
п. «В» ч. 2 ст. 166	16	4	–
ч. 4 ст. 166	14	6	–

Таким образом, криминологическая характеристика угрозы в преступлениях против собственности не только имеет общетеоретическое, но и существенное практическое значение, в частности, при организации деятельности по предупреждению данного вида преступности.

Виктимология как наука проходит стадию своего становления, вероятно, этим можно объяснить отсутствие единого мнения среди криминологов относительно того, к чему относятся личность и поведение жертвы в этиологии преступления в целом. Так, одни авторы считают, что они входят в качестве самостоятельного элемента в конкретную жизненную ситуацию (С. Б. Алимов, В. С. Минская); другие относят их: а) к причинам и условиям совершения преступления (П. С. Дагель, Н. Ф. Кузнецова); б) условиям, порождающим преступление (В. А. Дубриный и др.); в) обстоятельствам, способствующим совершению преступления (Л. В. Франк и др.); г) обстоятельствам, влияющим на проявление антиобщественных взглядов и побуждений виновного в преступном посягательстве (А. Б. Сахаров и др.) (см. об этом подробно: Вандышев В. В. Указ. соч. С. 64–98).

По большинству уголовных дел был один потерпевший (198 дел, или 79,2 %). Эта ситуация вполне объяснима, так как путем воздействия на психику жертвы угрозой применения физического насилия, уничтожения или повреждения имущества и т. д. ее можно: а) устранить как субъект социальной деятельности из сферы общественных отношений; б) принудить к общественно значимым действиям и решениям, которые не соответствуют ее воле.

Двое потерпевших установлено по 46 делам (18,4 %), а более двух – только по 6 (2,4 %) (табл. 15).

Таблица 15

КОЛИЧЕСТВО ПОТЕРПЕВШИХ,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЛАСЬ УГРОЗА

Статья УК РФ	Количество потерпевших, чел.		
	один	двое	более двух
п. «Г» ч. 2 ст. 161	72	10	2
ч. 1 ст. 162	74	22	4
ч. 1 ст. 163	20	6	–
п. «В» ч. 2 ст. 166	16	4	–
ч. 4 ст. 166	16	4	–

Почти все жертвы (97,6 %) являлись гражданами России, только шесть из них (2,4 %) – иностранцами (табл. 16).

Библиографический список

1. Личность преступника / под ред. В. Н. Кудрявцева [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1975.
2. Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве / П. С. Дагель. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1970.
3. Уголовно-правовая борьба с кражами, грабежами и разбоями : монография / А. В. Борбат [и др.]. – М. : ВНИИ МВД России, 2006.

References

1. Personality of a Criminal / ed. by V. N. Kudryavtsev [et al.]. – M. : Legal Literature, 1975.
2. Dage P. S. Doctrine on the Personality of a Criminal in Soviet Criminal Law / P. S. Dage. – Vladivostok : Far Eastern University, 1970.
3. Criminal and Legal Struggle with Thefts, Plunders and Robberies / A. V. Borbat [et al.]. – M. : All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, 2006.

М. В. Сербин,
 заместитель заведующего кафедрой
 гражданского права
 Санкт-Петербургского государственного
 университета аэрокосмического приборостроения
 кандидат юридических наук, доцент

M. V. Serbin,
 Deputy Chief of the Department of Civil Law
 of Saint Petersburg State University
 of Aerospace Instrumentation
 Candidate of Law, Assistant professor

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Actual Problems of Codification of the Selective Legislation of the Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена проблемам кодификации федерального избирательного законодательства в Российской Федерации. Обосновывается необходимость принятия Избирательного кодекса Российской Федерации, который позволит говорить о совершенно ином качестве законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: Избирательный кодекс, выборы, избиратель, кодификация, избирательная комиссия.

Abstract. The article is devoted to the problems of codification of the federal selective legislation in the Russian Federation. The necessity of adoption of the Selective Code of the Russian Federation is grounded which will allow to speak about absolutely other quality of the legislation.

Key words: the Selective Code, elections, the voter, codification, election committee.

В Российском государстве давно назрел вопрос о необходимости принятия Избирательного кодекса Российской Федерации. Первая попытка его создания относится к 1992 г. В рамках плановой законотворческой деятельности Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам работы Советов народных депутатов и развития самоуправления рабочей группой был разработан пакет законопроектов под общим названием «Об избирательном процессе в Российской Федерации» («Избирательный кодекс России»). Он состоял из законопроекта «Об основах избирательного процесса» (фактически это была Общая часть кодекса) и шести законопроектов (Особенная часть) (Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 276–308). В июне 1992 г. этот пакет был представлен на рассмотрение Президиума Верховного Совета Российской Федерации и уже в июле того же года на парламентских слушаниях проект был заблокирован как слабо проработанный.

Следующая попытка создания Избирательного кодекса была предпринята в 1994 г. фракцией «Яблоко». Группа депутатов разрабатывала проект кодекса (Новиков Ю. А. Избирательная система России: 90 лет истории. М., 1996. С. 492–601) как альтернативу законам «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», «О выборах Президента

Российской Федерации», которые готовились под эгидой Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (далее: ЦИК РФ). Данный проект был внесен в Государственную Думу 14 ноября 1994 г. и рассмотрен на пленарном заседании 23 ноября 1994 г. в качестве альтернативного проекту Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» к этому времени уже был принят), внесенному Президентом Российской Федерации. После продолжительной дискуссии был принят президентский проект.

Избирательный кодекс в предложенном виде поддержки не получил по нескольким причинам. Во-первых, многие правоведы придерживались точки зрения о том, что кодификация избирательного законодательства на федеральном уровне противоречит Конституции Российской Федерации, которая предоставляет субъектам Федерации право самим устанавливать порядок выборов в региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления. Во-вторых, сыграли свою роль доводы о том, что кодификацию целесообразнее осуществлять уже после того, как будут приняты и апробированы на практике отдельные законы. В-третьих, депутаты понимали, что принятие кодекса требует длительного времени. Если бы его разработка затянулась, то очередные выборы в Государственную Думу 1995 г. вновь пришлось бы проводить не по закону, а по президентскому указу, что было неприемлемо на тот момент (Гельман В. Я.

Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода // ПОЛИС. 1997. № 4. С. 125).

Вопрос о разработке и принятии Избирательного кодекса был вновь поднят в 2000 г., но на этот раз уже самой ЦИК РФ. В ее докладе, опубликованном в октябре 2000 г., отмечалось, что после прохождения очередного избирательного цикла (т. е. после 2004 г.) можно будет решить вопрос о кодификации избирательного законодательства (О развитии и совершенствовании законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах : докл. Центр. избират. комис. Рос. Федерации // Вестн. Центр. избират. комис. Рос. Федерации. 2000. № 21. С. 47). Однако до настоящего времени реально к работе над кодексом никто не приступил.

При этом региональные избирательные комиссии периодически заявляют о необходимости принятия федерального Избирательного кодекса.

Каковы же причины, по которым необходимо принять федеральный Избирательный кодекс России? Первая и наиболее очевидная проблема, которая возникает из-за отсутствия единого кодифицированного федерального законодательного акта в области выборов, – это необходимость при проведении федеральных выборов руководствоваться одновременно двумя федеральными законами – специальным («О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» или «О выборах Президента Российской Федерации») и «рамочным» («Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Несмотря на то, что эти законы обычно разрабатывают одни и те же группы экспертов, коллизии между ними не удастся избежать. При этом нет ясности и в вопросе о приоритете закона. Пункт 6 ст. 1 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает приоритет данного закона по отношению к другим федеральным законам о выборах (Рос. газ. 2002. 15 июня). Однако некоторые специалисты считают, что ни один федеральный закон не может устанавливать свой приоритет перед другими федеральными законами, и предлагают руководствоваться общим принципом, согласно которому в случае коллизии действует закон, принятый позднее (Любаров А. Е. О концепции Избирательного кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2010. № 7. С. 46).

Другая проблема касается любых специальных законов – как федеральных, так и региональных. Она связана с тем, что в них приходится дублировать нормы «рамочного» закона, из-за

чего эти законы получаются довольно громоздкими. В связи с этим при дублировании и одновременном уточнении норм «рамочного» закона иногда происходит искажение их смысла. С региональными законами ситуация несколько проще, чем с федеральными, поскольку приоритет «рамочного» закона перед ними никем не оспаривается. Тем не менее и здесь существует проблема: п. 3 ст. 1 «рамочного» закона разрешает законам субъектов Федерации устанавливать гарантии избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, дополняющие гарантии, установленные этим Федеральным законом. Однако отсутствие четких критериев в вопросе, какие нормы, установленные специальным законом, можно считать дополнительными гарантиями, а какие – дополнительными ограничениями прав граждан, приводят к частым спорам, в том числе судебным (Там же. С. 47).

Кроме того, дублируя нормы «рамочного» закона, региональные законодатели часто не осуществляют самостоятельного регулирования тех вопросов, решение которых «рамочный» закон оставляет за ними. В результате в законодательном регулировании возникают серьезные пробелы.

Избежать дублирования норм «рамочного» закона можно только в том случае, если в этом законе будут четко разделены материальные и процессуальные, императивные и диспозитивные, общие и специальные нормы. В этом случае в специальном законе будет достаточно просто сослаться на соответствующие нормы «рамочного» закона. Иначе такие ссылки приведут к неопределенности.

Еще одна проблема, которую можно решить при кодификации российского избирательного законодательства, – это преодоление бессистемности многих его разделов.

В процессе кодификации следует преодолеть и более глубинную проблему, связанную с недостаточными регулированием и защитой избирательных прав граждан в российском законодательстве.

Относительно структуры Избирательного кодекса Российской Федерации специалисты в области избирательного права предлагают различные варианты.

Так, А. Е. Лобарев говорит о типовой структуре Избирательного кодекса России, а именно включающей Общую и Особенную части. По его мнению, Общая часть может быть во многом аналогична Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (для большего удобства ее предлагается разделить на несколько крупных разделов: «Общие вопросы», «Организационное обеспечение

проведения выборов» и «Избирательный процесс»), а Особенная – содержать разделы, посвященные выборам депутатов Государственной Думы и Президента Российской Федерации (если будет принято решение о прямых выборах в Совет Федерации, то нужен будет и раздел, посвященный этим выборам) (Там же. С. 49). Нельзя не согласиться с такой позицией, однако, по нашему мнению, Общая и Особенная части не должны содержать нормы, касающиеся референдума в Российской Федерации. Этому сложному институту должны быть посвящены нормы отдельной главы Избирательного кодекса Российской Федерации. Не исключен и тот вариант, при котором нормы так называемого референдумного права не войдут в Избирательный кодекс Российской Федерации.

Одна из главных задач, которая должна быть решена при разработке Избирательного кодекса, – это не только четкое разделение императивных и диспозитивных норм, но и попытка разграничить материальные и процессуальные нормы, которые в существующем избирательном законодательстве расположены хаотично.

Избирательный кодекс Российской Федерации позволит кодифицировать как нормы общего характера (о составлении списков избирателей, формировании избирательных комиссий, финансировании выборов, предвыборной агитации), так и особенности подготовки и проведения федеральных, региональных и муниципальных выборов.

Однако некоторые ученые критически относятся к идее разработки и принятия Избирательного кодекса. Так, по мнению А. Е. Постникова, действующий Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» с его всеобъемлющим предметом регулирования фактически играет роль Избирательного кодекса страны, но в данном качестве он не вполне эффективен, поскольку параллельно с ним действуют иные законы о выборах, при этом федеральными законами о выборах может изменяться его содержание. Превратиться в полноценный Избирательный кодекс России, исчерпывающим образом регулирующий проведение всех выборов в Российской Федерации, он не может без изменения Основного закона страны, без ревизии основ федеративного устройства страны, предполагающих определенную самостоятельность субъектов Федерации в формировании образуемых ими органов государственной власти, а также установленного Конституцией Российской Федерации разграничения полномочий между Россией и ее субъектами в области организации системы органов государственной власти и органов местного самоуправления (По-

стников А. Е. Актуальные направления развития избирательного законодательства // Журн. рос. права. 2004. № 2. С. 22).

Не соглашаясь с приведенной точкой зрения и считая необходимым принятие федерального Избирательного кодекса Российской Федерации, полагаем, что при его разработке также должны быть учтены следующие положения: в одной из первых глав должны быть перечислены избирательные системы, которые допускаются в Российской Федерации; для каждой из этих систем должны быть: прописаны подробные процедуры, в том числе регламентирующие порядок голосования, подсчета голосов, подведения итогов голосования, порядок участия в выборах граждан, которые не имеют возможности в день голосования прибыть на избирательный участок (досрочное голосование, голосование по открепительному удостоверению, голосование по почте); установлены временные нормы, действующие в случае, когда региональный закон не содержит необходимой для проведения выборов нормы или норма регионального закона не соответствует диспозитивной норме федерального закона; определен перечень субъектов избирательных правоотношений, права которых не могут быть ограничены региональным законом; в максимально возможной степени разделены материальные и процессуальные, императивные и диспозитивные, общие и специальные нормы.

Полагаем, что в Избирательном кодексе Российской Федерации должны найти отражение следующие новеллы избирательного законодательства:

– во-первых, необходимо ввести соотношение пропорциональной и мажоритарной частей системы выборов, тем самым не ущемляя конституционные права миллионов беспартийных россиян. Иными словами, вернуться к смешанной избирательной системе на выборах депутатов Государственной Думы: 225 депутатов избираются по одномандатным избирательным округам на основе единой нормы представительства (мажоритарная система), а 225 – по единому федеральному избирательному округу (по партийным спискам). Конечно, кто-то может упрекнуть нас в том, что подобная (смешанная) избирательная система уже существовала при формировании нижней палаты российского парламента, однако, по нашему мнению, те, кто претворил в жизнь идею перехода к формированию Государственной Думы по исключительно пропорциональной системе, должны признать ее неудачной и неэффективной для российской действительности. При отсутствии реальной конкуренции среди политических партий существующая пропорциональная избирательная система крайне неэффективна и абсолютно несовершенна;

– во-вторых, с целью повышения более широкого представительства интересов населения разумным было бы снижение заградительного барьера до минимальных показателей (3–5 %), в то время как ситуация с 7 %-ным барьером представляется слишком завышенной;

– в-третьих, в бюллетене для голосования графу «против всех кандидатов» («против всех списков кандидатов») следует восстановить. В период глубокой политической и экономической нестабильности в стране избиратель должен иметь возможность высказать протест существующим политическим силам с тем, чтобы побудить участвующих в выборах и власть задуматься над этим и предпринять шаги к минимизации процента проголосовавших «против всех» с помощью совершения реальных дел, а не путем пылких предвыборных речей и лозунгов;

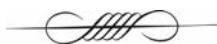
– в-четвертых, представляется целесообразным ввести в парламентскую практику некоторые элементы императивного мандата, например

институт отзыва депутата, что, безусловно, повысит ответственность депутатов Государственной Думы перед избирателями;

– в-пятых, в целях повышения активности избирателей на выборах необходимо изменить саму концепцию принципа свободных выборов следующим образом: свободные выборы – это не выборы, участие в которых носит добровольный характер, а выборы, при которых акт голосования дает возможность свободного выбора.

Все эти меры направлены на обеспечение равенства избирательных прав граждан, производного от равноправия граждан, гарантированного ст. 19 Конституции Российской Федерации.

В заключение выражаем уверенность, что в ближайшие годы и законодатели, и ЦИК РФ активизируют деятельность по разработке и принятию Избирательного кодекса Российской Федерации, который позволит говорить о совершенно ином качестве законодательства в рассматриваемой сфере.

Библиографический список

1. Гельман В. Я. Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода / В. Я. Гельман // ПОЛИС. – 1997. – № 4.
2. Иванченко А. В. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы / А. В. Иванченко, А. В. Кынев, А. Е. Любарев. – М. : Независимый ин-т выборов, 2005.
3. Любарев А. Е. О концепции Избирательного кодекса Российской Федерации / А. Е. Любарев // Государство и право. – 2010. – № 7.
4. Новиков Ю. А. Избирательная система России: 90 лет истории / Ю. А. Новиков. – М. : Манускрипт, 1996.
5. О развитии и совершенствовании законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах : докл. Центр. избират. комис. Рос. Федерации // Вестн. Центр. избират. комис. Рос. Федерации. – 2000. – № 21.
6. Постников А. Е. Актуальные направления развития избирательного законодательства / А. Е. Постников // Журн. рос. права. – 2004. – № 2.

References

1. Gelman V. Ya. Creating Game Rules: Russian Selective Legislation of the Transition Period / V. Ya. Gelman // POLICE. – 1997. – № 4.
2. Ivanchenko A. V. Proportional Electoral System in Russia: History, Modern State, Prospects / A. V. Ivanchenko, A. V. Kynev, A. E. Lyubarev. – M. : Independent Institute of Elections, 2005.
3. Lubarev A. E. On the Concept of the Selective Code of the Russian Federation / A. E. Lyubarev // State and Law. – 2010. – № 7.
4. Novikov Yu. A. Electoral System of Russia: 90 Years of History / Yu. A. Novikov. – M. : Manuscript, 1996.
5. On the Development and Perfection of the Legislation of the Russian Federation Concerning Elections and Referenda : Report of the Central Election Committee of the Russian Federation // Bull. of the Central Electoral Committee of the Russian Federation. – 2000. – № 21.
6. Postnikov A. E. Acute Directions of Development of the Selective Legislation / A. E. Postnikov // J. of the Russian Law. – 2004. – № 2.

Л. А. Сиверская,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

L. A. Siverskaya,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

АЛГОРИТМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Algorithm of Legal Order of Consideration of Report on Crime

Аннотация. В статье анализируется уголовно-процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела по рассмотрению сообщения о преступлении, предлагается упорядочить алгоритм действий должностных лиц и вносятся предложения по законодательному регулированию.

Ключевые слова: алгоритм деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении, прием, регистрация и проверка сообщения.

Abstract. In this article the author analyzes criminal and procedural activity on the stage of institution of legal proceedings related to considering a report on crime. The algorithm of officials' activities is offered as well as proposals which concern regulation of the legislation.

Key words: algorithm of actions related to consideration of a report on crime, reception, registration and verification of a reported crime.

Порядок рассмотрения сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела урегулирован ст. 144 УПК РФ. Однако данная дефиниция, как справедливо отмечают многие исследователи, содержит перечень самых общих элементов процедуры рассмотрения сообщения о преступлении. Более детально эти вопросы регламентированы в актах федеральных ведомств, анализ которых и позволяет составить представление о собственно деятельности по рассмотрению сообщений о преступлениях, ее теоретическом определении и фактическом содержании. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова глагол «рассмотреть» означает вникнуть, разобраться, дать ту или иную оценку чему-либо (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1952. С. 610). Безусловно, более удачной формулировки для комплекса действий должностных лиц по реагированию на сообщение о преступлении законодателю было бы трудно подобрать. В УПК РФ часто употребляется образованное от этого глагола существительное «расследование». Например, «рассмотрение уголовного дела в суде» включает в себя всю процедуру судебного производства с момента поступления уголовного дела в суд первой инстанции и до постановления приговора: в гл. 44 и 45 УПК РФ предусматривается соответственно апелляционный и кассационный порядок рассмотрения уголовного дела. Сотрудники правоохранительных ведомств, используя термин «рассмотрение» в служебном лексиконе, понимают его именно в том значении, какое вкладывает в это понятие законодатель. Порядок рассмотрения сообщения, предусмотренный ч. 1 ст. 144 УПК РФ, обязывает дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следствен-

ного органа «принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции... принять по нему решение» в установленный законом срок. Таким образом, термин «рассмотрение» в данном случае является обобщающим, включающим в себя три самостоятельных вышеперечисленных действия. Слово «принять» означает «взять, получить даваемое... получить в свое ведение» (Там же. С. 538). Однако нормы УПК РФ не дают ответа на вопрос о том, перечень каких действий законодатель понимает под деятельностью, обозначенной как прием сообщений. Определение содержания этой деятельности можно встретить лишь в ведомственных нормативных источниках. Так, в соответствии с п. 2 ст. 5 «Типового положения о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях» (далее: Типовое положение) «принятие (прием) – получение сообщения о преступлении должностным лицом, правомочным или уполномоченным на эти действия» (Рос. газ. 2006. 25 янв.). Аналогичное определение деятельности по приему сообщения содержится и в ведомственных инструкциях.

Обратимся к доктринальной трактовке этого термина, имеющейся в теоретических научных исследованиях и юридической литературе. Ряд авторов полагают, что прием сообщения о преступлении – это «получение в официальном порядке дознавателем, органом дознания, следователем исходящей от граждан, должностных лиц или организаций информации о совершенном или готовящемся преступном деянии» (Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : монография. М., 2003. С. 115). Другие исследователи расширяют

объем действий правоприменителя, включая, помимо получения сообщения, еще и его регистрацию. По утверждению Н. Е. Павлова, «производство по заявлениям, сообщениям о преступлениях» состоит из совокупности действий «собственно приема заявлений и сообщений, его оформления, обеспечения достоверности и регистрации заявления и сообщения» (Павлов Н. Е. Производство по заявлениям, сообщениям о преступлениях. Волгоград, 1979. С. 22). Такой же точки зрения придерживается и И. В. Удовыдченко, считая, что «принятие сообщения о преступлении – осуществляемая уполномоченными органами и лицами деятельность по оформлению и регистрации сообщения о преступлении» (Удовыдченко И. В. Процессуальные способы проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 26).

На наш взгляд, более обоснованной представляется позиция тех ученых, которые, раскрывая содержание деятельности по приему, указывают на совокупность действий должностных лиц, осуществляющих прием. Для того чтобы дать теоретически полное понятие приема сообщения о преступлении, определить перечень действий, составляющих эту деятельность, внести конструктивные предложения для рационализации организации работы, необходимо посмотреть, как данная процедура реализуется должностными лицами на практике. Опрос практических работников показал, что при получении информации они устанавливают данные о личности заявителя, определяют его правомочность, уточняют обстоятельства преступления, документально оформляют информацию, оценивают ее, анализируют полноту, содержание и достоверность сведений. Проведенный анализ действующего законодательства, позиций ученых-процессуалистов и мнений практических работников позволяет нам предложить следующее теоретическое определение приема сообщения о преступлении. *Прием сообщения о преступлении* – это получение дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа, судом поступившей информации о совершенном или готовящемся преступном деянии, анализ и оценка достоверности содержащихся в ней сведений, установление данных о личности заявителя, документальное оформление в соответствии с требованиями УПК РФ.

Регистрация сообщения является следующим элементом алгоритма действий. В действующей редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ отсутствует термин «регистрация» как составляющий элемент порядка рассмотрения сообщения. Более подробно действия должностных лиц регламентированы ведомственным законодателем, предписа-

ния которого детализируют выраженные абстрактно дефиниции УПК РФ и раскрывают понятийный аппарат. Так, в соответствии с п. 3 ст. 5 Типового положения «регистрация сообщения о преступлении – внесение уполномоченным должностным лицом в книгу, предназначенную для их регистрации... краткой информации, содержащейся в принятом сообщении о преступлении, а также отражение в этом сообщении сведений о его фиксации в вышеуказанной книге с присвоением соответствующего регистрационного номера». Определения понятия «регистрация», содержащиеся в ведомственных инструкциях, отличаются от вышепротитированного и друг от друга заметным своеобразием, а в Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях (далее: Инструкция ФСИН России), утвержденной приказом Минюста России от 11 июля 2006 г. № 250 (Рос. газ. 2006. 5 авг.) и приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 212 «О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях» (Законность. 2008. № 3) вообще не упоминаются. Несмотря на различия в интерпретации понятия «регистрация», анализ ведомственных источников позволяет составить собирательный образ комплекса мероприятий, осуществляемых на этом этапе. Так, должностные лица обязаны зафиксировать факт получения сообщения путем внесения в соответствующие материальные источники, в частности, в книгу учета преступлений, сведений о личности лица, сообщившего о преступлении, краткой информации о совершенном деянии, присвоить источнику регистрационный номер, соответствующий последовательно идущей нумерации, указать дату, время приема, сведения о должностном лице, осуществившем регистрацию.

Изучение теоретического аспекта показало, что большинство авторов не дают доктринального толкования понятия регистрации, а лишь воспроизводят ее определение, содержащееся в Типовом положении. Принципиальным спорным вопросом, по мнению ученых-процессуалистов, является выделение регистрации в качестве самостоятельного элемента в процессуальном механизме порядка рассмотрения сообщений и внесение его понятия в новеллы УПК РФ. Как было отмечено выше, в юридической литературе встречаются различные мнения относительно места регистрации в системе действий по рассмотрению сообщения. Одни считают регистрацию составляющим элементом деятельности по приему сообщения (Удовыдченко И. В. Указ. соч. С. 26). Сторонники другой позиции, полеми-

зируя, справедливо, на наш взгляд, относят регистрацию к самостоятельному элементу деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении (Гирько С. И. Уголовно-процессуальные функции милиции: теоретические, правовые и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004 ; Ковалева М. Г. Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005 ; Химичева Г. П. Указ. соч.). Нам представляется, что их точка зрения более близка к истине, а доводы с большей объективностью отражают содержание и назначение этой деятельности. В обоснование нашего взгляда приведем следующие аргументы. «Прием» и «регистрация» – термины семантически не тождественные, представляют собой отдельные самостоятельные действия, последовательно сменяющие друг друга, при этом первое из них является причиной, а второе – следствием. Прием есть процессуальное оформление полученной информации, после чего сообщение становится законным поводом к его рассмотрению. Регистрация же носит материально фиксированный характер и предполагает занесение информации в учетные документы с присвоением порядкового номера.

Дифференциация понятий «прием» и «регистрация» важна и с практической точки зрения. В соответствии с п. 9 ст. 5 УПК РФ досудебное производство начинается «с момента получения сообщения о преступлении», а фиксация этого действия в документации позволяет определить этот момент и правильно произвести исчисление сроков, осуществить ведомственный и судебный контроль, а также прокурорский надзор. Изучение мнений практических работников показало, что около 94 % сотрудников предлагают закрепить в УПК РФ норму об обязательности регистрации сообщений о преступлениях как составляющую часть порядка рассмотрения сообщений о преступлении.

Проведенный анализ правовых актов, мнений ученых и практиков позволяет сделать вывод о наличии правовой коллизии, которая требует нормативного, теоретического и практического разрешения. Отсутствие законодательного закрепления процессуального понятия «регистрация» как обязательного элемента деятельности предоставляет своего рода простор для творчества ведомственному законодателю. Конструируя подзаконные акты, он неоправданно расширил границы норм УПК РФ, допустил противоречивые толкования в понимании отдельных терминов и понятий. Подобное положение недопустимо, так как вносит элемент дисфункциональности в организацию деятельности, а «любая неточность в праве, особенно в уголовном процессе, может привести к существенным нарушениям закона» (Власова Н. А. Про-

блемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 76).

С учетом вышеизложенного, для внесения ясности в понятийный аппарат и оперирования в процессе правоприменения терминами и категориями, отличающимися универсальностью, считаем необходимым предложить следующее определение регистрации. *Регистрация сообщений о преступлениях* – это фиксация должностным лицом, уполномоченным ведомственными нормативными актами на осуществление такой деятельности, факта приема сообщения о преступлении в учетных документах единого стандарта, присвоение источнику информации регистрационного номера, даты, времени приема, краткой информации о совершенном деянии, внесение сведений о лице, сообщившем о преступлении, должностном лице, осуществившем регистрацию, а также иных данных, предусмотренных требованиями ведомственных нормативных актов.

Регистрация сообщений о преступлениях имеет большое теоретическое и важное практическое значение. С нее начинается соблюдение законности, реализация права граждан на доступ к правосудию, она является одним из правовых средств разрешения проблемы укрытия преступлений от учета. Представляется справедливым включить регистрацию в порядок рассмотрения сообщений о преступлении, предусмотренный ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Это соответствует требованиям законности и отражает тенденции современной юридической науки. Н. С. Манова и Ю. В. Францифоров считают, что «основные положения, касающиеся приема и регистрации поступающей в правоохранительные органы информации о преступлениях, должны найти отражение в уголовно-процессуальном законодательстве» (Манова Н. С., Францифоров Ю. В. Проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела по новому УПК РФ. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/3974/>). По мнению А. Н. Ильина, «закрепление в уголовно-процессуальном законе требований обязательности регистрации сообщений о преступлении также ликвидирует почву для разногласия имеющих место на практике» (Ильин А. Н. Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 97). Окончательное разрешение процессуальных коллизий федерального и ведомственного законодательства видится в изменении диспозиции ч. 1 ст. 144 УПК РФ и изложении ее в следующей редакции: «1. Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, зарегистрировать, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня по-

ступления указанного сообщения». Предложенная корректировка органично впишется в конструкцию ст. 144 УПК РФ, позволит устранить разночтения в толковании ученых-процессуалистов, сделает норму обязательным правилом для всех правоприменителей независимо от ведомственной принадлежности, будет способствовать снижению нарушений учетно-регистрационной дисциплины.

Поступившая и зарегистрированная информация подлежит проверке. Настоящие законодательные реалии таковы, что ч. 1 ст. 144 УПК РФ в императивной форме устанавливает обязанность компетентных органов провести ее вне зависимости от полноты информации, содержащейся в сообщении. Результаты проверки являются правовой основой и гарантией принятия законного решения, что существенно повышает ее значимость на первоначальном этапе уголовного судопроизводства и требует подробной правовой регламентации процедуры ее осуществления. Однако в действующем УПК РФ нет ответа на вопросы о том, что законодатель понимает под деятельностью, именуемой термином «проверка», и как должен действовать правоприменитель при ее осуществлении. Подзаконные нормативные правовые акты также не содержат перечня средств и действий, имеющихся в арсенале проверки сообщения. Позиции ведомственного законодателя не восполняют пробел в нормативном регулировании. В соответствии с п. 5 Типового положения «проверка – действия, предусмотренные частями 1 и 2 ст. 144 и частью 4 ст. 146 УПК РФ, производимые правомочными и (или) уполномоченными на то должностными лицами по сообщению о преступлении». Аналогичную редакцию имеют и нормы, содержащиеся в инструкциях федеральных ведомств (О порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации : приказ Следств. ком. при прокуратуре Рос. Федерации от 7 сент. 2007 г. № 14. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах Российской Федерации сообщений о преступлениях : приказ ФТС России от 12 янв. 2007 г. № 23 // Рос. газ. 2007. 4 апр. (далее: Инструкция ФТС России). Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, утвержденная приказом МВД России от 4 мая 2010 г. № 333 (далее: Инструкция МВД России), игнорируя законодательные предписания, содержащиеся в УПК РФ и Типовом положении, и демонстрируя самостоятельность в нормотворчестве, вообще

исключает проверку как составляющий элемент порядка рассмотрения сообщения о преступлении, определяя этот вид уголовно-процессуальной деятельности как «разрешение сообщения» (Рос. газ. 2010. 25 июня).

Используя доктринальный метод в исследовании, предпримем попытку ответить на вопросы о гносеологической природе данного понятия и его характере. Институт проверки сообщения о преступлении в научной литературе представлен богатым наследием советской и российской теоретической мысли. При их изучении обращает на себя внимание некий научный феномен этой деятельности, ставшей точкой пересечения многочисленных полярных мнений ученых-процессуалистов – от радикального до умеренно консервативного. В УПК советского периода отсутствовали нормы института проверки сообщения о преступлении, и проверочные действия, по общему правилу, не относились к числу процессуальных (Незванова Г. Г. Проверка основания к возбуждению уголовного дела // Науч. тр. Ташкент. ун-та. Ташкент, 1967. Вып. 309. С. 183 ; Савицкий Н. И. Возбуждение уголовного дела в советском военно-уголовном процессе. М., 1950. С. 2 ; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 251 ; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 232).

Острая дискуссия развернулась в период принятия Концепции Судебной реформы в РСФСР (Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435). Спектр высказанных мнений ученых-процессуалистов был представлен двумя взаимоисключающими позициями по следующим дискуссионным вопросам: имеет ли право на существование в современном уголовном процессе институт проверки сообщения о преступлении и какой характер носит проверочная деятельность. По первому вопросу мнения разделились на полярно противоположные – от полного отрицания проверки до ее обязательного нормативного закрепления. В предложениях радикальных оппонентов обосновывалось требование о полной ликвидации института проверки, поскольку «проверочная деятельность представляет собой анахронизм уголовно-процессуального законодательства, сводящийся к бессмысленной волоките и чрезмерной перестраховке» (Бажанов С. В. Оправдана ли так называемая доследственная проверка? // Законность. 1995. № 1. С. 53), и говорилось о необходимости возбуждать уголовное дело по каждому факту, изложенному в заявлении, тогда «...право человека на судебную защиту от преступлений приобретает характер непосредственно действующего, определяющего смысл и содержание деятельности исполнительной и законодательной властей» (Павлов Н. Е. Проблема правового ре-

гулирования рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях // Актуальные проблемы расследования преступлений : тр. Акад. МВД РФ. М., 1995. С. 71). До настоящего времени эта позиция остается дискуссионной и не теряет своей актуальности (Зипунников Д. А., Каретников А. С. Сообщения о преступлениях – проблемы теории и практики // Рос. юстиция. 2006. № 12. С. 54).

Сторонники более консервативных взглядов считали эти доводы несостоятельными, предлагали сохранить данный правовой институт и, осмысливая правовые новеллы и реалии российской государственности, высказывали свою точку зрения на его реформирование с учетом исторического опыта (Афанасьев В. С. Понятие и сущность проверки в стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы борьбы с преступностью. М., 1971. С. 132–133 ; Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 167–168 ; Химичева Г. П. Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 2. С. 180–205). Аргументируя позицию о необходимости упразднения проверки сообщения о преступлении, ее авторы и последователи утверждают, что проверочные действия по своей природе являются непроцессуальными (Вицин С. Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Рос. юстиция. 2003. № 6. С. 54–56).

Однако в юридической науке с приведенной точкой зрения не согласны большинство ученых-процессуалистов, чья позиция прошла проверку временем и подтверждена практикой применения норм УПК РФ (Березина Л. В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 118 ; Власова Н. А. Указ. соч. С. 93 ; Масленникова Л. Н. Процессуальное значение результатов проверочных действий в доказывании по уголовному делу : учеб. пособие. М., 1993. С. 3 ; Савицкий В. М. Очерки теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 97).

Задачами нашего исследования, помимо прочих, являются анализ уголовно-процессуального значения термина «проверка», наполнение его методологическим содержанием, возводящим в «процессуальный ранг». В словаре русского языка слово «проверка» толкуется как «удостоверение в правильности чего-нибудь, обследование с целью надзора, контроля» (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 553). Избрав доктринальный метод познания сущности, рассмотрим существующие понятия проверки. В. В. Аксенов рассматривал проверку как «регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность органа

дознания, следователя, прокурора и судьи по сбору и изучению дополнительных сведений, необходимых для принятия законного и обоснованного процессуального решения по поступившему первичному материалу о преступлении» (Аксенов В. В. Проверка сообщения о преступлении как форма уголовно-процессуального доказывания : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 36). М. Г. Ковалева считает, что проверка – это «деятельность по оценке информации, содержащейся в сообщении о преступлении», проводимая с целью «установления достаточных оснований для возбуждения уголовного дела» и осуществляемая «посредством различного рода проверочных мероприятий и отдельных следственных действий» (Ковалева М. Г. Указ. соч. С. 93). В. Н. Лепеев акцентировал внимание на использовании в процессе проверки «дозволенных законом процессуальных и криминалистических методов и приемов» (Лепеев В. Н. Проблемы тактики возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005). Л. В. Березина подчеркивает, что проверка «направлена на собирание, проверку и оценку доказательств в целях установления наличия или отсутствия повода и основания для возбуждения уголовного дела, а также принятие законного и обоснованного решения» (Березина Л. В. Указ. соч. С. 123).

Анализ приведенных дефиниций показывает, что при толковании термина «проверка» авторы используют такие конструктивные элементы, как характер, цели и содержание проверочной деятельности. Соглашаясь с вышеизложенными определениями и используя их в качестве общего подхода к теоретическому и методологическому наполнению понятия проверки, считаем необходимым сделать ряд существенных уточнений. Наш взгляд, *проверка сообщения о преступлении* – это регламентированная уголовно-процессуальным законом и ведомственными нормативными актами деятельность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и суда по сбору, изучению, анализу и оценке информации, содержащейся в сообщении о преступлении, получению дополнительных сведений, проводимая указанными в законе способами, с целью установления наличия или отсутствия повода и основания для возбуждения уголовного дела, а также принятию законного и обоснованного решения по поступившему сообщению о преступлении.

Завершающим элементом рассмотрения сообщения о преступлении в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ является принятие по нему решения. Это своего рода рубеж, где подводятся итоги всей деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении, а результаты ее сквозь призму объективности оцениваются на предмет

наличия основания для принятия одного из трех решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ. Указанные законодателем решения «выступают в качестве средства выполнения обязанностей, являются способом реализации предоставленных законом прав участников процесса» (Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 128).

Нормативная обязательность принятия решения по рассмотрению сообщения о преступлении продиктована стратегически значимыми последствиями для дальнейшего развития уголовно-процессуальных отношений, начало которым было положено принятием к рассмотрению поступившего сообщения о преступлении. Так, возбуждение уголовного дела инициирует начало уголовного судопроизводства, запускает механизм дальнейшего уголовного преследования, вовлекает в орбиту широкий круг его участников – от специально созданных государственных органов до порой случайных граждан, «является правовым основанием для всех дальнейших процессуальных действий при расследовании и разрешении его» (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2 : Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. С. 10). Отказ в возбуждении уголовного дела завершает уголовно-процессуальные отношения, связанные с рассмотрением сообщения о преступлении, предоставляет возможность реализации правомочий по обжалованию принятого решения, приводит в действие механизм ведомственного и судебного контроля, прокурорского надзора. Передача сообщения по подследственности является промежуточным решением, однако порождает обязанность должностных лиц другого ведомства рассмотреть сообщение о преступлении в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, а лиц, принявших сообщение, принять меры по сохранению следов преступления. Столь значимые правовые последствия, вытекающие из принятия решения, требуют от законодателя серьезного, продуманного подхода к нормативному регулированию, подробного закрепления в новеллах законодательных правил механизма принятия решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении.

Проанализируем действующие нормы УПК РФ и ведомственных актов, мнения ученых-процессуалистов, опыт правоприменительной практики и рассмотрим аспект теоретического определения уголовно-процессуального понятия «принятие решения по сообщению о преступлении» и его системные составляющие элементы. Законодатель в императивной форме требует от правоприменителя принять решение по сообщению о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), но при этом не рас-

крывает сущности данного процессуального понятия, не дает его толкования, ограничиваясь в п. 33 ст. 5 УПК РФ формально-поверхностным определением. Закономерным следствием этого является отсутствие терминологического разъяснения в подзаконных актах. В Типовом положении ни в одном из его разделов о таком элементе, как принятие решения вообще не упоминается. Не совсем удачную попытку восполнить этот нормативный пробел в правовом поле предприняли руководители федеральных служб, издавшие для внутреннего пользования инструкции, законоположения которых представляют собой худший вариант «ведомственной самодеятельности». Так, п. 2.3 Инструкции МВД России вводит не известное УПК РФ терминологическое понятие «разрешение сообщений о происшествиях», которое представляет собой некий симбиоз – «проверку фактов, изложенных в зарегистрированных сообщениях о происшествиях, уполномоченными должностными лицами органов внутренних дел и принятие в пределах их компетенции решений в порядке, установленном законодательством и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации». Норма, регламентирующая принятие решений, изложена в п. 33 Инструкции МВД России, который полностью воспроизводит норму ст. 145 УПК РФ. Аналогичных правовых недостатков не лишены Инструкция ФТС России и Инструкция ФСИН России, при этом в последней ничего не говорится ни о принятии решения, ни о том, какие они должны быть. Большое количество нормативных предписаний, которые не согласованы между собой, а порой и противоречивы, не «дает целостной, логически упорядоченной картины принятия решения по сообщению о преступлении» (Гирько С. И. Указ. соч. С. 202). При такой правовой ситуации, на наш взгляд, трудно согласиться с положениями УПК РФ, когда имеющиеся в нем столь «безобидные» на первый взгляд пробелы в ведомственном нормативном регулировании отозвались весьма «болезненно», обнажили проблемные ситуации, связанные с отсутствием единообразного развития правовых отношений и унификации практики, остро поставили вопрос о легитимности вариантов поведения правоприменителей различных федеральных ведомств. В данном случае следует согласиться с мнением А. А. Эксархопуло о необходимости «строгой регламентации в законе всей деятельности, которая предшествует принятию решения, порядку принятия решения и возможных вариантов, решений содержания и формы решений» (Эксархопуло А. А. Решения в криминалистике и их классификация // Юрид. зап. Воронеж. гос. ун-та. Воронеж, 1997. Вып. 7).

В русском языке под решением понимается «один из необходимых моментов волевого дей-

ствия, состоящий в выборе цели действия и способов его выполнения, заканчивающийся принятием решения» (Большая совет. энцикл. 2-е изд. М., 1955. Т. 36. С. 455). Действующий УПК РФ не предлагает правоприменителю легального определения понятия «принятие решения» в стадии возбуждения уголовного дела, однако в научной литературе можно встретить достаточно широкий спектр его теоретических определений (Баженов М. И. Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967 ; Белозеров Ю. Н., Чувилев А. А. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. М., 1973 ; Бородин С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела : учеб. пособие. М., 1970 ; Лупинская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972). По мнению С. И. Гирько, «принятие решения представляет собой протяженный во времени процесс, представляющий собой чисто мыслительную операцию обозначенного в законе субъекта по определению наличия и законности повода для его принятия» (Гирько С. И. Указ. соч. С. 206). В. Н. Григорьев и Г. А. Кузьмин полагают, что при принятии решения «уполномоченный орган или должностное лицо в пределах своей компетенции делают вывод об установленных обстоятельствах и на их основе, руководствуясь законом, дают ответы на возникающие правовые вопросы и выражают властное волеизъявление о действиях, вытекающих из установленных обстоятельств и предписаний закона» (Григорьев В. Н., Кузьмин Г. А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе (досудебные стадии). М., 2003. С. 2). Как неразрывное «единство внешней (чувственно-практической) и внутренней (умственной) деятельности» определяют процесс принятия решений на стадии возбуждения уголовного дела В. М. Корнуков, В. А. Лазарев, В. Д. Холоденко (Корнуков В. М., Лазарев В. А., Холоденко В. Д. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. Саратов, 2002. С. 13–14). В своем исследовании А. Б. Ломидзе утверждает, что процессуальное решение представляет собой «необходимый элемент процессуальной деятельности, сущность которого состоит в выборе из определенных законом альтернативных целей и средств тех, которые вытекают из установленных на момент принятия решения фактических данных, выражающий властное веление, направленное на осуществление задач расследования и облеченное в форму правового акта» (Ломидзе А. Б. Прокурорский надзор за законностью и обоснованностью принимаемых следователем процессуальных решений :

метод. пособие. М., 2001. С. 23). Как правовой акт, в котором «должностное лицо в пределах своей компетенции в установленном уголовно-процессуальном законом порядке выражает в виде государственно-властного веления выводы о выполнении или невыполнении конкретных процессуальных действий, обусловленных необходимостью достижения задач уголовного судопроизводства и требованиям закона применительно к сложившейся фактической ситуации», определяет процессуальное решение А. Я. Дубинский (Дубинский А. Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы. Киев, 1975. С. 34).

Перечисленные выше доктринальные определения по сути своей весьма разнообразны. Одни авторы акцентируют внимание на мыслительном процессе принятия решения, подчиненном законам формальной логики и предписаниям закона, другие считают, что эта деятельность представляет собой некий синтез рационального и иррационального, сторонники третьей позиции определяют решение как процессуальный акт.

Опираясь на примерные дефиниции, предпримем попытку домыслить универсальное понятие, взяв за основу характеристику процесса решения юридического дела, данную профессором С. С. Алексеевым, который выделяет в нем три стороны: формально-логическую, творческую и государственно-властную управленческую деятельность компетентных органов (Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 280).

Соглашаясь с мнением С. С. Алексеева о том, что принятие решения не является единичным действием, а представляет собой процесс, полагаем необходимым несколько расширить его границы за пределы выделенных трех сторон, определив его как совокупность неразрывно связанных и взаимодействующих между собой элементов, позволяющих объединить их в систему, включающую такие базовые характеристики, как основание и элементы принятия решения. Первый элемент системы относится к логико-мыслительной стороне процесса принятия решения, в основе которого лежат анализ и оценка имеющейся информации, выделение в ней базовых критериев, таких как полнота и достоверность имеющихся данных, их объективность и обоснованность, соблюдение требований закона при рассмотрении сообщения.

Второй обязательный элемент связан с достижением цели рассмотрения сообщения о преступлении – установлением наличия либо отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела либо отказа в таковом. Он является обязательным условием принятия решения и носит правовой характер. Во-первых, результатом

оценки материала, полученного в процессе рассмотрения сообщения, является установление в деянии наличия признаков преступления либо отсутствия таковых. Во-вторых, юридическая квалификация содеянного по нормам УК РФ находит обязательное отражение в процессуальных документах, которыми оформляется принятие решения (п. 4 ч. 2 ст. 146 УПК РФ). В-третьих, процедура принятия решения регламентируется нормами УПК РФ, правильное применение которых позволяет определить дальнейшие процессуальные перспективы и их криминалистические аспекты.

Третьим обязательным элементом принятия решения по рассмотрению сообщения о преступлении является его процессуальное оформление. В соответствии с ч. 1 ст. 146 и ч. 1 ст. 148 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела или отказе в таковом оформляется постановлением лица, принявшего решение по результатам рассмотрения сообщения о преступлении. Оно должно соответствовать требованиям УПК РФ и состоять из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей. Содержащиеся в нем сведения должны соответствовать фактическим обстоятельствам, которые были установлены при рассмотрении сообщения, а выводы базироваться на их анализе и оценке. Принятие решения представляет собой форму личного волеизъявления конкретного должностного лица, поэтому в нем всегда присутствует субъективный элемент, представляющий собой совокупность нескольких характеристик личности, которые с той или иной степенью участия оказывают влияние на принятие решения. К их числу следует отнести такие индивидуальные качества субъекта, как характер, уровень эмоциональной и психологической устойчивости, критерии нравственных требований. Принятие решения формируется при участии волевых качеств субъекта: желание разобраться в ситуации, стремление к познанию объективной действительности, готовность и способность осуществить это. Определяющее значение имеют интеллектуальные качества личности: уровень мышления, умение логически мыслить и аналитически оценивать, предвидеть перспективу развития ситуации и моделировать ее результат. Специфической чертой принятия решения по результатам рассмотрения сообщения является влияние профессиональных характеристик: уровень образования, наличие специальных знаний, профессиональных навыков, опыт работы, квалификация, отношение к исполнению своих служебных обязанностей. Принятие решения по сообщению о преступлении является реализацией должностным лицом нормативных предписаний о властных полномочиях, которыми он наделен как субъект, осуществляющий уголовно-процессу-

альную деятельность на стадии возбуждения уголовного дела. Само же решение является юридическим фактом, порождающим значимые последствия для дальнейшего развития и движения процесса. Совокупность этих двух явлений представляет еще один элемент принятия решения, а именно государственно-властную управленческую деятельность.

Проанализировав ключевое понятие «процессуальное решение в стадии возбуждения уголовного дела», базирующееся на взглядах ученых-процессуалистов, в целях совершенствования законодательной техники описания правовых понятий, предлагаем собственное определение понятия «*принятие решения по сообщению о преступлении*»: это логико-мыслительная, организационно-управленческая и правоприменительная деятельность должностных лиц государственных органов, осуществляемая в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона и ведомственных нормативных правовых актов, направленная на установление наличия либо отсутствия предусмотренных законом оснований для его принятия, содержащая объективные, достоверные и обоснованные выводы по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, выражающая властное волеизъявление субъекта, облеченное в форму правового акта. Использование в процессе исследования таких специфических научно апробированных приемов, как анализ института рассмотрения сообщений о преступлении, раскрытие на доктринальном и законодательном уровнях его содержания, изучение основных позиций ученых-юристов различных научных направлений на теоретическую природу понятийного аппарата позволяют определить концептуальные основы деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении, сформулировать теоретическую конструкцию этого понятия и внести законодательные предложения по оптимизации действующего нормативно-правового регулирования.

Сегодня ни УПК РФ, ни федеральные законы, ни ведомственная нормативно-правовая база не дают теоретического определения деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении, что, по нашему мнению, является существенным изъяном правовой регламентации и создает определенные трудности при осуществлении нормотворческой деятельности ведомственным законодателем. Непоследовательное и фрагментарное правовое регулирование негативно сказывается и на практике правоприменения. Норма, предполагающая многовариативность толкования и субъективного усмотрения, никогда не станет абсолютным императивным правилом. Обращение к доктринальным дефинициям понятийного аппарата «рассмотрение сообщений о преступлении» показало, что ученые-процессуалисты занимались этим вопросом, и в

научной литературе имеются теоретические определения данного вида уголовно-процессуальной деятельности. По мнению Г. П. Химичевой, «рассмотрение сообщения о преступлении есть уголовно-процессуальная деятельность, заключающаяся в системе процессуальных действий и решений по принятию сообщения о преступлении, его проверке и разрешению по существу» (Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам. С. 37). А. В. Капранов считает, что «рассмотрение данных о совершенном или готовящемся преступлении представляет собой особый вид процессуальной деятельности, образующей начальную стадию уголовного процесса, задачей которой является рассмотрение, а в необходимых случаях и проверка методами, установленными законом, обнаруженных данных о совершенном или готовящемся преступлении, в результате чего принимается решение о возбуждении уголовного дела или отказе в таковом» (Капранов А. В. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 127). Н. А. Власова полагает, что «рассмотрение и разрешение сообщений о преступлениях – это самостоятельная и необходимая стадия уголовного процесса, в рамках которой устанавливается наличие или отсутствие фактических и юридических оснований для производства предварительного расследования и возможности применения мер процессуального принуждения (Власова Н. А. Указ. соч. С. 87).

Вышеприведенные дефиниции отличны по содержанию, несут разную смысловую нагрузку и не лишены недостатков. В них не в полном объеме раскрыты сущность данного вида уголовно-процессуальной деятельности, установленный законом процедурный порядок, не конкретизированы составляющие его элементы. Однако, несмотря на различия, в авторских трактовках теоретических понятий есть то, что их объединяет. Таким связующим элементом, положенным в основание конструирования дефиниции, является признание уголовно-процессуального характера деятельности, осуществляемой в рамках первоначальной стадии уголовного

процесса, необходимость которой предопределена установлением законности повода и достаточности оснований для принятия решения. Проведенное нами исследование вопроса, касающегося рассмотрения сообщений о преступлении, позволяет нам предложить собственное определение этого понятия. *Рассмотрение сообщения о преступлении* – уголовно-процессуальная деятельность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и суда на стадии возбуждения уголовного дела, осуществляемая в пределах компетенции, установленной действующими нормативными актами, по приему, регистрации, проверке поступившего сообщения о совершенном или готовящемся преступлении в целях установления наличия или отсутствия фактических и юридических оснований для принятия законного и обоснованного решения в соответствии с ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

В заключение отметим, что рассмотрение сообщения о преступлении представляет собой алгоритмический процесс, состоящий из комплекса запрограммированных нормативными предписаниями действий, последовательно сменяющих друг друга, элементами которого являются прием, регистрация, проверка сообщения о преступлении и принятие по нему решения. Соглашаясь с утверждением Ю. В. Деришева о том, что «отсутствие необходимых законодательных правил ведет к отрицанию процессуальной значимости, проявлению процессуальной расточительности» (Деришев Ю. В. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт социалистической законности // Рос. юстиция. 2003. № 8. С. 36), полагаем, что придание предложенным нами теоретическим конструкциям понятийного аппарата нормативного закрепления не только восполнит серьезный пробел в законодательстве и устранил коллизии правовых норм, но и выступит гарантом обеспечения прав, свобод и законных интересов личности в сфере уголовного судопроизводства. В связи с этим считаем целесообразным внести предложенные дополнения в ст. 5, ч. 1 ст. 144 УПК РФ и ведомственные нормативные правовые акты.

Библиографический список

1. Бажанов С. В. Оправдана ли так называемая доследственная проверка? // Законность. – 1995. – № 1.
2. Вицин С. Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве / С. Е. Вицин // Рос. юстиция. – 2003. – № 6.
3. Зипунников Д. А. Сообщения о преступлениях – проблемы теории и практики / Д. А. Зипунников, А. С. Каретников // Рос. юстиция. – 2006. – № 12.

References

1. Bazhanov S. V. Is the So-Called Pre-Investigation Verification Justified? / S. V. Bazhanov // Zakonnost. – 1995. – № 1.
2. Vitsin S. E. Institution of Excitation of a Criminal case in Criminal Legal Proceedings / S. E. Vitsin // The Russian Justice. – 2003. – № 6.
3. Zipunnikov D. A. Reporting on Crimes – Problems of Theory and Practice / D. A. Zipunnikov, A. S. Karetnikov // The Russian Justice. – 2006. – № 12.

В. С. Соловьев,
*адъюнкт кафедры уголовного права
 и криминологии
 Воронежского института МВД России*

V. S. Solovyev,
*post-graduate student of the Department
 of Criminal Law and Criminology
 of Voronezh Institute of the Ministry
 of the Internal Affairs of Russia*

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
 ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАВЯЩВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**Social and Legal Features of the Personality of Criminals Committing Crimes Against Social Morality
 in Relation to Minors**

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения личности преступников, совершающих преступления против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних. Особое внимание уделено исследованию социально-демографических и правовых свойств личности данной категории преступников.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, личность преступника, общественная нравственность, социально-правовые свойства.

Abstract. The article is devoted to the problems of studying of the personality of criminals committing crimes against minors' morality. Special attention is paid to the analysis of social, demographic and legal features of the given category of criminals.

Key words: criminological description; personality of a criminal; public morality; social and legal features.

Личность преступника – один из центральных объектов криминологического исследования. Задача ее изучения заключается в выявлении и оценке личностных качеств, свойств и черт, порождающих преступное поведение и определяющих пути последующей его профилактики.

Подробно изучив существующие в криминологии подходы к определению личности преступника (Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. М., 2000. С. 12 ; Бурлаков В. Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования. СПб., 1998. С. 21 ; Щербаков В. А. Личность преступника и ее криминологическая характеристика // Криминология : учеб. пособие / под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. М., 2007. С. 130), мы предлагаем следующую дефиницию личности преступника, совершившего преступление против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних: это личность человека, который в силу своих социально-психологических характеристик, сформировавшихся в процессе его социализации под влиянием внешних условий, приобрел такое отношение к нравственным ценностям и правовым нормам, которое позволяет ему в качестве способа удовлетворения своих потребностей совершить преступление против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних.

Все многообразие личностных качеств делят на определенные группы, совокупность которых называют структурой личности. Основная проблема в

определении фундаментальных социально-типических качеств личности состоит в том, что внутренняя структура личности должна пониматься не как набор отдельных черт, а как целостная система, в которой соединены в одно различные, часто противоречивые стороны или отдельные качества индивида (Могилевский А. Л. Истоки правонарушения (социально-психологический аспект) / под ред. Б. С. Сарыева. Ашхабад, 1987. С. 79).

В научной литературе встречаются различные точки зрения на структуру личности преступника. Между тем все их объединяет основание, по которому группируются личностные свойства. Таким основанием является их деление на внешние (объективные, проявляющиеся в окружающей действительности) и внутренние (субъективные, психологические) по отношению к конкретному индивиду.

К внешним относятся две группы признаков: социально-демографические и правовые. В первую группу входят такие характеристики, как пол, возраст, образование, гражданство, место проживания, социальное положение, профессиональная принадлежность и др. Как отмечается в криминологической литературе, социально-демографические признаки не несут глубокой сущностной нагрузки, но все же именно они нередко являются отправной точкой определения объекта индивидуальной профилактики (Кургузкина Е. Б. Проблемы индивидуальной профилактики преступлений в современной России : монография. Воронеж, 2002. С. 20).

Вторая группа признаков включает в себя квалификацию совершенного преступления, степень тяжести, форму вины, мотив, одиночный

или групповой характер, множественность, роль в совершении группового преступления и т. д.

Проведенное нами исследование показало, что на территории Центрального федерального округа Российской Федерации (далее: ЦФО РФ) за последние пять лет было выявлено 224 лица, совершивших преступления против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних. Среди них преобладают мужчины (61 %), хотя доля женщин также велика (39 %). В среднем по России женщинами совершается около 16 % от общего числа преступлений. При этом доля женщин, вовлекавших несовершеннолетних в занятие проституцией, выше среднего показателя (48 %). Число женщин, занимавшихся организацией занятия проституцией с привлечением несовершеннолетних, превышает количество мужчин и составляет 52 %. В свою очередь, среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности за распространение материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, мужчин – абсолютное большинство (96 %).

Такое соотношение половой принадлежности преступников объясняется тем, что женщинам гораздо проще содержать притон для занятия проституцией, в том числе и использовать собственное жилое помещение для этих целей. Число держателей притонов часто пополняется женщинами, которые сами занимались проституцией, однако в силу возраста и здоровья вынуждены искать более легкий способ заработка. Все остальные лица, задействованные в сфере оказания сексуальных услуг, например, сутенеры, охранники, водители, изготовители и распространители порнографической продукции, практически всегда являются представителями мужского пола.

Преобладающее количество преступлений против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних совершили лица в возрасте от 18 до 39 лет (90 %), при этом лица в возрасте от 18 до 24 лет совершили 31 % преступлений, от 25 до 29 лет – 21 % преступлений, от 30 до 39 лет – 38 % преступлений.

Таким образом, преступники именно данных возрастных групп обладают теми личностными качествами, которые оказывают наибольшее воздействие на несовершеннолетних при вовлечении их в сферу оказания коммерческих сексуальных услуг. У несовершеннолетних такие лица имеют определенный авторитет, который основан на большем, чем у них, жизненном опыте. В то же время разница в возрасте между преступниками и потерпевшими, как правило, не очень значительна, что способствует формированию между ними доверительных отношений.

Оценивая образовательный уровень лиц, совершивших преступления против общественной

нравственности в отношении несовершеннолетних, нужно отметить, что основная их масса имеет среднее (полное) общее образование (43 %), среднее профессиональное образование – 26 %, высшее профессиональное образование – 15 %, основное общее образование – 13 %, не имеют основного общего образования 3 % преступников.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что большинство лиц, совершивших преступления против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних, не были заинтересованы в получении высокого уровня образования с последующим трудоустройством по специальности. Большая часть таких лиц после завершения среднего или среднего профессионального образования стремились к получению доходов при минимальном количестве физических и умственных затрат, что в конечном итоге привело их к совершению данной группы преступлений.

Более половины лиц, совершивших преступления против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних, не имели достаточного уровня образования, а следовательно, были лишены постоянного источника дохода (67 %). Доля таких лиц несколько выше среднего показателя среди всех лиц, совершивших преступления за исследуемый период (61 %). То есть преступники, посягающие на нравственность несовершеннолетних, рассматривают эту деятельность в качестве основного источника получения материальных средств.

Основная масса лиц рассматриваемой нами категории являются гражданами России (88 %), однако доля иностранных граждан и лиц без гражданства достаточно велика (12 %) по сравнению с показателями преступности в целом (3 %). Число иностранных граждан и лиц без гражданства, привлеченных к уголовной ответственности за организацию занятия проституцией с привлечением несовершеннолетних, еще выше и составляет 19 %.

Эти статистические данные свидетельствуют о том, что анализируемый вид преступности является транснациональным. Международные преступные группы активно действуют в России. Они проводят вербовку несовершеннолетних для последующей отправки за границу, где вовлекают их в сферу оказания коммерческих сексуальных услуг.

Анализ мест проживания лиц, совершивших преступления против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних, показывает, что местные жители (лица, постоянно или преимущественно проживающие на той территории, на которой они совершили преступление) составляют 72 %. При этом на территории

г. Москвы доля местных жителей составляет лишь 47 %, Московской области – 36 %, в остальных субъектах ЦФО РФ – 95 %.

Данный факт объясняется тем, что на территории г. Москвы и Московской области находится большое количество приезжих как из других городов России, так и из зарубежных стран. Кроме того, на территории г. Москвы и Московской области выше, чем в других областях, и доля приезжих, совершивших преступления. Указанная тенденция прослеживается и при совершении преступлений против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних.

На территории г. Москвы и областных центров совершили преступления 62 % лиц, в городах и поселках городского типа – 31 %, в сельской местности – 7 %.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данный вид преступности в основном является «городским». В города приезжает большое количество лиц, в том числе и несовершеннолетних, для обучения или поиска работы. Не все из них поступают в учебные заведения или трудоустраиваются. Именно эта часть несовершеннолетних наиболее часто становится объектом вовлечения в различного рода противоправную деятельность, в том числе и в сферу оказания коммерческих сексуальных услуг. Кроме того, на территории городов из-за большого количества и высокой плотности населения существует повышенный спрос на сексуальные услуги. В городских условиях лучше развиты средства массовой коммуникации, имеется возможность рекламировать деятельность по оказанию сексуальных услуг и привлекать к этому занятию новых лиц. Наконец, в городских условиях легче скрыть деятельность притонов и иных организаций, оказывающих коммерческие сексуальные услуги.

Изучение правовых свойств личности преступников показало, что в исследуемый период они совершили следующие деяния:

- 81 преступник (36 %) – вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией;
- 97 преступников (43 %) – организация занятия проституцией с использованием заведомо несовершеннолетних;
- 46 преступников (21 %) – распространение материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Кроме того, все из зарегистрированных преступлений являлись тяжкими.

Эти данные свидетельствуют о том, что среди преступников, посягающих на нравственность несовершеннолетних, больше распространены преступления, связанные с организацией и вовлечением несовершеннолетних в занятие проституцией. Причина указанного факта кроется в относительной простоте совершения таких пре-

ступлений по сравнению с изготовлением порнографических материалов или предметов с изображением несовершеннолетних, для которого нужны дорогостоящее оборудование и специальные знания.

Более половины преступников (53 %) совершили преступления против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних в составе различных преступных групп. Данный показатель более чем в два раза превышает средний показатель преступности за исследуемый период (20 %). При этом из указанной группы преступников 22 % совершили преступление в составе группы лиц, 26 % – в составе группы лиц по предварительному сговору, 52 % – в составе организованной группы. Кроме того, среди участников преступных групп 74 % были признаны исполнителями, 26 % – организаторами преступлений.

Следовательно, можно сделать вывод, что данный вид преступности носит организованный, групповой характер. В преступных группах существует четкое распределение ролей. Во главе таких групп стоят организаторы, в первую очередь сутенеры или руководители различных фирм, оказывающих коммерческие сексуальные услуги, либо занимающиеся изготовлением порнографической продукции. Уровнем ниже находятся лица, обеспечивающие деятельность таких фирм. К ним относятся диспетчеры, охранники, водители, содержатели притонов, медицинские работники, администраторы гостиниц, саун и других заведений, которые могут использоваться в качестве мест для оказания коммерческих сексуальных услуг со стороны несовершеннолетних.

За исследуемый период на территории ЦФО РФ лишь 15 % преступников, совершивших преступления против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних, ранее совершали преступления. Доля лиц, ранее совершавших преступления, меньше аналогичного показателя среди всех преступников за исследуемый период (30 %). Среди лиц, совершивших преступления против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних и ранее совершавших преступления, 55 % были судимы один раз, 42 % – два и более раз, 3 % – два и более раз за аналогичное преступление.

Столь большая доля лиц, ранее совершавших преступления, объясняется как высокой латентностью преступлений против общественной нравственности, совершаемых в отношении несовершеннолетних, так и возросшим уровнем профессионализма и возможности сокрытия преступных действий после привлечения к уголовной ответственности. Между тем эти 15 % лиц, ранее совершавших преступления, представляют наибольшую общественную опасность, поскольку именно они способны использовать подходящую ситуа-

цию для оказания отрицательного влияния на несовершеннолетних и вовлечения их в сферу оказания коммерческих сексуальных услуг. Это подтверждают и результаты исследований других авторов. Так, В. А. Лелеков пишет, что преступная активность лиц, ранее совершавших преступления, в 25 раз выше, чем всех остальных граждан (Лелеков В. А. Молодежная преступность: проблемы и опыт региональных исследований : монография. Воронеж, 1998. С. 104).

В заключение еще раз отметим, что лица, совершающие преступления против общественной нравственности в отношении несовершенно-

них, по своим социально-демографическим и правовым характеристикам имеют ряд специфических черт, отличающих их от иных категорий преступников (большое количество лиц женского пола, значительная доля иностранных граждан, высокий уровень групповой и организованной преступности, а также относительно низкий процент лиц, ранее совершавших преступления). Данные особенности должны быть учтены при организации индивидуальной профилактики преступлений против общественной нравственности, совершаемых в отношении несовершенно-

Библиографический список

1. Бурлаков В. Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования / В. Н. Бурлаков. – СПб. : Санкт-Петербург. акад. МВД России, 1998.
2. Кургузкина Е. Б. Проблемы индивидуальной профилактики преступлений в современной России : монография / Е. Б. Кургузкина. – Воронеж : ВФ МГЭИ, 2002.
3. Лелеков В. А. Молодежная преступность: проблемы и опыт региональных исследований : монография / В. А. Лелеков. – Воронеж : ВВШ МВД РФ, 1998.
4. Могилевский А. Л. Истоки правонарушения (социально-психологический аспект) / А. Л. Могилевский ; под ред. Б. С. Сарыева. – Ашхабад : Илым, 1987.
5. Щербakov В. А. Личность преступника и ее криминологическая характеристика / В. А. Щербakov // Криминология : учеб. пособие / под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. М. : Юнити-Дана, 2007.

References

1. Burlakov V. N. Criminogenic Personality and Personal Crime Prevention: Problems of Modelling / V. N. Burlakov. – SPb. : St.-Petersburg Acad. of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, 1998.
2. Kurguzkina E. B. Problems of Individual Crime Prevention in Modern Russia / E. B. Kurguzkina. – Voronezh : VB MHEI, 2002.
3. Lelekov V. A. Youth Crime: Problems and Experience of Regional Research / V. A. Lelekov. – Voronezh : Voronezh High School of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, 1998.
4. Mogilevskiy A. L. The Origins of Offense (Socio-Psychological Aspect) / A. L. Mogilevskiy ; ed. by B. S. Sariyev. – Ashkhabad : Ilym, 1987.
5. Shcherbakov V. A. Criminal Personality and Criminological Characteristics / V. A. Shcherbakov // Criminology / ed. by S. Ja. Lebedev, M. A. Kochubey. – M. : Unity-Dana, 2007.

О. А. Тарнавский,
 доцент кафедры уголовного процесса
 Оренбургского государственного университета
 кандидат юридических наук, доцент

O. A. Tarnavskiy,
 Associate Professor of the Department
 of Criminal Procedure of Orenburg State University
 Candidate of Law, Assistant professor

**ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СПОСОБОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
 ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

**To the Question of Raising Effectiveness of Damage Compensation Methods Caused
 by the Crime within the Criminal Court Proceedings**

Аннотация. В статье анализируются закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве способы возмещения вреда, причиненного преступлением. Поднимается наиболее актуальная, с точки зрения автора, проблема эффективности применения данных способов. Выявляются основные направления дальнейшего развития института возмещения вреда в уголовном процессе.

Ключевые слова: вред, потерпевший, способы, возмещение, эффективность, компенсация, гражданский иск, медиация.

Abstract. This article analyses methods of compensation of damage caused by the crime fixed in the criminal proceeding legislation. From the author's point of view the acute problem is the effective use of these methods. And the main directions for the further development of the institution of damage compensation in criminal proceeding are revealed.

Key words: damage, victim, methods, indemnity, effectiveness, compensation, civil action, mediation.

Комитетом министров Совета Европы (далее: КМСЕ) 28 июня 1985 г. была принята Рекомендация № R(85)11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса», которая закрепляет, что основной функцией уголовного правосудия должны быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего. Кроме того, в ней говорится, что следует в большей степени учитывать запросы пострадавшего на всех стадиях уголовного процесса (URL: http://echr-base.ru/rec85_11.jsp). КМСЕ также порекомендовал правительствам государств-членов, учитывая Европейскую конвенцию о возмещении ущерба жертвам от насильственных преступлений ETS № 116 (Страсбург, 24 ноября 1983 г.), пересмотреть в этом ракурсе свое законодательство и практику.

Вопросы, касающиеся возмещения вреда, причиненного преступлением, неразрывно связаны с назначением уголовного судопроизводства в силу объективных причин и могут быть решены преимущественно в рамках производства по уголовному делу с использованием предусмотренных законом способов возмещения вреда. Институт возмещения вреда, причиненного преступлением, исторически является уголовно-процессуальным. Задача возмещения вреда, причиненного преступлением, обусловлена применением не только гражданского, но и уголовного права (Сенин Н. Н. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 8).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: УПК РФ) предусматривает несколько способов возмещения вреда, причиненного преступлением. Гражданский иск все еще остается наиболее распространенным из них, что подтверждается судебной практикой. Наряду с ним немалое значение имеет также реституция (в буквальном смысле: «возвращение в первоначальное состояние и добровольное возмещение причиненного вреда, которое в определенных случаях может рассматриваться как условие освобождения от уголовной ответственности»). В то же время следует отметить, что самый распространенный способ возмещения вреда не есть самый эффективный. Вопрос о реальном возмещении вреда достаточно проблематичный, поскольку обеспечить исполнение решения суда в части гражданского иска не всегда возможно. Объясняется это целым рядом причин.

Возможность осуществления прав гражданским истцом обязаны обеспечить дознаватель, следователь, прокурор и суд (ст. 11 УПК РФ). С этой целью они должны принять меры по обеспечению иска. Такой мерой может быть наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ). В ст. 44 УПК РФ, определяющей объем процессуальных правомочий гражданского истца в ходе производства по уголовному делу, прямо не указано на его право ставить перед лицами, ответственными за ведение предварительного расследования, вопрос о принятии мер по обеспечению гражданского иска. Нет подобного положения и в ст. 42 УПК РФ. Тем не менее в действительности гражданский истец таким правом располага-

ет. Во-первых, оно проявляется в его праве на заявление ходатайств. Во-вторых, эта возможность следует из другого положения УПК РФ, согласно которому потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением (Галимов Т. Р. Субъекты доказывания гражданского иска в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2006. С. 46–47). В то же время независимо от того, что логически право требования мер по обеспечению гражданского иска можно вывести из других прав потерпевшего и гражданского истца, его необходимо четко регламентировать в законодательно закреплённом процессуальном статусе гражданского истца. Помимо этого, гражданскому истцу необходимо разъяснять порядок заявления подобного ходатайства, а также характер мер, которые могут приниматься для обеспечения гражданского иска.

По поводу обеспечения гражданского иска в уголовном судопроизводстве существуют и другие проблемы. Так, В. А. Семенцов считает одной из главных причин неудовлетворительного решения вопроса о возмещении вреда, причиненного преступлением, несовершенство уголовно-процессуального закона. В частности, законодатель не ставит перед органами уголовного преследования задачу принятия мер по обеспечению гражданских исков. Анализ ст. 21 и 73 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что эти органы обязаны лишь установить характер и размер вреда, причиненного преступлением, что не способствует защите права на его возмещение. Решение проблемы автор видит в возложении на органы уголовного преследования обязанности принимать соответствующие меры (Семенцов В. А. Об эффективности гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф., д-ра юрид. наук засл. деят. высш. шк. Лившица Юрия Даниловича, 2–3 апр. 2009 г. Челябинск, 2009. С. 95).

По сравнению с гражданско-процессуальными мерами обеспечения гражданского иска уголовно-процессуальные достаточно ограничены и представлены лишь одной – наложение ареста на имущество. Этого, как видится, явно мало, необходимо предусмотреть и другие меры, которые уже сравнительно давно и эффективно применяются в рамках гражданского судопроизводства.

В отличие от гражданского судопроизводства, в котором наложение ареста возможно на все имущество ответчика, находящегося у него или других лиц, в уголовном судопроизводстве арест налагается только на имущество, полученное в результате преступных действий либо нажитое

преступным путем подозреваемым, обвиняемым или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. Н. С. Чувашова в связи с этим делает вывод о том, что реально обеспечить гражданский иск в уголовном процессе, если нет имущества, указанного в ст. 115 УПК РФ, не представляется возможным. В этом видится определенная непоследовательность законодателя: с одной стороны, установлены ограничения при наложении ареста на имущество, а с другой – в УПК РФ гражданский истец признается самостоятельным участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, наделённым широким объемом полномочий (Чувашова Н. С. Некоторые проблемы защиты прав гражданского истца в уголовном судопроизводстве // Учен. зап. : сб. науч. тр. юрид. фак. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2004. Вып. 1. С. 71).

Помимо этого, с нашей точки зрения, возможности потерпевшего в части возмещения вреда ограничены и другими рамками, что нельзя признать разумным. Так, УПК РФ не предусматривает возможности разрешения гражданского иска в уголовном судопроизводстве путем заключения между гражданским истцом и гражданским ответчиком мирового соглашения. А это могло быть решением достаточно проблемного вопроса.

В связи с этим мы полностью поддерживаем инициативу А. Г. Дыка, который отмечает, что необходимо законодательно признать право гражданского истца и на увеличение или уменьшение исковых требований, а также узаконить право гражданского истца, обвиняемого, подозреваемого, подсудимого, гражданского ответчика на заключение мирового соглашения по предъявленному гражданскому иску. Мировое соглашение автор предлагает оформлять в письменном виде и предоставлять на утверждение в суд в порядке, аналогичном ст. 165 УПК РФ (Дык А. Г. Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Смоленск, 2007. С. 9).

Помимо совершенствования института гражданского иска, в уголовном судопроизводстве должны быть максимально расширены возможности потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, другими способами.

Статья 7 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, принятой резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г., предусматривает, что в тех случаях, когда это необходимо, следует использовать и неофициальные механизмы урегулирования споров, включая посредничество, арбитраж и суды обычного права или местную практику, с тем чтобы содействовать примирению и предоставлению возмещения жертвам (URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml). Следует отметить, что

многие международно-правовые документы рекомендуют правительствам государств-членов: рассмотреть их законодательства и практику относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса и «изучить возможные достоинства систем посредничества и примирения» (Рекомендация № R(85)11 КМСЕ от 28 июня 1985 г.), «давать возможность жертве воспользоваться преимуществами медиации, восстановительного правосудия» (Рекомендация № R(2003)20 КМСЕ от 24 сентября 2003 г. «О новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних» (URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_135294.html), призывают «к использованию посредничества как способа сокращения рецидивизма» (Резолюция Экономического и социального совета ООН № 1995/9 от 24 июля 1995 г. «Руководящие принципы для борьбы с преступностью в городах» (URL: <http://www.un.org/ru/ecosoc/docs/1995resolutions.shtml>), предлагают «внимательно рассматривать возможность выведения уголовных дел из системы официального судопроизводства, с безусловным соблюдением прав подозреваемых и жертв» (Рекомендация № R(2000)19 КМСЕ от 6 октября 2000 г. «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» (URL: http://echr-base.ru/rec2000_19.jsp), отмечая, «что посредничество способствует повышению в сознании людей роли человека и сообщества в предотвращении преступлений и разного рода конфликтов, что может привести к новым, более конструктивным и менее репрессивным исходам того или иного дела» (Рекомендация № R(99)19 КМСЕ от 15 сентября 1999 г. «О посредничестве в уголовных вопросах» (URL: <http://www.media-law.ru/laws/other...european/rec99-19.htm>).

В связи с этим в последнее время все большее внимание ученых привлекает идея (теория) компромисса, которая, безусловно, должна максимально внедряться в уголовно-процессуальное законодательство.

Реализация идеи компромисса в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства, активное применение этих норм в следственной и судебной практике позволяют решать ряд важных задач, связанных с защитой конституционных прав и законных интересов граждан:

- стимулировать обвиняемых и подозреваемых к активным действиям по возмещению причиненного преступлением вреда, т. е. значительно сократить как моральные, так и материальные потери каждого потерпевшего в отдельности и общества в целом от совершаемых преступлений;

- значительно ограничить сферу и интенсивность применения уголовной репрессии, снизить затраты материальных и иных ресурсов государства, затрачиваемых на борьбу с преступностью,

за счет разрешения уголовно-правового конфликта путем достижения взаимовыгодного компромисса между потерпевшим и виновным под контролем государства;

- существенно уменьшить моральные, а отчасти и материальные издержки правопослушной части населения, невольно вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства с его громоздкой и малопривлекательной процедурой (Калугин А. Г., Мониц М. В. Компромисс в уголовном судопроизводстве : монография. Красноярск, 2008. С. 7).

Представляется, что публичный характер процесса приводит к тому, что мнение потерпевшего по многим важным уголовно-процессуальным вопросам не учитывается вообще. Однако в практической деятельности имеют место случаи, когда привлечение виновного к уголовной ответственности явно противоречит интересам потерпевшего, например, в случае преступного нарушения правил дорожного движения, когда виновный и потерпевший являются близкими родственниками (Голиков О. В. Совершение преступления российского законодательства в сфере защиты потерпевшего в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 6). Следовательно, публичный характер уголовного процесса уже не отвечает потребностям личности, а значит, своему собственному назначению, закрепленному в ст. 6 УПК РФ. Сложившаяся ситуация должна привести к смене существующей парадигмы судопроизводства, расширению частных начал, установлению искового характера процесса. В первую очередь это должно отразиться на институте возмещения вреда, причиненного преступлением, путем законодательного закрепления возможности урегулировать уголовно-правовой конфликт таким способом, каким выгодно потерпевшему.

Одной из наиболее развитых форм альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов в Западной Европе является институт медиации, под которым в наиболее общем виде принято понимать деятельность специалиста по урегулированию споров, которая осуществляется в рамках переговоров спорящих сторон в целях заключения между ними мирового соглашения. Данное альтернативное средство наиболее распространено в Бельгии и Франции.

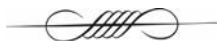
Применение такого института активизирует деятельность потерпевшего и виновного в разрешении уголовно-правового конфликта. Для потерпевшего процедура медиации позволяет возместить ущерб, причиненный преступлением, простить виновного; для правонарушителя – покаяться, возвратиться в нормальные общественные отношения. Возможности медиации позволяют оказать виновным социальную и психологическую реабилитацию. На взгляд Е. В. Попаденко, сегодня

данная процедура является одной из самых перспективных форм выхода из конфликта (Попаденко Е. В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов: российский и зарубежный опыт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 10–11).

В комментарии к преамбуле Рекомендации № R(99)19 КМСЕ государствам – членам Совета Европы, посвященной медиации в уголовных делах, отмечается, что участие в процессе медиации позволяет пострадавшему получить извинения и объяснения от обидчика, а также выразить свое отношение к происшедшему. Это обычно помогает справиться с гневом и страхом, что способствует лучшему исцелению душевных травм в дальнейшем. Кроме того, в ходе примирительной встречи пострадавший может в более широком контексте обговорить условия заглаживания причиненного правонарушителем вреда с тем, чтобы его потребности были полностью удовлетворены. Некоторые

пострадавшие, видя готовность правонарушителя принять на себя ответственность, могут пойти ему навстречу и простить его.

Таким образом, восстановительное правосудие (именно так называют ученые подобный способ разрешения уголовно-правовых конфликтов) можно рассматривать как достаточно эффективный способ обеспечения прав и законных интересов пострадавшего от преступления, в том числе и на возмещение вреда. Конечно, становление данного института – процесс длительный, и отечественное законодательство находится пока на первоначальном этапе в плане его регулирования, так как одного принятого закона явно недостаточно (речь идет о Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (Рос. газ. 2010. 30 июля). Между тем начало положено, и подобная динамика должна быть признана положительной.

Библиографический список

1. Голиков О. В. Совершенствование российского законодательства в сфере защиты потерпевшего в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Голиков Олег Владиславович. – М., 2003.

2. Калугин А. Г. Компромисс в уголовном судопроизводстве : монография / А. Г. Калугин, М. В. Монид. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2008.

3. Попаденко Е. В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов: российский и зарубежный опыт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Попаденко Елена Викторовна. – Краснодар, 2008.

4. Семенцов В. А. Об эффективности гражданского иска в уголовном судопроизводстве / В. А. Семенцов // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф., д-ра юрид. наук засл. деят. высш. шк. Лившица Юрия Даниловича, 2–3 апр. 2009 г. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2009.

5. Чувашова Н. С. Некоторые проблемы защиты прав гражданского истца в уголовном судопроизводстве / Н. С. Чувашова // Учен. зап. : сб. науч. тр. юрид. фак. Оренбург. гос. ун-та. – Оренбург : РИК ГОУ ОГУ, 2004. – Вып. 1.

References

1. Golikov O. V. Perfection of Russian Legislation System in the Sphere of Victim's Defence in Criminal Proceeding / Golikov Oleg Vladislavovich. – M., 2003.

2. Kalugin A. G. Compromise in Criminal Court Proceedings / A. G. Kalugin, M. V. Monid. – Krasnoyarsk : Syberian Legal Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, 2008.

3. Popadenko E. V. Alternative Ways of Solving Criminal Conflicts: Russian and Foreign Experience / Popadenko Elena Viktorovna. – Krasnodar, 2008.

4. Sementsov V. A. On Effectiveness of Civil Actions in Criminal Court Proceedings / V. A. Sementsov // Acute Problems of Criminal Procedure and Criminalistics in Russia and CIS (Commonwealth of Independent States). – Chelyabinsk : South Ural State University, 2009.

5. Tchuvashova N. S. Certain Problems of the Defence of the Rights of a Civil Claimant in Criminal Court Proceedings / N. S. Tchuvashova // Science Notes. – Orenburg : Orenburg State University, 2004. – Iss. 1.

В. В. Тимофеев,
*начальник отдела правового обеспечения
 Правового управления аппарата
 главы администрации г. Байконура*

V. V. Timofeev,
*Chief of the Department of Legal Maintenance
 of Legal Department of Head of Administration
 of Baikonur city*

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА БАЙКОНУРА
 В УСЛОВИЯХ АРЕНДЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ КОМПЛЕКСА «БАЙКОНУР»**

**Problems of Legal Regulation of Activity of City Administration of Baikonur in a lease term
 the Russian Federation of a complex «Baikonur»**

Аннотация. В статье анализируются проблемные вопросы правового регулирования деятельности администрации г. Байконура в условиях аренды Российской Федерацией комплекса «Байконур».

Ключевые слова: проблемы, правовое регулирование, органы исполнительной власти, Байконур.

Abstract. In the present article the author analyses problem questions of legal regulation of activity of a city administration Baikonur in a lease term by the Russian Federation of a complex «Baikonur».

Key words: problems, legal regulation, executive authority bodies, Baikonur.

Российской Федерацией и Республикой Казахстан создана система правового регулирования функционирования комплекса «Байконур», не имеющая аналогов в мировой практике. Именно поэтому накопленный в этой области опыт необходимо проанализировать, для того чтобы в будущем использовать его в качестве модели функционирования органов исполнительной власти на арендованной у другого государства территории.

Основные российско-казахстанские соглашения, регламентирующие статус и деятельность комплекса «Байконур», в том числе и администрации г. Байконура, были заключены в период политической и экономической слабости России – в 90-е гг. прошлого века. В связи с этим в данных международных договорах присутствует ряд условий, явно не соответствующих российским государственным интересам. Так, Республика Казахстан, грамотно используя существующую в тот период международную политическую ситуацию, сумела добиться для себя в отношениях с Российской Федерацией серьезных уступок, примерами чего могут служить следующие факты:

- наличие и функционирование на территории г. Байконура целого ряда государственных органов Республики Казахстан, в том числе: суда, прокуратуры, представительства Министерства внутренних дел Республики Казахстан, специального представителя Президента Республики Казахстан и др.;

- выведение в 2006 г. из-под юрисдикции российских правоохранительных органов и суда граждан Республики Казахстан, проживающих в г. Байконуре;

- выведение в 2008 г. из-под юрисдикции российских правоохранительных органов и суда граждан Республики Казахстан, относящихся к персо-

налу космодрома «Байконур» и совершивших преступления вне пределов комплекса «Байконур» на территории Республики Казахстан против Российской Федерации и ее граждан, воинские преступления и правонарушения, связанные с исполнением обязанностей военной службы;

- возложение на российскую сторону, помимо уплаты арендной платы за комплекс «Байконур», расходов на текущий и капитальный ремонт, техническое перевооружение объектов комплекса «Байконур», а также на содержание и развитие социальной инфраструктуры г. Байконура, 70 % населения которого является гражданами Республики Казахстан;

- отнесение ряда направлений деятельности комплекса «Байконур» к сферам, регулируемым законодательством Республики Казахстан.

При этом существует тенденция к постепенному смещению сложившейся системы отношений в сторону, выгодную для Республики Казахстан. В качестве наиболее яркого примера можно привести подписание 3 октября 2006 г. Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о внесении изменений и дополнений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о взаимодействии правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса «Байконур» от 4 октября 1997 г. (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Указанный Протокол, в частности, вывел граждан Республики Казахстан, совершивших преступления на территории комплекса «Байконур», из-под юрисдикции российских правоохранительных органов и суда.

Другим примером служит подписание 20 февраля 2008 г. Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о внесении изменения в Договор

аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан от 10 декабря 1994 г. (далее: Договор аренды) (Рос. газ. 2009. 5 мая). Суть изменений, внесенных данным Протоколом, заключается в выводе из-под юрисдикции российских правоохранительных органов и суда граждан Республики Казахстан, *относящихся к категории «персонал космодрома “Байконур”»* и совершивших преступления *вне* пределов комплекса «Байконур» на территории Республики Казахстан против Российской Федерации и ее граждан, воинские преступления и правонарушения, связанные с исполнением обязанностей военной службы.

Помимо указанного выше, отдельные положения российско-казахстанских соглашений по комплексу «Байконур» либо уже устарели и не соответствуют современным реалиям, либо содержат пробелы в правовом регулировании, что негативно отражается на деятельности администрации г. Байконура.

Одним из важнейших факторов, влияющих на условия деятельности российских органов исполнительной власти в г. Байконуре, является то, что комплекс «Байконур» функционирует в границах сразу двух правовых полей – законодательства Российской Федерации и законодательства Республики Казахстан. К сферам деятельности, регулируемым казахстанским законодательством, относятся обеспечение конституционных прав граждан Республики Казахстан, проживающих в г. Байконуре, земельные отношения, банковское дело (в отношении юридических лиц Республики Казахстан), экология и природоохранная деятельность, а также обеспечение социальных гарантий гражданам Республики Казахстан.

При этом анализ действующих двусторонних международных договоров по комплексу «Байконур» в их развитии позволяет сделать вывод о существовании отчетливой тенденции к расширению юрисдикции Республики Казахстан на комплексе «Байконур» за счет соответствующего сужения юрисдикции Российской Федерации.

Кроме того, в деятельности казахстанской стороны за последние годы явно прослеживается стремление к расширению де-факто роли и присутствия своих государственных органов в г. Байконуре, а также к одностороннему принятию решений по данным вопросам. Указанная негативная тенденция, если она не будет преодолена, в будущем неизбежно вызовет рост проблем во взаимоотношениях обоих государств по вопросу функционирования комплекса «Байконур».

Действующими международными договорами по комплексу «Байконур» недостаточно четко разграничена юрисдикция функционирующих на территории города российских и казахстанских органов прокуратуры и судов. Данные вопросы,

хотя непосредственно и не относятся к компетенции администрации г. Байконура, тем не менее косвенно затрагивают деятельность городской администрации в части ее взаимодействия с правоохранительными органами и судами, функционирующими на территории г. Байконура.

Так, п. 6.12 ст. 6. Договора аренды на территории комплекса «Байконур» установлена юрисдикция Российской Федерации и ее компетентных органов в отношении военнослужащих, гражданского персонала Российской Федерации и членов их семей. При этом остается не вполне ясным вопрос, распространяется ли юрисдикция Российской Федерации на *юридические лица* и их обособленные подразделения, находящиеся на территории комплекса «Байконур».

Кроме того, Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о взаимодействии правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса «Байконур» от 4 октября 1997 г. (Дипломат. вестн. 1997. № 11) (в ред. Протокола от 3 октября 2006 г.) урегулированы *только* вопросы взаимодействия правоохранительных органов и судов обеих сторон при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, предварительного расследования и судопроизводства по уголовным делам, а также производства по делам об административных правонарушениях. Однако оказались вне рамок данного Соглашения и остались потому не урегулированными вопросы разделения полномочий правоохранительных органов и судов российской и казахстанской сторон при осуществлении ими прокурорского надзора и судопроизводства по гражданским делам.

В связи с этим целесообразно устранить существующий пробел в правовом регулировании путем заключения соответствующего международного соглашения или внесения изменения в существующие. При этом следует более точно определить и законодательно закрепить принцип, в соответствии с которым юрисдикция российских прокуратуры и суда распространяется на всех физических (независимо от гражданства) и юридических лиц, зарегистрированных на территории г. Байконура, кроме случаев, прямо предусмотренных международными соглашениями, а именно при осуществлении предварительного расследования и судопроизводства по уголовным делам по преступлениям, совершенным на территории г. Байконура гражданами Республики Казахстан, и в других случаях, связанных с защитой конституционных прав граждан Республики Казахстан.

Необходимо также обратить внимание на следующую проблему, с которой приходится сталкиваться администрации г. Байконура при осуществлении своих полномочий. Несмотря на то, что в международном соглашении статус г. Байконура определен как соответствующий статусу города

федерального значения Российской Федерации, администрация г. Байконура, однако, не соответствует в полной мере ни по полномочиям, ни по структуре органам государственной власти субъекта Российской Федерации.

При этом круг решаемых администрацией г. Байконура задач также нельзя соотносить полностью ни с компетенцией органов государственной власти субъекта Российской Федерации, ни с компетенцией органов местного самоуправления. В то же время, несмотря на отсутствие в г. Байконуре органов местного самоуправления, существует объективная необходимость исполнения администрацией г. Байконура их функций, помимо исполняемых функций органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Таким образом, в процессе своей деятельности администрация г. Байконура выступает то в качестве органов местного самоуправления, то в качестве органов исполнительной власти города федерального значения Российской Федерации, применяя в каждом случае соответствующие нормы законодательства.

Другой проблемой правового характера, возникающей в деятельности администрации г. Байконура, является невозможность прямого применения законодательства Российской Федерации без учета действующих норм международных соглашений по комплексу «Байконур». Между тем в ряде случаев возникают коллизии между указанными международными договорами и законодательством Российской Федерации, делающие исполнение требований собственно российского законодательства полностью или частично невозможным.

Например, одной из проблем в сфере правового регулирования деятельности городской администрации является невозможность законодательного регулирования по вопросам, отнесенным законодательством Российской Федерации к компетенции законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Статус г. Байконура требует осуществления законодательного регулирования по вопросам управления городом, отнесенным к предметам ведения субъекта Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в пределах полномочий субъекта Российской Федерации.

В связи с этим представляется целесообразным внести изменения и дополнения в п. 1 ст. 7 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти от 23 декабря 1995 г. (далее: Соглашение о статусе города) (Бюл. междунар. договоров. 1999. № 5) в части наделения главы городской администрации дополнительными полномочиями: по

изданию постановлений об административных правонарушениях, устанавливающих дополнительные (к установленным федеральным законодательством) *составы* административных правонарушений и *подведомственность* их соответствующим органам государственной власти; изданию нормативных правовых актов по вопросам правового регулирования государственной и муниципальной службы; осуществлению бюджетных полномочий, соответствующих городу федерального значения Российской Федерации, а также полномочиями по введению в действие и прекращению действия на территории г. Байконура региональных и местных налогов.

Требует решения и проблема обеспечения особого режима на территории г. Байконура. Необходимость обеспечения особого режима функционирования г. Байконура, установленного ст. 14 Соглашения о статусе города, требует, чтобы взамен действующего Положения об условиях особого режима пребывания в городе Байконур от 17 апреля 1998 г., утвержденного директором Центра эксплуатации объектов наземной космической инфраструктуры при Российском космическом агентстве Е. Кушниром, командиром войсковой части 11284 генерал-майором А. Барановым и главой администрации г. Байконура Г. Дмитриенко ([URL: http://www.baikonuradm.ru/index.php?mod1=npb1&npbid=35](http://www.baikonuradm.ru/index.php?mod1=npb1&npbid=35)), было принято новое Положение об обеспечении особого режима пребывания в городе Байконур, *утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации*.

Остается открытым также вопрос о реализации жителями г. Байконура — гражданами Российской Федерации конституционного права на *местное самоуправление*: г. Байконур не является муниципальным образованием, так как представляет собой административно-территориальную единицу Республики Казахстан, функционирующую в условиях аренды, а органы местного самоуправления в городе не формируются. Общественный совет самоуправления, созданный в городе, не является органом местного самоуправления, не обладает властными полномочиями, а потому его существование и деятельность не свидетельствуют о реализации указанного конституционного права граждан. Однако решение данной проблемы в рамках российско-казахстанских соглашений не представляется возможным.

Существует, кроме указанных выше, и проблема с регистрацией в Минюсте России нормативных правовых актов администрации г. Байконура, для которых такая регистрация по закону является обязательной и выступает необходимым условием их легитимности. В целях устранения сомнений в легитимности нормативных правовых актов администрации г. Байконура, затрагивающих права и свободы граждан или устанавливающих правовой статус организаций, во исполнение требований Указа

Президента Российской Федерации от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» (URL: <http://base.garant.ru/182397/>), а также Положения о порядке ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2000 г. № 904 (Рос. газ. 2000. 16 дек.), в соответствии с приказом Минюста России от 12 января 2004 г. № 5 «Об утверждении и введении в действие Разъяснений по применению Положения о порядке ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» (URL: <http://base.garant.ru/186658/>), в структуре федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации следует на региональном уровне предусмотреть элемент, соответствующий г. Байконуру как субъекту, наделенному международным соглашением статусом, приравненным к статусу города федерального значения Российской Федерации. Реализация указанного предложения позволит исполнять требования законодательства и осуществлять в необходимых случаях регистрацию нормативных правовых актов администрации г. Байконура в Минюсте России.

Администрация г. Байконура активно участвует в двусторонних российско-казахстанских отношениях, в результате чего при принятии двусторонних решений, которые касаются г. Байконура и комплекса «Байконур» в целом, удается в более полной мере учесть как специфику г. Байконура, так и интересы Российской Федерации на комплексе «Байконур». Следует особо отметить, что практика российско-казахстанских отношений по комплексу «Байконур»

отчетливо выявила то обстоятельство, что Федеральное космическое агентство, на которое возложена функция общей координации работ по использованию комплекса «Байконур» в интересах Российской Федерации, все же не способно эффективно представлять Российскую Федерацию в этих отношениях без активного участия администрации г. Байконура. Причина этого видится в том, что Роскосмос, преследуя в качестве основной цели выполнение российских космических программ, нередко считает вопросы, связанные с *городом* (а не с *космодромом*), второстепенными и не уделяет им достаточного внимания. Практика работы подкомиссии по комплексу «Байконур» Межправительственной комиссии по сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Казахстан показывает, что в поисках компромисса с казахстанской стороной по проблемным вопросам, связанным с космической деятельностью, Роскосмос нередко использует «для маневра» уступки в спорных отношениях *по городу* Байконуру. Однако необходимо сознавать, что такое одностороннее отношение Роскосмоса к г. Байконуру как своего рода «хозяйственной пристройке» к космодрому наносит ощутимый вред российским интересам на комплексе «Байконур» в целом.

Приведенный выше анализ и сформулированные на его основе выводы позволяют наметить пути и способы решения рассмотренных проблем правового регулирования деятельности российских органов исполнительной власти, действующих на комплексе «Байконур» в период его аренды, а также могут быть использованы в будущем в случаях осуществления российскими органами исполнительной власти своей юрисдикции на арендованных территориях.

Библиографический список

1. Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан: [подписан в г. Москве 10 дек. 1994 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 35, ст. 4369.
2. Комплекс «Байконур» : сб. норматив. актов и док. / под ред. А. Ф. Мезенцева. – М. : Изд-во Акад. МНЭПУ, 2005.
3. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти : [заключено в г. Москве 23 дек. 1995 г.] // Бюл. междунар. договоров. – 1999. – № 5.
4. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур» : [заключено в г. Москве 28 марта 1994 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 13, ст. 1327.

References

1. Lease Agreement Concerning «Baikonur» Complex between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Kazakhstan : [Signed on Dec. 10th, 1994 in Moscow] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – № 35, art. 4369.
2. «Baikonur» Complex / ed. by A. F. Mezentseva. – M. : International Independent Ecological and Political Studies University, 2005.
3. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on Status of the City of Baikonur, Order of Formation and Status of its Enforcement Authorities : [concluded in Moscow, Dec. 23rd, 1995] // Bull. of International Contracts. – 1999. – № 5.
4. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on Main Principles and Conditions of Use of Cosmodrome «Baikonur» : [concluded in Moscow, March 28th, 1994] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 13, art. 1327.

В. В. Тодрик,

*командир взвода факультета подготовки
специалистов ГИБДД
Орловского юридического института МВД России*

V. V. Todrik,

*platoon commander of the Faculty for Training
of experts of State Inspection of the Traffic Security
of Oryol Legal Institute of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia*

**СТРАХОВЫЕ ГАРАНТИИ СОТРУДНИКУ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Insurance Guarantees to the Employee of the Russian Police: Some Issues of Legal Regulation

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования страхования жизни и здоровья сотрудников российской полиции. Автором предпринята попытка анализа ст. 43 «Страховые гарантии сотруднику полиции и выплаты в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей» Федерального закона «О полиции» и сопоставления ее с действующим законодательством в этой области.

Ключевые слова: страховые гарантии, страховой случай, Федеральный закон «О полиции», обязательное государственное страхование, выгодоприобретатель.

Abstract. The given article pays attention to the problem of life and health insurance of Russian police officers. The author makes an attempt to analyze Item 43 «Social guarantees and payments to police officers for the purpose of compensation of damage caused while performing official functions» of the Federal law «On Police». As well the author compares it with the current legislation in this sphere.

Key words: insurance guarantees, insurance case, Federal law «On Police», obligatory state insurance, beneficiary.

Обязательное государственное страхование жизни и здоровья сотрудников полиции, установленное в целях защиты их социальных интересов и интересов государства, является одной из форм исполнения государством обязанности возместить ущерб, который может быть причинен жизни или здоровью этих лиц при прохождении ими службы.

В настоящее время в России страхование жизни и здоровья сотрудников полиции регламентируется следующими нормативными правовыми актами: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» (далее: Закон № 52-ФЗ) (Рос. газ. 1998. 7 апр.); постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 1998 г. № 855 «О мерах по реализации Федерального закона “Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборо-

том наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы”» (Там же. 12 авг.); приказ МВД России от 16 декабря 1998 г. № 825 «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья в системе МВД России» (Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 1999. № 7). Кроме того, подготовлен законопроект Федерального закона № 518723-5 «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). 13 июля 2011 г. Совет Федерации этот закон одобрил, и с 1 января 2012 г. он вступит в силу (URL: http://www.mvd.ru/news/show_94109/).

Наряду с этим принят Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее: ФЗ «О полиции»), в котором гл. 8 посвящена вопросам гарантии социальной защиты сотрудника полиции, в частности, ст. 43 называется «Страховые гарантии сотруднику полиции и выплаты в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей» (Рос. газ. 2011. 10 февр.). Проанализируем ее более подробно, сравнив с другими нормативными правовыми актами, касающимися данного вопроса.

Часть 1 ст. 43 ФЗ «О полиции» гласит, что «жизнь и здоровье сотрудника полиции подлежат обязательному государственному страхованию за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета на соответствующий год. Это по-

ложение не является новым, поскольку повторяет п. 2 ст. 1 «Объекты обязательного государственного страхования» Закона № 52-ФЗ. Кроме того, в той же части ст. 43 ФЗ «О полиции» есть уточнение – «на соответствующий год». Однако оно является излишним, так как договор обязательного государственного страхования заключается в письменной форме на один календарный год, о чем свидетельствует ст. 6 Закона № 52-ФЗ.

В ч. 2 ст. 43 ФЗ «О полиции» разъясняются условия и порядок осуществления обязательного государственного страхования, установленные Законом № 52-ФЗ.

Часть 3 ст. 43 ФЗ «О полиции» содержит нововведение, касающееся выплат при страховых случаях, а именно: «Единовременное пособие в размере, равном 120-кратному размеру оклада денежного содержания сотрудника полиции, установленного на день выплаты пособия, выплачивается членам семьи и лицам, находившимся на его иждивении, в равных долях в случаях гибели (смерти) сотрудника». Ранее ни в одном нормативном правовом акте не говорилось о таком размере единовременного пособия. Далее перечисляются случаи, когда это единовременное пособие выплачивается, причем они соответствуют перечню страховых случаев, содержащемуся в ст. 4 Закона № 52-ФЗ.

В ст. 9 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» страховой случай определен как совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам (Рос. газ. 1993. 12 янв.).

По своей внутренней структуре страховой случай представляет собой достаточно сложное правовое явление, содержащее, как минимум, два элемента: опасность, от которой страхуются, и факт причинения вреда застрахованному лицу (Кабанцева Н. Г., Ларионова В. А. Комментарий к Закону РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»).

В Законе № 52-ФЗ отмечено, что страховые случаи возникают «в период прохождения службы», а в ФЗ «О полиции» используется другая формулировка – «в связи с выполнением служебных обязанностей». То есть можно заключить, что законодатель несколько расширил «период прохождения службы» иной интерпретацией – «выполнение служебных обязанностей».

В соответствии со ст. 51 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан причинную связь повреждения здоровья

военнослужащих, граждан, уволенных из Вооруженных Сил, с военной службой определяет только военно-врачебная экспертиза (Рос. вести. 1993. 9 сент.). Данная норма актуальна не только для бывших военнослужащих, но и для сотрудников органов внутренних дел (Кабанцева Н. Г., Ларионова В. А. Указ. соч.).

Положение о военно-врачебной экспертизе, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2003 г. № 123 (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 10, ст. 902), устанавливает порядок определения военно-врачебными комиссиями причинной связи повреждения здоровья не только у военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации, но и других ведомств.

Кроме того, определение причинной связи увечий и заболеваний, в том числе и приведших к смерти бывших военнослужащих до истечения одного года после увольнения с военной службы, также входит в полномочия военно-врачебных комиссий (подп. «г» п. 3 Положения о военно-врачебной экспертизе).

В случае наступления смерти вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения военной службы (военных сборов), подтверждение причинной связи повреждения здоровья гражданина, приведшего к смерти, с военной службой определяется государственными учреждениями медико-социальной экспертизы (О порядке и условиях признания лица инвалидом : постановление Правительства Рос. Федерации от 20 февр. 2006 г. № 95 // Рос. газ. 2006. 28 февр.) и отражается в заключении данного учреждения, которое представляется страховщику.

В проекте Федерального закона № 518723-5 «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», в частности, в п. 4 ст. 15 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ», содержатся положения, касающиеся изменений ч. 3 ст. 43 ФЗ «О полиции», согласно которым вместо 120-кратного размера оклада денежного содержания предлагается следующая формулировка: «Членам семьи сотрудника полиции и лицам, находившимся на его иждивении, выплачивается единовременное пособие в размере трех миллионов рублей в равных долях в случае...».

В ч. 4 ст. 43 ФЗ «О полиции» указано, кто может быть выгодоприобретателем, т. е. физическим лицом, назначенным для получения страховой суммы, если произойдет страховой случай, по обязательному государственному страхованию.

Этот перечень выгодоприобретателей совпадает с п. 4 ст. 2 «Субъекты обязательного госу-

дарственного страхования» Закона № 52-ФЗ. Однако в ФЗ «О полиции» среди тех, кто имеет право на получение единовременного пособия, названы лица, находившиеся на полном содержании погибшего (умершего) или получавшие от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию, а также иные лица, признанные иждивенцами в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Не равнозначны ли указанные лица подопечным застрахованного лица, как в п. 4 ст. 2 Закона № 52-ФЗ? Очевидно, что иные лица, установленные законодательством Российской Федерации, могут быть тоже выгодоприобретателями. Так, в соответствии с п. 1 ст. 145 СК РФ опека и попечительство устанавливаются над детьми, оставшимися без попечения родителей, в целях их содержания, воспитания и образования, а также для защиты их прав и интересов. Опека устанавливается над малолетними детьми, не достигшими четырнадцатилетнего возраста, а попечительство – над несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (п. 1 ст. 33 ГК РФ).

Документами, подтверждающими опекунство, являются решения органов местного самоуправления и удостоверения опекунов или попечителей. Альтернативой опеке и попечительству также может быть прием ребенка на воспитание в семью. В таком случае должен быть договор о приемной семье.

По общему правилу страхователи вправе при заключении договоров страхования назначать физических или юридических лиц (выгодоприобретателей) для получения страховых выплат по договорам страхования. Конкретный перечень выгодоприобретателей устанавливается на день наступления страхового случая.

В ситуации, когда застрахованный (выгодоприобретатель) по определенным причинам (смерть, гибель) не успевает реализовать свое право на страховое обеспечение, судьба неполученной страховой суммы решается в соответствии с наследственным законодательством (Слобцов И. А., Кузнецова О. В. Комментарий к Федеральному закону от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»).

Таким образом, из вышеизложенного следует:

1) иные лица (над которыми не было оформлено попечительство либо опекунство застрахо-

ванным лицом) должны будут иметь определенную доказательственную базу, которая определит субъекта страхования;

2) иные лица станут выгодоприобретателями в порядке наследственного законодательства;

3) иные лица заранее включены в договор страхования.

В ч. 5 ст. 43 ФЗ «О полиции» указано, что при получении сотрудником полиции в связи с выполнением служебных обязанностей увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы в полиции, ему выплачивается единовременное пособие в размере, равном 60-кратному размеру оклада денежного содержания, установленного на день выплаты пособия. В данном случае определение таких увечий или иных повреждений здоровья будет осуществлять военно-врачебная экспертиза или медико-социальная экспертиза в установленном законодательством порядке. В проекте Федерального закона № 518723-5 «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», формулировка «равном 60-кратному размеру оклада денежного содержания, установленного на день выплаты пособия», заменена на следующую: «в размере двух миллионов рублей».

Часть 6 ст. 43 ФЗ «О полиции» устанавливает, что в случае причинения сотруднику полиции в связи с выполнением служебных обязанностей увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы в полиции и повлекших стойкую утрату трудоспособности, ему выплачивается ежемесячная денежная компенсация в размере утраченного денежного довольствия по состоянию на день увольнения со службы в полиции за вычетом размера назначенной пенсии по инвалидности с последующим взысканием выплаченных сумм компенсации с виновных лиц. Размер компенсации подлежит перерасчету с учетом увеличения (повышения) окладов денежного содержания (ч. 7 ст. 43 ФЗ «О полиции»).

Особый интерес вызывает ч. 8 ст. 43 ФЗ «О полиции», которая гласит: «Вред, причиненный имуществу, принадлежащему сотруднику полиции или его близким родственникам, в связи с выполнением служебных обязанностей, возмещается в полном объеме за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета с последующим взысканием выплаченной суммы возмещения с виновных лиц». Из этого следует, что государство выплатит сотруднику сумму за вред, причиненный ему и его близким родственникам, а в дальнейшем будет взыскивать выплаченную сумму с виновного лица, обращая взыскиваемые средства в бюджет. Одна-

ко, как будет работать данное нововведение, покажет практика. Очевидно, что для реализации этого пункта сотруднику потребуется значительная доказательственная база и дополнительное правовое регулирование.

Завершает *ст. 43 ФЗ «О полиции» ч. 9*: «При одновременном возникновении в случаях, предусмотренных настоящей статьей, нескольких оснований для получения выплат в соответствии с законодательством Российской Федерации выплаты осуществляются по одному из оснований по выбору получателя». В данном случае законодатель предоставил право выбора выгодоприобретателю, что, несомненно, является положительным моментом в системе страховых гарантий сотруднику. Необходимо только оказывать субъектам страхования правовую помощь по выбору наиболее выгодных оснований страховых выплат, что не всегда бывает на практике.

Проектом Федерального закона № 518723-5 «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» данная статья ФЗ

«О полиции» дополнится ч. 10 следующего содержания: «Размеры единовременных пособий, выплачиваемых в соответствии с частями 3 и 5 настоящей статьи, ежегодно индексируются исходя из уровня инфляции, устанавливаемого федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и на плановый период. Решение об увеличении (индексации) размеров указанных пособий принимается Правительством Российской Федерации»

В целом же можно отметить, что *ст. 43 ФЗ «О полиции»* улучшила положение сотрудника органа внутренних дел. В частности, предоставила ему выбор по страховым выплатам при возникновении нескольких оснований на их получение; установила достаточные единовременные пособия в различных страховых случаях. Однако, несмотря на ряд положительных моментов, все же требуется доработка данной статьи в плане ее толкования в целом законодательными органами, а также правовых подкреплений некоторых ее частей (например, ч. 8 о вреде, причиненном имуществу сотрудника полиции или его близких).

Библиографический список

1. О полиции : федер. закон : от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газ. – 2011. – 10 февр.
2. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной пожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы : федер. закон : от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ // Рос. газ. – 1998. – 7 апр.

References

1. On Police : Federal Law of Feb. 7th, 2011 № 3-FL // Rossiyskaya Gazeta. – 2011. – Feb. 11.
2. On Obligatory State Insurance of Life and Health of Military Men, Citizens Called for Military Trainings, Rank and File and Commanding Officers of the Internal Affairs Agencies of the Russian Federation, the State Fire Service, Bodies in Charge of Control Over Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances, Officials of Institutions and Bodies of the Penitentiary System : Federal Law of March 28th, 1998 № 52-FL // Rossiyskaya Gazeta. – 1998. – Apr. 7th.

А. А. Черевко,
*аспирант кафедры гражданского права и процесса
Мордовского государственного университета
им. Н. П. Огарева*

A. A. Cherevko,
*post-graduate student of the Department of Civil Law
and Process of Mordovia State University
named after N. P. Ogarev*

**СУДОУСТРОЙСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ АПЕЛЛЯЦИОННЫХ ИНСТАНЦИЙ
В ОБЛАСТНЫХ, КРАЕВЫХ И РАВНЫХ ИМ СУДАХ**

**Organizational Aspects of Creation of Appeal Instances in Regional Courts
and Equal to Them**

Аннотация. Автор, основываясь на анализе последних изменений в гражданском процессуальном и уголовно-процессуальном законодательстве, исследует необходимость реформы судебной власти путем одновременных изменений судостроительного и судопроизводственного законодательства.

Ключевые слова: судостроительство, суд монофункции, апелляционный суд, суд среднего уровня, единообразие судебной практики, принцип экстерриториальности.

Abstract. On the basis of the analysis of the latest changes in civil process and criminal procedural legislation of the Russian Federation the author explores the necessity of reforming judicial branch of power through synchronous changes of the judicial system and legal procedure legislation.

Key words: judicial system, mono-function court, court of appeal, average court, uniformity of judicial practice, extraterritoriality principle.

С вступлением в силу 1 января 2012 и 2013 гг. соответственно федеральных законов от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (Рос. газ. 2010. 13 дек. С. 12–15) (далее: Закон от 9 декабря 2010 г.) и от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (Там же. 31 дек. С. 17–22), определяющих апелляционный порядок проверки не вступивших в законную силу судебных постановлений, а также с вступлением в силу Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (Там же. 2011. 11 февр. С. 11–14) (далее: Закон о судах общей юрисдикции), устанавливающего правовые основы образования апелляционной инстанции в федеральных судах, в системе судов общей юрисдикции усилятся значение верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов (далее: суды среднего уровня) как судов второй инстанции. Основным предназначением названных судов становятся устранение судебных ошибок путем проверки не вступивших в законную силу судебных постановлений в апелляционном порядке и приведение к единообразию судебной практики в соответствующем регионе.

Повсеместное введение апелляционного порядка проверки не вступивших в законную силу

судебных постановлений вместо дифференцированных (апелляция или кассация) процедур следует считать большим шагом вперед в установлении единого для судебных постановлений всех судов порядка их пересмотра.

Эффективный механизм судебной защиты гражданских прав связывается Европейским судом по правам человека с действиями судов, выполняющих различные процессуальные функции в судопроизводстве. Особая роль в достижении целей обеспечения прав и свобод отводится так называемым ординарным инстанциям (Терехова Л. А. Надзорное производство в гражданском процессе: проблемы развития и совершенствования. М., 2010. С. 20).

Вышеуказанные федеральные законы закрепили стройную систему инстанционного движения дела в уголовном и гражданском судопроизводстве, где к числу ординарных инстанций относятся: рассмотрение и разрешение дел по существу (или по первой инстанции) и апелляционная проверка не вступивших в законную силу судебных постановлений.

Наделение суда среднего уровня полномочиями суда апелляционной инстанции усиливает его роль в механизме судебной защиты, поскольку на ординарные (первую и апелляционную) инстанции возлагается основная ответственность по разрешению социально-правовых конфликтов, применению права. Однако полагаем, что максимальной эффективности судебной власти можно достичь лишь при целенаправленном воздействии и на судопроизводственные (процессуальные), и на судостроительные (организационные) ее составляющие.

Система судов общей юрисдикции при всех изменениях процессуального порядка сохраняет

тип советской судебной системы, основанной на принципах:

1) совпадения судебных юрисдикционных территорий с административными;

2) сочетания в одной организационной форме звена судебной системы процессуальных функций нескольких судебных инстанций.

Однако реформирование судопроизводства в судах общей юрисдикции осуществляется без адекватных (необходимых) изменений в судостроительственной сфере, без образования новых звеньев судебной системы.

Так, согласно п. 15 ст. 1 Закона от 9 декабря 2010 г. апелляционные жалобы, представления рассматриваются: районным судом – на решения мировых судей; судом среднего уровня – на решения районных судов; Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации – на решения судов среднего уровня, принятые ими по первой инстанции; Апелляционной коллегией Верховного Суда Российской Федерации – на решения Верховного Суда Российской Федерации, принятые по первой инстанции.

Предполагается, что суды среднего уровня будут выступать одновременно и в качестве суда первой, апелляционной и кассационной инстанций. Причем первая и вторая (апелляционная) будут являться ординарными инстанциями (Там же. С. 29) по рассмотрению и разрешению дел, а также последующему устранению судебных ошибок путем проверки не вступивших в законную силу судебных постановлений. Кассационная же инстанция, в отличие от первых двух, будет являть собой экстраординарную (исключительную) стадию (Там же. С. 20) по пересмотру уже вступивших в законную силу судебных постановлений (Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М., 2005. С. 128). Между тем полномочия надзорной инстанции, которыми согласно действующей редакции Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее: ГПК РФ) обладают президиумы судов среднего уровня, судебные коллегии и Президиум Верховного Суда Российской Федерации, останутся только у последнего. Причем данные полномочия будут заключаться в основном в приведении к единообразию судебной практики. Тем самым новым законодательством привносится новое содержание в старые организационные формы.

Иной подход наблюдаем в судебно-арбитражном строительстве, где изменения в судопроизводительной сфере сочетались с преобразованиями в организации арбитражных судов. В 1995 г. были созданы на принципе экстерриториальности федеральные арбитражные суды округов (кассационные суды), а с 2004 г. был начат процесс по

формированию апелляционных судов, выполняющих одну процессуальную функцию и созданных вне зависимости от административного деления страны.

Деятельность арбитражных апелляционных судов как самостоятельного звена системы арбитражных судов была регламентирована Федеральным конституционным законом от 4 июля 2003 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон “Об арбитражных судах в Российской Федерации”» (Рос. газ. 2003. 9 июля. С. 5–7). Данным Законом предусмотрено образование системы апелляционных судов (по два в каждом судебном округе).

До принятия названного Закона полномочиями апелляционной инстанции был наделен арбитражный суд субъекта Российской Федерации, который рассматривал апелляционные жалобы на судебные постановления, вынесенные им же в качестве суда первой инстанции и не вступившие в законную силу.

Выделение апелляционной инстанции в самостоятельный суд дает возможность эффективнее защищать нарушенные права, так как в этом случае устраняются сомнения в подлинной независимости судей. При наличии же у суда полномочий первой и второй инстанции и нахождении судей под началом одного председателя, в одном судебском коллективе не могли не возникать закономерные опасения в обеспечении независимости судей.

Одним из важнейших принципов формирования судебной системы правового государства является несовпадение структуры судов и административно-территориального деления – принцип экстерриториальности (Добрачев Д. В. Перспективы развития системы арбитражных судов в России // Законодательство и экономика. 2004. № 8. С. 7). Справедливо указывает первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации в отставке В. И. Радченко: «Мы хотим создать систему судов, которая была бы отстранена от местных органов власти и управления за счет двух факторов: во-первых, за счет изоляции от прямого контакта с административными органами, а во-вторых, – за счет специализации. Главная идея состоит в том, что эти суды должны быть оторваны от сложившегося административно-территориального деления» (Радченко В. И. Судебная реформа: состояние и перспективы // Право и экономика. 2003. № 4. С. 6–11).

Судебная система может и должна существовать независимо от исполнительной власти. Когда судебная система привязана к административному делению, то, так или иначе, взаимодействие властей практически неизбежно.

Однако, как показывает исторический анализ, эволюция системы судов общей юрисдикции в России в XX в. проходила в кардинально противоположном направлении: законодатель в своих нормативных правовых актах «жестко привязывал» отдельные звенья системы к административно-территориальному делению.

Полагаем, что систему судов общей юрисдикции нужно реформировать путем увеличения числа судебных звеньев, наделенных полномочиями лишь одной судебной инстанции. Для этого предлагаем сосредоточить апелляцию в одном звене судебной системы – в судах среднего уровня, что позволит единообразить практику по региону (соответствующему субъекту Российской Федерации), а не по районам, как это происходит в данный момент в результате реализации районными судами полномочий апелляционной инстанции. Пункт 4 ч. 3 ст. 26 Закона о судах общей юрисдикции предусматривает полномочие президиумов судов среднего уровня по приведению к единообразию судебной практики.

Производство в суде кассационной инстанции, предусмотренное Законом от 9 декабря 2010 г. (фактически заменяющее собой производство в суде надзорной инстанции, регламентированное действующей редакцией ГПК РФ), в отличие от первой и апелляционной, есть экстраординарная (исключительная) стадия по пересмотру уже вступивших в законную силу судебных постановлений (Радченко В. И., Кашепов В. П. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации». М., 1998. С. 36), предполагающая рассмотрение жалоб по существу лишь по тем делам, по которым судами предыдущих инстанций были допущены существенные нарушения норм материального или процессуального права (п. 1 ч. 37 ст. 1 Закона от 9 декабря 2010 г.).

Согласно данным статистики в 2009 г. в Республике Мордовия мировыми судьями было рассмотрено 45 082 гражданских дела. В том же году в апелляционном порядке районными судами рассмотрено 698 гражданских дел (По результатам обобщения практики апелляционного производства по обжалованию решений и определений мировых судей : справка // Бюл. Верхов. Суда Респ. Мордовия. 2010. № 19. С. 54–78), 19 из которых были в последующем рассмотрены в надзорном порядке Президиумом Верховного Суда Республики Мордовия (URL: <http://verhsud.saransk.ru/Delo.htm>).

Таким образом, в 2009 г. в Республике Мордовия, с одной стороны, лишь 0,04 % от общего количества дел, рассмотренных мировыми судьями по первой инстанции, были в последующем рассмотрены в порядке надзора. С другой стороны, в 2009 г. в апелляционном порядке районными судами рассмотрено 698 гражданских дел.

Это составляет 1,5 % от общего количества дел, которые были рассмотрены мировыми судьями по первой инстанции, что почти в 37 раз превышает количество дел, рассмотренных в надзорном порядке.

Следовательно, согласно статистике именно районные суды, рассматривая большую часть определений мировых судей, формируют судебную практику по районам. Суды же среднего звена, реализуя полномочия надзорной инстанции, закрепленные в гл. 41 действующей редакции ГПК РФ (с 1 января 2012 г. это будут полномочия кассационной инстанции, регламентированные п. 34 ст. 1 Закона от 9 декабря 2010 г.), и стараясь формировать судебную практику по регионам, приводят к единообразию лишь незначительную часть дел.

Это еще один аргумент в пользу сосредоточения апелляции в одном звене судебной системы – в судах среднего уровня с целью единообразия практики по региону (соответствующему субъекту Российской Федерации), а не по районам, как это происходит в настоящий момент.

Полномочия же, которыми наделены суды среднего уровня по рассмотрению дел в качестве судов первой инстанции, следует оставить в данных судах, не передавая их в нижестоящие (районные) суды, по следующим причинам.

Во-первых, законодатель дифференцирует судебные составы в зависимости от того, в каком суде (районном или суде среднего уровня) рассматривается дело, при тождестве процедур искового производства, применяемых федеральными судами, при производстве по первой инстанции. Так, согласно ст. 7, 14, а также ч. 2 ст. 260.1 действующей редакции ГПК РФ и ст. 30 действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ) районные суды рассматривают дела в качестве суда первой инстанции в составе одного профессионального судьи, в то время как суды среднего уровня рассматривают дела в качестве суда первой инстанции в составе коллегии из трех профессиональных судей (в уголовном судопроизводстве и в гражданском – по отдельным категориям дел) либо в составе одного профессионального судьи и коллегии из двенадцати присяжных заседателей (по отдельным категориям дел в уголовном судопроизводстве).

Как в ГПК РФ, так и в УПК РФ определенные законом категории дел отнесены к компетенции судов среднего уровня ввиду их особой сложности либо особой социальной значимости, что часто требует коллегиального разбирательства.

Во-вторых, на наш взгляд, следует учесть разный уровень требований, предъявляемых к кандидатам на должности судей районных судов и судов среднего уровня.

По мнению М. В. Боровского, смысл производства в суде первой инстанции «вовсе не в том, чтобы просто дать сторонам возможность “разыграть” весь этот процесс. Главное при этом – высокий, если так можно сказать, уровень рассмотрения дела – рассмотрение его наиболее квалифицированными судьями, коллегиальное рассмотрение дела и т. д.» (Боровский М. В. Суды общей юрисдикции в Российской Федерации: проблемы и перспективы. М., 2010. С. 91).

Рассмотрение дела по первой инстанции – это одно из проявлений компромисса между правовой защитой интересов участников дела и экономичностью процесса, поскольку отнесение отдельной категории дел к компетенции суда более высокого уровня происходит только тогда, когда этого требует их сложность, общественная значимость либо особая общественная опасность (в отношении уголовных дел).

При этом необходимо учесть, что вышеуказанный компромисс должен разрешаться, по нашему мнению, именно в пользу правовой защиты интересов участников дела, а не в пользу экономичности процесса. Это связано с тем, что основным критерием наделения судов среднего уровня полномочиями по рассмотрению отдельных категорий дел в качестве суда первой инстанции, на наш взгляд, является именно повышение уровня правовой защищенности участников процесса, эффективности рассмотрения и разрешения дел, а не экономия бюджетных средств.

В-третьих, количество дел, которое суды среднего уровня рассматривают в качестве суда первой инстанции в год, не велико. Так, в 2010 г. Верховный Суд Республики Мордовия рассмотрел в качестве суда первой инстанции 13 дел, из которых 12 гражданских дел (дела о признании нормативных правовых актов незаконными) и только одно уголовное дело (по п. «ж» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации) ([URL: http://vs.mor.sudrf.ru/](http://vs.mor.sudrf.ru/)).

В-четвертых, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации дела, рассматриваемые судами среднего уровня по первой инстанции, обладают особой «социальной значимостью». Именно «высокий социальный статус» данных дел не позволяет передать их на рассмотрение в нижестоящие районные суды и мировым судьям.

Мы солидарны со следующим мнением Л. А. Тереховой: «Конституционный Суд РФ указывает на обязанность федерального законодателя “следовать социально обоснованным критериям, по которым должна определяться подсудность дел”. Данные критерии “должны рассматриваться как допустимые и не нарушающие конституционное требование о равенстве всех перед законом и су-

дом” (абзац 6 пункта 7 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П). Следовательно, законодатель изначально должен быть вооружен правовой позицией Конституционного Суда РФ о наличии “менее значимых дел” и “социально обоснованных критериев” для разграничения подсудности» (Терехова Л. А. Указ. соч. С. 32).

Именно наличием такого социально обоснованного критерия и объясняется рассмотрение дел об оспаривании нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Федерации именно в суде субъекта Федерации, а не у мирового судьи или в районном суде.

Определяя основным предназначением суда среднего уровня его роль в качестве апелляционной инстанции, полагаем, что следует создать межрегиональные кассационные суды. Это позволит, во-первых, организовать систему судов общей юрисдикции по принципу экстерриториальности, а во-вторых, усилить гарантии независимости судов и судей. По мнению К. И. Скловского, «такая система своей многоступенчатостью затруднит и коррупцию, и произвол без увеличения длительности прохождения дел» (Скловский К. И. Гражданский спор: Практическая цивилистика. М., 2002. С. 89).

В юридической науке также существует точка зрения, согласно которой система судов общей юрисдикции нуждается в еще более кардинальном реформировании, что подтверждает вышеуказанную позицию.

Как справедливо отмечает профессор заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке Т. Г. Морщакова, «единообразному правоприменению более могла бы служить такая модификация судебных структур, которая связана с... изменением территориальной основы организации судебной системы, с тем чтобы она не была привязана к административно-территориальному и государственно-территориальному делению, т. е. аналогично тому, как это имеет место в системе арбитражных судов и в организации мировой юстиции. Тем самым изначально нивелируется тенденция к возникновению местных практик и местных влияний в судебной деятельности и, следовательно, создаются более благоприятные условия для единообразного понимания и применения права» (Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике: междунар. колл. лектив. моногр. М., 2009. С. 311).

На основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам. Необходимо использовать положительно зарекомендовавший себя опыт в организации системы арбитражных судов

при дальнейшей модернизации судов общей юрисдикции. В системе судов общей юрисдикции следует создавать апелляционные и кассационные суды. Основным предназначением апелляционных судов должны стать устранение судебных ошибок путем проверки не вступивших в

законную силу судебных постановлений в апелляционном порядке и приведение к единообразию судебной практики в соответствующем регионе. Кассационные суды будут оценивать только правильность применения закона, не затрагивая доказанности фактов.

Библиографический список

1. Боровский М. В. Суды общей юрисдикции в Российской Федерации: проблемы и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Боровский Михаил Владимирович. – М., 2010.
2. Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике : междунар. коллектив. моногр. – М. : Статут, 2009.
3. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 7 февр. 2011 г. № 1-ФКЗ // Рос. газ. – 2011. – 11 февр.
4. Терехова Л. А. Надзорное производство в гражданском процессе: проблемы развития и совершенствования / Л. А. Терехова. – М. : Волтерс Клувер, 2010.

References

1. Borovskiy M. V. Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation: Problems and Perspectives / Borovskiy Mikhail Vladimirovich. – M., 2010.
2. Supremacy of Law and Problems of Its Ensuring in Practice. – M. : Statute, 2009.
3. On Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation: Feder. Const. Law of Feb. 7th, 2011 № 1-FCL // Rossiyskaya Gazeta. – 2011. – Feb. 11.
4. Terekhova L. A. Supervising in Civil Process: Problems of Development and Perfection / L. A. Terekhova. – M. : Wolters Kluwer, 2010.

И. В. Щеблыкина,
 Московское отделение
 Российской криминологической ассоциации
 кандидат юридических наук, доцент

I. V. Shcheblykina,
 Moscow Branch
 Russian Criminological Association
 Candidate of Law, Assistant professor

**ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ:
 НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Transnational Organized Crime in Human Trafficking: Some Features of Development
 in the Russian Federation**

Аннотация. В статье анализируются материалы международных организаций, где определены субъекты конвенционных преступлений. Рассмотрены некоторые особенности развития транснациональной организованной преступности в сфере торговли людьми и результаты правоприменительной деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: торговля людьми, транснациональная организованная преступность, глобализация, правоприменительная деятельность, международное сотрудничество.

Abstract. The article presents the analysis of the materials of international organizations in which the subjects of conventional crimes are defined. Some features of development of transnational organized crime in the sphere of human trafficking are considered together with the results of law enforcement activity in the Russian Federation.

Key words: human trafficking, transnational organized crime, globalization, law enforcement activity, international cooperation.

Торговля людьми и правовые возможности борьбы с организованной преступной деятельностью в данной сфере рассматривались мировым сообществом на протяжении всего XX в. Криминализация торговли людьми в документах международных организаций (Щеблыкина И. В. Международно-правовые основы криминализации торговли людьми в российском законодательстве: некоторые аспекты криминологического исследования // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2011. № 1. С. 205–209), подписание и ратификация Российской Федерацией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Бюл. междунар. договоров. 2005. № 2. С. 3–33) и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху (Там же. С. 34–46), Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (Там же. С. 46–55) создают возможность и диктуют необходимость совершенствования национального законодательства Российской Федерации.

В соответствии со ст. 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 110-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры вступают в силу для Российской Федерации после их ратификации (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2757). На основании ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются со-

ставной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Во исполнение обязательств, вытекающих из подписания и ратификации вышеуказанной Конвенции ООН и дополняющих ее протоколов Российская Федерация приняла надлежащие законодательные и иные меры (О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее : федер. закон от 26 апр. 2004 г. № 26-ФЗ // Бюл. междунар. договоров. 2004. № 7. С. 78–79). Так, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее: УК РФ) была внесена ст. 127.1 «Торговля людьми» (Рос. газ. 2003. 16 дек.). Ее появлению способствовали не только принятые международные обязательства, но и результаты специальных исследований, а также оперативно-розыскной деятельности, подтверждающие, что в условиях глобализации торговля людьми стала сегментом деятельности «коллективных субъектов» – транснациональных организованных преступных формирований.

В настоящий период вопрос о субъектах конвенционных преступлений не получил четкой определенности в документах международных

организаций. Так, в рабочем документе, подготовленном Секретариатом ООН к X Конгрессу ООН «По предупреждению преступности и обращению с правонарушителями», проходившему 10–17 апреля 2000 г. в Вене, в разделе «Спорные вопросы» были представлены различные подходы в отношении транснациональных преступных формирований, имеющих отношение к торговле людьми. Одни специалисты утверждают, что подобными операциями занимаются *структурно оформленные организации*, которые на долговременной основе осуществляют специализированную деятельность. Такие организации получили опыт и ресурсы в результате незаконной деятельности.

Другие авторы полагают, что многие из участвующих в торговле людьми не имеют преступного прошлого. *Организации, участвующие в торговле людьми, приобретают свой опыт в сфере легального бизнеса.* К ним относятся бюро путешествий, транспортные компании, бюро по трудоустройству и пр. Совершая правонарушения, эти компании становятся компаньонами, не разделяя стратегии и культуры организованных преступных групп. Относить такие компании к числу транснациональных организованных преступных групп значит усугублять уже существующий хаос в определении этого вида преступности.

«Транснациональную организованную преступную деятельность не следует считать деятельностью централизованных, обладающих развитой структурой организаций беспринципных рыночных дельцов. Не связанные между собой участники (здесь и далее выделено нами. – И. Ш.) и действующие лица из различных социальных групп *вовлекаются* в комплексные отношения, в рамках которых используются возможности для совершения одноразовых *рискованных предприятий и создаются кратковременные союзы*» (Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI веке // Противодействие торговле людьми : сб. норматив. правовых док. / под ред. Н. И. Абукировой. М., 2004. С. 74–75).

Таким образом, в разделе «Спорные вопросы» рабочего документа, подготовленного Секретариатом ООН к X Конгрессу ООН «По предупреждению преступности и обращению с правонарушителями», фигурируют:

- 1) структурно оформленные организации, которые на долговременной основе осуществляют специализированную деятельность;
- 2) юридические лица, совершающие правонарушения совместно с организованными преступными группами;
- 3) кратковременные союзы, состоящие из не связанных между собой участников.

Целесообразно согласиться с представленным разнообразием участников торговли людьми.

Однако все они вовлечены в транснациональную преступную деятельность, следовательно, являются ее субъектами.

В ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности получили закрепление следующие термины:

«а) “организованная преступная группа” означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду...»

с) “структурно оформленная группа” означает группу, которая не была случайно образована для немедленного совершения преступления и в которой не обязательно формально определены роли ее членов, оговорен непрерывный характер членства или создана развитая структура...».

Статья 5 посвящена криминализации участия в организованной преступной группе. В качестве уголовно наказуемого деяния признается:

«i) сговор с одним или несколькими лицами относительно совершения серьезного преступления, преследующего цель, прямо или косвенно связанную с получением финансовой или иной материальной выгоды, причем, если это предусмотрено внутренним законодательством, также предполагается фактическое совершение одним из участников сговора какого-либо действия для реализации этого сговора или причастность организованной преступной группы».

Далее перечислены формы осознанной преступной деятельности: в «а. ...организованной преступной группе;

б. других видах деятельности организованной преступной группы с осознанием того, что его участие будет содействовать достижению вышеуказанной преступной цели»,

а также виды соучастия:

«б) организацию, руководство, пособничество, подстрекательство, содействие или дачу советов в отношении серьезного преступления, совершенного при участии организованной преступной группы.

2. Осознание, намерение, умысел, цель или сговор, о которых говорится в пункте 1 настоящей статьи, могут быть установлены из объективных фактических обстоятельств дела».

В соответствии с п. б ч. 2 ст. 6 «Криминализация отмывания доходов от преступлений» «каждое Государство-участник включает в число основных правонарушений все серьезные преступления, как они определены в статье 2 настоящей Конвенции, и преступления, признанные тако-

выми в статьях 5 (Криминализация участия в организованной преступной группе), 8 (Криминализация коррупции) и 23 (Криминализация воспрепятствования осуществлению правосудия) настоящей Конвенции. В случае, когда законодательство Государств-участников содержит перечень конкретных основных правонарушений, в него включается, как минимум, всеобъемлющий круг преступлений, связанных с деятельностью организованных преступных групп».

Наличие в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности ст. 10 «Ответственность юридических лиц» подтверждает, что участниками преступной деятельности являются как физические, так и юридические лица¹.

Таким образом, исходя из текста данной Конвенции, причина разногласий в «спорных вопросах» устраняется. И юридические лица, совершающие правонарушения совместно с организованными преступными группами, и участники кратковременных союзов, вовлеченные в преступную деятельность, связанную с торговлей людьми, и представляющие им «*одноразовые рискованные услуги*», попадают под действие конвенционных правовых норм, определяющих как содержание транснациональной организованной преступной деятельности, так и круг ее участников.

Необходимо отметить, что российская организованная преступность как специфический феномен много лет фигурирует в докладах международных организаций и иностранных государств (Российская организованная преступность : докл. спец. группы Центра стратег. и междунар. исслед. (ЦСМИ, США). Вашингтон, 1997).

В докладе Европола «Оценка угрозы российской организованной преступности», определяющем ее современное состояние, констатируется: «Российская организованная преступность – печально известное явление, сложное как для определения, так и для анализа. Самое важное влияние, которое она оказывает на Европейский Союз, носит косвенный характер. Организованная преступность укрепляет свое положение благодаря распространению своих стратегических интересов на Европейский Союз и Российскую Федерацию. Произошло развитие преступности от агрессивных преступных банд до преступных

организаций, напоминающих по своей структуре компании. Также для содействия преступной деятельности и укрепления позиций могут активно использоваться и эксплуатироваться легальные компании, различные специалисты, коррупция и оказание влияния, наличие или отсутствие границ» (Оценка угрозы российской организованной преступности : докл. РОСТА. Б. м., 2009. С. 45).

В п. 170 доклада Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам при ООН отмечено, что в условиях глобализации организованная преступность действует не только через формальные иерархические структуры, но и приобрела сетевой характер (URL:<http://www.un.org/russian/secureworld/part7.htm>). Данная форма организации позволяет ей гибко приспосабливаться к обстановке, сочетать многообразные формы получения дохода, способствует высокой латентности преступной деятельности, обеспечивает ее самодетерминацию и высокий уровень безопасности. Гибкость таких сетей резко контрастирует с громоздкими системами обмена информацией и не всегда результативным сотрудничеством в ходе уголовных расследований и судебного преследования со стороны государства (Щеблыкина И. В. Особенности развития криминологической обстановки в Северо-Кавказском регионе // Северный Кавказ: исторические и региональные особенности и проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : монография. М., 2007).

По оценкам экспертов, в России действует до 10 тыс. организованных преступных формирований, специализирующихся на торговле людьми с общей численностью до 300 тыс. человек. По данным Следственного комитета МВД России за 2007 г., количество проданных в рабство за последние 3 года возросло более чем в 6 раз (Секретное досье комиссара Андреани. URL: <http://www.argumenti.ru/toptheme/n124/37164>).

В 2010 г., по данным МВД России, на оперативном учете состояло 249 организованных преступных формирований общей численностью 11 625 человек (Демченко В. Воров в законе будут сажать за сходки // Известия. 2010. 29 янв.). По экспертным оценкам, которые были опубликованы и никем не оспорены, в России действуют более 100 тыс. организованных преступных формирований. Согласно результатам опросов руководителей органов внутренних дел, преступные группы примитивного и среднего уровня распространены повсеместно. Преступные организации (мафиозного типа) преобладают на юге страны, в городах-гигантах, урбанизированных и свободных экономических зонах, городах областного подчинения. Половина преступных сообществ имеют устойчивые межрегиональные связи (Жигацкий П. Э. Латентный фон организо-

¹ Согласно ратифицированной Российской Федерацией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности в числе субъектов преступной деятельности выделяются как физические, так и юридические лица, однако в отечественном уголовном праве предусмотрена уголовная ответственность только физических лиц. Это обстоятельство изначально выводит «фирмы-однодневки», создаваемые для обеспечения организованной преступной деятельности по торговле людьми, и их организаторов из сферы действия уголовного закона.

ванной преступности // Рос. следователь. 2005. № 2. С. 21).

Первый заместитель директора ФСБ России доктор юридических наук В. Е. Проничев отмечал, что «региональные центры и крупные преступные сообщества руководят организованной трансграничной преступностью. Сложились устойчивые преступные объединения, имеющие свою структуру, межрегиональные и международные связи» (Проничев В. Е. Вопросы обеспечения правового регулирования деятельности пограничной службы Федеральной службы безопасности и ее стратегического развития // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 2).

Включение торговли людьми в различные сектора теневой экономики¹, как и конкретные уголовные дела, возбужденные в отношении торговцев людьми, позволяют сделать вывод об участии российских организованных преступных формирований различной степени организованности в транснациональной и трансграничной организованной преступной деятельности.

Преступная деятельность организованных преступных формирований различной степени организованности², специализирующихся на организации незаконных переправ граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц

¹ В российской научной литературе под теневой экономикой понимается вся совокупность экономической деятельности, которая не учитывается официальной статистикой и не включается в валовой национальный продукт страны. Признана следующая структура теневой экономики:

– неофициальная экономика – легально разрешенные виды экономической деятельности, в рамках которых имеют место нефиксируемое официальной статистикой производство товаров и услуг, сокрытие этой деятельности от налогов;

– фиктивная экономика – экономика приписок, спекулятивных сделок, взяточничества и всякого рода мошенничества, связанных с получением и передачей денег;

– подпольная экономика – все запрещенные законом виды экономической деятельности (Глинкина С. П. Причины усиления и специфика теневой экономики на этапе перехода к рынку // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Л. Шелли, Ю. Г. Козлова. М., 1997. С. 249).

² Постановлением от 22 ноября 1995 г. № 1355-1ГД Государственная Дума приняла Федеральный закон «О борьбе с организованной преступностью», постановлением от 9 декабря 1995 г. № 727-1СФ его одобрил Совет Федерации, однако впоследствии он был отклонен Президентом Российской Федерации. В ст. 2 данного закона содержалось определение организованной преступности: «Организованная преступность – создание и функционирование организованных преступных формирований: организованных групп, банд, преступных организаций и преступных сообществ; их преступная деятельность (система деяний с заранее обдуманным умыслом по приготовлению, покушению, совершению одного или более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса РСФСР, а также по легализации (отмыванию) преступных доходов)» (Мохов Е. А. ФСБ: борьба с организованной преступностью. М., 2007. С. 169).

без гражданства из России за рубеж в различных целях, в том числе и для обеспечения торговли людьми, связана с нарушением юрисдикции государства и носит транснациональный и трансграничный характер (Щеблыкина И. В. Деятельность пограничных органов Федеральной службы безопасности по противодействию транснациональной организованной преступности // Положения Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и проблемы их применения в России / под ред. д-ра юрид. наук О. С. Капинус. М., 2011. С. 113).

Основываясь на преамбуле Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, М. Ю. Буряк по территориальному признаку предлагает следующую классификацию государств, где осуществляется организованная преступная деятельность в сфере торговли людьми.

«Страны-поставщики (доноры) – Украина, Белоруссия, Болгария, Филиппины, Таиланд и другие государства, на территории которых осуществляется вербовка женщин и девушек для их последующей переправы через региональные или государственные границы в целях сексуальной эксплуатации.

Страны транзита. Их посещение, как правило, связано либо с необходимостью получения визы для продолжения пути, которую невозможно приобрести на родине жертвы, либо на территории страны организован своеобразный “невольничий рынок”, где женщины “сортируются” и продаются оптовым покупателям. Такие государства могут являться и поставщиками (например, Польша) и реципиентами (например, Италия).

Страны назначения (реципиенты) – США, Нидерланды, Германия, Испания, Япония и другие, на территорию которых жертвы направляются для работы и эксплуатации (Буряк М. Ю. Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. С. 43).

Автор оговаривает условный характер данной классификации, поскольку многие страны могут одновременно быть поставщиками и транзитными территориями, транзитными территориями и реципиентами. Самый яркий пример такого государства – Российская Федерация, представляющая образец объединения всех трех эпизодов процесса торговли, и, согласно данным ООН, занимающая первое место среди стран-поставщиков женщин на секс-рынке мира. За ней следуют Украина, Таиланд, Нигерия, Румыния, Албания и Китай.

В период с 1999 по 2001 г. пограничниками при попытке пересечения границы без надлежа-

ше оформленных документов было задержано 5 тыс. женщин (Невольники XXI века стоят дешевле невольников XIX века // Социум. 2003. 29 апр.). Ежегодно организованная преступная деятельность¹ на государственной границе Российской Федерации и в пограничном пространстве характеризуется устойчивым ростом числа зарегистрированных преступлений и появлением новых форм противоправной деятельности, обусловленных криминологическими реалиями.

Сеть организованных преступных структур транснационального и трансграничного характера функционирует как на территории Российской Федерации, так и на территории иных государств. Как и в большинстве организаций, здесь соблюдается узкая специализация по направлениям деятельности. Данные формирования объединяет наличие внутренних признаков, присущих организованной преступности. В целом они представляют сложную систему организованных преступных формирований, действующих в сфере торговли людьми, с использованием как легальных, так и противоправных средств, обеспечивающих их выезд или транзит через территорию Российской Федерации. Они оперативно реагируют на происходящие изменения в законодательстве, миграционных процессах, сложившейся обстановке и режиме государственной границы, а также на изменения внутри самой противоправной системы. С учетом этих обстоятельств принимаются решения тактического и стратегического характера.

Показательны следующие факты. Из более полумиллиона человек, выехавших из России в поисках работы, лишь 47 тыс. сделали это с соблюдением закона. Остальные покинули родину с нарушениями оформления официальных документов, виз, разрешений, установленного порядка пересечения государственной границы Российской Федерации и стран въезда. Около 370 тыс. человек нашли работу в Европе, но подавляющее большинство из них трудятся с нарушениями миграционного режима, трудового права и иных законодательных норм стран пребывания.

15 марта 2007 г. Федеральная служба безопасности Российской Федерации заявила о ликвидации *преступного формирования*, которое с 1999 по 2007 г. осуществляло вывоз женщин, в том числе и несовершеннолетних, в Израиль, Италию, Германию, Грецию, Голландию и Объединенные Арабские Эмираты. Среди них были граждане России,

Узбекистана, Молдавии, Украины и Белоруссии. В рабство попадали в основном молодые женщины из стран СНГ, желающие поработать за границей нянями, продавщицами, официантками. Как только они приезжали на место работы, у них отбирали паспорта и отправляли в публичные дома. Потерпевшими по делу были признаны более 150 человек (URL: http://www.newsru.com/crim/15_mar2007/fsb_band.html).

Расследование уголовного дела началось с обращения в полицейский участок г. Милана гражданки Российской Федерации, сбежавшей от албанских сутенеров. Информация по данному факту была передана в Федеральную службу безопасности Российской Федерации. В сообщении Генеральной прокуратуры Российской Федерации отмечалось, что на основании показаний этой гражданки 27 марта 2006 г. было возбуждено уголовное дело по факту организации преступной группы с целью торговли людьми. Жертвы торговли людьми вывозились в иностранные государства и принуждались к занятиям проституцией. Операцию по задержанию участников преступного формирования и расследованию данного дела проводили органы Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел, прокуратуры Российской Федерации.

В ходе расследования осуществлялось активное взаимодействие с Генеральным секретариатом Интерпола, Службой национальной безопасности Республики Узбекистан, правоохрательными органами Италии, Финляндии.

Следствием были установлены личности более 20 участников преступной группы. По мнению следствия, участников преступного формирования объединяла корыстная мотивация, реализацию которой они осуществляли в ходе многоступенчатой операции, направленной на переправу и продажу людей в иностранные государства для оказания услуг интимного характера. Подозреваемым было предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 127.1 «Торговля людьми» УК РФ и ч. 2 ст. 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации)» УК РФ.

По данным правоохрательных органов, деятельность группы осуществлялась по многократно отработанной схеме. В Архангельске, Вологде, Екатеринбурге, Ижевске, Калининграде, Омске, Уфе и Хабаровске участники организованного сообщества создали «фирмы-однодневки», которые под предлогом трудоустройства граждан Российской Федерации и государств СНГ заключали фиктивные договоры об их трудоустройстве в легальной сфере в иностранных государствах, для чего предлагалось оформить заграничный паспорт. В эти же фирмы с просьбой о трудоустройстве обращались граждане государств СНГ и Средней Азии.

Через туристические фирмы документы оформляли в иностранных посольствах и кон-

¹ Организованная преступная деятельность – система взаимосвязанных преступлений какого-либо субъекта или «коллективного субъекта». В основе организованной преступности лежит именно такого рода коллективная преступная деятельность разных организованных формирований (Организованная преступность – 4 / под ред. А. И. Долговой. М., 1998. С. 229).

сульствах в Москве и Санкт-Петербурге. Далее в специально созданных подпольных лабораториях осуществляли частичную подделку паспортов: изменяли паспортные данные, вклеивали фотографии лиц, которых переправляли за границу.

Стоимость такого паспорта составляла от 2 тыс. до 5 тыс. евро. Как правило, у девушек не имелось необходимой суммы, и по прибытии в иностранные государства их встречали лица, входившие в состав транснационального преступного формирования. Они изымали у девушек документы и заставляли их в счет отдачи долга заниматься проституцией. «Рабыни» не имели возможности сообщить о своем местонахождении родственникам. Им запрещалось самовольно покидать место пребывания.

В ходе расследования, проведенного при участии Интерпола, спецслужб России, Узбекистана, Италии и Финляндии, было установлено, что организовал транснациональное преступное формирование, специализировавшееся на торговле людьми, гражданин Израиля Ави Янай. К марту 2007 г. торговцы людьми продали в Израиль, Италию, Испанию, Германию, Грецию, Голландию и Объединенные Арабские Эмираты 129 женщин из Молдавии, Украины, Узбекистана, Белоруссии и России.

25 апреля 2011 г. в выездном судебном заседании был вынесен приговор по уголовному делу обвиняемых в организации преступного сообщества и продаже молодых женщин за границу с целью сексуальной эксплуатации (URL: www.sudrf.ru). В числе 11 подсудимых – гражданин Израиля Ави Янай, экс-подполковник Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил России Дмитрий Стрыканов, граждане России и Молдовы, обвиняемые в продаже за границу женщин в секс-рабство.

Дело рассматривалось в закрытом судебном заседании с участием коллегии присяжных заседателей. Коллегией присяжных заседателей двое подсудимых (Ф. Ю. В., М. Р. А.) были признаны невиновными и оправданы судом с правом последующей реабилитации. Двое подсудимых (С. А. А., В. И. И.) получили условные сроки на 5 и 3 года соответственно. Остальным суд назначил: Белову В. В., Чайкину О. В. по 10 лет, Стояну В. Н., Подвину А. Г., Присэкарю Р. И. по 11 лет, Стрыканову Д. Н. 12 лет, Янай Ави 18 лет, Слесареву И. Б. 19 лет лишения свободы в колонии строгого режима. Кроме того, назначено дополнительное наказание в виде штрафа Янай Ави, Слесареву и Стрыканову, последний также лишен воинского звания «подполковник запаса».

Проведенные операция по пресечению деятельности транснационального организованного преступного формирования и расследование организованной преступной деятельности в сфере

торговли людьми стали примером согласованного международного сотрудничества.

Результаты судебных процессов подтверждают, что торговля людьми в конце XX – начале XXI в. стала сферой деятельности организованных преступных формирований различной степени организованности, состоящих из граждан различных государств, осуществляющих преступную деятельность посредством транснациональных связей.

По *уровню* торговля людьми последовательно осуществляется организованными преступными формированиями на территории нескольких государств.

По своей *природе* данное преступление находится в системной взаимосвязи со многими разнородными преступлениями, а также негативными явлениями.

По *характеру и степени общественной опасности* деяние, предусмотренное ст. 127.1 УК РФ, в зависимости от ситуации может относиться к любой категории: от небольшой тяжести до особо тяжкого преступления.

По *совокупности* торговля людьми может осуществляться во взаимосвязи с разнородными преступлениями, квалифицированными по ст. 127.1; 127.2; 131; 205; 206; 210; 240; 241; 290; 291; 322; 322.1; 327 УК РФ и др.

Во многих случаях преступление, предусмотренное ст. 127.1 УК РФ, и находящиеся с ним в системной взаимосвязи разнородные преступления составляют отдельный сегмент системы транснациональной организованной преступной деятельности организованных преступных формирований различной степени организованности. Наличие совокупности признаков данных преступлений позволяет ориентировать взаимодействующие правоохранительные органы и специальные службы на выявление и пресечение организованной преступной деятельности транснациональных организованных преступных формирований:

- по созданию каналов ввоза, вывоза и транзита жертв торговли людьми;
- производству и сбыту поддельных документов;
- всем уровням менеджмента в сфере обеспечения «плотских утех» и пр.

Организованной преступной деятельности транснационального характера в сфере торговли людьми способствуют как многочисленные противоречия экономического и социального характера, так и высокая латентность и связанная с этим безопасность для организаторов и участников преступной деятельности. Например, по уголовному делу «США против Павла Агафонова», связанному с вывозом русских девушек в Америку для сексуальной эксплуатации, виновный был приговорен лишь к 18 месяцам лишения свободы, несмотря на то, что американские зако-

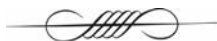
ны предусматривают одни из самых серьезных санкций за совершение такого рода деяний (Буряк М. Ю. Указ. соч. С. 51).

Правоприменительная практика по преступлениям, определяемым соответствии со ст. 127.1 УК РФ как «купля-продажа человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение» граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств, пока еще ограничена. Это обусловлено наличием пробелов в уголовном законодательстве, а также сложностью доказывания деятельности организаторов, исполнителей и пособников, в том числе и частных фирм. Исходя из изложенного можно заключить, что борьба с организованной преступной деятельностью в сфере торговли людьми должна носить комплексный характер, направленный на нейтрализацию различных проявлений системы противоправной деятельности, а также на выяв-

ление, предупреждение, пресечение, расследование, раскрытие преступлений и наказание виновных.

Реализация данных направлений в борьбе с организованной преступной деятельностью транснационального характера возможна лишь в условиях согласованного взаимодействия специальных служб и правоохранительных органов тех стран, на территории которых осуществляются различные стадии торговли людьми и их системные проявления.

Проведение комплексных криминологических исследований в данной сфере, выработка научно обоснованных рекомендаций, создание экономически не выгодных условий и правовых предпосылок для развития преступной деятельности будут закономерно способствовать снижению уровня организованной преступности транснационального характера, в том числе и в сфере торговли людьми.

Библиографический список

1. Буряк М. Ю. Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Буряк Мария Юрьевна. – Владивосток, 2005.
2. Жигацкий П. Э. Латентный фон организованной преступности / П. Э. Жигацкий // Рос. следователь. – 2005. – № 2.
3. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI веке // Противодействие торговле людьми : сб. норматив. правовых док. / под ред. Н. И. Абубикировой. – М. : ЭКСлит, 2004.
4. Щеблыкина И. В. Особенности развития криминологической обстановки в Северо-Кавказском регионе / И. В. Щеблыкина // Северный Кавказ: исторические и региональные особенности и проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : монография. – М. : Погранич. акад. ФСБ России, 2007.
5. Щеблыкина И. В. Международно-правовые основы криминализации торговли людьми в российском законодательстве: некоторые аспекты криминологического исследования / И. В. Щеблыкина // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2011. – № 1.
6. Щеблыкина И. В. Деятельность пограничных органов Федеральной службы безопасности по противодействию транснациональной организованной преступности / И. В. Щеблыкина // Положения Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и проблемы их применения в России / под ред. д-ра юрид. наук О. С. Капинус. – М. : Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2011.

References

1. Buryak M. Yu. Human Trafficking and Struggle with It (Criminological and Criminal Legal Aspects) / Buryak Maria Yurievna. – Vladivostok, 2005.
2. Zhigatskiy P. E. Latent Backing of Organized Crime / P. E. Zhigatskiy // Russian Investigator. – 2005. – № 2.
3. International Cooperation and Struggle with Transnational Crime : New Challenges of the XXIST Century // Counteraction with Human Trafficking / ed. by N. I. Abubikirova. – M. : EXlit, 2004.
4. Shcheblykina I. V. Features of Development of Criminological Situation in North Caucasus Region / I. V. Shcheblykina // North Caucasus: Historical and Regional Features and Problems of Securing National Safety of the Russian Federation. – M. : Border Academy of the Federal Security Service of Russia, 2007.
5. Shcheblykina I. V. International and Legal Basics of Criminalization of Human Trafficking in Russian Legislation: Some Aspects of Criminological Research / I. V. Shcheblykina // Bull. of Vladimir Legal Institute. – 2011. – № 1.
6. Shcheblykina I. V. Activity of Border Bodies of the Federal Security Service Aimed at Counteraction with Transnational Organized Crime / I. V. Shcheblykina // Provisions of the Convention of the UN Against Organized Crime and Problems of Their Application in Russia / ed. by Doctor of Law O. S. Kapinus. – M. : Acad. of the General Prosecutor of Russia, 2011.

УДК 343.85

Н. И. Биюшкина,
*доцент кафедры теории
и истории государства и права
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского
кандидат юридических наук*

N. I. Biyushkina,
*Associate Professor of the Department of Theory
and History of State and Law
of Nizhniy Novgorod State University
named after N. I. Lobachevskiy
Candidate of Law*

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ КАК ПРЕСЕЧЕНИЕ И ПРЕВЕНЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**

**Organizational and Legal Actions of the Russian Government in the Sphere of Execution of Punishments
as Suppression and Prevention of Political Crimes During the Period Between 1881 and 1894**

Аннотация. Статья посвящена изучению различных форм, методов пресечения и превенции политической преступности, использованных правительством Российской империи в период царствования Александра III с целью восстановления режима законности и правопорядка в стране. Рассматриваются точки зрения ведущих исследователей пенитенциарной системы дореволюционного, советского и современного периодов.

Ключевые слова: режим законности, политическая преступность, каторжные работы, тюремное заключение, административная высылка, высылка на поселение.

Abstract. The article is devoted to studying various forms and methods of suppression and prevention of political crimes undertaken by the Government of the Russian Empire during the reign of Alexander III with the purpose to restore the regime of law and order in the country. In this paper the viewpoints of the leading researchers of the penitentiary system of pre-revolutionary, soviet and modern periods are given.

Key words: regime of legitimacy, political crime, convict servitude, imprisonment, administrative expulsion, the expulsion of a settlement.

Внутриполитический курс правительства Александра III, направленный на всестороннее восстановление режима законности, правопорядка и общественного спокойствия в стране, включал в себя комплекс мероприятий по усовершенствованию форм и методов борьбы государства с политической преступностью с целью ее пресечения и дальнейшего предотвращения.

Важной составляющей такого курса стало усиление репрессивного воздействия со стороны пенитенциарной системы на политических преступников.

По мнению ряда исследователей дореволюционного периода, тюремное заключение в наибольшей степени отвечало задачам уголовного наказания, по сравнению с лишением или ограничением прав состояния, применявшимся за государственные преступления в качестве как основного, так и дополнительного наказания. Так, И. Я. Фойницкий выделял три основных аспекта, по которым должно происходить совершенствование тюремного заключения: 1) тюрьма должна прежде всего убедить своих узников в справедливости наказания, т. е. в том, что государство карает «их не из пустой злобы, а по тяжкой необходимости»; 2) на тюрьму должны быть возложены прежде всего исправительно-воспита-

тельные задачи, т. е. стремление вернуть каждого преступника к законопослушной жизни; 3) тюрьма должна обеспечивать задачи внешнего предупреждения преступления, т. е. устранять по возможности все факторы, которые после освобождения могут подтолкнуть к совершению новых преступлений (Фойницкий И. Я. На досуге : сб. юрид. ст. и исслед. с 1870 г. СПб., 1900. С. 21–22).

Помимо тюремного заключения, другими, не менее эффективными, мерами борьбы с политическими преступниками правительство считало каторжные работы, административную ссылку и высылку на поселение. Об усилении этих мер юридической ответственности свидетельствует, в частности, тот факт, что 12 мая 1887 г. директором государственной полиции с согласия министра внутренних дел императору была представлена записка «Об изыскании способов борьбы с политическими преступниками», в которой указывалось: «Развитие социально-революционной пропаганды в Империи за последнее десятилетие и значительное увеличение числа лиц, впадших в совершение государственных преступлений, побудило правительство к изысканию наиболее целесообразных мер для предупреждения этого рода преступлений» (Цит. по: Колпенский В. Политическая ссылка административным порядком

(по архивным материалам 80-х годов) // Каторга и ссылка. 1923. № 5. С. 205–209).

По мнению авторов записки, в целях упорядочения системы наказаний для политических преступников необходимо было предпринять ряд законодательных мер на основе следующих принципов: 1) срочность ссылки («История революционного движения указывает, что громадный процент людей, насильственно, в виде наказания оторванных от родины, задумывается над своим прошлым и, утомленный лишениями и борьбой с невзгодами всякого рода в ссылке, если не всегда раскаивается в заблуждениях прошлого, то непременно ищет успокоения...»); 2) постепенность административных взысканий, по степени виновного; 3) разъединенность преступных деятелей в ссылке («При распределении ссыльных признано необходимым избегать всякого рода группировки ссыльных в одном месте, ибо всякое сосредоточение революционных деятелей в одном месте ссылки создает революционную школу...»); 4) исправление виновного как конечная цель («Необходимо... преследовать одну задачу. Сломить в каждом отдельном случае революционное упрямство, порвать сложившиеся у него революционные связи и путем известных лишений, связанных с исправительным, срочным наказанием, довести каждого если не до сознания единственно возможной общественной жизни, при неуклонном уважении к закону и существующему государственному порядку, то, по крайней мере, до необходимости подчиниться этому взгляду вследствие утомления непосильной борьбой») (Там же. С. 205–207).

По результатам рассмотрения названной записки 12 июня 1887 г. были приняты правила «О высылке в административном порядке лиц, вредных для государственного и общественного спокойствия в какую-либо определенную местность Европейской или Азиатской России», в которых, в частности, содержались нормы, уточняющие сроки наказания и места для ссылки революционеров: ссылка в отдаленные регионы Восточной Сибири и на остров Сахалин – до 10 лет, в губернии Западной Сибири и области Степного генерал-губернаторства – до 8 лет; в Архангельскую губернию и северо-восточные уезды Вологодской губернии – на срок до 5 лет. При необходимости усиления воздействия означенных взысканий могло быть применено дополнительное наказание, предшествующее ссылке в форме одиночного тюремного заключения сроком до двух лет. Лица, менее виновные, подвергались одиночному тюремному заключению сроком до двух лет, с подчинением после освобождения негласному надзору полиции. Лица, заслуживающие особого снисхождения вследствие несовершеннолетия, раскаяния и других причин, подле-

жали надзору полиции на родине сроком до трех лет. Для лиц, наименее виновных, назначался краткосрочный арест на срок не свыше трех месяцев (Там же. С. 209).

Из архивных документов следует, что Главное тюремное управление проводило периодические проверки мест заключения в различных губерниях на предмет соблюдения норм, установленных пенитенциарным законодательством. Так, в отношении Главного тюремного управления от 31 января 1891 г. № 4 циркулярно сообщалось нижегородскому губернатору, что «при посещении некоторых мест заключения в течение минувшей осени начальником Главного тюремного управления неоднократно было замечено, что заключенные под стражу по обвинению в тяжких преступлениях, а также каторжные и бродяги содержатся без кандалов и заковываются только при отправлении в ссылку. Ввиду сего и принимая во внимание, что согласно 217 ст. Уст. суд. под стр. изд. 1886 г. означенные категории арестантов должны содержаться в кандалах, начальник Главного тюремного управления просит г-на губернатора сделать зависящие распоряжения к тому, чтобы во исполнение изложенного требования закона во всех тюрьмах вверенной ему губернии налагались кандалы: а) на арестантов, содержащихся под стражей по обвинению в тяжких преступлениях в зависимости от “состояния дел” (217 ст.); б) на всех осужденных к ссылке в каторжные работы и на бродяг с момента обращения о них приговоров и в течение всего времени заключения до отправления в ссылку» (Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 340. Оп. 2. Д. 301. Л. 4).

Усиление мер уголовной ответственности, а также опасная криминогенная обстановка в стране естественным образом повлекли увеличение числа уголовных наказаний в виде ссылки на поселение в отдаленные сибирские губернии с лишением всех прав состояния (второго по тяжести уголовного наказания после смертной казни, назначавшегося за совершение государственных преступлений). По данным Главного тюремного управления, в период с 1882 по 1898 г. в Сибирь было сослано 148 032 чел. (в том числе 140 511 (94,92 %) мужчин, 7 365 (5,08 %) женщин), а также 81 043 члена семей, добровольно последовавших за ссылаемыми. Административно-ссыльные составляли большинство – 51,9 %, ссыльно-поселенцы – 31,7 %, сосланные на водворение – 14,4 %, сосланные на жительство – 2 % (Марголис А. Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1975. С. 225–226). Территориальная локализация ссыльных выглядела следующим образом: Томская губерния – 13,8 %,

Тобольская губерния – 35,5 %, Енисейская губерния – 17,2 %, Иркутская губерния – 24 %, Забайкальская область – 4,8 %, Якутская область – 1,7 %, Амурская область – 0,3 %, Приморская область – 0,7 %, остров Сахалин – 2 % (Дворянов В. Н. В сибирской дальней стороне... // Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е годы XVIII в. – 1917 г. / под ред. А. Ф. Хацкевича. Изд. 2-е, перераб. и доп. Минск, 1985. С. 267).

Концентрация политических преступников на указанных территориях обуславливала постоянную опасность в плане сохранения порядка и общественного спокойствия. Материалы Департамента полиции, представленные в архивах, подтверждают осуществление в то время усиленного контроля над территориями пребывания политических ссыльных. Так, начальник Иркутского губернского жандармского управления в секретном письме от 2 сентября 1882 г. № 283 просит Енисейское управление о содействии в производстве дознания по делу об организации преступного сообщества в Сибири. У акушерки Кабаковой была изъята при обыске переписка, ведущаяся между государственными преступниками. В числе прочей информации представлялось необходимым проверить факты знакомств ссыльных государственных преступников Л. Симиренко и Б. Плесковицкого, С. Чудновского и Л. Стахевич (урожденной Фигнер), выяснить, в каких отношениях они были между собой и велась ли между ними переписка во время пребывания в Сибири (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 566. Л. 23, 23 (об.), 45–46). В ходатайстве томского губернатора, адресованном Департаменту полиции в 1894 г. (ГАРФ. Ф. 102. Пятое делопроизводство. Оп. 1894 г. Д. 219. Л. 1–2), сообщались опасения по поводу существования в подведомственной ему губернии более или менее сплоченного кружка политических ссыльных, образованного вследствие огромного наплыва таковых в течение последних лет в три округа Томской губернии, входящих в состав Алтайского горного округа. Он отмечал в ссыльных «тяготение к Алтайскому округу». Так, ссыльнокаторжный Н. Бухг, в 1890 г. переведенный в разряд ссыльнопоселенцев («ссыльных на жительство»), получил разрешение выехать из Забайкальской области и немедленно поселился в Бийске, а в предыдущем году просился также поселиться в Барнауле. Другой сосланный в каторжные работы за принадлежность к противозаконному обществу под названием «Социально-революционная партия» Ровенский по отбытии каторги был определен на поселение в Якутскую область и недавно испросил у якутского генерал-губернатора дозволения поселиться в том же Барнауле.

Таким образом, главы администраций ряда сибирских губерний выражали обоснованную озабоченность состоянием благонадежности и общественного спокойствия во вверенных им территориях в связи с концентрацией государственных преступников, находящихся либо на ссыльном поселении, либо на каторжных работах, либо в административной ссылке. Как следует из многочисленных донесений губернаторов и полицейских чиновников в Департамент полиции, подобные элементы оказывали неблагоприятное воздействие на учащуюся молодежь и местную интеллигенцию, формируя оппозиционную в политическом отношении социальную среду.

В письмах политических ссыльных, опубликованных в советский период, описываются тяжелейшие условия их существования. Известный революционер П. Алексеев писал о якутской ссылке: «С тоскливым чувством на душе сажусь за письмо и сознаю, что не в силах передать то тяжелое впечатление, которое произвела на меня Якутка. Еще не доехав до места назначения своего жилья, чем дальше забирался в глушь, чем дальше знакомился с якутами, которых встречал на пути, со своими товарищами, поселенными среди них, – на душе становилось тяжелее, мрачные думы не покидали ни на минуту... мне казалось, я дальше от воли, дальше от жизни. Ни одной светлой мысли, ни единого просвета души» (Письма Петра Алексеева из ссылки // Каторга и ссылка. 1924. № 13. С. 172). А вот выдержка из письма неизвестного якутского ссыльного: «По водворении нас в улусе, еще до получения правительственного пособия в количестве 5 руб. в месяц и до получения поселенческого надела, мы довольствуемся за счет общества, с каковою целью нас водворяют в юрте именитого якута, который нас кормит; кормит, разумеется, по-якутски: кониной, вареной слегка, зачастую без соли, и, если твой желудок переваривает, пресной ячменной лепешкой, засушенной на голом огне; кашей из кислого молока (по-якутски – “сора”) из той же ячменной муки с примесью небольшого количества сосновой коры (“заболони”). Питьем служит кирпичный чай, о котором вы в Питере и понятия не имеете...» (Из истории якутской ссылки 1870-х годов (Неизданные материалы). Письма издалека // Каторга и ссылка. 1924. № 12. С. 139–140).

Воспоминания бывших политических каторжных, опубликованные в период советской власти, свидетельствуют о случаях проявлений со стороны заключенных актов неповиновения, протестов против жестокого обращения со стороны администрации. Например, в исторической литературе часто упоминается так называемая карийская трагедия, произошедшая на Карийской каторге в 1888–1889 гг. В ответ на бесцере-

монный, сопровождавшийся унижениями перевод государственной преступницы Е. Ковальской в другую тюрьму, последовавший в качестве наказания за оскорбление приамурского генерал-губернатора Корфа, заключенные женской тюрьмы объявили голодовку. К протесту присоединилась и мужская часть политических заключенных. Они требовали наказания виновных и удаления тюремного коменданта. Губернское начальство пообещало расследовать происшествие, однако никаких ответных действий так и не последовало. В 1889 г. заключенные вновь объявили голодовку. Одна из заключенных публично дала пощечину тюремному коменданту с целью спровоцировать тюремное начальство. С разрешения министра внутренних дел П. Н. Дурново ей было назначено наказание в виде порки розгами, после исполнения которого четверо заключенных женской тюрьмы и двое мужской в знак протеста покончили жизнь самоубийством (Дворниченко Н. Е. Во глубине сибирских руд. Иркутск, 1968. С. 59–64). Ситуация, возникшая вокруг докладной записки великому князю Михаилу Николаевичу от министра П. Н. Дурново по этому поводу, описана в воспоминаниях государственного секретаря А. А. Половцова: «Прошу дать мне записку, представленную Дурново, о восстании нигилистов в Сибири и о том, как была высечена женщина, которая отравилась, а по ее примеру и другие, опасавшиеся подвергнуться той же участи. Дурново на мое замечание, что эти факты, появясь в заграничной печати, могут подать повод к парламентским запросам, отвечает, что это невозможно, потому что закон разрешает сечь ссыльнокаторжных женщин. Я ему возражаю, что оправдание хуже тяжести первоначального обвинения, что, разумеется, войны из-за таких парламентских интерpellаций никто не объявит, но что это придаст нравственный авторитет нигилистам в собственных их глазах» (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова / ред. и коммент. П. А. Зайончковского. М., 1966. Т. 2: 1887–1892 гг. С. 257).

В 1888 г. также прошли массовые волнения каторжных и ссыльнопоселенцев на Сахалине, о которых стало известно не только во всей России, но и за границей (Сенченко И. А. Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963. С. 107–108).

В неопубликованной переписке сосланных, сохранившейся в архивах, содержатся факты оказания помощи ссыльным со стороны товарищей, оставшихся на свободе, стремления ссыльных к получению информации о политических событиях, происходивших в Центральной России. В письме А. Д. Долгушиной из Нижней Кары к М. О. Сыцянку в Харьков говорится об условиях жизни ее и Н. А. Виташевского на Каре:

«Николай просил написать Вам, т. к. Вам, вероятно, неизвестно, что ему самому нельзя писать. Он просит Вас купить ему байковое одеяло... вследствие какого-то столкновения в дороге с Загариным Николай попал в штрафной журнал, что может повести к продлению срока каторги... Я на Каре устроилась очень сносно, служу в лаварете... Пишите нам обо всем, что там у вас творится, ведь мы живем в такой глуши, за горами, за дремучими лесами, нам, конечно, очень приятно получать почаще письма из России» (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 2830. Л. 2–3). О взаимовыручке в среде политических преступников свидетельствует другое письмо, также адресованное М. О. Сыцянку: «Милая Маня! “Адель”, уезжая, поручила мне из ее денег делать всякие поручения ее и между прочим ежемесячно отправлять деньги на Кару...» (Там же. Л. 1).

О социальном составе политических заключенных, сосланных на каторгу, можно судить на основании статистических данных, приведенных исследователями данного вопроса. Так, в период с 1884 по 1905 г. на Сахалинской каторге (с 1886 г. она получила статус политической) находилось более 54 политических каторжанина. По сохранившимся данным, среди них было 17 членов польской партии «Пролетариат», 4 ульяновца (участники попытки покушения 1 марта 1887 г. на Александра III), 5 народовольцев, 2 лопатинца, остальные не принадлежали к какой-либо партии. 35 % всех каторжан на Сахалине были те, кому смертный приговор был впоследствии заменен бессрочной каторгой. По этому процентному показателю политических заключенных-«смертников» Сахалин был на первом месте (для сравнения: на Каре в этот период содержалось 12 % «смертников»). Все политические заключенные были доставлены на Сахалин после отбывания ими части срока в Шлиссельбургской крепости, в каторжных центрах и других тюрьмах. Подавляющее большинство революционеров было привезено на остров в возрасте 20–30 лет, что свидетельствовало о политической активности молодежи. Социальное положение каторжных было характерным для того времени: рабочие – 57,6 %, студенты – 25,4 %, служащие – 11,1 %, фельдшеры – 4,5 %, учителя – 0,2 %, военнослужащие – 1,2 %. По социальному происхождению состав узников Сахалинской каторги выглядел следующим образом: из дворян – 45,5 %, из крестьян – 20,5 %, из рабочих – 15,9 %, из мещан – 13,6 %, из духовенства – 4,5 %. Национальный состав сахалинских каторжных был таков: русские – 44,5 %, поляки – 42,2 %, украинцы – 4,4 %, немцы – 4,4 %, армяне – 2,2 %, евреи – 2,3 %. По половому соотношению на Сахалин было сослано 3,7 % женщин и 96,3 % мужчин. Об образовательном уровне

осужденных свидетельствуют следующие данные: высшее образование – 8,8 % (юристы, один со степенью кандидата наук), неоконченное высшее образование – 38,3 %, среднее – 20,6 %, неоконченное среднее – 14,7 %, начальное – 17,6 % (Сенченко И. А. Указ. соч. С. 89–94).

Таким образом, большинство политкаторжан – это были представители рабочего класса, русские и соответственно православные, мужского пола, лица, имеющие высшее или среднее оконченное либо неоконченное образование. Следовательно, можно заключить, что революционная часть общества имела определенные качественные (сословные, возрастные, образовательные, профессиональные, половые) характеристики независимо от степени участия в оппозиции правительству (от установления негласного полицейского надзора по подозрению в неблагонадежности до замены смертной казни бессрочной Сахалинской каторгой).

С 1 января 1892 г. были введены в действие правила «О порядке распределения и отправления в места назначения из губерний Европейской России и Кавказского края осужденных в каторжные работы и добровольно следующих в ссылку семейств их» (ЦАНО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 301. Л. 46, 46 (об.), 47). Губернские правления по вступлении к исполнению вошедших в законную силу приговоров о лицах, осужденных в каторжные работы, обязаны, независимо от соблюдения общеустановленных для отправления ссыльных правил, распорядиться освидетельствовать состояние здоровья таких лиц для определения, могут ли они перенести морское плавание и не страдают ли заразными болезнями. При этом осужденные в каторжные работы арестанты немедленно по вступлении в законную силу приговоров должны быть переведены из уездных в губернские тюрьмы. Не способные по увечьям, старости и дряхлости к работам, но могущие следовать в путь каторжные мужчины, равно мужчины старше 55 лет и женщины старше 50 лет направлялись непосредственно губернскими правлениями в ведение Тюменского приказа о ссыльных; туда же и таким же порядком высылались все без исключения евреи и еврейки. Ссыlnокаторжные женщины, как годные, так и не годные к работам, но способные следовать в ссылку, подлежали направлению непосредственно губернскими правлениями в Московскую центральную пересыльную тюрьму, кроме тех, кто следовали из Бессарабской и Херсонской губерний. Оттуда каторжные женщины направлялись в ведение одесского градоначальника, для помещения в Одесскую тюрьму, где также оставались и все преступницы каторжного разряда, осужденные в Одессе.

Каторжные мужчины, способные к работам, из Санкт-Петербургской, Петроковской, Олонецкой и

Архангельской губерний высылались губернскими правлениями прямо в Москву для помещения в местную центральную пересыльную тюрьму, где содержались также арестанты из Московской губернии, впредь до особых о них распоряжений. Из Пермской и Вятской губерний арестанты этого разряда высылались в ведение Тюменского приказа о ссыльных. Поступающие в ведение Тюменского приказа о ссыльных арестанты каторжного разряда подлежали распределению приказом: холостые и те из женатых, при которых нет семейств, – в Тобольскую и Усть-Каменогорскую каторжную тюрьмы, остальные, за которыми следовали в ссылку и семейства, а также каторжные женщины – в ведение Иркутской экспедиции о ссыльных. Ссыlnокаторжные и их семейства пересылались по назначению с общими очередными арестантскими партиями, если не было дано особых указаний.

Члены семей ссыlnокаторжных, последовавшие за ними к месту каторги, также находились под надзором полиции, об их перемещении необходимо было докладывать в губернскую канцелярию. Так, в циркуляре нижегородского губернатора № 6456, датированном декабрем 1893 г., доводилось до сведения нижегородского полицмейстера и уездных исправников Нижегородской губернии, что, по сообщению военного губернатора Закаспийской области от 4 ноября 1893 г. № 389, жене ссыlnокаторжного государственного преступника Николая Кочурихина – Варваре Кочурихиной разрешено выехать на родину в Нижегородскую губернию сроком на три года. Кочурихина выехала из Алапаевского рудника 22 сентября по выданному ей начальником Алапаевской тюрьмы билету № 1499 (Там же. Ф. 358. Оп. 1. Д. 48. Л. 1).

Пересылка политических арестантов, приговоренных к каторге, к месту поселения, являлась делом чрезвычайно ответственным для жандармских и полицейских чиновников и требовала активизации усилий и скоординированности действий местных и верховных властей. В секретном письме нижегородского губернатора от 11 мая 1884 г. № 300 нижегородскому полицмейстеру сообщалось об уведомлении начальника Главного тюремного управления о предположении отправить партию политических арестантов в Сибирь. Эта партия, состоявшая из 40 чел., должна была прибыть 16 мая поездом № 1 из Москвы в Нижний Новгород в 11 ч 15 мин и выступить из Нижнего Новгорода 17 числа на арестантской барже вместе с подлежащей к отправке на этой барже очередной партией ссыльных, но в особо приспособленном для политических арестантов помещении. По прибытии в Нижний Новгород означенная партия должна быть перевезена на пароходную пристань по усмотрению местного инспектора, но тайный советник М. М. Галкин-Вранский просил принять необходимые меры к беспрепятственному доставлению

этой партии на пристань и к немедленной посадке арестантов на баржу. Вследствие этого нижегородскому полицмейстеру было дано предписание уведомить губернатора безотлагательно (в тот же день) об отправлении означенной партии для сообщения начальнику Главного тюремного управления. Во исполнение названного указания полицейский пристав 2-й Кремлевской части доложил нижегородскому полицмейстеру: «Имею честь донести Вашему Превосходительству, что сего числа в 2 часа утра партия политических преступников на пароходе г. Курбатова отправилась в г. Пермь» (Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 673. Л. 16, 16 (об.)).

Дело по переписке с Добровольным флотом о времени отправления партий каторжан на остров Сахалин можно также привести в качестве примера тщательной подготовки полицейских и жандармских органов к пересылке каторжан к месту отбывания ссылки (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2079. Л. 2–5).

Статистические данные свидетельствуют, что в течение анализируемого периода численность ссыльных в Сибири существенно возросла: если в 1868 г. в ссылке находилось 238 744 чел., в 1877 г. – 197 966 чел., то в 1898 г. эта цифра составила уже 298 577 чел. (Кораблин К. К. Негативные последствия Сибирской ссылки для реализации пенитенциарных целей уголовного наказания в дореволюционной России // История государства и права. 2007. № 11. С. 27). При этом отметим, что процент бежавших с места ссылки в тот период также был высоким: в Иркутской губернии находилось в «безвестной отлучке» 62 % ссыльных, в Забайкальской области – 23,4 %, в Якутской области – 24,6 %, в Амурской области – 71,3 % (Там же), что говорит о чрезвычайной слабости административного контроля над системой мест содержания ссыльных.

Нередким явлением были также побеги из мест заключения: по данным Главного тюремного управления, на 15 августа 1881 г. было совершено 588 побегов из мест заключения, в том числе из исправительных арестантских отделений – 50, из тюремных замков – 105, пересыльных и каторжных тюрем – 27, помещений при полиции, станковых квартир, волостных правлений и прочих арестных домов – 258, при этапировании – 148 (Петренко Н. И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2009. С. 290). В качестве примеров можно привести архивные дела: о бежавших с Угрюмского золотого промысла ссыльнокаторжных Гавриле Антонове и Вульфе Гуревиче (Крылове) в 1881 г. (ГАРФ. Ф. 29. Оп. 8. Д. 37. Л. 1–15), о подкопе, произведенном в Амурской тюрьме в 1881 г. (Там же. Д. 38. Л. 1–21), о подкопе в Усть-Карийской тюрьме № 6 в 1881 г. (Там же. Д. 45. Л. 1–5), о побеге

восьми каторжных с Нерчинской каторги в 1882 г. (Там же. Оп. 1. Д. 404. Л. 1–287).

Многочисленные меры предосторожности со стороны полицейских и жандармских чиновников при пересылке политических арестантов все же не обеспечивали абсолютной защиты от побега. Например, в циркуляре Департамента полиции Министерства внутренних дел от 31 мая 1888 г. № 1452 сообщалось, что при приеме 28 мая 1888 г. в г. Томске с парохода партии политических арестантов не оказалось налицо аккерманской мещанки Устины Николаевой Федоровой, осужденной в декабре 1887 г. Особым присутствием Правительствующего сената в каторжные работы на 8 лет. Давалось распоряжение по всей империи о принятии незамедлительных мер к ее розыску (ЦАНО. Ф. 355. Оп. 1. Д. 134. Л. 15).

Исследователь Н. И. Петренко отмечает, что руководство тюремного ведомства постоянно нацеливало администрацию мест заключения на предотвращение и недопущение побегов: «о всех фактах побегов необходимо было немедленно уведомлять... подробнее о способах побега, какие были причины, способствовавшие побегу; если побег совершился при помощи орудий, каким образом эти орудия оказались у арестантов, производится ли дознание; указать в самих сообщениях, что о результатах дознания будет сообщено особо» (Петренко Н. И. Указ. соч. С. 290).

В рассматриваемый период продолжалась государственная политика централизации системы управления пенитенциарными учреждениями, начатая еще в конце царствования Александра II. Руководство учреждениями, исполнявшими уголовные наказания (сюда входили помещения для подвергаемых аресту; арестантские помещения при полиции; тюремные губернские, областные и уездные тюремные замки; Санкт-Петербургская тюрьма; Московская исправительная тюрьма; исправительные арестантские отделения; тюрьмы для содержания осужденных к каторжным работам; пересыльные тюрьмы (Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительная политика в сфере совершенствования правового регулирования исполнения уголовных наказаний : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. С. 59–64) сосредоточивалось в Главном тюремном управлении, образованном 27 апреля 1879 г., которое входило в состав Министерства внутренних дел. В Главном тюремном управлении функционировало два основных исполнительно-распорядительных органа: 1) тюремная инспекция, на которую возлагались функции нормативно-правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, а также контрольно-ревизионные над местными тюремными инспекциями; 2) Совет по тюремным делам, который с ведома министра юстиции мог обсуждать сметы доходов и расходов, вопросы тюремного

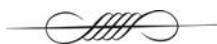
устройства, пересылки арестантов и др. Как отмечает В. О. Лачина, Совет по тюремным делам был специально создан с целью обеспечения карательной политики государства, усиления контрольных функций (Лачина В. О. Развитие пенитенциарной системы России во второй половине XIX века // История государства и права. 2007. № 22. С. 19).

Закон от 13 июня 1887 г. ввел в управление тюрьмами на местах должности помощников начальников тюрем, помощниц или смотрительниц женских отделений. Этот закон ввел в тюремную стражу тюремных надзирательниц, осуществлявших надзор за содержащимися лицами женского пола. На положительный результат введения данного положения указывал известный исследователь пенитенциарной системы дореволюционной России М. Н. Гернет: «Женщины-арестантки были наконец освобождены от тягостной для них мужской стражи» (Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3: 1870–1900. С. 19).

Развитие тюремной системы в данный период выражалось в расширении количества мест заключения, особенно в виде тюрем. Так, по статистике Главного тюремного управления, за 1886–1902 гг. в наиболее крупных административных и промышленных центрах было построено 56 тюрем на 10 614 чел., реконструировано под места заключения 28 зданий на 9 613 чел. и приобретено для использования в качестве тюрем 19 частных зданий на 1 965 чел. (Там же).

После событий 1 марта 1881 г. (покушение на Александра II, в результате которого он погиб) тюрьмы России были переполнены политическими заключенными. Так, В. Н. Дворянов приводит следующую статистику на основании отчетов Тюменского приказа о ссыльных с 1882 по 1886 г.: в Сибирь было сослано (за исключением каторжных) 69 885 чел., из них: 47 296 ссыльных (44 637 мужчин и 2 659 женщин) и 22 589 членов их семей (7 030 женщин и 15 559 детей), в том числе: ссыльнопоселенцев 13 484 (12 702 мужчины и 782 женщины); ссыльных, сосланных на водворение, – 8 478 (8 089 мужчин и 389 женщин); ссыльных, сосланных на житье, – 943 (911 мужчин и 32 женщины); административно-ссыльных – 24 391 (22 935 мужчин и 1 456 женщин) (Дворянов В. Н. Указ. соч. С. 93).

В этой связи необходимо отметить, что все названные тенденции имеют ярко выраженный усиленно-репрессивный характер, что вызывало резко негативную реакцию как среди осужденных (восстания, побег, голодовки, суицид), так и в широких общественных кругах, в том числе в средствах массовой информации. Тем самым подрывался авторитет, престиж самодержавия. В связи с этим нельзя однозначно положительно оценивать комплекс законодательных, организационных мероприятий правительства в сфере развития пенитенциарных отношений в период правления Александра III.

Библиографический список

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 3. 1870–1900 / М. Н. Гернет. – М. : Госюриздат, 1961.
2. Кораблин К. К. Негативные последствия сибирской ссылки для реализации пенитенциарных целей уголовного наказания в дореволюционной России / К. К. Кораблин // История государства и права. – 2007. – № 11.
3. Петренко Н. И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11 / Петренко Николай Иванович. – Рязань, 2009.
4. Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительная политика в сфере совершенствования правового регулирования исполнения уголовных наказаний : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Смирнов Леонид Борисович. – СПб., 2003.
5. Соловьева Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. / Е. И. Соловьева // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начале XX вв.). – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1983.
6. Фойницкий И. Я. На досуге : сб. юрид. ст. и исслед. с 1870 г. В 2 т. Т. 2 / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1900.

References

1. Gernet M. N. History of Tsarist Prisons. In 5 vol. Vol. 3. 1870–1900 / M. N. Gernet. – M. : State Legal Edition, 1961.
2. Korablin K. K. Negative Effects of Siberian Exile for the Implementation of Penal Purposes of Criminal Punishment in Pre-Revolutionary Russia / K. K. Korablin // History of State and Law. – 2007. – № 11.
3. Petrenko N. I. Formation and Development of Management of the Criminal Executive System of Russia / Petrenko Nikolay Ivanovich. – Ryazan, 2009.
4. Smirnov L. B. Penal Policy in Improving Regulatory Enforcement of Criminal Penalties / Smirnov Leonid Borisovich. – SPb., 2003.
5. Solovyova E. I. Resettlement and Provision of Exiles in Siberia in the Second Half of the XIXth Century / E. I. Solovyova // Political Exiles in Siberia (in the XVIIIth – XXth Centuries). – Novosibirsk : Science, Sib. Department, 1983.
6. Foinitskiy I. Ya. At Leisure Time. In 2 vol. Vol. 2 / I. Ya. Foinitskiy. – Spb. : Print. off. M. M. Stasyulevich, 1900.

В. В. Казаченок,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России

V. V. Kazachenok,
Lecturer of State and Law Studies
of Kazan Branch
of VLI of the FPS of Russia

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАНСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА
ОБЩЕСТВА ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО О ТЮРЬМАХ**

Activities of Kazan Provincial Committee of Society Taking Care of Prisons

Аннотация. Статья посвящена деятельности благотворительно-тюремных обществ Российского государства, раскрыты их сущность, компетенция и сфера деятельности. Выявлена роль Казанского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах и его уездных отделений в организации и деятельности пенитенциарных учреждений Казанской губернии.

Ключевые слова: Общество попечительное о тюрьмах, губернский комитет, уездные отделения, Казанская губерния, тюрьмы, арестанты, попечение.

Abstract. The article is devoted to the activities of charitable-prison societies in Russia, their essence, competence and sphere of activity are revealed. The role of the Kazan provincial committee of the society taking care of prisons and its county offices in the organization and activities of penitentiary institutions of Kazan province is introduced in this article.

Key words: Society Taking Care of prisons, provincial committee, county offices, Kazan province, prisons, prison inmates, care.

В начале XIX в. произошел заметный сдвиг в тюремной политике России, во многом обусловленный общественным настроением. Знакомство с политическими и религиозными организациями за рубежом, нарастание противоречий между самодержавным строем и дворянством порождали стремление части благородного сословия к объединению с властью с целью достижения бескризисного развития общества. Одним из направлений такого сближения стало создание Общества попечительного о тюрьмах, имевшего свои комитеты в каждой губернии. Рассмотрим особенности деятельности этого института на примере Казанского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах.

Впервые Общество попечительное о тюрьмах было учреждено в России 19 июля 1819 г. под влиянием филантропа Вальтера Венинга, члена Лондонского общества улучшения мест заключения. Сначала оно было создано в Санкт-Петербурге, позже – в Москве. Постепенно Общество попечительное о тюрьмах стало функционировать повсеместно в России, и в 1833 г. оно начало свою деятельность в Казанской губернии. В Казани были организованы Казанский губернский комитет Общества попечительного о тюрьмах, в уездах – его уездные отделения.

Целью учреждения Общества попечительного о тюрьмах являлось улучшение нравственного и физического состояния арестантов, а также мест заключения в целом. В 1851 г. на смену ранее действовавшим правилам пришел устав Общества попечительного о тюрьмах, который определил следующие направления его деятельности:

ближайший и постоянный надзор за заключенными; размещение их по роду преступлений или обвинений; наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, на этом основанной; занятие их приличными упражнениями; заключение провинившихся или буйствующих в уединенное место (Гернет М. Н. История царской тюрьмы. 2-е изд., доп. и пересм. М., 1951. Т. 1. С. 99).

Устав Общества попечительного о тюрьмах оставлял открытым вопрос, касающийся изменения внутреннего устройства тюрем, режима содержания заключенных и средств его обеспечения. Несмотря на ограниченность и декларативность устава, в нем впервые были введены определенные новшества, касающиеся тюремного быта: разрешение членам Общества попечительного о тюрьмах (комитетов) посещать тюрьмы и знакомиться с положением содержащихся там преступников; привлечение церковнослужителей к работе с заключенными, создание библиотек с книжным фондом исключительно религиозного содержания. Однако наряду с этим остались нерешенными главные проблемы тюремной системы: размещение заключенных; обеспечение их трудового использования; исключение насилия над личностью (Детков М. Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. С. 36–37).

А. Н. Зориков отмечает, что «практически с момента своего образования Общество приобретает двойственный характер наполовину общественной, наполовину правительственной структуры. Такое его состояние отражало противоречивость устремлений верховной власти, с одной стороны, заинтересованной в привлечении бла-

готворительных средств к финансированию тюремной системы, а с другой – боявшейся влияния в местах заключения неправительственных организаций» (Зориков А. Н. Региональные структуры пенитенциарной системы и благотворительно-тюремные общества России на рубеже XIX–XX веков (на материалах Тверской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1996).

Общество попечительное о тюрьмах, носящее общественно-государственный характер, находилось под личным покровительством императора. Его президент назначался, а члены утверждались монархом (Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 386. Оп. 1. Д. 84. Л. 21, 32).

Структура Общества выглядела следующим образом: Общество попечительное о тюрьмах – губернские комитеты Общества попечительного о тюрьмах – уездные отделения губернских комитетов Общества попечительного о тюрьмах.

Во главе губернских комитетов стояли вице-президенты (генерал-губернатор, губернатор, епархиальный, архиерей и прокурор судебной палаты). Из членов Общества избирались директора комитетов и отделений. Директорами могли быть губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющие отдельными частями, губернский врачебный инспектор, голова города-столицы губернии, председатель губернской земской управы, губернский тюремный инспектор, товарищ прокурора судебной палаты, прокурор окружного суда и губернский полицмейстер.

Уездные отделения губернских комитетов состояли из председательствующего директора, директоров по званию, директоров по выбору, а также членов Общества из числа частных лиц. Директорами по званию могли быть избраны уездный предводитель дворянства, благочинный, городской голова, уездный врач, председатель уездной земской управы, уездный член окружного суда, городской судья, тюремный инспектор, товарищ прокурора окружного суда, полицмейстер уездного города и исправник.

Лица в звании директоров уездных отделений утверждались на основании ст. XIV Устава о содержании под стражей, и так как четких регламентаций об их количественном составе не было, то, независимо от масштаба уездного тюремного отделения, число директоров в разных отделениях было неодинаковым. Так, согласно сведениям, поданным в Казанский губернский комитет Общества попечительного о тюрьмах в звании директоров Свияжского тюремного отделения состояло 7 человек: уездный предводитель дворянства, уездный врач, благочинный свияжских городских церквей, городской голова, товарищ прокурор Казанского окружного суда, мировые посредники свияжского суда 1 и 2-го участков; Спасского тюремного отделения – 6 человек:

уездный предводитель дворянства, соборный протоиерей, городской староста, уездный исправник, товарищ прокурор окружного суда, старший акцизный надзиратель; Мамадышского уездного тюремного отделения – всего 4 директора (Там же. Л. 89, 104, 112).

Во второй половине XIX в. количество комитетов и отделений Общества попечительного о тюрьмах значительно увеличилось за счет построения в 1864 г. в 10 уездных городах России новых тюремных замков (один из них в Тетюшах Казанской губернии). К 1865 г. Общество попечительное о тюрьмах состояло из 64 мужских комитетов в столицах, губернских, областных и портовых городах, 2 дамских комитетов в столицах, 437 мужских отделений в уездных городах, 29 дамских отделений в губернских городах и 1 дамского отделения в уездном городе (Извлечение из отчета Общества попечительного о тюрьмах за 1864 год. Спб., 1866. С. 4).

Попечение Общества распространялось не только на тюрьмы (губернские, областные и уездные тюремные замки), но и на другие места заключения, в частности на исправительные арестантские отделения. Согласно отчету Казанского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах он имел попечение над следующими местами заключения: а) Казанская губернская тюрьма; б) Казанская центральная пересыльная тюрьма; в) 11 уездных тюремных замков (Спасский, Царевококшайский, Свияжский Чебоксарский, Козмодемьянский, Цивильский, Ядринский, Лаишевский, Тетюшский, Мамадышский, Чистопольский), находящихся под ближайшим попечением уездных тюремных отделений; г) Казанское исправительное арестантское отделение (НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1528. Л. 258).

Исключительно благотворительный характер комитетов Общества попечительного о тюрьмах не мог, однако, сохраняться долго. Само понятие о попечении требовало не только надзора, но и заботы об улучшении, т. е. деятельности создающей. Правительство, осознав это, возложило на комитеты, кроме надзора, всю заботу о продовольствии арестантов (Кони А. Ф. Федор Петрович Гааз // Врата милосердия. М., 2002. С. 33).

Общество распоряжалось всем хозяйственным жизнеобеспечением тюрем. Финансовую основу деятельности губернских благотворительно-тюремных комитетов составляли ежегодные взносы директоров комитетов, частных благотворителей, средства из церковных кружек, прибыль от продаж продукции, изготовленной заключенными, ярмарок, торгов и т. д. Имело место и государственное финансирование в виде кормовых денег. Однако только государственного финансирования пенитенциарных учреждений было недостаточно, поэтому в данном вопросе

благотворительно-тюремные комитеты играли довольно значимую роль.

Так, доходы Общества попечительного о тюрьмах в Казанской губернии складывались: из суммы, отпускаемой из казны на продовольствие арестантов, пользование их в тюремных больницах и постройку для них одежды, белья и обуви; суммы, получаемой из городской думы на содержание тюремного замка (отопление, освещение); суммы пожертвований; суммы, поступившей за арестантов, содержащихся за долги; суммы, поступившей за работу арестантов (НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–23).

Расходы Казанского губернского комитета были направлены: на закупку лекарств и других материалов для больницы; продовольствие для лиц, содержащихся в тюремном замке и при полиции; жалование церковным работникам, надзирателям больниц и т. п.

Согласно отчету Казанского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах за 1864 г. его бюджет формировался следующим образом:

«от 1863 г. оставалось 6384 руб. / 8629 р. 81 ½ коп. (через косую черту указаны суммы уездных отделений. – В. К.);

в 1864 г. поступило 30664 руб. 89 ½ коп. / 27160 руб. 25 коп.,

из них: казенных – 23387 руб. 75 ½ коп. / 15593 руб. 52 ½ коп.,

частных благотворительных – 893 руб. 14 коп. / 2936 руб. 91 коп.;

израсходовано 18101 руб. 6 ¼ коп. / 18998 руб. 74 ¾ коп.,

из них казенных – 12280 руб. 88 ¾ коп. / 15840 руб. 55 ¾ коп.,

частных благотворительных – 5820 руб. 17 ½ коп. / 3158 руб. 19 коп.;

к 1 января 1865 г. осталось 12563 руб. 83 ¼ коп. / 8161 руб. 50 ¼ коп.

Расходы производились: на 1) жалование и пособие смотрителям, приставникам, священно-церковнослужителям, медицинским чинам, содержание канцелярий и прислуги; 2) содержание и устройство церквей при тюрьмах и другие по этому предмету потребности; 3) одежду, белье, обувь, постели, стирку и починку белья, на баню, мыло; 4) улучшение тюрем, постройки в них, снабжение их необходимыми вещами, устройство школ, покупку книг; 5) пособие на содержание больниц и аптек, устройство их, погребение умерших арестантов; 6) улучшение арестантской пищи, покупку мест для огородов, огородных семян, содержание экономов и поваров; 7) отопление и освещение тюрем; 8) пособие арестантам, их семействам, пересылаемым по этапам и на другие подобные предметы; 9) на выкуп

должников» (Извлечение из отчета Общества попечительного о тюрьмах за 1864 год. С. 4).

Из отчетов Казанского губернского комитета видно, что средствами, отпускаемыми на продовольствие арестантов и содержание больниц и мест заключения, в ряде случаев распоряжались смотрители тюрем и острогов. В связи с этим председатель Общества попечительного о тюрьмах граф Орлов направил комитетам циркуляр от 15 мая 1847 г. № 189 со словами: «Находя несовместным верить, в особенности продовольствие арестантов, тому лицу, которое, имея над ними власть, может влиянием своим заглушать жалобы заключенных на недостаточную против положения или дурного качества пищу, я долгом поставляю предложить всем Комитетам, производя продовольственную операцию, равно как содержание тюрем и острогов, посредством торгов с подряда или хозяйственным образом, иметь для приведения в исполнение распоряжений по экономической части, по примеру столичных и большей части губернских комитетов, особого эконома, который под строгим наблюдением членов, заведывающих хозяйственной частью, должен, соблюдая интересы Комитета, содействовать к усилению способов оного» (НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 37. Л. 8).

Основные вопросы деятельности Общества попечительного о тюрьмах обсуждались на его заседаниях. Заседания Казанского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах, как правило, проводились ежемесячно (Там же. Д. 44. Л. 127).

На них заслушивался директор комитета о покупке продовольствия для арестантов, на основе чего составлялся отчет о формировании бюджета комитета, включающий подробные сведения о доходах и расходах. Например, на заседании Казанского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах 16 марта 1849 г. рассматривалось утверждение сметы на предмет произведения по ней расходов в Казанском гражданском тюремном замке:

«а) по продовольствию здоровых арестантов: приход из Казанского уездного казначейства – 1,175 руб.; расход – 1751 руб. 96 коп.; недостающие на покрытие расходов 676 руб. 96 коп. употребить из экономии, приобретаемой от расходов других сумм;

б) по предмету лечения больных и погребения умерших арестантов; приход предполагается получить по примеру прошедшего года из Казанского уездного казначейства 2932 руб. 64 коп.; расход – 1681 руб. 44 коп.; предполагаемый остаток – 1251 руб. 20 коп. на основании 3 продолжения Свода законов гражданских изданий 1842 г. тома XIV статьи 54 должен быть обращен в экономический капитал комитета;

в) по содержанию пересыльного этапа: приход из казны – 612 руб. 96 $\frac{3}{4}$ коп.; из гражданских расходов – 200 руб., итого: 812 руб. 96 коп.; расход – 1113 руб. 50 коп.; недостающие 300 руб. 53 $\frac{1}{4}$ коп. употребить из экономии, приобретаемой от расходов других сумм;

г) по содержанию Казанского гражданского тюремного замка; приход из гражданских доходов – 1956 руб. 2 $\frac{3}{4}$ коп.; расход – 2155 руб. 56 коп.;

д) на подкрепление комитета: приход от членов Общества попечительного о тюрьмах – 2329 руб. 18 $\frac{1}{2}$ коп., из арестантских кружек – 27 руб. 80 коп., остатки от прошлого года – 641 руб. 98 $\frac{1}{2}$ коп., итого: 2998 руб. 95 $\frac{3}{4}$ коп.; расход – 760 руб. 85 коп.» (Там же. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–14).

На основе анализа сведений, полученных из отчета Общества попечительного о тюрьмах за 1864 г., можно сделать вывод о положительных и отрицательных сторонах обеспечения нормального содержания арестантов в тюрьмах.

Благодаря заботам комитетов в некоторых тюрьмах были устроены мастерские, в которых арестанты занимались столярным, плотницким, портняжным, сапожным и переплетным мастерством. В тех тюрьмах, где из-за недостаточности помещения нельзя было оборудовать мастерские, арестанты занимались ремеслами и разными поделками в камерах или привлекались к исправлению потребностей тюремного хозяйства и для очистки городских площадей и улиц. Кроме того, арестанты обрабатывали тюремные огороды, хотя таковые имелись лишь при немногих тюрьмах.

Грамотные арестанты снабжались книгами духовно-нравственного содержания, которые жертвовались благотворителями или приобретались на средства комитета. В Казанской губернии в этот период библиотек при тюрьмах еще не было.

Несовершеннолетние арестанты и дети, находящиеся при родителях, почти во всех тюрьмах помещались отдельно от взрослых арестантов и занимались легкими работами, обучались чтению, письму, Закону Божию, церковному пению и некоторым ремеслам. Всего в трех городах, в числе которых была Казань, для арестантских детей имелись особые приюты. В 1864 г. в Казанском приюте находилось 7 детей. Школы имелись в 21 губернском городе (в том числе и в Казани) и в некоторых уездных городах (Извлечение из отчета Общества попечительного о тюрьмах за 1864 год).

На попечении комитетов было 140471 пересыльный арестант. Из 15 комитетов Казанский губернский комитет стоял на втором месте (после Тобольского) по количеству пересыльных, на попечении которого было 15297 человек. Это было связано с тем, что Казанская пересыльная

тюрьма являлась одним из этапов, который проходили большинство арестантов по пути в Сибирь. В ней размещались арестантские партии по приходу в Казань и для них готовились по возможности баня и чистое белье. Во время пребывания в тюрьмах они довольствовались во всем наравне с арестантами, содержащимися за преступления.

Жители некоторых городов старались облегчить участь пересыльных арестантов. Выражалось это преимущественно в пожертвовании припасов, денег и разных вещей. Кроме того, пересыльные снабжались комитетом по мере нужды одеждой, бельем и обувью, а «одержимые грыжею» – бандажами. Грамотным арестантам раздавались изданные на средства комитета или купленные на счет благотворительных сумм книги Нового Завета на славянском и иных языках, а также другая литература духовно-нравственного содержания.

Общество попечительное о тюрьмах постоянно заботилось об устранении недостатков в тюрьмах, и по мере поступления в его распоряжение средств отчасти решало эту проблему. Оно заботилось о поддержании введенных в некоторых тюрьмах занятий мастерством и распространении между арестантами грамотности с целью отвлечь их от вредной праздности и развить в них нравственное чувство. Принимаемые меры давали определенный положительный результат, но при существовавшем тогда устройстве тюрем трудно было дать им надлежащее развитие.

К концу XIX в. большая часть пенитенциарных учреждений страны пришла в аварийное состояние по причине сокращения их финансирования. Наряду с этим ухудшилась организация работ заключенных, здравоохранения, материального обеспечения и питания.

В результате вопрос о преобразовании тюремной части в России составлял одну из главных забот Министерства внутренних дел, чьи старания были направлены как на изыскание лучшей системы заключения, так и на более правильную и рациональную организацию быта заключенных преступников, систему тюремного надзора и управления.

В 1867 г. директор Департамента исполнительной полиции барон И. О. Велио осмотрел пенитенциарные учреждения ряда губерний России, в том числе и Казанской. Всего он посетил 11 губернских тюремных замков, 25 уездных тюрем, 4 смиренно-рабочих дома, 9 арестантских рот и пересыльную часть в некоторых пунктах главных пересыльных трактов (НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 72. Л. 12–14).

В своем отчете он отметил уклонения от предписанных правил по содержанию мест заключения и арестованных в них со стороны тю-

ремной администрации, попечительных и тюремных комитетов и их отделений, а также управления исправительными арестантскими ротами и попечительств над ними. Вместе с тем были обнаружены отсутствие должной заботливости некоторых губернских правлений по арестантским делам и несоблюдение законов, относящихся к этой части. Особое внимание ревизор обратил на практические нововведения в некоторых местах заключения, касающиеся одежды и организации труда. В отношении этих указаний было замечено следующее.

Арестанты, прибывшие в тюремные замки, не осматривались своевременно врачами, поэтому некоторые из них оставались в течение нескольких дней в общих камерах с «заразительными» болезнями, опасными для своих товарищей.

Прибывших впускали в тюрьму со своими вещами, но при этом снабжали их и казенными, что давало возможность арестантам совершать различные сделки по обмену и продаже вещей не только собственных, но и казенных. Наиболее активно торговали вещами с проходящими арестантами в Казанской центральной пересыльной тюрьме.

Одежда и обувь заготавливалась для всех арестантов губернским тюремным комитетом, а для лиц из привилегированных сословий одежда специально шилась из лучших материалов и поэтому не имела вида арестантской. В некоторых случаях комитеты осуществляли рассылку одежды в уездные тюрьмы с нарушением установленных сроков, а иногда и в меньшем количестве, чем это было необходимо. В результате арестанты, чья казенная одежда приходила в негодность или ее не выдавали, носили собственную, если таковая имела, или же ветхую казенную.

В отношении нравственного исправления осужденных принимались меры практически только в губернской тюрьме (распространение грамотности, создание условий для занятий, и то только в том случае, если позволяли размеры помещения).

В уездных тюрьмах других работ, кроме приготовления пищи и стирки арестантского белья, не производилось, лишь в редких случаях арестанты высылались на городские работы для очистки площадей и улиц.

В некоторых тюрьмах посетители допускались к арестантам без всякого надзора тюремной стражи. В остальных же тюремных замках подавание принималось избранными арестантами старостами, которое потом раздавалось всем арестантам. Вред от этого был очевиден: арестанты приучались жить за счет благотворительности и по выходе из тюрьмы многие из них вместо того, чтобы найти себе какое-либо занятие, просили милостыню на улицах.

Смотрители тюремных замков, за весьма немногим исключением, были мало знакомы со

своими обязанностями, кроме того, они часто были недостаточно усердны при несении службы. Вольнонаемный надзор, введенный вместо внутренних воинских караульных постов, только там удовлетворительно выполнял свое назначение, где смотрители сами обращали на все внимание.

В арестантских ротах заключенные практически не были заняты трудом, тогда как в городах было много работы по устройству улиц и площадей. Только мастеровые были заняты исполнением казенных и частных заказов.

В порядке содержания арестантов допускались отступления от установленных правил в виде дозволения держать в камерах на нарах собственную одежду и разные вещи (что могло способствовать побегу арестантов). Одежда и постельные вещи в некоторых арестантских ротах были очень ветхие. Чистое белье выдавалось не еженедельно, как было положено, а раз в две недели. В одной роте был введен оригинальный порядок: арестанту выдавалась на три месяца одна рубаха с тем, чтобы он сам стирал ее во время посещения бани. По истечении же трех месяцев она оставалась в собственности арестанта, тогда как по правилам все белье следовало сохранять в ротном цейхгаузе и выдавать еженедельно чистое, а грязное обязаны были стирать специально назначенные для этого арестанты.

В арестантских ротах так же, как и в тюрьмах, содержались люди сверх установленного срока. Одежда на осмотренных арестантских партиях оказалась сшита преимущественно из доброкачественных материалов, но белье, розданное арестантам, часто не соответствовало их росту.

Больницы, устроенные при тюрьмах, большей частью содержались неудовлетворительно. Медики, наблюдающие за больными, не везде исполняли свои обязанности добросовестно. Так, один врач, желая избавиться от больного арестанта, насильно отправил его в путь из больницы, и тот на первом ночлежном пункте умер.

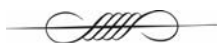
В тюремной больнице, а также в гражданских тюремных замках часто сталкивались с проблемой отсутствия акушерки, которая нужна была не только для оказания помощи роженицам, но и особенно для постоянного осмотра женщин, содержащихся в замке, и пересыльных арестанток. Такая ситуация складывалась потому, что женщины неохотно допускали врача к осмотру, некоторые же вообще отказывались от него. Причем число содержащихся в гражданском тюремном замке женщин достигало до 145, а число пересылаемых – до 10006 в год. Все это приводило к развитию разного рода болезней. Кроме того, необходимость была и в повивальной бабке (Там же. Д. 71. Л. 3).

Таким образом, проанализировав деятельность Казанского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах и его роль в функ-

ционировании тюрем, можно сделать вывод, что сфера его деятельности, с одной стороны, отражала общероссийские тенденции, а с другой – ситуация в Казанской губернии была лучше, чем в других регионах. Казанский губернский комитет Общества попечительного о тюрьмах сыграл большую роль в организации и деятельности пенитенциарных учреждений Казанской губернии, фактически создавая и поддерживая жизнеспособность тюремных больниц, мастерских, школ, библиотек и церквей, курируя материальное снабжение мест заключения, учреждая воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних. Усилиями губернского комитета и его отделений было много сделано для улучше-

ния условий содержания заключенных, организации просветительской деятельности в местах лишения свободы, профессионального обучения и производительного труда арестантов.

Между тем к концу XIX в. государство стало постепенно отстранять благотворительно-тюремные структуры от участия в деятельности тюремной системы страны. Кроме того, резкое сокращение финансирования деятельности благотворительно-тюремных обществ России со стороны государства явилось серьезным препятствием на пути повышения эффективности их работы, что обусловило постепенное превращение этих обществ в простой придаток тюремной администрации.

Библиографический список

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 1 / М. Н. Гернет. – 2-е изд., доп. и пересм. – М. : Госюриздат, 1951.
2. Детков М. Г. Наказание в царской России. Система его исполнения / М. Г. Детков. – М. : Интерправо, 1994.
3. Зориков А. Н. Региональные структуры пенитенциарной системы и благотворительно-тюремные общества России на рубеже XIX–XX веков (на материалах Тверской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Зориков Алексей Николаевич. – Тверь, 1996.
4. Извлечение из отчета Общества попечительного о тюрьмах за 1864 год. – Спб. : Тип. МВД, 1866.
5. Кони А. Ф. Федор Петрович Гааз : биограф. очерк / А. Ф. Кони // Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе. – М. : Древо добра, 2002.

References

1. Gernet M. N. History of the Imperial Prison. In 5 vol. Vol. 1 / M. N. Gernet. – 2nd ed., enl. and rev. – M. : State Legal Edition, 1951.
2. Detkov M. G. Punishment in Tsarist Russia. System of its Execution / M. G. Detkov. – M. : Interpravo, 1994.
3. Zorikov A. N. Regional Structures of the Penitentiary System and Charitable-Prison Societies in Russia at the Turn of the XIXth–XXth Centuries (on materials of Tver Province) / Zorikov Alexey Nikolaevich. – Tver, 1996.
4. Extract from the Report of the Society Taking Care of Prisons for the Year of 1864. – Spb. : Print. off. Ministry of the Internal Affairs, 1866.
5. Koni A. F. Fyodor Petrovich Gaaz / A. F. Koni // Gates of Mercy. Book on Dr. Gaaz. – M. : The Tree of Good, 2002.

А. Г. Лапшин,
 декан исторического факультета
 Владимирского государственного
 гуманитарного университета
 кандидат исторических наук, доцент

A. G. Lapshin,
 Dean of the Faculty of History
 of Vladimir State University for Humanities
 Candidate of History, Assistant professor

**ПОЛИТИКА ВАТИКАНА НА РУСИ В XIII В.:
 АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ТЕОКРАТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ ИННОКЕНТИЯ IV**

**Policy of Vatican in Rus of the XIIIth Century:
 Alexander Nevsky and Theocratic Aspirations of Innocent IV**

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать инициативы Иннокентия IV по обращению Александра Невского в католицизм в контексте теократических устремлений Ватикана и выявить влияние этой политики на процесс становления российской государственности.

Ключевые слова: теократия, булла, князь, папский легат, сеньориальная зависимость.

Abstract. The author of the article analyzes the initiatives of Innocent IV related to converting Alexander Nevsky into catholicism in the context of theocratic aspirations of the Vatican and discloses the influence of this policy on the process of statehood formation in Russia.

Key words: theocracy, bull, prince, papal legate, liege dependence.

Папа Римский Иннокентий IV (1195/1243–1254 гг.) вошел в историю права Европы как автор фикционной концепции юридического лица (Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000). Однако для своих современников был прежде всего верховным понтификом католической церкви, всемерно стремившимся распространять государственно-политическое влияние Святого престола и тем самым способствовать усилению римского теократического государства (Melloni A. Innocenzo IV: la concezione e l'esperienza della cristianità come regimen unius personae. Genova, 1990).

Регионом столкновения геополитических интересов в середине XIII в. была Восточная Европа, что объяснялось рядом причин. С одной стороны, это была территория, подконтрольная Орде, с другой стороны, она представляла собой сферу интересов и большого внимания западных правителей (прежде всего Ватикана). И наконец, Восточная Европа являлась тем пространством, где политические и конфессиональные ориентации в значительной степени зависели от позиции удельных князей. На период понтификата Иннокентия IV приходятся наиболее активные попытки утвердить власть римского престола в православных землях (Горский А. А. Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский // Страницы отечественной истории : сб. науч. ст. М., 1993).

Западный поход Батыя (1236–1242 гг.) значительно изменил геополитическую ситуацию в

Европе и Средиземноморье. Именно поэтому монгольский фактор обязан был учитывать всякий политик XIII в. Неслучайно к традиционным для папской политики целям (борьба за священную инвеституру и расширение границ католического мира) прибавилась еще одна – умиротворение монголов. Первые две цели были стратегическими, а третья – новая – понималась как тактическая.

В 1245 г. Иннокентий IV направляет францисканца Иоанна (Джованни) Плато Карпини с первой официальной католической миссией в земли, захваченные монголами. Его основной целью являлась проповедь католицизма, в рамках которой планировалось предложить восточным правителям (прежде всего монгольским ханам) заключить союз с Римом против исламских государств. В 1246 г. Карпини посетил Сарай и встретился с ханом Батыем, затем – Каракорум, где был на приеме у великого хана Гуюка. По возвращении в Рим в 1249 г. он составил подробный отчет о своей поездке – рукописи «История Монголов, которых мы называем Татарами» и «Книга о Татарах» (Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука / пер. А. И. Малеина. М., 1957).

В том же 1245 г. доминиканец французского происхождения Андре де Лонжюмо был направлен Иннокентием IV на Ближний Восток к патриархам восточных церквей для переговоров об унии с католической церковью. Он посетил Акру, Баальбек и Хомс. Далее он отправился в Ирак и в Мосуле провел переговоры с яковитами. После этого он прибыл в Тебриз (Северный Иран/Восточный Азербайджан) и встретился с лидерами несториан. Можно полагать, что миссия

Андре де Лонжюмо была успешной, ибо, возвращаясь в 1247 г., он передал в Лионе ответ иракских несториан Иннокентию IV.

Обращает на себя внимание выбор папских посланников. Можно полагать, что он был не случайным. Доминиканцы и францисканцы – это монашеские ордена, возникшие в XIII в. Общим между ними было то, что они являлись монашескими орденами нового типа – братствами нищенствующих монахов, странствующих проповедников. Различие их заключалось в том, что доминиканцы в своей проповеди апеллировали прежде всего к слову (богословским знаниям), а францисканцы – к делу (т. е. образу жизни) (Lawrence C. H. *Medieval Monasticism. Forms of Religious Life in Western Europe in the Middle Ages*. London, 1989). Именно в связи с этим к монголам-язычникам был послан более понятный им францисканец Плано Карпини, а к якувитам и несторианам, которые в глазах Ватикана представляли собой христиан, почитающих неверную догму, направили доминиканца Андре де Лонжюмо.

Отношения римского престола с русскими князьями выстраивались иначе. 22, 23 и 24 января 1248 г. папа Иннокентий IV направил послания последовательно Даниилу Галицкому, Александру Невскому, магистру Генриху фон Вейде (1247–1248 гг.) и рыцарям Тевтонского ордена (Рошко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия // Символ : журн. христиан. культуры при Славян. б-ке в Париже. Париж, 1988. Вып. 20). Все письма содержали одну и ту же просьбу: немедленно сообщить о приближении татаро-монгольского войска. При этом русские князья должны были передать сообщение тевтонским рыцарям, те в свою очередь – переправить его в Рим для принятия окончательного решения Иннокентием IV. Данное обстоятельство качественным образом отличает восточноевропейскую политику Ватикана от ближневосточного или монгольского направления: в Прибалтике и близких к ней землях в середине XIII в. имелась эффективно действующая структура, непосредственно подчиненная папству, – Тевтонский орден.

Посредником в передаче посланий Иннокентия IV выступал архиепископ Прусский и папский легат в регионе Восточной Балтики, на Руси и в Восточной Европе Альберт фон Зуербеер, который был утвержден папой в данном звании в 1245 г. Вполне естественно, что именно архиепископу Альберту было предписано папской буллой от 7 сентября 1247 г. отправиться к Даниилу Галицкому, чтобы осуществить процедуру перехода князя, а также светских и духовных чинов Галицкой Руси в католичество. Однако обращение Даниила Романовича и его вассалов в

католичество предполагало изменение конфессионально-территориальных границ. В уже упомянутой булле от 7 сентября 1247 г. Иннокентий IV дал разрешение архиепископу Альберту «*носить архиепископский палий (облачение) на Руси*». В реалиях XIII в. это означало, что русские земли входят в состав епископских владений Альберта фон Зуербеера, а народы, их населяющие, приняв католичество, становятся вассалами архиепископа Прусского.

Итак, два письма Иннокентия IV, адресованные Александру, «герцогу Суздальскому» и «сиятельному правителю Новгородскому», датированы соответственно 23 января и 15 сентября 1248 г. В первом папа призывает Александра последовать примеру отца – князя Ярослава, согласившегося перед смертью подчиниться римскому престолу, а также предлагает координацию действий с тевтонцами в случае нападения татар на Русь. Во втором послании папа упоминает о согласии Александра принять католическую веру и построить католический храм в Пскове, а также просит принять его посла – архиепископа Альберта фон Зуербеера. Содержание писем Папы Римского свидетельствует о явном прогрессе в отношениях Иннокентия IV и князя Александра, но эта информация происходит из римских источников. Между тем свидетельств с русской стороны, подтверждающих или опровергающих ее, нет. Однако по этому поводу можно сделать некоторые предположения.

Известно, что в конце 1247 – начале 1248 г. Александр отправился вслед за своим братом Андреем в ставку Батыя, а оттуда – в Каракорум. Из поездки оба возвратились в конце 1249 г. Таким образом, Александр Ярославович получил первое письмо, находясь вне пределов Руси. Следовательно, ответ на него он должен был дать в дороге и в условиях очень непростой внутривосточной ситуации в державе чингизидов, сложившейся после смерти великого хана Гуюка в апреле 1248 г.

Содержание ответа Александра на первое послание Иннокентия IV может быть реконструировано с высокой степенью гипотетичности лишь на основании некоторых деталей буллы Папы Римского от 15 сентября 1248 г. (Горский А. А. Два неудобных факта из жизни Александра Невского // Александр Невский и история России : материалы науч.-практ. конф. (Новгород, 20–28 сент. 1995 г.). Новгород, 1996). Очевидно, что князь Александр ответил Иннокентию IV не категоричным отказом, но согласием. Вот только согласием на что? На обращение в католичество? Для русского князя это означало бы не только перемену в религиозном мировоззрении, но и изменение социально-политического статуса со значительной потерей независимости. Вся поли-

тика Александра Ярославовича до и после 1248 г. свидетельствует о том, что это решение было неприемлемо для него. Вероятнее всего, в ответе содержалось согласие князя на продолжение диалога с Ватиканом. Дружественный ответ был продиктован его стремлением оставить за собой возможность политического маневра с учетом результатов его поездки в ставку хана.

Намерения князя Александра продолжить диалог с Ватиканом соотносятся с информацией о проекте строительства в Пскове соборного храма для латинян. В послании Иннокентия IV от 15 сентября 1248 г. говорится о том, что инициатива этого строительства исходит от Александра Ярославовича как знак его желания *«приобщиться к единой главе Церкви»*, т. е. принять католичество и признать первенство римского понтифика. Поскольку статус предполагаемого псковского собора был кафедральный, то получалось, что по инициативе князя Псков должен был стать резиденцией епископа. Создание на русских землях нового католического диоцеза означало бы, что земли князя с точки зрения церковного права стали бы составлять единое целое с землями Тевтонского ордена, а политическое влияние князя новгородского значительно ослабло. Александр Невский не мог не понимать этого.

Ответ Александра Ярославовича на январскую буллу Иннокентия IV был дан не непосредственно папе, а, как следует из второй буллы, через архиепископа Прусского или людей из его окружения. В таком случае не следует исключать возможность смещения смысловых акцентов в ответе князя при его переводе или пересказе. В представлении римской стороны дипломатически нейтральное согласие русского князя продолжить диалог могло трансформироваться в намерение *«сиятельного короля Новгорода»* признать Римскую церковь и почитать папу как наместника Христа.

Когда Александр получил вторую буллу Иннокентия IV, не известно. Маловероятно, что папское послание проследовало за князем в Монголию. Более реально выглядит версия о том, что письмо было доставлено по старой схеме — через епископа Прусского и земли Тевтонского ордена. Это дает основание предположить, что папское письмо от 15 сентября 1248 г. Александр получил после возвращения в Новгород в начале 1250 г. Результаты поездки к великоханскому двору были для Александра не слишком удачны — он был признан «старейшим» среди всех русских князей (получил Киев и всю Русскую землю), но Владимирский княжеский престол поручили Андрею Ярославовичу.

Третье обращение римского престола к Александру Ярославовичу произошло либо в послед-

ние годы понтификата Иннокентия IV, либо в период правления Папы Римского Александра IV. Датировать эти события более точно не представляется возможным, так как в хронологии Жития Александра Невского (Житие Александра Невского / подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4962>) этот эпизод располагается после рассказа о походе Неврюя на Владимиро-Суздальскую землю в 1252 г. и перед повествованием о походе его сына Дмитрия в немецкие земли в 1262 г. В это время Александр Ярославович обладал всей полнотой великокняжеской власти. Уровню дипломатической миссии Ватикана к великому князю соответствовал выбор послов — кардиналов Агалдада и Гемонта. В Житии Александра Невского этот эпизод описан следующим образом: *«Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: „Папа наш так говорит: „Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших — Агалдада и Гемонта, чтобы послушал ты речи их о законе божьем“. Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: „От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рождества, от рождества Христова и до распятия его и воскресения, от воскресения же его и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем“. Они же возвратились во свояси»*.

Как видим, миссия папских легатов оставалась прежней — склонить великого князя к принятию католичества. Сам факт третьей попытки данного предложения позволяет сделать два заключения. Первое — предыдущие попытки не имели успеха. Это вполне соответствует предположению о том, что содержание второго письма Иннокентия IV не отражало реального отношения Александра Ярославовича к вопросу о принятии католичества. Второе заключение касается настойчивости Ватикана в продвижении границ католичества на Восток. Однако, как свидетельствует летопись, предложение папы было отвергнуто. Контакты Александра Невского с Римом более не возобновлялись.

Таким образом, в течение нескольких лет, начиная с 1248 г., папский престол прилагал усилия для привлечения Александра Ярославовича на свою сторону. Понятно, что в «большой игре»

середины XIII в. каждый преследовал свои цели. В попытках утвердиться в Восточной Европе и использовать монгольский фактор в собственных интересах Ватикан достиг определенных результатов, усилив свое влияние не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в русских землях (Галицко-Волынское княжество). Однако итог в целом не был положительным для папского пре-

стола: великий князь Александр Ярославович не принял католичество, а Русь, при всей сложности своего положения, не потеряла геополитического значения в контексте евразийских реалий. Утверждения римской теократии в православной Руси и формирования вассальной зависимости великого князя от апостольского трона не произошло.

Библиографический список

1. Горский А. А. Два неудобных факта из жизни Александра Невского / А. А. Горский // Александр Невский и история России : материалы науч.-практ. конф., Новгород, 20–28 сент. 1995 г. – Новгород : НГОМЗ, 1996.
2. Житие Александра Невского. Повесть о жизни и о храбрости благоверного и великого князя Александра. – М. : Домашнее чтение, 2008.
3. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / пер. А. И. Малеина. – М. : Географгиз, 1957.
4. Рошко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия / Г. Рошко // Символ : журн. христиан. культуры при Славян. б-ке в Париже. – Париж, 1988. – Вып. 20.

References

1. Gorskiy A. A. Two Awkward Facts from the Life of Alexander Nevsky / A. A. Gorskiy // Alexander Nevsky and the History of Russia, Novgorod, Sept. 20–28, 1995. – Novgorod : NSUMR, 1996.
2. Life Of Alexander Nevsky. Story about Life and Courage of Great Prince Alexander. – M. : Home reading, 2008.
3. Travel of Plano Karpini and Gilliam Rubruk into Eastern Countries / transl. by A. I. Malein. – M. : Geographic State Publication, 1957.
4. Roshko G. Innocent IV and Threat of Mongolo Tatar Invasion / G. Roshko // Symbol. – Paris, 1988. – Iss. 20.

В. М. Мамонтов,

*соискатель кафедры теории и истории
государства и права
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского*

V. M. Mamontov,

*applicant of the Department of Theory
and History of State and Law
of Nizhniy Novgorod State University
named after N. I. Lobachevskiy*

**НАКАЗЫ ТАМОЖЕННЫМ ГОЛОВАМ В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ,
РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРАВООТНОШЕНИЯ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ
МОСКОВСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В XVI–XVII ВВ.**

**Instructions for Customs Masters in the System of Statutory Acts Regulating
Legal Relationships in Customs Sphere in Moscow Centralized State
in the XVIth–XVIIth Centuries**

Аннотация. В статье проанализированы некоторые источники, регламентирующие правоотношения в таможенной сфере в России XVI–XVII вв., а также осуществлено их сравнение с другими видами источников таможенного права Московского централизованного государства, определены их роль, место в ряду нормативных правовых актов того периода.

Ключевые слова: наказные памяти, указы таможенным головам, таможенные головы, таможенные целовальники, правовое регулирование.

Abstract. The article conducts the legal analysis of some sources regulating legal relationships in the customs sphere of Russia in the XVI–XVIIth centuries. The author carries out the comparative analysis of these source of law with other sources of customs law of Moscow Centralized State, determines their role, place in the system of statutory acts of that period.

Key words: instructional memos, instructions for customs masters, customs masters, customs tax collectors, legal regulation.

Наказы таможенным головам являются документами, дающими представление о деятельности должностных лиц таможен, об их роли в системе государственного таможенного управления в Московском централизованном государстве, их взаимодействии с другими должностными лицами и учреждениями того времени. Наказы выдавались царем обычно вновь назначенным таможенным головам и содержали правовые нормы, определяющие их статус как должностных лиц, круг их основных обязанностей и прав.

Рассмотрим ряд наиболее типичных наказов таможенным головам.

Наказная память сольвычегодскому таможенному и кабацкому голове Бессону Акакиеву о порядке сбора таможенных и кабацких пошлин 1625 г. (Кистерев С. Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI – начала XVII века. М., 2003. С. 40) предписывала таможенному голове Бессону Акакиеву ехать в г. Соль-Вычегодская для вступления в должность, принять дела у прежнего таможенного головы, после чего приступить к осуществлению своих полномочий по сбору таможенных и кабацких пошлин, руководствуясь при этом действующими нормативными актами (указами и уставными грамотами). Таможенный голова Бессон Акакиев обязывался вести учет таможенных сборов, причем порядок их передачи в казну подробно регламентировался. Доку-

мент наделял таможенного голову соответствующими полномочиями по руководству подчиненными ему должностными лицами таможни, содержал инструкции по действию в ситуациях конфликта с представителями местной администрации. В наказной памяти было установлено своеобразное «плановое задание» на сбор таможенных пошлин, не допускающее снижения сборов по сравнению с аналогичным периодом прошлого года: «И Бессону однолично радети и служба своя государю показать, чтоб собрать больши прошлых годов» (Там же). В случае недобора предусматривалось взыскание недостающих сумм с самих должностных лиц таможни: «А будет не доберут, и государь тот недобор доправит на нем, на Безсоне, и на целовальниках, да ему ж от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси быти в великой опале» (Там же). За ненадлежащее исполнение своих обязанностей для должностных лиц предусматривались наказания «без пощады».

Таким образом, проанализировав данный документ, мы пришли к следующим выводам:

а) предметом правового регулирования этой наказной памяти являются общественные отношения в таможенной сфере, а именно: порядок сбора таможенных пошлин, порядок ведения таможенного делопроизводства, порядок передачи таможенных доходов в казну, таможенное администрирование (отношение между персоналом таможенных органов), наказания для должностных лиц. Кроме того, наказная память содержит

нормы, регулирующие отношения в сфере производства, оборота и налогообложения алкоголя;

б) обязанным и в то же время управомоченным субъектом выступает конкретное лицо – Бессон Акакиев, на которого возлагаются обязанности по руководству таможенным учреждением г. Соль-Вычегодская, осуществлению таможенных сборов и реализации таможенной политики государства. Одновременно таможенному голове для реализации его полномочий предоставляются соответствующие права по контролю за деятельностью подчиненных сотрудников (целовальников и дьячков);

в) в данном документе использован преимущественно императивный метод правового регулирования, обязывающий Бессона Акакиева исполнять свои служебные обязанности;

г) наказная память является адресным правовым актом, т. е. адресованным конкретному лицу – Бессону Акакиеву;

д) по территориальному распространению действия наказная память является локальным правовым актом, действующим в пределах г. Соль-Вычегодская.

Наказные памяти в Устюжену Железопольскую таможенному и кабацкому голове Милоте Шиловцеву о порядке сбора таможенных и кабацких пошлин, можайскому таможенному и кабацкому голове Матвею Меркурьеву о порядке сбора таможенных и кабацких пошлин 1625 г., таможенному голове в Нижнем Новгороде гостю Смирному Судовщикову 1621 г. практически идентичны по содержанию и, очевидно, составлены по одному образцу.

Наказ таможенным и кабацким головам гостю И. Сверчкову и гостиной сотни Б. Щепоткину 1621 г. предписывал вышеуказанным лицам, а также перечисленным целовальникам: прибыть на Двину в г. Архангельск, принять дела у местного воеводы и осуществлять сбор таможенных пошлин, определять таможенную стоимость товаров, производить таможенный контроль и вести учет товаров и пошлин, выкупать у приезжих немецких купцов ефимки по установленному в наказе курсу, осуществлять своего рода валютный контроль: «...которые люди русские учнут ефимки покупати безьявочно, и головам про то сыскивать накрепко и те сыски и ефимки отсылать на государя ж» (Привилегированное купечество в России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в. / сост.: Т. Б. Соловьева, Т. А. Лаптева. М., 2004. С. 37). Кроме того, наказывалось не брать таможенные пошлины с монастырских товаров.

Следовательно, данный нормативный правовой акт можно охарактеризовать таким образом:

а) предметом правового регулирования являются общественные отношения в таможенной

сфере, а именно такие его элементы: порядок осуществления таможенного контроля, порядок сбора таможенных пошлин, порядок ведения таможенного делопроизводства, наказания за нарушение таможенных правил, таможенные льготы (монастырям). Помимо этого, наказная память содержит нормы, регулирующие отношения и в сфере валютного регулирования;

б) обязанными субъектами являются таможенные и кабацкие головы И. Сверчков и Б. Щепоткин, на которых возлагается обязанность по осуществлению таможенного дела;

в) в документе использован императивный метод правового регулирования, предписывающий таможенным головам исполнять свои служебные обязанности;

г) наказная память является адресным правовым актом, обращенным к конкретным лицам – И. Сверчкову и Б. Щепоткину;

д) по территориальному распространению действия это локальный правовой акт, действующий на территории г. Архангельска.

Наказная память таможенным головам И. Сверчкову, Б. Щепоткину 1621 г. «О запрещении хождения старых московских денег» в числе обязанностей таможенных голов называла следующие: осуществлять контроль за ввозом в Россию иностранцами наличных денег, не допуская введения в оборот денег, отчеканенных иностранцами по образцу московских, однако с уменьшенным содержанием серебра (т. е. фактически фальшивых), изымать такие деньги из торгового оборота (за торговлю с иностранцами с использованием таких монет предусматривалась смертная казнь), осуществлять сбор таможенных пошлин и таможенное оформление ввозимых и вывозимых товаров, а также вести таможенное делопроизводство.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

а) обязанные субъекты, метод правового регулирования, территориальное распространение действия и круг лиц в данной наказной памяти те же, что и в предыдущем документе;

б) предметом правового регулирования являются общественные отношения как в таможенной сфере, так и в сфере валютного регулирования (порядок таможенного контроля, порядок сбора таможенных пошлин, наказания за ввоз «порченных» денег, а также за использование их в торговом обороте).

Наказная память таможенным и кабацким головам И. Сверчкову и Б. Щепоткину 1621 г. «О запрещении беспошлинной торговли и розничной торговли “вином”» предписывала таможенным головам усилить таможенный контроль с целью недопущения сокрытия иностранных товаров от таможенного контроля и налогообложения и недо-

пушечной розничной торговли с иностранцами. Таможенные головы также обязывались докладывать воеводам о количестве пушек и целях приезда людей на прибывающих кораблях.

Анализ данного документа позволяет заключить:

а) предметом правового регулирования являются общественные отношения как в таможенной сфере, так в сфере торговли (порядок таможенного контроля товаров, порядок торговли, наказания за нарушение таможенных правил, наказания для должностных лиц за ненадлежащее исполнение своих обязанностей);

б) обязанные субъекты, метод правового регулирования, территориальное распространение действия наказной памяти и круг лиц те же, что и в предыдущем случае.

Наказная память таможенным головам И. Сверчкову и Б. Щепоткину 1621 г. «О запрещении розничной торговли иноземным купцам» обязывала таможенных голов не допускать розничной торговли иностранными товарами, причем санкции распространялись и на иностранцев, и на русских купцов, покупающих товар у иностранцев в розницу.

Таким образом, данная наказная память по обязанным субъектам, предмету и методу правового регулирования, территориальному распространению действия и кругу лиц аналогична предыдущей.

Наказная память гостю Аверкию Кирилову с товарищами, назначенному на Двину для ведения таможенных и кабацких сборов, 1667 г. является самой объемной из рассмотренных нами. Она предписывала гостю Аверкию Кирилову прибыть в г. Архангельск, принять дела у прежнего таможенного головы и осуществлять сбор таможенных пошлин «по непорочной заповеди святого Христова евангелия» (Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Спб., 1853. Т. 5. С. 181) с купцов, осуществляющих торговлю в г. Архангельске. В ней был регламентирован порядок обложения таможенной пошлиной товаров в зависимости от места продажи товаров, статуса торговцев и наличия у них жалованных грамот. Были определены ставки таможенных пошлин на товары, необходимость соблюдения всех норм таможенного законодательства, предписано к контрабандистам применять санкции в виде конфискации и публичного оглашения «неправды их выговаривают при многих людех с большим осудом и наказывают их злым укоренным словом ворами» (Там же. С. 185). Для английских купцов были установлены место торговли (г. Архангельск) и наказание в виде конфискации за сокрытие товаров от таможенного контроля. Наказная память регламентировала правила таможенного контроля. В частности, таможенному

голове было вменено в обязанность не допускать ввоз в Россию фальшивых денег и вывоз за рубеж полновесной российской монеты. Лица, уличенные в провозе фальшивых денег, подвергались смертной казни с конфискацией. Оговаривалось наказание в виде штрафа за недобросовестное исполнение должностными лицами таможенными своих обязанностей, а за высокие показатели в сборе пошлин было предусмотрено поощрение, «смотря по их службе» (Там же. С. 190). Подробно были расписаны наказания (в виде штрафов, кратного взимания пошлин и конфискации) для иностранных купцов и русских торговцев, нарушающих таможенные правила, скрывающих товары от таможенного контроля. Иностранцам купцам под страхом конфискации запрещалось торговать товарами в розницу. Были установлены места причаливания иностранных судов и места торговли, порядок учета торговых сделок, а также порядок учета и передачи собранных доходов в казну.

На основе анализа данного документа можно сделать следующие выводы:

а) предметом правового регулирования являются общественные отношения в таможенной сфере, а именно: порядок осуществления таможенного контроля, порядок сбора таможенных пошлин, порядок ведения таможенного делопроизводства, порядок передачи таможенных доходов в казну, ставки таможенных пошлин, наказание за контрабанду. Кроме отношений в таможенной сфере, наказная память регулирует отношения в сфере производства, оборота и налогообложения алкоголя;

б) обязанным, а также управомоченным субъектом выступает гость Аверкий Кирилов, на которого возлагаются обязанности по руководству таможенным сбором на Двине, у Архангельска, осуществлению таможенного контроля, сбору таможенных пошлин и реализации таможенной политики государства. Для реализации своих полномочий ему предоставляются соответствующие права, в том числе по контролю за деятельностью подчиненных сотрудников (целовальников и дьячков);

в) в документе использован императивный метод правового регулирования (таможенному и кабацкому голове Аверкию Кирилову предписывается исполнять свои служебные обязанности);

г) наказная память является адресным правовым актом, обращенным к конкретному лицу – Аверкию Кирилову;

д) по территориальному распространению действия наказная память является локальным правовым актом, распространявшим свое действие на г. Архангельск.

Обобщая итоги юридического анализа рассмотренных нами наказов таможенным головам, можно

сделать вывод, что предметом правового регулирования наказных памятей являются общественные отношения, возникающие при перемещении товаров через установленные границы, в частности, такие его элементы, как порядок таможенного контроля, порядок сбора таможенных пошлин, порядок ведения таможенного делопроизводства, наказания за контрабанду и должностные проступки. Данная совокупность элементов предмета правового регулирования обусловлена тем, что наказные памяти – это адресные правовые акты, содержащие набор властных предписаний именно для таможенных голов и определяющие круг их должностных обязанностей.

Друг от друга наказные памяти отличаются по управомоченным субъектам и территориальному распространению действия.

Во всех без исключения грамотах управомочивающим (обязывающим) субъектом выступает монарх, а обязанными субъектами являются таможенные и кабацкие головы – должностные лица, ответственные за сбор таможенных пошлин и реализацию иных мер таможенной политики.

По территориальному распространению действия наказные памяти, как правило, являются локальными правовыми актами, действовавшими в определенной местности.

По методу правового регулирования в наказных памятях использован исключительно императивный, обязывающий метод правового регулирования: царь давал властные распоряжения подчиненным ему должностным лицам, возлагал на них обязанности и наделял их необходимыми для их исполнения правами.

Наказные памяти схожи с царскими грамотами в том, что как нормативные акты они адресованы должностным лицам, но если царские грамоты могли быть адресованы как таможенникам, так и другим должностным лицам (например воеводам), обладающим определенными полномочиями в области таможенного дела, то наказ-

ные памяти адресованы исключительно должностным лицам, уполномоченным в сфере таможенного регулирования, и представляют собой фактически должностные инструкции для таможенных голов, составленные по одной схеме. В связи с этим в наказных памятях более четко определен круг элементов предмета правового регулирования. В свою очередь, царские грамоты практически не поддаются систематизации по элементам предмета правового регулирования и представляют собой нормативные акты, направленные на урегулирование отдельных, часто ситуационно обусловленных, отношений в конкретной местности.

Таким образом, проанализировав ряд наиболее типичных наказных памятей, представляется целесообразным сделать следующие выводы.

1. Наказные памяти наряду с уставными таможенными грамотами, жалованными грамотами и царскими грамотами являлись самостоятельным видом нормативных правовых актов, регулирующих таможенные правоотношения в Московском централизованном государстве в XVI–XVII вв.

2. Большинство наказов таможенным головам содержат, помимо норм, регулирующих таможенные отношения, и нормы, регламентирующие отношения в сфере внутреннего оборота алкоголя. Это обусловлено тем, что таможенные головы одновременно выступали и кабацкими головами, ответственными за сбор внутренних корчевных пошлин.

3. Особенностью наказных памятей, как и многих юридических документов того времени, является сочетание их адресности и нормативности. То есть, с одной стороны, они содержат властные предписания, обязательные для исполнения конкретными должностными лицами, с другой стороны, данные предписания обладают признаками правовых норм, а именно формальной определенностью, многократностью применения, наличием санкций за их неисполнение.

Библиографический список

1. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. В 12 т. Т. 5. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1853.
2. Кистерев С. Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI – начала XVII века / С. Н. Кистерев. – М. : Древлекхранилище, 2003. – (Серия «Материалы для истории таможенного дела в России XVI–XVII веков»).
3. Привилегированное купечество в России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в. : сб. док. В 2 т. Т. 1 / сост.: Т. Б. Соловьева, Т. А. Лаптева. – М. : РОССПЭН, 2004.

References

1. Supplement to Historic Documents Collected and Published by the Archaeographic Commission. In 12 vol. Vol. 5. – Spb. : Typ. of Eduard Prats, 1853.
2. Kisterev S. N. Statutory Acts of Customs Authorities of Ustug Quarter Cities at the End of the XVIth the Beginning of the XVII Centuries / S. N. Kisterev. – M. : Drevlekhranilishche, 2003.
3. Privileged Merchants in Russia from the Second Half of the XVIth to the First Quarter of the XVIIIth Centuries. In 2 vol. Vol. 1 / comp. by T. B. Solovyeva, T. A. Lapteva. – M. : ROSSPEN, 2004.

И. Ю. Ташбекова,
*заведующий кафедрой административного
и финансового права Юго-Западного
государственного университета
кандидат юридических наук, доцент*

I. U. Tashbekova,
*Chief of the Department of Administrative
and Financial Law of Southwest State University
Candidate of Law, Assistant professor*

**ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

**Problems of Education of the Population of the Russian Empire in the Second Half
of the XIXth – the Beginning of the XXth Century (Historical and Legal Aspect)**

Аннотация. В статье характеризуется система российского образования во второй половине XIX – начале XX в. Анализируются процесс получения образования населением, а также отношение государственной власти к сложившейся системе образования и ее деятельность по разрешению проблемных вопросов в области образования.

Ключевые слова: образование, государственная власть, реформы, Российская империя второй половины XIX – начала XX в.

Abstract. In the given article the system of Russian education in the second half of the XIXth – at the beginning of the XXth century is presented. The author considers the process of receiving education as well as the government's attitude to the formed system of education and its activity in resolving problems in the sphere of education.

Key words: education, the government, reforms, the Russian empire in the second half of the XIXth – at the beginning of the XXth century.

Современное российское образование находится в стадии реформирования. Одним из наиболее проблемных и спорных моментов в развитии нашего образования является отсутствие предполагаемых результатов, которые можно получить в ходе перестройки всей системы образования. Активно обсуждавшийся проект Федерального закона «Об образовании» содержит в себе множество коллизий и пробелов, которых можно избежать только при условии изменения правовой позиции государственной власти в отношении проводимой реформы и ожидаемых результатов.

Анализируя правовые события, происходящие в современной России, нельзя не обратить внимание на аналогичность подобных событий в России второй половины XIX – начала XX в. Имея столь уникальный опыт реформирования отечественной системы образования, необходимо его использовать с целью избежания множества ошибок на современном этапе.

Несомненно, устоявшаяся советская система образования значительно устарела и не соответствует настоящим реалиям. Однако при анализе предлагаемой российскими законодателями системы образования становится очевидно, что она фактически остается прежней, изменяется только организация получения такого образования. Так, введение бакалавриата в систему образования подменяет собой среднее профессиональное образование, получаемое ранее в техникумах. В настоящее время трудовой рынок переполнен спе-

циалистами – лицами с высшим профессиональным образованием. В связи с этим для стабилизации сложившейся ситуации был введен пока еще не совсем понятный институт бакалавриата. Магистратура как институт правовой действительности был известен в дореволюционной России, однако после смены государственно-правового режима в советской России решили оставить монархические пережитки в прошлом.

Сегодня изменения в системе образования должны строиться на потребности повышения уровня образования населения в России и целесообразности ее реформирования вообще. Система образования должна дать возможность получения необходимых знаний всем слоям населения страны. При этом важно помнить и о доступности такого образования, которое должно иметь место не только юридически, но и фактически.

Наличие огромного количества образовательных учреждений в крупных городах и их недостатков в небольших населенных пунктах лишают людей возможности получить не только качественное, но и вообще элементарное образование. Слабая финансовая поддержка преподавательского состава учебных заведений не позволяет педагогам поддерживать и повышать свою квалификацию, тем самым препятствуя всем реформаторским начинаниям.

Это лишь некоторые проблемы современной России в области образования. Для успешного их разрешения целесообразно обратиться к историческому опыту управления и реформирования системы образования, который позволит оценить итоги государственных мероприятий в области образовательной деятельности.

Развитие государства зависит от социально-экономического положения его населения, а «экономическая сторона жизни всякого народа находится в прямой зависимости от его культурного уровня, от степени образованности этого народа» (Ворошилова С. В. Государственная политика России в сфере общего образования конца XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1995. С. 14). Неслучайно к началу XX в. Российская империя оставалась страной с низким уровнем грамотности.

Позиция государственной власти в отношении образования населения в тот период была достаточно противоречивой: с одной стороны, правительство вступило на путь реформирования образования с целью повысить уровень грамотности населения, с другой стороны, осуществляло слишком мало мероприятий для распространения всеобщей грамотности в стране.

К середине XIX в. в Российской империи сложилась разноразовная система образования.

Для удобства регулирования образовательной деятельностью территория государства была разделена на 12 учебных округов. В каждом учебном округе была образована канцелярия для «правильного и своевременного в ней делопроизводства» (Свод Уставов ученых заведений и учебных заведений Министерства народного просвещения // Свод законов Рос. империи. Спб., 1893. Т. XI, ч. 1).

Образование в России предоставлялось учебными заведениями и частными учителями (так называемое домашнее образование). Учебные заведения в Российской империи подразделялись на высшие, средние и низшие.

Первым уровнем в системе образования Российской империи стали народные училища (школы), часто называемые низшими училищами.

В тех губерниях, где было введено Положение о земских учреждениях, начальные народные училища подчинялись директорам и инспекторам народных училищ. Допускалось учреждать частные школы, при этом в столицах такие школы подлежали надзору окружных инспекторов народных училищ.

Образовательная политика Российского государства второй половины XIX в. находилась в границах от безусловной борьбы с наукой и поиска полезного для самодержавной власти знания до возможного совмещения идеи развития и сохранения стабильности существовавшего строя. Таким вариантом для Российской империи стала церковно-приходская школа.

«Внимание государства и общества должно быть направлено на быстрейшее развитие средств церковно-приходской школы, на выработку персонала ее деятелей и т. п. По мере этого развития должно требовать увеличение числа

школ до тех пор, пока они не вооружат весь народ орудием начального образования. После этого наступит период расширения программы начальной школы» (Народное просвещение и его основные принципы // РГИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 106. Л. 1). Данное мнение выражалось не только общественностью, но и было нормативно подкреплено, о чем свидетельствуют и архивные материалы. В них указано, что в отношении участия православного духовенства в деле народного просвещения министром народного просвещения 20 июля 1878 г. было дано циркулярное предложение, в котором разъяснялось, что для успехов в народном образовании необходимо ближайшее участие в данном деле православного духовенства, и указывалось на обязанность учебного ведомства содействовать такому участию и располагать к нему.

Разобщенность школ, преимущественное поощрение церковно-приходских училищ были теми факторами, которые мешали развитию народного образования в России.

Одной из проблем предоставления образовательных услуг всему населению школьного возраста стало отсутствие достаточного количества образовательных учреждений и их материальная и учебно-методическая необеспеченность: «...обставлены школы в большинстве случаев бедно и число школ также далеко не хватает. В подтверждение последнего достаточно указать на то, что в настоящее время 2/3 детей коренного русского населения остаются без обучения» (Записки В. Г. Глазова и его заметки по всеподданнейшему докладу о его посещении в 1904 году учебных заведений Рижского, Виленского, Варшавского, Харьковского и Московского учебных округов // РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 143. Л. 33). Отсутствие должного числа и соответствующей квалификации педагогов также не способствовало введению всеобщего образования в России.

Следующим уровнем образовательной системы России были средние учебные заведения, которые включали в себя: 1) мужские гимназии, прогимназии и училища; 2) реальные училища; 3) технические училища; 4) специальные учебные заведения; 5) учительские институты, семинарии и школы; 6) женские гимназии, прогимназии и училища (ст. 1463 Свода Уставов ученых заведений и учебных заведений Министерства народного просвещения).

В гимназиях предполагалось восьмиклассное обучение для мужчин и семиклассное – для женщин с годичным курсом в каждом классе. Прогимназии осуществляли четырех–шестиклассное обучение юношей и трехклассное девушек. Все гимназии и прогимназии на территории России открывались по распоряжению министра народного просвещения. Гимназии давали общее

образование с правом поступления в высшие учебные заведения.

Существовавшие в России реальные училища предоставляли общее образование, «приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний». Срок обучения в таких училищах составлял шесть лет, т. е. это было шестиклассное образование с годичным курсом в каждом классе.

Технические училища специализировались на техническом и ремесленном образовании низшей (три года обучения) и средней (четыре года обучения) степени.

Продолжительность обучения в специальных учебных заведениях составляла от четырех до семи лет. Причем в течение первых двух лет лица получали общее образование, а в последующие годы – специальное. Данные учебные заведения осуществляли подготовку лиц, представляющих достаточно узкую социальную группу, например, горняков, глухонемых и т. д. (Турьинское горное училище, Варшавский институт глухонемых и слепых).

Особое место в числе средних учебных заведений занимали учительские институты, семинарии и школы, целью которых была подготовка учителей для городских училищ.

Высшим уровнем российского образования являлись университеты. Причем университеты находились «под особым покровительством Его Императорского Величества и именовались императорскими» (ст. 400 Свода Уставов ученых заведений и учебных заведений Министерства народного просвещения). Кроме университетов в структуре высшего образования, подведомственных Министерству народного просвещения, существовали Демидовский юридический лицей (в Ярославле), филологические институты, Императорский лицей в память цесаревича Николая, технические училища, Археологический институт, Институт сельского хозяйства и лесоводства в г. Новая Александрия, ветеринарные институты.

Помимо Министерства народного просвещения, прямое отношение к образованию имели и другие ведомства. Так, в ведении Императорского двора находились Императорская академия художеств, Училище живописи, Пензенское, Харьковское и Киевское художественные училища, театральные училища.

При Министерстве торговли и промышленности состояли учебные заведения по части технической, художественно-промышленной, ремесленной, горной, коммерческой и торгового мореплавания.

Министерство внутренних дел контролировало медицинские учебные заведения (Императорский институт экспериментальной медицины, Ортопедический институт, Повивальный инсти-

тут, школы фельдшерниц, зубо-врачебные школы, фармацевтические школы), а также духовные учебные заведения, музыкальные училища, школы переводчиков и толмачей.

Министерство юстиции курировало училища правоведения и землемерные училища.

К Министерству путей сообщения относились инженерные институты и училища, училища кондукторов, технические железнодорожные училища, речные училища.

В г. Санкт-Петербурге был образован дом призрения и ремесленного образования детей под началом Канцелярии дома призрения и ремесленного образования детей. Это было частное, благотворительное учреждение, которое находилось под покровительством императора. Основной его целью были воспитание и обучение «полезным знаниям и ремеслам призремых обоюбого пола без различия по сословиям знаний и вероисповеданий».

При Главном управлении землеустройства и земледелия состояли учебные заведения по сельскохозяйственной, кустарно-промышленной и лесной частям.

В общем можно отметить, что к февралю 1917 г. из 124 вузов в ведении Министерства народного просвещения находились 67 (из которых 28 являлись государственными, 39 – общественными и частными), а остальные были распределены по иным ведомствам, т. е. чуть больше половины высших учебных заведений было подведомственно Министерству народного просвещения. Таким образом, российская высшая школа второй половины XIX – начала XX в. не представляла собой четко скоординированной системы. Вопрос о подчинении высшей школы единому ведомству (Министерству народного просвещения) поднимался неоднократно. У него было большое число и сторонников, и противников.

Система образования Российской империи второй половины XIX в. отличалась многоуровневостью, что давало возможность получения образования лицам различных сословий в зависимости от их социально-экономического положения и потребности в образовании. Но при этом образовательных учреждений катастрофически не хватало, и Россия к началу XX в., как уже отмечалось выше, оставалась страной с самым низким уровнем образования населения в Европе. Так, по данным 1897 г., образованными считались 17,4 % от всего населения огромной страны (Ворошилова С. В. Указ. соч. С. 40). Если учитывать результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи, то по итогам того же 1897 г., из 125,6 млн жителей грамотными являлись 27 % от всего населения без учета детей до 9 лет (Тройницкий Н. А. Первая всеобщая перепись населения Россий-

ской империи, 1897 год. Общий свод по империи. Спб., 1905. Ч. 1. С.14–17).

Факторы, повлиявшие на сложившееся положение в области образования, можно разделить на две группы: первая включала в себя нежелание государственной власти иметь образованный народ, который может понять свою сущность и потребовать закрепления прав, а вторая – отсутствие стремления у самого населения прибегнуть к образованию. Однако в большей степени официальная образовательная политика Российского государства второй половины XIX в. не способствовала развитию системы образования.

Вопросы о введении всеобщего обязательного народного образования поднимались многими представителями государственной власти и общественности еще в 70-е гг. XIX столетия. И. И. Толстой, будучи министром народного просвещения, предпринял отчаянную попытку спасения народного образования. Среди мер, предлагаемых им, были введение в стране всеобщего обязательного народного образования, реформа средней школы, разработка нового университетского устава, перестройка преподавания в национальных школах России (Казакова С. В. Вопросы народного образования в особых журналах Совета Министров 1905–1906 гг. // Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма: малоисследованные проблемы и источники : сб. науч. тр. М., 1980. С. 278).

При обсуждении вопроса об обязательности начального образования в одной из газет было опубликовано, что «важной мерой в деле начального народного образования со стороны Министерства народного просвещения следует признать проектируемое этим министерством введение обязательного образования». Кроме того, подчеркивалось, что «опыт других просвещенных народов показал, что какая бы ни была велика численность школ и как бы ни была их правильная организация, повсеместное распространение грамотности немыслимо при отсутствии обязательного обучения» (Вырезки из газет по вопросам народного образования с пометками В. И. Покровского // РГИА. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 125. Л. 1).

Однако попытки министра народного просвещения во многом не увенчались успехом ввиду отсутствия единодушия в правительстве при решении данных вопросов. Представители государственной власти в большинстве своем не желали тратить средства на образование крестьян, ремесленников и рабочих. Считалось, что это дело сугубо каждого индивида. Именно поэтому лица фабрично-заводской промышленности были менее образованными по сравнению с другими слоями населения Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Царское правительство тормозило просвещение народа и тем самым сдерживало социально-экономическое развитие России (Куприков Д. А. Становление ремесленного и профессионального обучения в России : дис. ... канд. пед. наук. М., 1994. 118 с.).

Развитие системы образования в России второй половины XIX – начала XX в. происходило медленно в результате недостаточности финансирования образовательного процесса: «...из-за скудности средств, отпускаемых Министерством народного просвещения на образование народа, число открытых им школ было незначительным» (Ворошилова С. В. Указ. соч. С. 40–41). Все правовые вопросы, касавшиеся организации образования в России сводились к финансовым. Изучая архивные материалы, касающиеся реформирования системы образования, можно найти тому подтверждение: «...желательное удовлетворение всех школьных нужд тормозится отсутствием средств, понижением платежных сил населения. Но нельзя не заметить, что образование, повышая культуру, способствует и повышению качества труда и тем увеличивает народное благосостояние» (О реформе народного образования // РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 331. Л. 11).

Основным стимулом развития образования в 60-е гг. XIX в. министр народного просвещения А. В. Головин считал существенное увеличение финансирования образования: «...просвещение народа составляет, несомненно, предмет высшей важности» (Доклад министра народного просвещения о положении просвещения в России // РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 220. Л. 174).

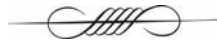
Недостаточность финансирования системы образования негативно отразилась на развитии и процессах реформирования образования в России во второй половине XIX – начале XX в.

В заключение необходимо еще раз отметить, что государственная власть дореволюционной России, с одной стороны, желая повысить образовательный уровень российского народа с целью подготовки кадров более высокой квалификации в производственных сферах, пыталась стать на путь реформирования неэффективной системы образования, с другой стороны, опасаясь осознания грамотным населением своих прав и свобод, предпринимала нерешительные шаги к введению всеобщего народного образования. Непринятие мер к созданию достаточного количества образовательных учреждений начального образования, отсутствие обязательности получения элементарного образования привели к незначительным результатам в мероприятиях по реформированию образования в России.

Анализируя путь исторического развития образовательной деятельности в России в правовом сопровождении, мы пришли к выводу о том, что

для создания эффективной и отвечающей потребностям современной жизни общества системы образования необходима совокупность заинтересованности государственной власти в проводимых мероприятиях и понимания их народом. Государственная заинтересованность должна со-

проводиться действенными мерами, в том числе и финансовой поддержкой. Понимание же народа нужно воспринимать в двух аспектах: доступность в уяснении правовых позиций реформаторов и желание населения следовать идеям российской власти.

Библиографический список

1. *Ворошилова С. В.* Государственная политика России в сфере общего образования конца XIX – начала XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ворошилова Светлана Вячеславовна. – Саратов, 1995.
2. *Куприков Д. А.* Становление ремесленного и профессионального обучения в России : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Куприков Дмитрий Алексеевич. – М., 1994.
3. *Ташбекова И. Ю.* Государственно-правовое регулирование образования в России во второй половине XIX – начале XX веков / И. Ю. Ташбекова // Инновационные стратегии и технологии реформирования системы управления образованием : монография. – Пенза : ПГСХА, 2010.

References

1. *Voroshilova S. V.* Russian State Policy in the Sphere of Education in the late XIXth – early XXth century / Voroshilova Svetlana Vyacheslavovna. – Saratov, 1995.
2. *Kuprikov D. A.* Establishment of Trade and Professional Education in Russia / Kuprikov Dmitriy Alexeevich. – M., 1994.
3. *Tashbekova I. Yu.* State and Legal Regulation of Education in Russia in the Second Half of the XIXth – at the Beginning of the XXth Centuries / I. Yu. Tashbekova // Innovative Strategies and Technologies of Reforming the System of Control over Education. – Penza : Penza State Agricultural Acad., 2010.

УДК 343.85

А. Ю. Арефьев,*доцент кафедры оперативной работы ОВД
Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент***A. Yu. Arefiev,***Associate Professor of the Department
of Operative Work of Internal Affairs Agencies
of Nizhniy Novgorod Academy
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia
Candidate of Law, Assistant professor***ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ****Peculiarities of Crime Detection Prevention of Crimes in Penitentiary System: Different Approaches**

Аннотация. В статье проанализированы научные достижения специалистов уголовно-исполнительной системы в области оперативно-розыскного обеспечения предупреждения преступлений. Обозначена авторская точка зрения относительно методологических подходов в сфере предупреждения преступлений на отдельных объектах оперативного обслуживания в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний. *Ключевые слова:* оперативно-розыскное обеспечение предупреждения преступлений, научные достижения специалистов уголовно-исполнительной системы, предупреждение преступлений на отдельных объектах оперативного обслуживания.

Abstract. The given article analyzes scientific achievements of specialists of the penitentiary system in the sphere of crime detection securing of crime prevention. The author presents his point of view related to methodological approaches in the sphere of crime prevention at specific objects of operative service in corrective institutions of the Federal Penal Service.

Key words: crime detection provision of crime prevention, scientific achievements of specialists of the penitentiary system, crime prevention at specific objects of operative service.

Современная оперативно-розыскная, следственная и судебная практика объективно обуславливает концентрацию в таких исправительных учреждениях, как тюрьмы, наиболее опасной части осужденных. Только там содержатся лица, отбывающие наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также в случаях признания рецидива преступлений особо опасным. Кроме того, в тюрьмы из исправительных колоний общего, строгого и особого видов режима переводятся злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания, отрицательно влияющие на других осужденных, что в значительной мере осложняет оперативную обстановку в этих исправительных учреждениях, усиливает криминальную напряженность. Наличие постоянной угрозы со стороны спецконтингента подтверждает необходимость осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) в местах лишения свободы, актуализируя задачу повышения ее эффективности в предупреждении преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания.

Высоко оценивая значительный вклад ученых в разработку системы мер, направленных на оптимизацию оперативно-предупредительной деятельности, нужно отметить, что многие вопросы, касающиеся правовых и организационно-тактических проблем предупреждения преступлений оперативными аппаратами, за последние 8–10 лет в комплексе рассматривались редко. Кроме того, с момента опубли-

кования некоторых фундаментальных работ основоположников и исследователей ОРД прошло достаточное количество времени, за которое существенно изменилась социально-экономическая ситуация в стране, была усовершенствована, а местами и ослаблена соответствующая законодательная база.

Подобные и иные обстоятельства обусловили необходимость научной разработки мер по предупреждению преступлений в тюрьмах. Так, этой проблеме посвящено диссертационное исследование А. В. Сенатова (Сенатов А. В. Правовые и организационно-тактические основы предупреждения преступлений оперативными аппаратами тюрем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010).

Выводы и положения, сформулированные в диссертации и других работах этого автора, развивают и дополняют соответствующий раздел теории ОРД, позволяют по-новому оценить состояние и перспективы развития правовых и организационно-тактических составляющих предупреждения преступлений в тюрьмах.

В первой главе названного диссертационного исследования анализируются сущность, правовое регулирование и современное состояние предупреждения преступлений в тюрьмах. Автор предлагает оперативно-розыскную характеристику условий, затрудняющих деятельность оперативных аппаратов тюрем по предупреждению преступлений. К числу таких условий А. В. Сенатов относит частичную осведомленность спецконтингента о методах ОРД, высокий уровень психологической напряженности осужден-

ных, криминальную ориентированность лиц, содержащихся в тюрьмах, длительность содержания осужденных в камерах, противодействие оперативным аппаратам лидеров и авторитетов преступной среды.

Заслуживает внимания предложение А. В. Сенатова о замене в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ «Об ОРД») задачи «установление имущества, подлежащего конфискации» на «обеспечение возмещения ущерба в результате совершения преступления» (Рос. газ. 1995. 18 авг.). Кроме того, перспективно мнение данного автора о включении в перечень профилактируемых лиц граждан, состоящих в экстремистских молодежных группировках.

Во второй главе диссертации исследуются организационно-тактические основы предупреждения преступлений в тюрьмах. С учетом выявленных особенностей А. В. Сенатов предлагает следующее определение оперативно-розыскного предупреждения преступлений в тюрьмах: это основанная на законах и урегулированная ведомственными нормативными правовыми актами деятельность, проводимая оперативными аппаратами, заключающаяся в комплексном применении гласных и негласных сил, средств и методов с целью выявления и устранения причин и условий преступлений и нарушений режима содержания, выявления лиц, от которых можно ожидать их совершения, и оказания на них предупредительного воздействия для недопущения новых противоправных деяний.

А. В. Сенатов обоснованно полагает, что оперативнополномоченные совместно с другими службами должны выявлять следующие категории лиц: не возвратившие карточный долг, заподозренные в кражах личных вещей осужденных, в негласном содействии оперативным подразделениям и др. Таким образом, автор называет потенциальных жертв преступных посягательств. По нашему мнению, помимо этого, целесообразно отразить виктимологический аспект предупредительного воздействия и включить потенциальных жертв в перечень объектов оперативно-розыскного предупреждения преступлений.

В параграфе, посвященном тактическим особенностям предупредительного воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания в тюрьмах, автор диссертационного исследования выделяет две формы предупредительного воздействия в отношении указанных лиц: 1) форма, осуществляемая непосредственно оперативными аппаратами, а при необходимости их руководителями; 2) опосредованная форма (при помощи персонала, работающего в тюрьмах, конфиденентов, родственников, друзей и др.).

Для наиболее эффективного применения оперативными аппаратами тюрем тактических методов и форм предупредительного воздействия автор разработал методические рекомендации, включающие в себя следующие разделы.

Раздел I. Сущность предупредительного воздействия в отношении лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений режима содержания.

Раздел II. Формы предупредительного воздействия в отношении лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений режима содержания.

Раздел III. Методы воздействия, применяемые к лицам, склонным к совершению преступлений и нарушений режима содержания.

Раздел IV. Направления предупредительного воздействия на лиц, в отношении лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания, применяемые оперативными аппаратами тюрем.

Раздел V. Контроль за применением форм, методов и направлений предупредительного воздействия в отношении лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений режима содержания.

Проанализировав данные методические рекомендации, мы пришли к выводу, что разд. IV логично расположить до разд. II и III, которые регулируют формы и методы оперативно-розыскного предупреждения.

Известно, что уголовно-исполнительная система является обязательным элементом любого государства, уголовное законодательство которого предусматривает исполнение наказания, в том числе в виде лишения свободы, что предполагает создание исправительных учреждений разного вида. Так, рассмотрение вопросов оперативно-розыскного обеспечения предупреждения преступлений в женских колониях обусловлено ежегодным увеличением количества преступных посягательств и несоответствием уровня организации и борьбы с ними предъявляемым требованиям. Эта проблема стала предметом диссертационного исследования М. И. Веселова (Веселов М. И. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений в женских колониях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011), где автор в комплексе рассмотрел вопросы, посвященные оперативно-розыскному обеспечению предупреждения и раскрытия преступлений в женских колониях.

Анализируя современное состояние оперативной обстановки в женских исправительных колониях, М. И. Веселов выделяет условия, характеризующие оперативную обстановку там, и подразделяет их на внешние и внутренние. При этом автор ссылается на работу Л. Н. Исаева (Исаев Л. Н. Некоторые проблемы применения уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего порядок отбывания наказаний в виде лишения свободы осужденными женщинами // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2007. № 2), однако конкретных количественных и качественных параметров роста нарушений в данных исправительных учреждениях не приводит.

При рассмотрении сущности оперативно-розыскного обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений в женских исправительных колониях М. И. Веселов предлагает собственное определение

оперативно-розыскного обеспечения: это основанная на законах и подзаконных нормативных правовых актах, рекомендациях науки и передовой практики деятельность оперативных отделов женских исправительных учреждений, осуществляемая в пределах своей компетенции, с применением всех сил, средств и методов ОРД, с учетом психологических особенностей осужденных женщин, по созданию оптимальных условий для успешного решения задач предупреждения и раскрытия преступлений.

Характеризуя правовую основу оперативно-розыскного обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений, М. И. Веселов выделяет уровни нормативных правовых актов, в той или иной степени регулирующие соответствующие общественные отношения. Среди них он называет следующие: Конституция Российской Федерации; нормативные правовые акты, принятые высшими законодательными органами власти; подзаконные нормативные правовые акты Федерального Собрания Российской Федерации, Президента и Правительства Российской Федерации, касающиеся борьбы с преступностью; ведомственные (межведомственные) нормативные правовые акты. По нашему мнению, данный перечень следует дополнить международной составляющей, например, различными конвенциями ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

В параграфе, посвященном вопросам организации оперативно-розыскного обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений, автор рассматривает понятие организации оперативно-розыскного обеспечения, выделяет основные элементы и задачи, решение которых обеспечивает качественную работу оперативных подразделений в сфере организации предупреждения и раскрытия преступлений в женских исправительных учреждениях. При этом М. И. Веселов делает правильный вывод о том, что действующие сегодня оценочные критерии не позволяют не только реально стимулировать результативность ОРД, но и являться объективными оценочными категориями.

Анализируя понятия «предупреждение», «профилактика», «предотвращение», «пресечение» и их соотношение, М. И. Веселов пришел к мнению, что данные категории разноплановые и их содержательные стороны не идентичны.

Автор диссертации в числе объектов превентивного воздействия выделяет причины и условия, способствующие совершению преступлений и нарушений режима содержания лиц, состоящих на профилактическом учете. По нашему мнению, в число объектов оперативно-розыскного предупреждения следует включить и потенциальных жертв преступных посягательств.

В качестве позитивного следует отметить мнение автора о том, что эффективному применению мер оперативно-розыскной профилактики в отношении лиц, склонных к совершению пре-

ступлений, будут способствовать не только сведения, отрицательно характеризующие личность, но и информация о тех ее положительных качествах, которые необходимо использовать при осуществлении профилактических мероприятий.

При рассмотрении вопросов обеспечения раскрытия преступлений, совершаемых осужденными женщинами, М. И. Веселов выделяет факторы, препятствующие раскрытию преступлений: криминологический, организационный, кадровый и психологический. Исходя из авторской характеристики организационного фактора мы сделали вывод, что более точным было бы название «организационно-тактический». Кроме того, по нашему мнению, следует выделить и законодательный фактор, тем более что М. И. Веселов вносит ряд предложений по совершенствованию законодательства в сфере предупреждения и раскрытия преступлений.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544) одним из основных видов исправительных учреждений должны стать колонии-поселения (с обычным и усиленным наблюдением), что позволит осуществить раздельное содержание осужденных с учетом тяжести совершенного преступления.

Колонии-поселения длительное время входят в уголовно-исполнительную систему России. По состоянию на 1 июля 2011 г., в пенитенциарной системе функционирует 149 колоний-поселений, где отбывают наказания 47,8 тыс. человек (URL: <http://фсин.рф/Structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>).

Сложность оперативной обстановки в местах лишения свободы и вне их требует создания постоянно функционирующей системы взаимодействия оперативных подразделений колоний-поселений и оперативных подразделений органов внутренних дел, которая позволит существенно активизировать их совместную или согласованную деятельность.

Данные вопросы комплексно исследованы в диссертации А. Н. Соколова (Соколов А. Н. Взаимодействие оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел в борьбе с преступлениями, совершаемыми в колониях-поселениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011).

Рассматривая понятие, сущность и значение взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел в борьбе с преступлениями, совершаемыми в колониях-поселениях, автор формулирует дефиницию «взаимодействие по предупреждению и раскрытию преступлений», а также определяет задачи оперативных аппаратов в указанных исправительных учреждениях.

А. Н. Соколов полагает, что ОРД в колониях-поселениях следует определить как вид деятельности, осуществляемой в соответствии с ФЗ «Об ОРД» гласно или негласно оперативными подраз-

делениями исправительных колоний-поселений ФСИН России посредством проведения оперативно-розыскных мер разведывательно-поискового и иного характера в целях защиты от преступных посягательств на жизнь, здоровье, права и свободы осужденных-поселенцев, персонала колонии-поселения, иных граждан, обеспечения безопасности общества и государства. Представляется, что в предлагаемом определении, кроме ФЗ «Об ОРД», необходимо указать и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие организацию и тактику ОРД в уголовно-исполнительной системе.

В главе «Особенности и пути совершенствования взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и ОВД в решении задач по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых в колониях-поселениях» нашли отражение результаты анализа сущности выявления информации о преступлениях в колониях-поселениях в рамках взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы, а также особенности оперативно-розыскного предупреждения и раскрытия преступлений указанными субъектами.

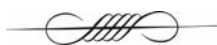
Автор диссертации считает, что успех взаимодействия в целях предупреждения преступлений в колонии-поселении и вне ее во многом обусловлен его правильной организацией. Под организацией А. Н. Соколов предлагает понимать комплекс действий, обеспечивающих эффективное использование сил, средств и иных возможностей оперативных подразделений колоний-поселений и органов внутренних дел с целью недопущения совершения преступлений и иных правонарушений, а также устранение (нейтрализацию) причин и условий, способствующих их совершению. А. Н. Соколов приводит широко распространенную в научной среде позицию относительно такой цели, как устранение или нейтрализация причин и условий, способствующих совершению преступлений. Мы склоняемся к иной точке зрения, в соответ-

ствии с которой реально достижимыми целями являются лишь ослабление действия существующих причин и условий или ограничение возможности их возникновения. Устранение либо нейтрализация (т. е. сведение до нулевой отметки) детерминантов социального явления способны привести к искоренению (ликвидации) преступности как таковой, в том числе и в пенитенциарных учреждениях.

Под оперативно-розыскной ситуацией А. Н. Соколов понимает сложившуюся в процессе выявления и раскрытия конкретного криминального события в колонии-поселении либо в районе ее дислокации реальную обстановку, оценка которой необходима для принятия совместного решения взаимодействующими субъектами о выборе сил, средств и методов, направленных на решение задач ОРД. В работе представлена классификация оперативно-розыскных ситуаций. На наш взгляд, проведенный А. Н. Соколовым общий анализ оперативно-розыскных ситуаций, не вызывает сомнений. Однако представляется уместным упорядочить изложение таких ситуаций, исходя из стадий совершения преступного посягательства. Иными словами, необходимо разграничить ситуации с неоконченными и оконченными преступлениями.

Высказанные вышеуказанными авторами сомнения относительно их подходов к предупреждению преступлений на отдельных объектах оперативного обслуживания уголовно-исполнительной системы носят ориентирующий (рекомендательный) характер и направлены исключительно на создание поля для плодотворной научной дискуссии.

Таким образом, диссертационные исследования М. И. Веселова, А. В. Сенатова, А. Н. Соколова, подготовленные под научным руководством таких ученых-специалистов в области ОРД, как Ю. С. Блинов и С. В. Назаров, способны внести существенный вклад в развитие теории и практики оперативно-розыскного обеспечения предупреждения преступлений.

Библиографический список

1. *Веселов М. И.* Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений в женских колониях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Веселов Михаил Иванович. – Владимир, 2011.
2. *Сенатов А. В.* Правовые и организационно-тактические основы предупреждения преступлений оперативными аппаратами тюрем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Сенатов Александр Викторович. – Владимир, 2010.
3. *Соколов А. Н.* Взаимодействие оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел в борьбе с преступлениями, совершаемыми в колониях-поселениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Соколов Александр Николаевич. – Владимир, 2011.

References

1. *Veselov M. I.* Crime Detection Securing of Prevention and Detection of Crimes in Women's Colonies / Veselov Mikhael Ivanovich. – Vladimir, 2011.
2. *Senatov A. V.* Legal, Organizational and Tactical Foundations of Crime Prevention by Operative Personnel of Prisons / Senatov Alexander Viktorovich. – Vladimir, 2010.
3. *Sokolov A. N.* Cooperation Between Operative Subdivisions of the FPS of Russia and Internal Affairs Agencies in the Fight Against Crimes Committed in Colonies-Settlements / Sokolov Alexander Nikolaevich. – Vladimir, 2011.

E-mail наших авторов

№ п/п	ФИО	E-mail
1	Арефьев А. Ю.	arefevnamvdrrf@yandex.ru
2	Ашин Д. А.	d.ashin33@yahoo.com
3	Биюшкина Н. И.	asya_biyshkina1@lit.ru
4	Бобкова А. Н.	383NB87@mail.ru
5	Вельш П. Г.	ekspert147@mail.ru
6	Виноградов В. В.	lumex2006@mail.ru
7	Волынский А. Ф.	academy@bk.ru
8	Головкин Р. Б.	gospravo@vui.vladinfo.ru
9	Грязева Н. В.	g.nadezhd@mail.ru
10	Девятъяров М. В.	maximus_d81@mail.ru
11	Ефаров М. Х.	efarov33@rambler.ru
12	Жданова М. А.	ment1307@rambler.ru
13	Казаринова Л. В.	Liana.Lm@yandex.ru
14	Казаченок В. В.	kazachenokv@mail.ru
15	Коровин А. А.	a-korovin@mail.ru
16	Кудрявцев А. В.	kudriavcev.ru@mail.ru
17	Лапшин А. Г.	a-lapshin@vladggg.ru
18	Лебедев А. В.	Lebedevavic@rambler.ru
19	Лейкин Р. И.	rileykin@mail.ru
20	Мамонтов В. М.	mav@kis.ru
21	Мартынов О. А.	martinova@mail.ru
22	Мартыненко Н. Э.	edusvelikiy.mail.ru
23	Медведев М. А.	medmaxim@yandex.ru
24	Медведева В. В.	torlka@rambler.ru
25	Меркулова А. П.	sasha.m-87@mail.ru
26	Нагимов Р. М.	nagram77@gmail.com
27	Пикина Т. В.	VIPikin@mail.ru
28	Пожарский Д. В.	dimaposharskiy@yandex.ru
29	Рузевич О. Р.	olegan80@mail.ru
30	Сербин М. В.	michael-lion@mail.ru
31	Сиверская Л. А.	lsiverskaya@mail.ru
32	Скоморох Олег	skomorokh@mail.ru
33	Соловьев В. С.	vladsolovyev@mail.ru
34	Тарнавский О. А.	seva_oren@mail.ru
35	Ташбекова И. Ю.	Tash-irina@yandex.ru
36	Тимофеев В. В.	vadim1346@rambler.ru
37	Тодрик В. В.	tvvgor@mail.ru
38	Тулегенов В. В.	vtulegenov@rambler.ru
39	Фомин Ю. С.	fomech@yandex.ru
40	Шевелева С. В.	ssh46@rambler.ru
41	Щеблыкина И. В.	ca-05@yandex.ru
42	Черевко А. А.	acherevko@yandex.ru

Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института»

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более 1 печатного листа. Критерии отбора: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению рукописей: формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman; кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см; междустрочный интервал полусторонний; поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см.

Рукопись должна включать: индекс УДК (помещается в верхнем левом углу первой страницы рукописи), сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, почтовый адрес, e-mail); основной текст; ключевые слова; аннотацию; библиографический список (3–4 источника), оформленный по ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Библиографические ссылки должны быть внутритекстовыми и оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Обращаем внимание авторов на то, что совокупность библиографических ссылок не является библиографическим списком.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: на русском и английском языках.

В случае изменения личных данных автор обязан уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К представляемой рукописи необходимо приложить **рецензию, анкету автора публикации и оператора персональных данных. Заполненная и подписанная автором анкета является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».**

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, в котором освещаются проблемы ведущих отраслей российского и зарубежного права, деятельности уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов. Статьи печатаются под рубриками: **«Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики», «История отечественного государства и права», «Правовые системы зарубежных стран».** Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат.

С авторами, в статьях которых обнаружен плагиат, журнал прекращает сотрудничество.

Рукописи представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института в распечатанном и электронном виде.

Бумажный вариант рукописи вместе с сопроводительным письмом, анкетой автора публикации и оператора персональных данных, а также рецензией высылается заказным письмом или бандеролью по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, электронный вариант – по e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru, **с обязательным указанием в поле «Тема письма»: «Статья в Вестник».**

Рукописи адъюнктов и аспирантов публикуются бесплатно, всех других авторов – на платной основе. Стоимость одной публикации 3500 руб.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 47-45-18, 47-45-14, 47-45-17, e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКАТО 17401000000) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 03281175960)	Сч. №	40503810900001000001
Банк получателя ГРКЦ ГУ БАНКА РОССИИ ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛ. Г.ВЛАДИМИР	БИК	041708001
	Сч. №	
НАЗНАЧЕНИЕ ПЛАТЕЖА: 32030201010010000130 п.3 Доход от издательской деятельности (РЕАЛИЗАЦИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК»)		

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется, подписывается автором публикации и высылается

в адрес редакции научно-образовательного журнала

«Вестник Владимирского юридического института»)

1. ФИО: _____, паспорт № _____

выдан _____

должность _____

адрес _____

тел., e-mail _____

(фамилия, имя, отчество автора публикации, номер паспорта, сведения о дате выдачи паспорта и выдавшем его органе, место работы (службы), занимаемая должность, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства, адрес электронной почты, контактные телефоны)

2. Данилова Ирина Борисовна. Федеральное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.

(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства, адрес электронной почты, контактные телефоны.

(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Запись персональных данных автора публикации в память ЭВМ, их тиражирование в электронном и печатном виде.

(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации; способы обработки персональных данных)

6. Пять лет – для размещения персональных данных автора публикации на Интернет-сайте института <http://vui-fsin.ru>, в системе Российского индекса научного цитирования, системе цитирования Social Sciences Citation Index (база по социальным наукам); неопределенный срок – для размещения персональных данных автора публикации в печатной версии научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Допускается отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных путем уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати и размещения его электронной версии в Интернете (дата выхода из печати указывается в «Вестнике Владимирского юридического института», дата размещения электронной версии – на Интернет-сайте института: <http://vui-fsin.ru>).

(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____ / _____ / « _____ » _____ 20__ г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____ / Данилова И.Б. / « _____ » _____ 20__ г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».